

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Қоғам. Саясат. Экономика

INTERNATIONAL RESEARCH

Society. Politics. Economics

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Общество. Политика. Экономика.

Құрметті оқырмандар!

Сіздердің назарларыңызға заманауи өзекті тақырыптардың бірі - ауған мәселесіне арналған «Халықаралық зерттеулер. Қоғам. Саясат. Экономика» журналының арнайы нөмерін ұсынамыз.

Мақалалардың негізін «Ариана» ауған мәдени орталығының (Қазақстан), «Александр Князевтің қоғамдық қорының» (Ресей), «Тәжікстан Республикасы Бейбітшілік және келісім комитетінің», «Ауғаныстанды және аймақты зерттеу жөнінде орталығының» (Тәжікстан), ««ПолитКонтакт» саяси технологиялар орталығы» автономды коммерциялық емес ұйымының (Ресей) ұйымдастыруымен 2011 жылы өткен үш ірі халықаралық іс-шара қатысушыларымен дайындалған материалдар құрайды:

– 2011 жылы 9-10 маусымда Алматыда өткен «Ауғаныстан үшін сценарийлер және аймақтық қауіпсіздіктің трансформациясы» атты халықаралық конференция;

– 2011 жылы 5-6 шілдеде Душанбеде «Ауғаныстандағы шиеленіс және бітімгершілік: қазіргі жағдайы және келешегі» атты халықаралық дөңгелек үстел;

– 2011 жылы 8-9 қарашада Дубайда (БАӘ) өткен «2001-2011 жылдардағы Ауғаныстан: тұрақты мемлекет және қоғам жолында» атты халықаралық сараптамалық кездесу.

Сонымен қатар, журналдың бұл тақырыптық нөмеріне 2012 жылы майда Душанбеде өткен «Ауғаныстандағы тұрақтылық және Орталық Азиядағы аймақтық қауіпсіздік» атты халықаралық конференция материалдары енгізілген. Конференция «Бейбітшілік және қауіпсіздік үшін ғылым» (НАТО) бағдарламасы қолдауымен Орталық Азия жөніндегі бағдарламасы (Джордж Вашингтон университеті) және EUCAM (Еуропа – Орталық Азия мониторинг) ұйымдастыруымен өтті.

Конференцияда бірқатар американдық және қазақстандық ғалымдар мен сарапшылармен өткізілген «1979-1989 жылдардағы ауған соғысын көзімен көргендер (Oral history)» жобасының тұсаукесері өтті. Жоба мақсаты – 1979-1989 жылдары Ауған соғысына тікелей қатысқан Орталық Азия елдерінен шыққан жауынгер-интернационалистерден осы соғыс туралы ақпарат жинау. Журналдың «Ауызша тарих» айдарында жарияланған жоба авторларының мақалаларында осы зерттеу туралы толығырақ білуге болады.

Осы материалдар оқырманға әлемнің көптеген елдерінің қауіпсіздігіне әсер ететін ең күрделі геосаяси мәселелердің бірі – ауған мәселесі жөнінде кейбір аспектілерді толығырақ түсінуге көмектеседі деген үміттеміз.

Құрметпен,

*Проф. Князев Александр Алексеевич,
тарих ғылымдарының докторы, Ресей Ғылым Академиясы Шығыстану
институтының аймақтық бағдарламалар координаторы, Ресей
географиялық қоғамының әрекет етуші мүшесі (Ресей)*

*Проф. Марлен Ларюэль,
Ph.D., EUCAM зерттеушісі және FRIDE ғылыми қызметкері, Еуропа,
Ресей және Еуразия елдерін зерттеу институтының және Вашингтон
атындағы Халықаралық қатынастар мектебінің профессоры (АҚШ)*

*Проф. Кожирова Светлана Басейқызы,
саяси ғылымдарының докторы, журналдың бас редакторы (Қазақстан)*

*Ракишева Ботагөз Исламқызы,
әлеуметтану ғылымдарының кандидаты, «ЦЕССИ-Қазақстан»
Салыстырмалы әлеуметтік зерттеулер институтының директоры,
журнал баспагері (Қазақстан)*

Dear readers!

We offer you a special edition of «**International Research. Society. Policy. Economics**» journal, devoted to one of the hot topics of our time – the Afghan problem.

The publications are based on materials prepared by the participants of three major international events held in 2011 which were organized by «Ariana» Afghan Cultural Center (Kazakhstan), «Public Fund of Alexander Knyazev» (Russia), «Peace and Reconciliation Committee of the Republic of Tajikistan», «Center for the Study of Afghanistan and the region» (Tajikistan) and «PolitKontakt» Center for Political Technologies” autonomous non-profit organization (Russia):

- «**Scenarios for Afghanistan and the transformation of the regional security**» international conference, held in Almaty on June 9-10, 2011;
- «**Conflict and peace-building in Afghanistan: state and prospects**» international round-table meeting held July 5-6, 2011 in Dushanbe;
- «**Afghanistan in 2001-2011: towards sustainable state and society**» international expert meeting held in Dubai (UAE) on November 8-9, 2011.

This issue includes also materials of the international conference held in May 2012 in Dushanbe on «**Stability in Afghanistan and regional security in Central Asia**». The Conference was organized by the Programme for Central Asia (George Washington University) and EUCAM (Europe – Central Asia Monitoring) with the support of the «Science for Peace and Security» Programme (NATO).

The Conference participants were presented «**Eyewitness to Afghan War 1979-1989. Oral History**» project conducted by a number of American and Kazakh academics and experts. The objective of the project is to gather information about the Afghan War 1979-1989 from its direct participants – warriors-internationalists from Central Asia. More information about the project is given in **Oral History** column of the journal.

We hope that these materials will help readers reveal some aspects of one of the most acute geopolitical issues affecting the stability of most countries of the world.

Sincerely yours,

Prof. Alexander Knyazev,

Doctor of Historical Sciences, Coordinator of the regional programs of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, member of the Russian Geographical Society (Russia)

Prof. Marlene Laruelle,

Ph.D., EUCAM Researcher, FRIDE Research Officer, Professor at the Institute for European, Russian and Eurasian Studies, IERES and the School of International Relations, University of Washington (USA)

Prof. Kozhirova Svetlana,

Doctor of Political Sciences, Editor-in-Chief (Kazakhstan)

Rakisheva Botagoz,

Candidate of Sociological Sciences, Director of the Institute for Comparative Social Research CESSI-Kazakhstan, Magazine publisher (Kazakhstan)

Дорогие читатели!

Представляем Вашему вниманию специальный выпуск журнала «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика», посвященный одной из актуальных тем современности – «афганской проблеме».

Основу публикаций составляют материалы, подготовленные участниками трех крупных международных мероприятий, прошедших в 2011 году, организаторами которых являлись афганский культурный центр «Ариана» (Казахстан), «Общественный фонд Александра Князева» (Россия), «Комитет мира и согласия Республики Таджикистан», «Центр по изучению Афганистана и региона» (Таджикистан), автономная некоммерческая организация «Центр политических технологий «ПолитКонтакт»» (Россия):

– международной конференции «**Сценарии для Афганистана и трансформация региональной безопасности**», которая состоялась в Алматы 9-10 июня 2011 г.;

– международного «круглого стола» «**Конфликт и миротворчество в Афганистане: современное состояние и перспективы**», прошедшего 5-6 июля 2011 г. в Душанбе;

– международной экспертной встречи «**Афганистан в 2001-2011 гг.: на пути к устойчивому государству и обществу**», состоявшейся в г. Дубай (ОАЭ) 8-9 ноября 2011 г.

Также в данный тематический номер журнала включены материалы международной конференции, прошедшей в мае 2012 г. в г. Душанбе «**Стабильность в Афганистане и региональная безопасность в Центральной Азии**». Конференция организована Программой по Центральной Азии (Университет Джорджа Вашингтона) и EUCAM (Европа – Центральная Азия мониторинг) при поддержке Программы «Наука для мира и безопасности» (НАТО).

На конференции был презентован проект «**Афганская война 1979-1989 гг. глазами очевидцев (Oral history)**», проведенный рядом американских и казахстанских ученых-экспертов. Задача проекта – сбор информации об Афганской войне 1979-1989 гг. от непосредственных участников процесса – воинов-интернационалистов из стран Центральной Азии. В статье авторов проекта, представленного в журнале в рубрике «**Устная история**», можно узнать подробнее о данном исследовании.

Надеемся, что данные материалы помогут читателям раскрыть некоторые аспекты одной из наиболее острых геополитических проблем, затрагивающих стабильность большинства стран мира.

С уважением,

Проф. Князев Александр Алексеевич,

*доктор исторических наук, координатор региональных программ
Института востоковедения Российской академии наук, действительный
член Русского географического общества (Россия)*

Проф. Марлен Ларюэль,

*Ph.D., исследователь EUCAM и научный сотрудник FRIDE, профессор
Института по изучению стран Европы, России и Евразии и Школы
международных отношений университета имени Вашингтона (США)*

Проф. Кожирова Светлана Басейовна,

доктор политических наук, главный редактор журнала (Казахстан)

Ракишева Ботагоз Ислямовна,

*кандидат социологических наук, директор Института сравнительных
социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан, издатель журнала (Казахстан)*

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

Қоғам. Саясат. Экономика

**Халықаралық ғылыми-сараптамалық
және ақпараттық журнал**

Бастырушы:

Ракишева Ботагөз Исләмқызы

Әлеуметтік-саяси зерттеулер институты
тарапынан шығарылады (Қазақстан)

Бас редактор:

Кожирова Светлана,
саяси ғылымдарының докторы

Бас редактордың орынбасары:

Руднева Евгения, әлеуметтану магистрі

Дизайнер:

Исмұхамбетова Ботагөз

Корректор:

Әдіханова Венера

Аударма:

Темірғалиева Арайлым (ағыл.)
Жолдыбалина Алуа (қаз.)

Редакция алқасы:

Ахметжанова Наила, агрономия магистрі

Бикенов Асылхан,

тарих ғылымдарының кандидаты

Емишева Гүлден, әлеуметтану магистрі

Жолдыбалина Алуа, Ph.D докторы

Калмыков Сергей,

философия ғылымдарының кандидаты

Мәжитова Айнұр, әлеуметтану магистрі

Сәдуақасова Айгүл,

әлеуметтану ғылымдарының докторы

Селиверстов Сергей,

тарих ғылымдарының кандидаты

Шалова Гүлден, әлеуметтану магистрі

Қаржылық-әкімшілік бөлімі:

Жанбурчинова Дамила, әлеуметтану магистрі

Негізгі серіктес:

Салыстырмалы әлеуметтік зерттеулер
институты ЦЕССИ-Қазақстан

Журнал жылына 4 рет басылып шығады.

Редакцияның мекен-жайы:

000001, Астана, Абай даңғылы 86 (30), 1 кеңсе.

Телефондары: 457 002, 457 003

Электрондық адрес: ispr@ispr.kz, ir@ispr.kz

Сайт: www.ispr.kz

Басуға 15 шілде 2012 жылы қол қойылды.

Пішімі 170x260 мм.

Таралымы: 1000 дана

«Жарқын Ко» ЖШС баспаханасында басылған.

Жазылу индексі: 74270

ISSN 2224-0276

Журнал Ақпарат және мұрағат комитеті мен

Қазақстан Республикасы Мәдениет

және ақпарат министрлігінде тіркелген

№ 10291- Ж. куәлігі

Авторлардың көзқарасы мен редакция
ұстанымының үйлесуі міндетті емес.

Журнал материалдарын пайдаланған кезде
міндетті түрде дереккөздер көрсетілуі тиіс.

МАЗМҰНЫ

Редакциядан.....3

Германия

АЗИЗ АРИАНФАР

«Жаңа жібек жолы» трансконтинентальды жобадағы
Ауғаныстанның анықталмаған орны.....12

ВУЛЬФ ЛАПИНС

Ауғаныстандағы соғыстың аяқталары да көрінбейді...21

Қазақстан

КОЖИРОВА С.Б. Қазіргі кезеңдегі Қазақстан-

ауған қарым-қатынастары.....32

ЛАУМУЛИН М.Т.

Ауғаныстанның даму сценарийі және мүдделі
жақтардың ұстанымдары38

СЫРОЕЖКИН К.Л.

«Ауған мәселесі»: ахуалы және келешегі65

СЫРОЕЖКИН К.Л.

Аймақтық қауіпсіздік қауіптері мен қатерлері,
ұжымдық қауіпсіздік жүйесін қалыптастыру
мүмкіншіліктері мен келешегі.....71

ТАИРОВ Р.А.

Ұлттық қауіпсіздікті қамтамасыз ету контекстіндегі
ауған әскері.....77

Қытай

КАЙРАТ ТОХОНБАЙ Қытай-Ауғаныстан

геостратегиялық қарым-қатынастары89

Пәкістан

САРФРАЗ ХАН Федералды басқарудағы тайпалар
территориясы мәртебесінің ерекше тарихы92

Ресей

БОЙКО В.С.

XXI ғасырдың бірінші онжылдығындағы
«Революциядан кейінгі» Ауғаныстан және
сараптамалық қауымдастық: ауған мәселесінің
негізгі қорытындылары және келешегі108

КНЯЗЕВ А.А.

Ауғаныстан бөлінісі «Үлкен Таяу Шығыс» жобасының
бір бөлігі ретінде: аймақтық қауіпсіздікке әсері.....116

КОРГУН В.Г. Ауғаныстаннан АҚШ әскерлерін
шығару: мәселелері және шешімдері.....125

ЛАЛЕТИН Ю.П. Ауғаныстандағы батыстық
коалиция қарсыластары: этносаяси аспект130

ПЛАСТУН В.Н. Орталық Азия: АҚШ-тың
Ауғаныстанда ұзақ мерзімді қалу келешегі136

АҚШ

МАРЛЕН ЛАРИОЭЛЬ

Ауғаныстан келешегіне Орталық Азияның қатысуы –
Еуропа немен көмектесе алады?143

Тәжікстан

МАЙТДИНОВА Г.М. Ауған мәселесін саяси
реттеудегі шекаралас мемлекеттердің рөлі151

Өзбекстан

СТОЛПОВСКИЙ О.А. Ауғаныстанда транспорттық
коммуникацияны дамытуға Өзбекстанның қатысу
мәселелері және келешегі.....160

Ауызша тарих

**РАКИШЕВА Б.И., МАРЛЕН ЛАРИОЭЛЬ,
УСПАНОВ М.М., ШАЛОВА Г.Т.** 1979-1989 жылдар-

дағы ауған соғысын көзімен көргендер (Oral history):
халықаралық ғылыми зерттеу әдіснамасы170

Түйіндеме188

Авторлар үшін ақпарат.....195

РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕС

Редакциялық кеңестің төрағасы:
ЦЕССИ – Қазақстан Салыстырмалы әлеуметтік зерттеулер институтының директоры,
ӘЗСИ-Қазақстан Бағдарламасының директоры,
әлеуметтік ғылымдарының кандидаты
Ракишева Ботағозы Исламқызы

Алексеев Александр Николаевич – Шығыс гуманитарлық институты демографиялық зертхана меңгерушісі, тарих ғылымдарының докторы, профессор (Өскемен, Қазақстан)

Анджей Вержбицкий – Варшава Университеті Саясаттану ғылымдары институтының қызметкері, Шығыс (Посткеңестік) зерттеулер кафедрасы, саяси ғылымдарының докторы (Варшава, Польша)

Анита Сенгупта – Маулан Абул Калам Азад атындағы Азиаттық зерттеулер институтының қызметкері, саяси ғылымдарының докторы, профессор (Калькутта, Үндістан)

Арто Лукканен – Ренвалл Институты Ресей және Шығыс Еуропа зерттеулерін үйлестірушісі, адъюнт-профессор, саяси ғылымдарының докторы (Хельсинки, Финляндия)

Бавна Деви – Лондон университеті Шығыс және африканың зерттеулер мектебі жанындағы Заманауи Орталық Азия мен Кавказ Орталығының төрағасы, саяси ғылымдарының докторы, профессор (Лондон, Ұлыбритания)

Грегори Глиссен – Нью-Мексико университеті Ұлттық қауіпсіздікті зерттеу бағдарламасының директоры, профессор, саяси ғылымдарының докторы (АҚШ, Германия)

Жүнісова Жаңылжан Қасымқызы – Мемлекеттік саясат кафедрасының меңгерушісі, Мемлекеттік Саясаттың Ұлттық Мектебі, Қазақстан Республикасы Президентінің Жанындағы Мемлекеттік Басқару Академиясы, Саясаттану ғылымдарының докторы, профессор (Астана, Қазақстан)

Донг Янг – Қытай Әлеуметтік ғылымдар академиясының Ресей, Шығыс Еуропа мен Орталық Азия институты директорының орынбасары, профессор (Бейжін, Қытай)

Дятлов Виктор Иннокентьевич – Иркутск мемлекеттік университеті Әлем тарихы және халықаралық қарым-қатынастар кафедрасының профессоры, «Диаспора» журналы редакторының орынбасары, «Ішкі Азия» зерттеу орталығының директоры, тарих ғылымдарының докторы (Иркутск, Ресей)

Каюм Кесиджи – Еуропа Қазақ қоғамдары Федерациясының төрағасы, саяси ғылымдарының докторы (Мюнхен, Германия)

Ким Герман Николаевич – әл-Фараби атындағы ҚазҰУ корейтану кафедрасының профессоры, тарих ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)

Коркут Туна – Стамбул университеті Гуманитарлық факультетінің деканы, Түркітілдес елдер әлеуметтанушылары одағының Президенті, профессор (Стамбул, Түркия)

Косимшо Искандаров – Тәжікстан Республикасы Мемлекеттік қызметкерлердің біліктілігін көтеру институты Мемлекеттік басқару және мемлекеттік қызмет зерттеу орталығының директоры, Тәжікстан Республикасы Ғылым Академиясының Шығыстану және жазба мұралар институтының Тарих және аймақтық шиеленістерді зерттеу бөлімінің меңгерушісі, тарих ғылымдарының докторы (Душанбе, Тәжікстан)

Кушкумбаев Санат Кайрслямович – Қазақстан Республикасы жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының бас

ғылыми қызметкері, саяси ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)

Ма Венпу – Бейбітшілік және қарусыздандыру Бүкілқытайлық халықтық ассоциациясының (СРАPD) вице-президенті, Қытай Халық Республикасы Ұлттық Халықтық Конгресінің Сыртқы істер бойынша Комитет төрағасының орынбасары, профессор (Бейжін, Қытай)

Хорхе Боланос Кармона – Гранада университеті Бейбітшілік және шиеленістерді шешу институтының Ғалым хатшысы, математика ғылымдарының докторы, профессор (Гранада, Испания)

Марлен Ларюэль – Қауіпсіздіктің дамуы және саясаты жөніндегі институт және Джонс Хопкинс университетінің жетекші халықаралық зерттеулер факультетімен серіктестік қатынастарды қолдайтын, «Жібек жолы» біріккен орталығының зерттеу бағдарламасының, Кавказ және Орталық Азия институтының аға ғылыми қызметкері, Ph.D (Вашингтон, АҚШ)

Полетаев Дмитрий Вячеславович – Көші-қон зерттеулер орталығының (Ж.А. Зайонковская орталығы) сарапшысы, Ресей Ғылым Академиясының Халық шаруашылығын болжау институтының Көші-қонды сараптау және болжау зертханасының бас ғылыми маманы, экономика ғылымдарының кандидаты (Мәскеу, Ресей)

Раса Алишаускиене – Baltik Sarveys /The Gallup Organization зерттеу институтының бас директоры, әлеуметтану профессоры (Вильнюс, Литва)

Рубен Азизян – Азия-Тынық мұхиттық қауіпсіздік орталығының профессоры, Ph.D (Гавайи, АҚШ)

Сара О'Хара – Ноттингем университеті әлеуметтік ғылымдар факультетінің деканы, география профессоры (Ноттингем, Ұлыбритания)

Себастьян Пейрус – Қауіпсіздіктің дамуы және саясаты жөніндегі институт және Джонс Хопкинс университетінің жетекші халықаралық зерттеулер факультетімен серіктестік қатынастарды қолдайтын, «Жібек жолы» біріккен орталығының зерттеу бағдарламасының, Кавказ және Орталық Азия институтының аға ғылыми қызметкері, Ph.D (Вашингтон, АҚШ)

Сыроежкин Константин Львович – Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының аға ғылыми қызметкері, профессор, саяси ғылымдарының докторы (Алматы, Қазақстан)

Татьяна Дронзина – Климент Охридский атындағы София университетінің саясаттану кафедрасының профессоры, саяси ғылымдарының докторы (София, Болгария)

Уильям Фиерман – Орталық Азия зерттеулер факультетінің профессоры, Индиана штатының университеті, саяси ғылымдарының докторы (Ph.D) (Блумингтон, АҚШ)

Уяма Томохио – Хоккайдо университеті Славян зерттеулері орталығының профессоры (Хоккайдо, Жапония)

Хаяти Тюфекчиоглу – Стамбул университеті Еуразия институтының директоры, әлеуметтану ғылымдарының докторы, профессор (Стамбул, Түркия)

Эм Гу-хо – Халықаралық зерттеулер факультетінің профессоры, Азия-Тынық мұхиттық зерттеулер орталығының директоры (Сеул, Оңтүстік Корея)

Published

by Botagoz Rakisheva

Institute for Social and Political Research
(Kazakhstan)

Editor-in-chief:

Kozhirova Svetlana,
Ph.D (Political Science)

Deputy Editor-in-chief:

Rudneva Yevgeniya, Master of Sociology

Designer:

Botagoz Ismukhambetova

Proofreader:

Adykhanova Venera

Translators:

Temirgaliyeva Arailym (English)
Zholdybalina Alua (Kazakh)

Editorial Staff:

Akhmetzhanova Nailiya, Master of Agronomy
Bikenov Asilkhan,

Candidate of Science (History)

Kalmykov Sergei,

Candidate of Science (Philosophy)

Mazhitova Ainur, Master of Sociology

Sadvakassova Aigul, Ph.D (Sociology)

Seliverstov Sergey,

Candidate of Science (History)

Shalova Gulden, Master of Sociology

Yemisheva Gulden, Master of Sociology

Zholydbyalina Alua, Ph.D Political Science

Financial Department:

Zhanburchinova Damilya, Master of Sociology

The main partner:

Institute for Comparative Social Research
CESSI-Kazakhstan

The magazine is issued four times a year.

Address:

of. 1, 86 (30) Abai Avenue,
000001, Astana, Kazakhstan
Tel.: 457 002, 457 003

Email: ispr@ispr.kz, ir@ispr.kz

Website: www.ispr.kz

Signed for printing June 15, 2012

Format 170x260 mm.

Circulation: 1000 copies

Printed "Zharkyn Ko"

Subscription index: 74270

ISSN 2224-0276

The magazine was registered by Committee
of Information and Archive, Ministry of Culture
and Information of the Republic of Kazakhstan.

License № 10291- ZH

The authors' point of view should not always be
concurrent with the publisher's opinion.

No materials of this magazine maybe used or
reproduced without reference

CONTENT

<i>From the Publisher</i>	3
<i>Germany</i>	
AZIZ ARIANFAR Uncertain position of Afghanistan in "New Silk Road" transcontinental project	12
WULF LAPINS Afghan war not even close to ending	21
<i>Kazakhstan</i>	
KOZHIROVA S.B. Kazakh-Afghan relations at the present stage	32
LAUMULIN M.T. Scenarios for Afghanistan development and positions of parties concerned	38
SYROEZHKIN K.L. Afghan problem: state and prospects	65
SYROEZHKIN K.L. Threats and challenges to regional security, opportunities and prospects for collective security system	71
TAIROV R.A. Afghan army in national security context	77
<i>China</i>	
HAYRAT TOHONBAY China-Afghanistan Geo-strategic Relations	89
<i>Pakistan</i>	
SARFRAZ KHAN History of special status of FATA	92
<i>Russia</i>	
BOYKO V.S. "Post-revolutionary" Afghanistan and expert community in first decade of XXI century: main results and prospects of studying Afghan problem	108
KNYAZEV A.A. Partition of Afghanistan as part of "Greater Middle East" project: projection on regional security	116
KORGUN V.G. Withdrawal of U.S. forces from Afghanistan: problems and solutions	125
LALETIN YU.P. Western coalition opponents in Afghanistan: ethno-political dimension	130
PLASTUN V.N. Central Asia: Prospects for long-term stay in Afghanistan	136
<i>USA</i>	
MARLENE LARUELLE. Participation of Central Asia in future of Afghanistan – how can Europe help?	143
<i>Tajikistan</i>	
MAYTDINOVA G.M. The role of neighboring countries in political settlement of Afghan problem	151
<i>Uzbekistan</i>	
STOLPOVSKII O.A. Problems and prospects of Uzbekistan's participation in Afghanistan transport communications development ...	160
<i>Oral History</i>	
RAKISHEVA B.I., MARLENE LARUELLE, USPANOV M.M., SHALOVA G.T. Eyewitness to Afghan War 1979-1989. Oral History: methodology of international research	170
<i>Summary</i>	188
<i>Information for Future Authors</i>	195

EDITORIAL BOARD

**Head of the Editorial Board:
Rakisheva Botagov Islyamovna,**

Director, Institute for Comparative Social Research
CESSI-Kazakhstan;
Program Director, Institute for Socio-Political Research
ISPR-Kazakhstan, Candidate of Sociological Sciences

Alekseyenko Aleksandr Nikolayevich – Head,
Demography Laboratory, Eastern Humanitarian
Institute, Ph.D (History), Professor
(Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan)

Andrzej Wierzbicki – Fellow, Institute of Political
Science, Warsaw University,
Department of the Eastern (Post-Soviet)
Studies; Ph.D (Political Science),
(Warsaw, Poland)

Anita Sengupta – Fellow, Maulana Abul Kalam Azad
Institute of Asian Studies, Ph.D (Political
Science), Professor (Kolkata, India)

Arto Luukkanen – Coordinator, Russian and East
European Studies, Renvall Institute, Adjunct
Professor, Ph.D (Political Science)
(Helsinki, Finland)

Bhavna Dave – Chair, Center of Contemporary Central
Asia and the Caucasus under the School of
Oriental and African Studies, University of
London; Ph.D (Political Science), Professor
(London, Great Britain)

Gregory Gleason – Director National Security Studies
Program, University of New-Mexico,
Ph.D (Political Science), Professor
(U.S.A., Germany)

Junussova Zhanylzhan Khassymovna – Head of Public
Policy Department, National School of Public
Policy, Academy of Public Administration under
the President of the Republic of Kazakhstan,
Doctor of Political Sciences, Professor
(Astana, Kazakhstan)

Dong Xiaoyang – Deputy Director, Institute of Russian,
Eastern European and Central Asian Studies
under the Chinese Academy of Social Sciences,
Professor (Beijing, China)

Dyatlov Viktor Innokentevich – Professor,

Department of the World History and
International Relations, Irkutsk State University;
Deputy Editor-in-Chief,
Magazine “Diasporas”; Director, Research
Center “Internal Asia”, Ph.D (History)
(Irkutsk, Russia)

Kayyum Kesici – Chair person, Federation of European
Kazakh Associations, Ph.D (Political Science)
(Munich, Germany)

Kim German Nikolayevich – Professor, Department of
Korean Studies, Kazakh National University
named after al-Farabi, Ph.D (History)
(Almaty, Kazakhstan)

Korkut Tuna – Dean, Humanitarian School, Istanbul
University; President, the Union of Turkish
World Sociologists, Ph.D (Sociology), Professor
(Istanbul, Turkey)

Kossimsho Iskandarov – Director, Research Center
for Public Administration and Public Service,
Institute of Advanced Training of Public Officers
(IAT PO) of the Republic of Tajikistan; Chairman,
Division of History and Regional Conflicts,
Institute of Oriental Studies and Written Heritage
of the Academy of Sciences of the Republic of
Tajikistan; Ph.D (History)
(Dushanbe, Tajikistan)

Kushkumbayev Sanat Kairslyamovich – Chief
Researcher of the Kazakhstan Institute for
Strategic Studies under the President of
the Republic of Kazakhstan, Ph.D (Political
Science) (Almaty, Kazakhstan)

Ma Wenpu – Vice-President, Chinese People’s
Association for Peace and Disarmament
(CPAPD); Vice-Chairman, Foreign Affairs
Committee of the National People’s Congress
of the Chinese People’s Republic, Professor
(Beijing, China)

Jorge Bolanos Carmona – Scientific Secretary of the
Institute of Peace and Conflict Resolution
at the University of Granada, PhD (mathe-
matical science), professor (Granada, Spain)

Marlene Laruelle – is a senior staff scientist of the
Institute of Central Asia and Caucasus and
“Silk Way” Research Program – a joint center
which maintain partnership relations with the
Faculty for Leading International Researches
of James Hopkins University and the Institute
of Politics and Development Security, Ph.D
(Washington, USA)

Poletaev Dmitry Vyacheslavovich – Expert, Center
of Migration Studies (J.A. Zaionchkovskaya’s
Center); Leading Researcher, Laboratory of
Migration, Institute of Economic Forecasting
of Russian Academy of Sciences, Ph.D.,
Candidate of Science (Economics)
(Moscow, Russia)

Rasa Alisauskiene – General Director, Research
Institute, Baltic Surveys /The Gallup
Organization, Ph.D (Social Sciences),
Assistant Professor (Vilnius, Lithuania)

Rouben Azizian – Professor, Asia-Pacific Center for
Security Studies, PhD (Hawaii, USA)

Sara O’Hara – Dean, Faculty of Social Sciences,
School of Geography, Nottingham University,
Professor of Geography
(Nottingham, United Kingdom)

Sebastien Peyrouse – is a senior staff scientist of the
Institute of Central Asia and Caucasus and
“Silk Way” Research Program – a joint center
which maintain partnership relations with the
Faculty for Leading International Researches
of James Hopkins University and the Institute
of Politics and Development Security, Ph.D
(Washington, USA)

Syroyezhkin Konstantin Lvovich – Senior
Researcher, Kazakhstan Institute for
Strategic Studies under the President of the
Republic of Kazakhstan, Professor, Ph.D
(Political Science) (Almaty, Kazakhstan)

Tatyana Dronzina – Professor, Department of
Political Science, Kliment Ohridski University
of Sofia; Ph.D (Political Science)
(Sofia, Bulgaria)

William Fierman – Professor, Department of Central
Eurasian Studies, Indiana University, Ph.D
(Political Science) (Bloomington, USA)

Uyama Tomohiko – Professor of Central Asian
Studies, Slavic Research Center, Hokkaido
University (Hokkaido, Japan)

Hayati Tufekcioglu – Director, Eurasian Institute,
Istanbul University, Ph.D (Sociology),
Professor (Istanbul, Turkey)

Um Gu-ho – Professor, Graduate School of
International Studies; Head, Hanyang
University’s Asia-Pacific Research Center
(APRC) (Seoul, South Korea)

Издатель:

Ракишева Ботагоз Ислямовна

Издается при Институте социально-политических исследований (Казахстан)

Главный редактор:Кожирова Светлана,
доктор политических наук**Зам. главного редактора:**

Руднева Евгения, магистр социологии

Дизайнер:

Исмухамбетова Ботагоз

Корректор:

Адыханова Венера

Перевод:Темиргалиева Арайлым (англ.),
Жолдыбалина Алуа (каз.)**Редакционная коллегия:**

Ахметжанова Наилия, магистр агрономии
Бикенов Асылхан,
кандидат исторических наук
Емишева Гульден, магистр социологии
Жолдыбалина Алуа, PhD (политология)
Калмыков Сергей,
кандидат философских наук
Мажитова Айнуур, магистр социологии
Садвакасова Айгуль,
доктор социологических наук
Селиверстов Сергей,
кандидат исторических наук
Шалова Гульден, магистр социологии

Финансово-административный отдел:

Жанбурчинова Дамиля, магистр социологии

Основной партнер:Институт сравнительных социальных
исследований ЦЕССИ-Казахстан

Журнал выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

000001, Астана, пр. Абая, 86 (30), оф. 1
Телефоны: 457 002, 457 003
Электронная почта: ispr@ispr.kz, ir@ispr.kz
Сайт: www.ispr.kz

Подписано в печать 15 июня 2012 года.

Формат 170x260 мм. Тираж: 1000 экз.

Отпечатано в типографии ТОО «Жаркын Ко»

Подписной индекс: 74270

ISSN 2224-0276

Журнал зарегистрирован
Комитетом информации и архивов
Министерства культуры и информации
Республики Казахстан.
Свидетельство № 10291-Ж

Точка зрения авторов не обязательно
совпадает с позицией редакции.При использовании материалов журнала
ссылка обязательна.Редакция не несет ответственности за
материалы, предоставленные авторами**СОДЕРЖАНИЕ**

<i>От редакции</i>	3
<i>Германия</i>	
АЗИЗ АРИАНФАР Неопределенное место Афганистана в трансконтинентальном проекте «новый Шелковый путь».....	12
ВУЛЬФ ЛАПИНС Конец войны в Афганистане не видно	21
<i>Казахстан</i>	
КОЖИРОВА С.Б. Казахстанско-афганские отношения на современном этапе	32
ЛАУМУЛИН М.Т. Сценарии развития Афганистана и позиции заинтересованных сторон	38
СЫРОЕЖКИН К.Л. «Афганская проблема»: состояние и перспективы.....	65
СЫРОЕЖКИН К.Л. Угрозы и вызовы региональной безопасности, возможности и перспективы формирования системы коллективной безопасности.....	71
ТАИРОВ Р.А. «Афганская армия в контексте обеспечения национальной безопасности»	77
<i>Китай</i>	
КАЙРАТ ТОХОНБАЙ Китай-Афганистан – геостратегические отношения.....	89
<i>Пакистан</i>	
САРФРАЗ ХАН History of special status of FATA	92
<i>Россия</i>	
БОЙКО В.С. «Послереволюционный» Афганистан и экспертное сообщество в первое десятилетие XXI в.: основные итоги и перспективы изучения афганской проблемы	108
КНЯЗЕВ А.А. Раздел Афганистана как часть проекта «Большого Ближнего Востока»: проекции на региональную безопасность	116
КОРГУН В.Г. Вывод войск США из Афганистана: проблемы и решения	125
ЛАЛЕТИН Ю.П. Противники западной коалиции в Афганистане: этнополитический аспект	130
ПЛАСТУН В.Н. Центральная Азия: перспективы долгосрочного пребывания США в Афганистане.....	136
<i>США</i>	
МАРЛЕН ЛАРИЮЭЛЬ Участие Центральной Азии в будущем Афганистана - чем может помочь Европа?.....	143
<i>Таджикистан</i>	
МАЙТДИНОВА Г.М. Роль приграничных государств в политическом урегулировании афганской проблемы.....	151
<i>Узбекистан</i>	
СТОЛПОВСКИЙ О.А. Проблемы и перспективы участия Узбекистана в развитии транспортных коммуникаций в Афганистане	160
<i>Устная история</i>	
РАКИШЕВА Б.И., МАРЛЕН ЛАРИЮЭЛЬ, УСПАНОВ М.М., ШАЛОВА Г.Т. Афганская война 1979-1989 гг. глазами очевидцев (Oralhistory): методология международного научного исследования	170
<i>Резюме статей</i>	188
<i>Информация для авторов</i>	195

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редакционного совета:

Ракишева Ботагоз Ислямовна,
директор Института сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан, директор Программ ИСПИ-Казахстан, кандидат социологических наук

Алексеевко Александр Николаевич – заведующий демографической лабораторией Восточного гуманитарного института, доктор исторических наук, профессор (Усть-Каменогорск, Казахстан)

Анджей Вержицкий – сотрудник Института политических наук Варшавского университета, кафедра восточных (постсоветских) исследований, доктор политических наук (Варшава, Польша)

Анита Сенгупта – сотрудник Института азиатских исследований им. Маулаи Абул Калам Азада, доктор политических наук, профессор (Калькутта, Индия)

Арто Лукканен – координатор исследований России и Восточной Европы Института Ренвалл, адъюнт-профессор, доктор политических наук (Хельсинки, Финляндия)

Бавна Деви – председатель Центра современной Центральной Азии и Кавказа при Школе восточных и африканских исследований Лондонского университета, доктор политических наук, профессор (Лондон, Великобритания)

Грегори Глиссен – директор Программ исследований национальной безопасности университета Нью-Мексико, доктор политических наук, профессор (США, Германия)

Джунусова Жанылжан Хасымовна – заведующая кафедрой «Государственная политика» Национальной школы государственной политики Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор политических наук, профессор (Астана, Казахстан)

Донг Янг – заместитель директора Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии социальных наук, профессор (Пекин, Китай)

Дятлов Виктор Иннокентьевич – профессор кафедры мировой истории и международных отношений Иркутского государственного университета, зам. главного редактора журнала «Диаспоры», директор Исследовательского центра «Внутренняя Азия», доктор исторических наук (Иркутск, Россия).

Каюм Кесиджи – председатель Федерации ассоциации европейских казахов, доктор политических наук (Мюнхен, Германия)

Ким Герман Николаевич – профессор кафедры корееведения КазНУ им. аль-Фараби, доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

Коркут Туна – декан гуманитарного факультета Стамбульского университета, президент Союза социологов тюркоязычных стран, доктор социологических наук, профессор (Стамбул, Турция)

Косимшо Искандаров – директор Исследовательского центра государственного управления и государственной службы Института повышения квалификации государственных служащих (ИПКГС) Республики Таджикистан, заведующий отделом истории и исследований региональных конфликтов Института востоковедения и письменного наследия Академии наук Республики Таджикистан, доктор исторических наук (Душанбе, Таджикистан)

Кушкумбаев Санат Кайрслямович – главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, доктор политических наук (Алматы, Казахстан)

Ма Венпу – вице-президент Всекитайской народной ассоциации за мир и разоружение (СРАРД), заместитель председателя Комитета по иностранным делам Национального народного конгресса Китайской Народной Республики, профессор (Пекин, Китай)

Хорхе Боланос Кармона – ученый секретарь Института мира и разрешения конфликтов Университета Гранады, доктор математических наук, профессор (Гранада, Испания)

Марлен Ларюэль – старший научный сотрудник Института Центральной Азии и Кавказа и исследовательской программы «Шелковый путь» – объединенного центра, поддерживающего партнерские отношения с факультетом передовых международных исследований Университета Джона Хопкинса и Института по политике и безопасности развития (Вашингтон, США)

Полетаев Дмитрий Вячеславович – эксперт Центра миграционных исследований (Центра Зайончковской Ж.А.), ведущий научный сотрудник лаборатории анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, кандидат экономических наук (Москва, Россия)

Раса Алишаускиене – генеральный директор исследовательского института Baltik Sarveys / The Gallup Organization, профессор социологии (Вильнюс, Литва)

Рубен Азиян – профессор Азиатско-Тихоокеанского центра безопасности (Гавайи, США)

Сара О'Хара – декан факультета социальных наук университета Ноттингем, профессор географии (Ноттингем, Великобритания)

Себастьян Пейрус – старший научный сотрудник Института Центральной Азии и Кавказа и исследовательской программы «Шелковый путь» – объединенного центра, поддерживающего партнерские отношения с факультетом передовых международных исследований Университета Джона Хопкинса и Института по политике и безопасности развития (Вашингтон, США)

Сыроежкин Константин Львович – главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, доктор политических наук, профессор (Алматы, Казахстан)

Татьяна Дронзина – профессор кафедры политологии Софийского университета им. Климента Охридского, доктор политических наук (София, Болгария)

Уильям Фиерман – профессор факультета Центрально-азиатских исследований Университета штата Индиана, доктор политических наук (PhD) (Блумингтон, США)

Уяма Томохико – профессор Центра славянских исследований Университета Хоккайдо (Хоккайдо, Япония)

Хаяти Тюфекчиоглу – директор Института Евразии Стамбульского университета, доктор социологических наук, профессор (Стамбул, Турция)

Эм Гу-хо – директор центра Азиатско-тихоокеанских исследований, профессор факультета международных исследований (Сеул, Южная Корея)

НЕОПРЕДЕЛЕННОЕ МЕСТО АФГАНИСТАНА В ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНОМ ПРОЕКТЕ «НОВЫЙ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ»¹

АЗИЗ АРИАНФАР

Руководитель Научно-исследовательского центра по Афганистану (Centre for Afghanistan Studies and Research), экс-посол Афганистана в Казахстане, экс-директор Центра стратегических исследований при МИД Афганистана (Франкфурт, Германия)

Великий шелковый путь (термин введен немецким географом Рихтгофеном в 1877 г.) в древности и средние века являлся караванным трансконтинентальным маршрутом, соединявшим Восточную Азию со Средиземноморьем.

В основном по этому пути транспортировался шелк из Китая, с чем и связано его название. В 121 г. до н. э. по этому маршруту прошел первый верблюжий караван с шелком и бронзовыми зеркалами и добрался до Ферганского оазиса через Турфанскую впадину вдоль Огненных гор и отрогов Тянь-Шаня.

В дальнейшем, с развитием мореходства, расширялись морские шелковые пути, которые проходили мимо берегов Таиланда, Бангладеш и Индии, через Красное море, до Египта.

В связи со снижением римского влияния на Ближнем Востоке и началом арабских завоеваний использование названного выше маршрута заметно снизилось. В XIII-XIV вв. при монголах данный маршрут испытал период возрождения, однако уже в XV в., в силу интенсивности развития морской торговли, Шелковый путь как торговая транспортная артерия потерял свою актуальность.

В последнее время в СМИ вновь говорят о возрождении Великого шелкового пути (далее ВШП). Возникает вопрос о том, каковы мотивы этого возрождения? Ответ на данный вопрос следует искать в глобализации, в превращении Китая и Индии в мировые державы, а также в новой стратегии Белого дома, которая нацелена на заполнение стратегического вакуума, образовавшегося вследствие распада СССР.

Углубление процессов глобализации привело к интенсификации международных экономических связей на евразийском континенте, что, наряду с иным, повлекло за собой увеличение потока товаров между юго-восточной Азией и Африкой. Данные обстоятельства способствовали возникновению идеи возрождения ВШП и создания трансконтинентального моста.

С другой стороны, после распада СССР начался новый этап геополитической борьбы в регионе, в рамках которой как региональные, так и нерегиональные игроки вступили в соперничество между собой за господство над этим регионом.

[1] Материалы Международной экспертной встречи «Афганистан в 2001-2011 гг.: на пути к устойчивому государству и обществу», Дубай (ОАЭ), 8-9 ноября 2011 г.

В эпоху глобализации данное соперничество осуществляется через конкуренцию интеграционных проектов, выдвинутых этими игроками.

Теллуροкратические государства создали и выдвинули несколько региональных интеграционных структур, важнейшими из них являются:

- ШОС;
- ОДКБ;
- ЕврАзЭС;
- новый Ближний Восток.

Талассократические страны выдвинули свои проекты:

- «Большой Ближний Восток (Greater middle East)», охватывающий мусульманский мир (от Афганистана до Марокко);
- «Большая Центральная Азия» (Greater Central Asia);
- проект «Большая Южная Азия»;
- ГУАМ.

Эти проекты подразумевают установление тотального контроля над макрорегионом, простирающимся от российской Сибири до севера Индии.

Профессор Фредерик Стар, директор Института Центральной Азии и Кавказа при университете Джона Хопкинса в марте 2005 г. опубликовал статью под названием «Партнерство «Большой Центральной Азии» для Афганистана и его соседей».

В ней он изложил геопространственную доктрину Большой Центральной Азии. По его мнению, основная цель данного проекта заключается в «оказании содействия трансформации Афганистана и всего региона, ядром которого он является, в зону обеспеченных с точки зрения безопасности суверенных государств, разделяющих принципы жизнеспособной рыночной экономики, секулярных и относительно открытых систем правления, уважающих гражданские права и поддерживающих позитивные отношения с США...»

В 2006 г. Фредерик Стар организовал в Кабуле международную конференцию, где презентовал свою доктрину. На этой конференции я участвовал как представитель МИД ИРА. На следующий день после конференции он приехал ко мне в МИД, где мы обсуждали его проект.

Несмотря на то, что профессор Стар постоянно в своих выступлениях, беседах и статьях подчеркивает сугубо экономическую подоплеку (основу) своего проекта, эксперты из стран СНГ все же скептически относятся к его «детищу».

Например, Мурат Лаумулин, из Института стратегических исследований при Президенте РК, анализируя данный проект, отмечает, что проект БЦА является лишь прикрытием для реализации геополитической доктрины, подразумевающей активное военно-стратегическое присутствие в тех регионах, которые рассматриваются в Вашингтоне как «сферы жизненно важных или национальных интересов США».

Китайские эксперты Пан Чжипин и Ху Хунпин пишут, что отношения США «со странами Южной Азии, возможно, оказались глубоко переплетены с центральноазиатскими делами», а «в восстановлении Афганистана ключевую историческую роль играет его связка с регионами Южной и Центральной Азии».

«Стратегия «Большой Центральной Азии» и «Большой Южной Азии», по сути, представляют собой идентичное содержание под разными оболочками и олицетворяют попытки включить Афганистан в единое региональное образование со странами Центральной и Южной Азии и главенствующей ролью США в нем».

Следует отметить, что представитель Пакистана на Кабульской конференции не был согласен со Ф. Старом в том, чтобы Афганистан превратился

в ключевую страну региона. Он постоянно повторял, что именно Пакистан является ключевой страной региона.

Возвращаемся к БШП.

В последнее время наблюдаются попытки возрождения и активизации древнего торгового пути, соединяющего Восток и Запад.

Программу международного транспортного коридора Европа-Кавказ-Азия («ТРАСЕКА»-Transport Corridor Europe – Caucasus – Asia) порой называют программой «Новый шелковый путь».

«Программа ТРАСЕКА была начата на конференции, которая прошла в Брюсселе в мае 1993 г. и в которой приняли участие министры торговли и транспорта из восьми первоначальных стран, охваченных проектом ТРАСЕКА».

Это пять республик Центральной Азии и три кавказские республики. На конференции было принято соглашение внедрить программу Технического содействия, финансируемую Европейским союзом для развития транспортного коридора по направлению Запад – Восток из Европы, с пересечением Черного моря, через Кавказ и Каспийское море с выходом на Центральную Азию.

ТРАСЕКА – это попытка возродить средневековые реалии Великого шелкового пути, то есть пути из Китая в Европу через Центральную, Среднюю и Малую Азию.

Анализ прогнозов основных направлений развития мировой экономики свидетельствуют о том, что главные финансовые, товарные и информационные потоки в XXI в. будут сосредоточены в треугольнике США – Европа – Азия. В этой связи важнейшей задачей для стран-участниц ТРАСЕКА является реализация своих геополитических и экономических возможностей через развитие транспортно-коммуникационных сетей.

На сегодняшний день торговый оборот между Азией и Европой уже превышает 2 трлн. долл. в год, при этом доля транспортных расходов составляет 200 млрд. долл.

Крайне важным является и другое обстоятельство: транспортные сети ТРАСЕКА проходят по территориям стран, богатых полезными ископаемыми и запасами энергоресурсов, перспективными в плане их освоения.

Летом 1998 г. двенадцать стран Кавказа, Черного моря и Средней Азии, при поддержке США, достигли соглашения по созданию железнодорожного, морского, воздушного и автомобильного транспортного коридора из Китая и Монголии в Европу, в обход России. Секретариат программы находится в Баку.

В 2008 г. мне довелось участвовать в работе седьмого международного форума ТрансЕвразия (Transeurasia) в Астане. Форум назывался «Евразийский транзит – перспективы развития». На этом форуме я выступал в качестве главы афганской делегации и встречался с несколькими главами делегаций из других стран, участвовавших в конференции. Благодаря этому я детально знаком с данным проектом.

О реакции России на проект ТРАСЕКА можно узнать из официальной справочной информации Департамента экономического сотрудничества МИД РФ, опубликованной в 2000 г. под названием «Евразийский транспортный коридор (ТРАСЕКА)»: «В политическом плане Запад рассматривает данный проект как реальную возможность существенного уменьшения транспортной зависимости бывших республик СССР от России, усиления центробежных тенденций среди стран СНГ.

В целях противодействия вышеуказанным тенденциям необходимо сформировать сеть меридианных и широтных транспортных коридоров «Юг – Запад – Север», что позволило бы привлечь дополнительные грузовые и

пассажирыские потоки из стран Северной и Западной Европы, Средней Азии и Ближнего Востока.

В этой связи следует активизировать работу по созданию международных транспортных коридоров № 2 (Берлин – Варшава – Минск – Москва – Нижний Новгород с продлением до Екатеринбурга и далее на Транссибирскую железнодорожную магистраль) и № 9 (Хельсинки – Санкт-Петербург – Москва с продлением до Новороссийска и Астрахани).

Логичным продолжением последнего маршрута явилось бы создание авто- и железнодорожных паромных сообщений через Каспий к портам Туркменистана и Ирана и далее в регионы Персидского залива и Аравийского моря».

В качестве реакции со стороны РФ на проект ТРАСЕКА Москва в сентябре 2000 г. инициировала подписание в Санкт-Петербурге соглашения между Ираном, Индией и РФ по созданию МТК «Север-Юг».

По моему мнению, если такие проекты как ТРАСЕКА или Гвадар – Кушка и проекты наподобие НАБУККО и ТАПИ являются геоэкономическими проектами, представленными талассократическими странами, то проекты наподобие Большой Ближний Восток, Большая Южная Азия и Большая Центральная Азии являются их геополитическими и геостратегическими составляющими.

Отсюда становятся ясными и их связи между собой. Не случайно, что Ф. Стар в 2008 г. организовал международный форум под названием «Новый шелковый путь: по транспорту и торговле в Большой Центральной Азии» (Silk Road Studies Program-The New Silk Roads – Transport and Trade in Greater Central Asia).

В своей книге под созвучным названием он пишет: «С распадом Советского Союза, решением Китая открыть торговлю через его западную границу, постепенное возвращение Афганистана в сообщество наций, континентальной торговли, охватывающих всю землю Евразийского массива, снова становится возможным».

Интересно, что он в своем умозаключении упоминает Афганистан. О чем это говорит? В стратегических мыслях профессора Стара Афганистан рассматривается не только как ключевая страна и ядро, связывающее три проекта – «Большой Ближний Восток», «Большую Центральную Азию» и «Большую Южную Азию», но и мост, связывающий южную Азию с Центральной.

Если проект ТРАСЕКА можно рассматривать как коридор, связывающий Восток с Западом (Китай – Европу через Центральную Азию – Каспийское море – Кавказ и Турцию), который должен был функционировать в обход России и Ирана, то железнодорожный коридор Карачи – Гвадар – Чаман – Кандагар – Герат – Кушка можно считать как коридор «Юг-Север», связывающий Индию, арабские и африканские страны со Средней Азией через Пакистан и Афганистан.

Одним словом, НШП – это американский проект для установления контроля над трансконтинентальными коммуникациями посредством реализации проекта ТРАСЕКА, а коридор Гвадар – Кушка является дополнительной веткой ТРАСЕКА в виде коридора «Юг-Север». Энергетической составляющей данного проекта являются НАБУККО и ТАПИ.

Другим словом, НШП имеет два компонента:

- транспортный (ТРАСЕКА и Гвадар – Кушка);
- энергетический (НАБУККО и ТАПИ).

Таким образом, большая часть проекта «Новый шелковый путь» сосредотачивается на Афганистане. Отсюда в американской стратегии Афганистану отводится важная роль. Кроме этого, Афганистану отводится роль страны-

ядра, связывающей такие проекты как «Большой Ближний Восток», «Большая Центральная Азия», «Большая Южная Азия».

В статье: «The Eurasian Corridor: Pipeline Geopolitics and the New Cold War», читаем:

«Американская стратегия Шелкового пути: транс-евразийская система безопасности – Стратегия Шелкового пути (СШП) является важным элементом внешней политики США в период после «холодной войны».

Она была сформулирована в законопроекте, представленном в Конгресс США в 1999 г. И призвала к созданию сети энергетических и транспортных коридоров, связывающих Западную Европу с Центральной Азией и, в конечном итоге, с Дальним Востоком.

Стратегия Шелкового пути определяется как «трансевразийская система безопасности». Она призывает к «милитаризации евразийского коридора» в качестве неотъемлемой части новой «Большой игры».

Заявленная цель, как это сформулировано в соответствии с предложенным в марте 1999 г. Актом о Стратегии Шелкового пути, заключается в создании американской бизнес-империи вдоль обширного географического коридора.

Во времена Буша стратегия «Нового шелкового пути» стала основой интервенционизма США-НАТО, в основном с целью интеграции бывших советских республик Закавказья и Средней Азии в сферу влияния США.

Успешное осуществление Стратегии Шелкового пути требует одновременной «милитаризации» всего евразийского коридора от восточного Средиземноморья до Китая через Афганистан в качестве средства обеспечения контроля над обширными запасами нефти и газа, а также обеспечения «защиты» трубопроводных маршрутов и торговых коридоров.

Вторжение в Афганистан в октябре 2001 г. поддерживало эти американские стратегические цели в Центральной Азии, включая контроль трубопроводных коридоров. Афганистан сам является также стратегическим сухопутным мостом, связывающим обширные нефтяные богатства от Каспийского моря до Аравийского.

Принятие неолиберальной политики в рамках консультаций с МВФ и Всемирного банка является неотъемлемой частью стратегии «Нового шелкового пути», которая якобы стремится к развитию «открытых рыночных экономик, <...> [которые] будут давать положительные стимулы для международных частных инвестиций, расширения торговли и других форм коммерческого взаимодействия».

Чоссудовский в статье «Американская «война с терроризмом», Global Research, Монреаль, 2005» пишет: «Стратегический доступ к нефти и газу Южного Кавказа и Центральной Азии является центральным элементом стратегии НШ. Она предполагает противодействие бывшим советским республикам в развитии их собственных экономических, политических и военных связей и сотрудничества, а также противодействие созданию широких связей между Китаем, Россией и Ираном».

В этой связи формирование ГУАМ, которое было начато в 1997 г., было призвано интегрировать бывшие советские республики соглашениями в области военного сотрудничества с США и НАТО, которые бы не допустили восстановления их связей с РФ.

Стратегия США в этом отношении не достигла заявленных целей: в то время как Украина, Азербайджан и Грузия стали де-факто протекторатами США, Кыргызстан, Казахстан, Таджикистан, Армения и Беларусь с геополитической точки зрения объединились с Москвой.

Эта обширная евразийская сеть транспортных и энергетических коридоров была определена Вашингтоном как часть американской сферы влияния:

«Предлагаемые США, НАТО трубопроводные и транспортные коридоры предназначены для подключения их в будущем к предполагаемым транспортным и энергетическим коридорам в Западном полушарии, в том числе к предусмотренным в рамках программы «Североамериканского партнерства безопасности и процветания».

«Партнерство безопасности и процветания для Северной Америки» является тем, чем стратегия Нового шелкового пути является для Кавказа и Центральной Азии. Оно имеет стратегическое значение для региональных конструкций американской бизнес-империи. Это элементы Нового Мирового Порядка».

Несмотря на некоторые различия содержания геополитических и геостратегических проектов двух лагерей (теллурукратические и талассократические государства), они сводятся к соперничеству в следующих ключевых областях:

- за установление контроля над железнодорожными и автомобильными путями;
- за доминирование в нефте- и газопроводных проектах;
- доступ к минеральным ресурсам и резервам полезных ископаемых;
- за доминирование на финансовых рынках;
- за получение контроля над важнейшими аэродромами (авиабазами) в странах региона.

Если целью стран талассократического лагеря является возрождение Шелкового пути в обход России и Ирана, то страны теллурукратического лагеря, естественно, без особого энтузиазма смотрят на попытки реализации подобного рода фантастических проектов.

Россия и Казахстан являются самыми естественными, самыми близкими, самыми дешевыми и самыми безболезненными путями торговли между Европой и западным Китаем.

В этом контексте «Самым важным российским коридором является ТРАССИБ, естественное продолжение общеевропейского транспортного коридора № 2».

Что касается ТРАСЕКА, до сих пор транзит китайских товаров через этот коридор незначителен.

С другой стороны, для расширения торговли между Россией, Центральной Азией, Кавказом и Индией, арабскими и африканскими странами наиболее естественный, короткий, дешевый и простой путь лежит через Иран. Именно поэтому эти страны сосредоточились на проекте коридора «Север – Юг», соединяющий порт Чабахар с Туркменией, Казахстаном и Россией.

Давайте посмотрим, кто доминирует и является победителем этого раунда на данной стадии гонки?

Что касается геополитических и геостратегических игр и конкуренции различных проектов, по моему глубокому убеждению, здесь не может быть выигрыша. Либо все победят, либо все проигрывают. Поэтому есть только один выход – достижение глобального консенсуса и справедливого разделения сферы влияния и ресурсов между крупными державами. Иначе региональные проблемы и конфликты, в том числе кровавый афганский, будут продолжаться до бесконечности.

Что касается геоэкономического аспекта вопроса и, в том числе, проекта Говадар – Кушка и ТАПИ, ясно, то Афганистан не только не стал ключевой страной в геоэкономической игре, а как был, так и остался белым пятном на транспортной карте региона, упустив все шансы играть какую-либо значимую роль.

О проекте железной дороги, связывающей пакистанские порты Карачи и Гвадар с Туркменией через Афганистан, вообще ничего не слышно. Таким же образом и о проекте ТАПИ так же почти очень мало говорят в СМИ.

Парадокс заключается в том, что не Афганистан стал главной транзитной страной региона и мостом соединения, а наоборот Пакистан, Иран и страны СНГ стали транзитными странами для Афганистана.

Что касается Ирана, то в последние годы значительно возросло количество транзитных грузов через эту страну. Иран как главный перекресток транзита региона в последние годы достиг значительных успехов в этой области.

По данным министерства дорог и городского строительства Ирана, к концу выполнения 5-й пятилетней программы развития Ирана (к 2015 г.) объем транзитных перевозок через Иран вырастет до 25 млн. тонн.

Нынешний объем транзитных перевозок через Иран достиг 12 млн. тонн. Через год планируется достичь уровня перевозки 15 млн. тонн транзитных грузов.

Что касается транзитных перевозок по коридору «Восток – Запад», то в этом плане передовой страной региона является Казахстан.

Сегодня на территории Республики Казахстан функционируют такие международные транспортные коридоры как МТК Европа – Азия, связывающий западный Китай через Центральную Азию с Европой, коридор «Север – Юг» (соединяющий южно-иранские порты Чар-Бахар и Бендер-Аббас на побережье Персидского залива, через Бафк и Мешхед с Туркменистаном, Казахстаном и Россией), Центральноазиатский коридор и Трансазиатская железнодорожная сеть.

Удельный вес стран Центральной Азии в мировом транзите ныне незначительный, но в то время их транзитный потенциал в обслуживании грузопотока между Азией и Европой очень высок.

По оценкам экспертов, доля транзита китайских товаров в Европу через Центральную Азию составляет 1% мирового транзита.

Учитывая очень высокий потенциал, страны региона могли бы совместными усилиями достичь высоких показателей в области транзита. Ожидается, что к 2020 г. транзит грузов по казахстанской железной дороге может достигнуть 40 млн. тонн, в том числе 17-19 млн. тонн товаров, произведенных в Китае.

Таким образом, с уверенностью можно говорить о том, что планы Америки в отношении реализации вышеперечисленных проектов столкнулись с неудачей.

Здесь мы рассмотрим ситуацию в области энергетики.

В то время, когда мало что слышно о проекте ТАПИ и НАБУККО, Китаю удалось построить газопровод и нефтепровод из стран Средней Азии и начать поставку углеводородов для нужд собственной экономики.

Трубопроводные проекты Туркменистан – Китай и Казахстан – Китай весьма неприятны для стратегических интересов США в Евразии. Они подрывают логику американской Стратегии возрождения Шелкового пути.

Дмитрий Верхотуров, эксперт Центра изучения современного Афганистана, в статье «ТАПИ – аварийная отмена?» пишет: «Не так давно были завершены переговоры по строительству газопровода ТАПИ. Но в начале 2011 г. в США был выдвинут план дальнейшей стратегии в Афганистане, который угрожает этому проекту полным провалом.

Бывший заместитель советника президента США по национальной безопасности Роберт Блэквилл предложил, ссылаясь на высокие потери и невозможность удержать юг Афганистана, перейти к «Плану Б». Этот план предусматривает резкое сокращение иностранного военного контингента со

150 тысяч до 30-50 тысяч человек и отвод его к Кабулу и в северный Афганистан. Весь южный Афганистан от провинции Кунар до провинции Нимроз оставляется, таким образом, талибам.

Если американцы покинут южный Афганистан, то афганские силы не смогут гарантировать безопасность строительства газопровода, который пройдет через южные провинции.

Затягивание же строительства представляет угрозу провала всего проекта. Таким образом, американский «План Б» разрушает все то, что страны-участники соглашения по ТАПИ создали с большим трудом.

Американский «План Б» перемешал все карты и сломал все расчеты.

Впрочем, Китай все равно внакладе не останется. 27 августа 2011 г. китайская нефтегазовая компания China National Petroleum Corp. заявила о том, что до 2015 г. есть планы удвоить мощности газопровода Туркменистан – Китай и довести объем импорта газа до 55-60 млрд. кубометров в год.

Это просто поворот того объема газа, который должен был пойти в ТАПИ, в газопровод Туркменистан – Китай. На уже выданный кредит «Туркменгаз» просто построит трубопровод в другом направлении. Таким образом, можно считать, что единственным проигравшим в этой игре стал Афганистан, ставший жертвой «плана Б» Блейквилья.

Что касается трубопровода НАБУККО, то, несмотря на практическое подписание соглашения, все еще существуют некоторые туманности относительно того, как загрузить этот трубопровод.

Даже серьезно обсуждался тот вопрос, что прокладка трубопровода НАБУККО с учетом 11 млрд. долл. расходов, без участия Ирана, не имеет экономического оправдания. Между тем, европейские государства под нажимом США не пригласили ИРИ для участия в этой церемонии.

Однако то, что придало соглашению о прокладке трубопровода НАБУККО скандальный и политический характер, так это стратегия европейских государств по сокращению энергетической зависимости от России».

Проект газопровода НАБУККО из Центральной Азии и Закавказья в Европу в обход России может так и остаться на бумаге. Об этом пишет «Файнэншл таймс».

С проблемой ресурсной базы НАБУККО столкнулся с самого начала, отмечает президент Союза нефтегазопромышленников РФ Геннадий Шмаль: «Что касается Азербайджана, то сегодняшний баланс показывает: у него свободного газа практически нет. Туркмения построила газопроводы в Китай и в Иран. Плюс – мы покупаем у Туркмении. Поэтому свободного газа сегодня у Туркмении тоже нет.

Остается Иран. Но, учитывая отношения Ирана с некоторыми западными странами, в том числе США, вряд ли он может рассматриваться как участник проекта. НАБУККО – это больше пиаровская акция, чем серьезный, экономически оправданный проект».

Один из иранских исследователей по этому поводу пишет: «Россия любыми путями стремится к тому, чтобы препятствовать осуществлению НАБУККО и прибегает к политическим и экономическим средствам. Заключение контракта с Азербайджаном является одним с таких средств.

На основе газового соглашения Тегеран – Баку, Иран, тоже для обеспечения удовлетворения энергетических потребностей своих северных городов, намерен поставлять азербайджанский газ».

Таким образом, выходит, что ни ТРАСЕКА, ни ТАПИ, ни НАБУККО и ни Гвадар – Кушка пока не реализуются, и остаются на бумаге. А уж о таких громких проектах как ББВ, БЦА и БЮА говорить нечего.

Что касается Афганистана, то эта страна не стала мостом, соединяющим север и юг. Доля Афганистана в региональном транзите практически равня-

ется нулю. Проект ТАПИ с каждым днем становится все более сомнительным, а про железную дорогу Гвадар – Кушка почти все забыли. Таким образом, Афганистан является самым большим неудачником в геэкономической войне в регионе.

Возникает вопрос – почему, несмотря на 50 млрд. долл. помощи, полученных от мирового сообщества за последние десять лет, в Афганистане кроме 75 км железной дороги, построенной от Термеза до авиабазы в Мазар и-Шарифе для доставки американских военных грузов, больше ничего не сделано?

Афганистан имел уникальный шанс – заключив контракт на разработку месторождения меди «Айнак» с Казахстаном, построить железную дорогу от Термеза до Кабула, а далее до Логара и порта Торхам (Пакистан). Однако этот шанс был упущен, а месторождение «Айнак» отдали китайцам.

Некоторые эксперты в этом обвиняют соседние страны за непрекращающееся вмешательство во внутренние дела Афганистана, а другие обвиняют афганское правительство в халатности, бездарности и недееспособности.

Как бы то ни было, западные страны, в частности США помимо упомянутых 50 млрд. долл. «помощи» «коррупционному» афганскому правительству, истратили еще около 450 млрд. на безрезультативную военную кампанию. Очевидно, что если бы американцы вместо того, чтобы разжигать «асимметричную войну» в Афганистане, вложили бы эти астрономические средства в экономики Пакистана, Афганистана и среднеазиатских государств, то они бы стали бесспорными победителями в геэкономической игре в регионе.

Что касается таких легендарных и виртуальных проектов как Великий шелковый путь, то они как были, так и остаются легендой на бумаге.

Очевидно, что такие проекты как строительство ЖД Карачи – Гвадар – Чаман – Кандагар – Герат – Кушка и ТАПИ являются реальными проектами. Однако для их осуществления необходимо обеспечить условия для мира и стабильности в стране.

До тех пор, пока не произойдут конструктивные изменения в американской стратегии по отношению к Афганистану и региону, в Афганистане не произойдет кардинальных перемен, которые смогли бы привести к зарождению нового, свободного, суверенного и нейтрального Афганистана, живущего на твердой основе соблюдения законов, справедливости, демократии и равноправия граждан, не стоит ожидать достижения этих целей.

КОНЦА ВОЙНЫ В АФГАНИСТАНЕ НЕ ВИДНО¹

ВУЛЬФ ЛАПИНС

Кандидат политических наук, руководитель Регионального представительства Фонда имени Фридриха Эберта по Центральной Азии (2006-апрель 2012) [Узбекистан, Германия]

Усама бен Ладен, идейный вдохновитель, медиум, символическая фигура и крестный отец террористического джихадизма «Аль-Кайды», мертв². Однако сети «Аль-Кайды», как и постоянно растущее число автономных террористических ячеек, не имеющих какой-либо структуры, на протяжении необозримого времени будут еще свирепствовать во всем мире подобно метастазам также и без их символической фигуры³.

Совет Безопасности ООН 20.12.2001 г. единогласно принял резолюцию 1386 и тем самым легитимировал проведение силовой операции по установлению мира на основании Главы VII Хартии ООН «Истребление терроризма», определив, «что положение в Афганистане по-прежнему представляет собой угрозу международному миру и безопасности»⁴. На основании данного международного мандата были сформированы Международные силы содействия безопасности в Афганистане (рус. сокр. – МССБ, англ. – ISAF, от «International Security Assistance Force»). До этого Совет Безопасности ООН уже принимал три резолюции, направленные на борьбу с угрозой международного терроризма и на обеспечение большего военного взаимодействия: 1368 / 12.09.2001; 1373 / 28.09.2001; 1377 / 12.11.2001.

Скорейший вывод войск из Афганистана?

Поэтому не удивительно, что после расстрела Бен Ладена разгорелись мощные дебаты относительно более раннего вывода контингента ISAF в противовес решению, принятому на Лондонском саммите НАТО 20 ноября 2010 г.⁵ Директор французского Фонда стратегических исследований Франсуа Эйсбур (Francois Heisbourg), пользующийся международным авторитетом, отмечает следующее: «Отправной точкой для интервенции в Афганистан был Бен Ладен. С его смертью будет все труднее оправдать присутствие этих войск, независимо от положения дел на местах»⁶.

[1] Материалы Международной конференции «Сценарии для Афганистана и трансформация региональной безопасности», Алматы, 9-10 июня, 2011 г.

[2] Отщательном исследовании обстоятельств 18-летней охоты на него, закончившейся его расстрелом 1 мая 2011 г. спецназом ВМС США (US-Navy Seals) в пакистанском Абботабаде, см. «Ende eines Massenmörders» (Конец массового убийцы) в: Der Spiegel № 19/2011. С. 76-91.

[3] Интервью с председателем внешней разведки ФРГ Эрнстом Урлау (Ernst Uhlrau), там же, с. 30; Ясин Мушарбаш (Yassin Musharbash): «Временный глава будет руководить «Аль-Кайдой»: до предполагаемой присяги верности Айману аль-Завахири в качестве нового «мира» (вождя) «Аль-Кайды». «Террористическая сеть «Аль-Кайда» признала своего военного лидера Сейфа аль-Адла временным преемником убитого Усамы бен Ладена (...). Он будет руководить текущей деятельностью террористической сети до тех пор, пока у Аймана аль-Завахири, официального заместителя Усамы бен Ладена, не появится возможность принять присягу верности от главных лидеров «Аль-Кайды» – <http://www.spiegel.de/politik/ausland/0,1518,druck-763145,00.html>; 17.5.2011; относительно организационной структуры «Аль-Кайды» см. «Österreichische Militärische Zeitschrift» (Австрийский военный журнал), 3/2011, с. 335.

[4] <http://www.ag-friedensforschung.de/themen/UNO/resolution1386.html> „Supporting international efforts to root out terrorism, in keeping with the Charter of the United Nations (...) Determining that the situation in Afghanistan still constitutes a threat to international peace and security»

[5] Передача афганскому правительству ответственности за собственную безопасность планируется начать с 2011 г. и завершить к концу 2014 г.

[6] Sebastian Fischer/ Phillip Wittrock, Bin-Laden-Tod befeuert Debatte über Afghanistan Abzug (Смерть бен Ладена распалает дебаты о выводе войск из Афганистана). <http://spiegel.de/politik/ausland/0,1518,760329,00.html>; 3.5.2011

Мандат Бундесвера Германии, вновь продленный 28 января 2011 г., разрешает задействовать не более 5350 военнослужащих, включая резервистов, и действует по 31 января 2012 г. Вывод должен начаться в конце 2011 г., «в зависимости от ситуации». Такая формулировка стала результатом трудного процесса межведомственного согласования⁷. При этом правительство и парламент ориентировались на временной коридор США, когда намерены начать вывод своих войск в середине 2011 г. И не удивительно, когда министр иностранных дел Германии не намерен допускать даже возникновение дискуссии о более быстром выводе войск. «Эти призывы легкомысленны во внешнеполитическом смысле и противоречат нашим собственным интересам безопасности (...). Мы ведь вошли в Афганистан не для поимки одного лидера террористов, а для предотвращения того, чтобы Кабул не стал вновь всемирной столицей террористов, как это было ранее при талибах»⁸. Теперь генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен, в частности, с тревогой следит за всеми возникающими требованиями скорейшего вывода войск. Нидерланды в качестве первой западной страны вывели свою армию в конце 2010 г. из Афганистана (южной провинции Урузган). Канадцы и поляки намерены последовать этому примеру в 2011 г., и тем самым внесут разлад в согласованный план-график передачи ответственности за обеспечение безопасности.

С убийством Бен Ладена, по мнению депутата от республиканской партии США Барни Франка (Barney Frank), напротив, как бы исчезла правовая основа для операции войск США. «Мы пошли туда, чтобы поймать Усаму бен Ладена. Теперь нам это удалось, и поэтому, я думаю, что это – аргумент»⁹. Его коллега в парламенте от демократов Джеррольд Надлер (Jerrold Nadler) высказывает свое мнение: «Нам удалось сделать то, что мы давно хотели в Афганистане. Теперь США следует прекратить «растрачивать наши войска, наши деньги и наши жизни»¹⁰. Напомним также, что в своей речи под бурные овации, стоя 21.09.2001 в Конгрессе, президент Джордж Буш категорически потребовал от руководства талибов в Кабуле следующее: «Талибы должны выдать террористов или разделить их участь». Он прямо назвал здесь Усаму бен Ладена. Он ультимативно потребовал: «Либо вы за нас, либо за терроризм». И он обещал соотечественникам: «Мы – сильная страна, справедливость будет обеспечена. Наша скорбь превратилась в гнев, а наш гнев – в решительность»¹¹.

Как известно, правительство талибов не выдало ни одного из ответственных за покушения 9 сентября 2001 г. В ответ на это США и Великобритания нанесли первые авиаудары по предполагаемым базам талибских боевиков и «Аль-Кайды» в Афганистане. Началась роковая «война с террором» («war on Terror»). Террористическое насилие и боевые действия, напоминающие войну, длятся в Афганистане уже столько же времени, сколько длились Первая и Вторая мировые войны вместе взятые. И перспектива победы и/или мира мрачная. «Война с террором» с логикой, заложенной в ее системе, стала причиной появления Гуантанамо, Абу-Грайба, Баграма и других неизвестных, расположенных во всем мире американских тюрем пыток, а также «Kill Teams» (команд убийц) в рамках «стратегии борьбы с повстанческим движением» (counter-insurgency-strategy).

[7] <http://www.welt.de/aktuell/article11766582/Guttenberg-geht-auf-Konfrontationskurs-zu-Westerwelle.html?print=true#reqdrucken:21.12.2010>

[8] http://www.focus.de/politik/ausland/afghanistan/bundeswehr-in-afghanistan-westerwelle-weist-abzugsforderungen-zurueck_aid_623951.html;4.3.2011

[9] Hans Monath, <http://www.tagesspiegel.de/politik/der-westen-haelt-am-fahrplan-fest/4129900.html>; 3.5.2011

[10] <http://spiegel.de/politik/ausland/0,1518,760329,00.html>; 3.5.2011

[11] Wernicht f r uns ist, ist gegen uns (Кто не за нас, тот – против нас). <http://www.spiegel.de/politik/ausland/0,1518,158495,00.html;21.09.2001>

Международно-правовая база миссии ISAF, однако, никоим образом не отпала с ликвидацией Бен Ладена. В этом контексте те предполагаемые примерно 200 «боевиков» «Аль-Кайды» в Афганистане с их террористическими атаками тоже не обоснование для всех продлений мандата ISAF. Пренебрежимого симбиоза между «Аль-Кайдой» и джихадистскими талибами, олицетворяемого Усамой бен Ладеном и муллой Мохаммедом Омаром, с момента ликвидации «Исламского эмирата Афганистан»¹² в результате американо-британского военного вторжения в 2001 г. больше не существует в том виде, в котором он существовал некогда.

«Нет ни одного случая, когда афганский талиб участвовал бы в терактах за пределами Афганистана. Нет ни одного афганца в руководстве «Аль-Кайды» и ни одного араба в командной структуре афганских талибов. Выражаясь джихадистскими понятиями: «Аль-Кайда» сосредотачивается на «дальнем враге», США и их союзниках, на их же территории, в то время как талибы ведут борьбу на территории своей страны с «ближним врагом!» – с Кабульским правительством и тем, что они считают оккупационными войсками»¹³.

Тем самым последовательной является оценка резолюции 1386 от 2001 г., согласно которой «положение в Афганистане по-прежнему представляет собой угрозу международному миру и безопасности». Такая угроза международному миру и безопасности может иметь свои причины в трансграничных потоках беженцев, как это было отмечено Советом Безопасности в его резолюции 688 от 5.04.1991 г. (защита курдов, преследуемых в северном Ираке) или как определено в резолюции 746 от 17.03.1992 г. (по Сомали) как «масштабы человеческих страданий, вызванных конфликтом». В резолюции 1386 это – отсутствующий афганский суверенитет, независимость, территориальная неприкосновенность и национальное единство¹⁴, продолжающие вызывать оправданную обеспокоенность Совета Безопасности относительно мира и безопасности.

Действующий в настоящее время мандат ISAF, т. е. резолюция 1993 г., выдан Советом Безопасности ООН 13 октября 2010 г. со сроком действия до октября 2011 г.

Афганистан – это несостоятельное государство (failing state), представляющее угрозу и без того хрупкой региональной стабильности. Спаривание разных талибских группировок из Афганистана с такими группировками из Пакистана, несомненно, образует «резонансный фон» угрозы безопасности, констатируемый Советом Безопасности ООН. «С момента своего появления в начале 1990 гг. талибы являются инструментом пакистанской армии и пакистанских спецслужб (ISI) <...> Пакистанская армия хочет контролировать Афганистан, чтобы обладать необходимой с ее точки зрения «стратегической глубиной» на случай военной конфронтации с Индией»¹⁵. Однако было бы ложным выводом понимать талибов всего лишь как повстанцев, дистанционно управляемых Пакистаном. «Повстанческое движение характеризуется тремя группировками, которые взаимодействуют точно и, по меньшей мере, номинально в большинстве своем подчинились мулле Омару. Речь идет собственно о самих талибах, о сети Хаккани и Хизб-е Ислами»¹⁶.

[12] С 1996 до 2001 гг. Мулла Омар выступал в качестве фактического главы исламского афганского эмирата. Он и сегодня является бесспорным лидером для афганских талибов.

[13] «Thomas Ruttig, Der nahe und der ferne Feind (Ближний и дальний враг) – <http://www.ag-friedensforschung.de/regionen/Afghanistan/alkaida.html>; 16.05.2011

[14] «Reaffirming its strong commitment to the sovereignty, independence, territorial integrity and national unity of Afghanistan»

[15] Guido Steinberg/Christian Wagner/Nils W. rmer, Pakistan gegen die Taliban (Пакистан против талибов), SWP-Aktuell, 30 марта 2010 г., с. 2. ISI – пакистанская спецслужба «Inter-Services Intelligence»; относительно пакистанской инструментализации Афганистана, обусловленной навязчивой идеей обеспечения безопасности по отношению к Индии, ср. содержащееся в данной публикации выступление Беруза Абдольванда/Санду-Даниеля Корпа (Behrooz Abdolvand/Sandu-Daniel Kopp), Afghanistan: Ist der Frieden greifbar? (Афганистан: мир не за горами?).

[16] Там же, с. 5; сеть Хаккани, названная так по имени Джалалуддина Хаккани (Jalaluddin Haqqani), бывшего полевого командира муджахединов, осуществляет свою деятельность со своей племенной территории в пакистанском Северном Вазиристане; главой Хизб-е Ислами является также бывший полевой командир муджахединов Гульбуддин Хекматияр

Угроза из Афганистана?

«Безопасность Германии защищается и на Гиндукуше!»¹⁷ Этот девиз тогдашнего министра обороны Германии Петера Штрука (Peter Struck) довольно прост и хорошо запоминается, но неверен. Безопасности Германии никогда – ни раньше, ни сейчас – не угрожала острая или косвенная военная угроза в результате ситуации в Афганистане. Однако подобная внешняя угроза является предпосылкой для вытекающей из этого необходимости обороны. В частности, в адрес тех европейских и неевропейских государств, которые участвовали в коалиции «добровольцев» в войне против Ирака, Усама бен Ладен в своем видеопослании в октябре 2003 г. пригрозил: «Мы оставляем за собой право в определенное время и в определенном месте отомстить Великобритании, Австралии, Польше, Испании, Японии и Италии»¹⁸.

Разрушительные теракты в Мадриде (11.03./3.04.2004) и в Лондоне (7.07.2005) Бен Ладен и второй человек в иерархии «Аль-Кайды», Айман аль-Завахири, находясь в своих убежищах, восхваляли как шаги к достижению дальней цели – «крупной чистки исламской земли от Иерусалима до Андалузии». Однако эти теракты, как и теракт в Стамбуле сопоставимы по своей бесчеловечности и причиненным страданиям (8.06.2010), управлялись не из Гиндукуша.

Внутренняя безопасность в Германии подвергалась значительной опасности, начиная с 1970 г. в результате вооруженной борьбы немецкой террористической организации «Фракция Красной Армии» (сокр. «RAF» от «Rote Armeefraktion») и «Движения 2 июня» (Bewegung 2. Juni) вплоть до самороспуска в 1998 г. 34 убийства, многочисленные нападения на банки и теракты с использованием взрывчатки были кровавым следом этого левоего террора. «RAF не была кучкой изолированных идеалистов. Без сети, в которую входили палестинские террористы, арабские диктатуры и коммунистические спецслужбы, она вряд ли была бы дееспособной. Особенно трагически это проявилось в 1977 г. в случае похищения Шляйера (Schleyer) (председателя Союза работодателей Германии – прим. пер.)» <...> «Германской осенью» ярко проявилась, прежде всего, их зависимость от палестинских террористических организаций, а именно Народного фронта освобождения Палестины (НФОП), «спецгруппа» которой организовала похищение самолета Люфтганзы «Ландсхут» <...> То, что КГБ оказывал поддержку, по меньшей мере, НФОП, подтверждает доклад председателя КГД Юрия Андропова Леониду Брежневу в 1974 г. В нем говорится: «...отношения с Хаддадом позволяют нам в определенной степени контролировать деятельность отдела внешних операций НФОП, оказывать на нее выгодное Советскому Союзу влияние, а также осуществлять в наших интересах силами его организации активные мероприятия с соблюдением полной конспирации...»¹⁹.

Тем не менее, в то время ни одному политику не могло прийти на ум заявить, что безопасность Германии необходимо оборонять и в арабской северной Африке, на Ближнем Востоке или даже в Москве.

Последние несколько лет внутренняя безопасность Германии вновь находится под квазилатентной непрерывной угрозой со стороны терроризма. Теперь источником вдохновения, как в случае терактов в Испании и Ве-

(Gulbuddin Hekmatyar), эта партия ответственна за восстания на северной афганско-пакистанской приграничной территории. Однако Евгений Кожкин, директор Российского института стратегических исследований в Москве, в общении с автором Вульфом Лапином (Wulf Lapins) на международной конференции «Сценарии для Афганистана и трансформация региональной безопасности» 9.06.2011г. в Алматы (Казахстан) высказал свои сомнения относительно того, что Хекматияр признает мутлу Омара в качестве духовного лидера повстанческого движения.

[17] Это высказывание было сделано тогдашним министром обороны Петером Штруком (Peter Struck) на пресс-конференции 5.12.2002 г. в контексте объявления новых Директив оборонной политики (действовавшие до этого Директивы были приняты в 1992 г.) и планируемой будущей структуры Бундесвера по обеспечению дееспособности в географически не установленных кризисных регионах с соответствующими оборонными закупками.

[18] Michael Kloth/ Hans Jürgen Schlamp, Angst kriecht durch Europas Hauptstädte (Страх ползет по столицам Европы). – <http://www.spiegel.de/politik/ausland/0,1518druck-290753,00.html>; 15.03.2004.

[19] Richard Herzinger, http://www.welt.de/article1159102/Deutsche_Desparados_mit_arabischen_Freunden.html; 5.09.2007

ликобритании, является ориентация на религиозно-фундаменталистское толкование ислама. Об этом свидетельствуют попытки совершения терактов на поездах ближнего следования с использованием чемоданов, начиненных взрывчаткой (Кельн, 2006), против учреждений США («Зауэрландская группа», 2007) и запланированный теракт на общественный пассажирский транспорт (Дюссельдорф, 2011). Лица, подозреваемые в покушении на теракт, предположительно, – граждане Германии, принявшие ислам очень консервативной школы исламского мышления, или иностранцы, давно проживающие в Германии и все больше радикализирующиеся в религиозно-фанатическом духе. Это дополняется накопившимся у всех них разочарованием, гневом и ненавистью к западному образу жизни. Но никто из них не является афганцем или талибом. Мы имеем дело с растущим «франчайзингом» «Аль-Каиды». «И после смерти Усамы бен Ладена в Германии продолжает существовать джихадистская сеть «Аль-Каиды». Каждый месяц в среднем 5 исламистов выезжают из страны обучаться террору в лагерях для боевиков»²⁰.

Внутренняя безопасность в Германии должна и впредь оставаться задачей полиции, спецслужб, прокуратуры и судов. Внутренняя безопасность защищается в Германии, а не обороняется военными средствами за пределами Германии. Только на случай чрезвычайного положения в стране у военных в Германии имеется четко сформулированная в законодательстве вспомогательная функция по поддержанию внутренней безопасности.

Ведение войны на базе неверной стратегии

26 сентября 2001 г. министр обороны США Дональд Рамсфелд (Donald Rumsfeld) заверил, что «в борьбе с терроризмом никакого крупного наступления не будет <...>. Также не планируется никакого вторжения наподобие наступления Союзников на Францию в 1944 году <...>». Кроме того, он обещал «не лгать СМИ касательно борьбы с терроризмом». Вместе с тем, он не может «обещать всегда говорить всю правду, если это может поставить операцию под угрозу»²¹. 10 дней спустя, 7 октября, американские и британские военные самолеты начали наносить авиаудары по предполагаемым базам талибских повстанцев и «Аль-Каиды». 3 дня спустя противовоздушная оборона талибов была практически полностью уничтожена. Вслед за этим Рамсфелд заявил: «Военно-воздушные силы США могут круглые сутки наносить удары по талибам в Афганистане»²². О присутствии уже военного спецназа в Афганистане он сообщил 31 октября. Первая крупная операция сухопутных войск имела место 26 ноября. Следует заметить: с учетом всего спектра военных возможностей такой мировой державы как США для Рамсфелда эта военная интервенция возможно действительно не была «крупным наступлением» – однако с точки зрения Афганистана это выглядело иначе.

В политическом общении расхождения в толковании встречаются повсеместно, как и в повседневной жизни: два человека говорят об одном и том же лесе. В то время как один ассоциирует его с понятием «зеленый», другой – с понятием «большой».

То, что начиналось как военная карательная экспедиция и освобождение (от «Аль-Каиды» и талибов), шаг за шагом превратилось в войну без каких-либо заранее определенных четких и изложенных общественности целевых критериев и без стратегии выхода. Намерение победить в войне, напротив, стало декламироваться подобно мантре. Афганская операция длится

[20] Marcel Rosenbach/Holger Stark, Eine Bombe f r Deutschland (Бомба для Германии), в: Der Spiegel 19/2011, с. 28-33.

[21] Einen ‚D-Day‘ soll es nicht geben (Дня «Д» быть не должно). – <http://www.spiegel.de/politik/ausland/0,1518,druck-159370,00.html>; 26.09.2001.

[22] Sturm der Flugzeuge wird weitergehen (Авианаступление продолжится). – <http://www.spiegel.de/politik/ausland/0,1518,druck-161612,00.html>; 10.10.2001.

уже дольше национальной военной травмы Вьетнамской войны. За провал у подножий Гиндукуша президент Обама и министр обороны Роберт Гейтс (республиканец, назначенный Джорджем Бушем на эту должность в конце 2006 г.) недвусмысленно винят Буша. Обама: «Шесть лет Афганистану отказывалось в средствах, которые требует Кабул, из-за войны в Ираке»²³. Гейтс: «Мы преследуем тактику затягивания; мы были полностью задействованы в Ираке. В первый месяц работы на должности, в январе 2007 г., я продлил операцию 10-й горной дивизии; весной 2007 г. я направил еще одну бригаду в Афганистан. Больше у нас не было; мы были перегружены. Думаю, у нас не было полномасштабной стратегии в том виде, в каком она есть у нас сейчас»²⁴.

Когда 25 июня 2010 г. президент Барак Обама представил генерала Дэвида Петрэуса (David Petraeus) в качестве нового командующего ISAF в Афганистане, тот принял этот пост с фатальным балансом на тот момент: «До сих пор погибло более 1000 солдат США, расходы скоро достигнут 1 триллиона долларов, и талибы все еще не побеждены. Напротив, они становятся сильнее»²⁵. Такая оценка ситуации остается актуальной и сегодня, с еще большим количеством убитых и с еще большими расходами.

Правительство Обамы возлагает надежды на четырехзвездного генерала Петрэуса. В 1987 г. он защитил свою докторскую диссертацию в Принстонском университете на тему «The American Military and Lessons of Vietnam» (Американские военные и уроки Вьетнамской войны). В Ираке он отвечал за формирование и обучение новой иракской армии. Накопленный им там опыт и осуществление стратегии и тактики борьбы с повстанцами теперь ему предстоит применить в Афганистане. Но ему надо поспешить с этим, ведь Обама 28 апреля 2011 года назначил его председателем ЦРУ, начиная с 1.09.2011 г. Нынешний руководитель Леон Панетта (Leon Panetta), предположительно в начале июля сменит Роберта Гейтса на посту министра обороны, который по собственному желанию намерен уйти на заслуженный отдых. Вполне вероятно, что эта кадровая рокировка должна и будет означать усиление роли тайных операций ЦРУ по борьбе с повстанцами вследствие принятого решения о сокращения войск США.

Сухопутные военные операции всегда сопряжены с риском длительных боестолкновений и крупных потерь. Вьетнам, Ирак, Афганистан подтверждают это. С помощью одних лишь авиаударов никакая война не будет иметь успеха. Ведь для этого необходимо и то и другое – ВВС и пехота. Однако вопрос в этом контексте звучит так: как формировать альянсы и каково при этом взаимодействие и распределение ролей? В войне против сербов в Боснии НАТО ограничил свои боевые операции воздушными бомбардировками. По заданию Пентагона одна из американских военно-консалтинговых фирм обучала и вооружала хорватских военных настолько успешно, что они смогли провести успешные крупные контрнаступления и отвоевать значительные части Боснии-Герцеговины. Таким образом, спустя 3,5 года войны в Боснии и Герцеговине под давлением и при посредничестве США, 21.11.1995 г. в Дэйтоне удалось заключить мирный договор между Хорватией, Сербией и Боснией-Герцеговиной. Во время войны в Косово западный альянс также не использовал сухопутные войска, ограничив свою военную роль авиаударами. Наземные бои вела Освободительная армия Косово (ОАК). Таким образом «американская стратегия на Балканах могла бы привести к успеху и на Гиндукуше, и в Персидском заливе: в начале «войны с террором» США

[23] Klaus Jürgen Haller, Auf der Suche nach Auswegen (В поиске путей выхода). – <http://www.dradio.de/dlf/sendungen/hintergrundpolitik/1054479/drucken>, с. 2; 20.10.2009.

[24] Там же, с. 3.

[25] Peter Gruber, http://www.focus.de/politik/ausland/afghanistan/tid-18789/david-petraeus-obamas-intellektueller-krieg_aid_522919.html; 24.06.2010.

ограничили свои операции против талибов и «Аль-Кайды» использованием ВВС и спецназа ... Войну на земле вел Северный альянс в Афганистане. Это их войска вошли в Кабул. Лишь после этого началось размещение крупных соединений западной пехоты, оглядываясь назад – серьезная ошибка. Первоначальная цель после 11 сентября 2001 г. – отнять у исламских террористов Афганистан в качестве пространства для отступления – была уже достигнута. Северный альянс и другие союзнические афганцы могли бы построить государство, которое не соответствовало бы эталону демократии, но, по меньшей мере, не представляло бы угрозы Западу»²⁶.

Джордж Буш до этого требовал от Северного альянса не занимать и затем контролировать Кабул в качестве единственной группы. Это требование и предостережение он высказал предположительно по соображениям политической корректности по отношению к Пакистану. «Не случайно американский президент стоял рядом со своим пакистанским коллегой Первезом Мушаррафом, когда тот требовал проявления сдержанности от Северного альянса. Годы военный режим Пакистана поддерживал талибов в борьбе против оппозиции на севере Афганистана. Поэтому Мушарраф неохотно смирился с участием Северного альянса в формировании политического будущего страны»²⁷. В свою очередь, США годами оказывали финансовую и военную поддержку муджахеддинам Северного альянса для борьбы с талибами. Однако именно режим насилия, коррупции и несправедливости, установленный ими во время гражданской войны после 1992 г., как известно, сделал возможным приход талибов к власти, в частности, вследствие их поддержки среди пуштунских афганов.

В военной операции в Ливии США и сейчас использовали лишь свои ВВС и, уже зная, даже не стали идти на риск наземных боев. Это, пожалуй, военный урок, извлеченный из прежних сухопутных операций, повлекших большие потери. Но вместе с тем, это – лишь взгляд и сведение ведения войны к военному аспекту тактики и стратегии. Однако, если ведение войны ориентируется на достижение стратегической цели преобразования и формирования политического устройства в стране, подвергшейся интервенции, территория обязательно подлежит оккупации (наземными войсками), если во «вражеской стране» нет противоборствующих сторон.

Геополитика, геоэкономика, антитерроризм

Геополитическое планирование нового порядка Ближнего Востока, а также кавказского и центральноазиатского регионов и борьба с международным терроризмом взаимосвязаны с геоэкономической стратегической концепцией освоения ресурсов (нефти и газа) и обеспечения возможности переброски (трубопроводы/транспортные коммуникации) для огромного энергопотребления США.

«И в этом контексте необходимо рассматривать антитеррористические операции против Афганистана и Ирака. Господство талибов и террористических банд Бен Ладена, нашедших прибежище в Афганистане, несомненно, были основными причинами военной операции США в конце 2001 г. Мотивами военного вторжения, которые нельзя недооценивать, были и трубопроводные проекты, обсуждаемые в рамках нового политического устройства центральноазиатского пространства. США отдают предпочтение центральноазиатскому трубопроводу с годовой пропускной способностью в 30 млрд. кубометров из туркменского Даулатабада через Афганистан в Пакистан и, возможно, в Индию. Еще один центральноазиатский нефтепровод с пропускной способностью в 50 млн. тонн в год должен предположительно

[26] Thomas Speckmann, <http://www.zeit.de/2011/20P-Libyen-Intervention?page=all&print=true>; 14.05.2011.

[27] Christoph Schult, Nordallianz bereitet Besetzung von Kabul vor (Северный альянс готовится взять Кабул). – <http://www.spiegel.de/politik/ausland/0,1518,druck-167379,00.html>; 12.11.2001.

проходить от Казахстана через Туркменистан в Афганистан в пакистанский портовый город Гвадар на побережье Аравийского моря. Неслучайно то, что Хамид Карзай спустя пять месяцев после своего назначения на пост председателя переходного афганского правительства подписал соглашение с Туркменистаном и Пакистаном, и тем самым реанимировал проект нефтяного транспортного коридора. Еще до терактов против посольств США в Найроби и Дар-эс-Саламе летом 1998 г. Карзай по заказу американского нефтяного концерна Unocal выступал за строительство газопровода через Афганистан»²⁸.

В результате обеспокоенности молодых, авторитарных, нестабильных центральноазиатских стран возможностью просачивания экстремистско-религиозных течений и их последователей США удалось создать перевалочную авиабазу в Кыргызстане (в аэропорту Манас). Узбекистан, Казахстан и Таджикистан предоставляют НАТО право на пролет над своей территорией для операции ISAF в Афганистане. «Взгляд на географическую карту всё объясняет. Центральное расположение Афганистана буквально бросается в глаза. Протяженные прямые границы с Ираном, Пакистаном и тремя центральноазиатскими республиками СНГ (Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан – автор) имеют огромное геополитическое значение. Отныне Афганистан будет служить американским войскам в качестве непотопляемого авианосца»²⁹.

Долгосрочное военное присутствие США/НАТО в Афганистане

В своей речи на 47-й международной конференции по вопросам безопасности, состоявшейся в Мюнхене (4-6 февраля 2011 г.) президент Афганистана Хамид Карзай отметил, что его правительство поставило перед собой цель взять на себя ответственность за обеспечение безопасности на территории всей страны до конца 2014 г. Вехой на этом амбициозном пути должно стать увеличение числа афганских сотрудников органов обеспечения безопасности к концу 2011 г. до 300 тысяч человек. Однако весьма сомнительно, будет ли достигнута эта численность. Поскольку непрерывающиеся теракты с использованием взрывчатки, осуществляемые группировками таалибов против полиции и армии, являются, с одной стороны, террористическим саботажем, преследуя, с другой стороны, также стратегию коммуникации: террор путем запугивания молодых людей от поступления в полицию или армию. Помимо этого, численность совершенно ничего не говорит о состоянии военного обучения и качества вооружения. К тому же, взятие Афганистаном на себя обеспечения безопасности методом от обратного не означает вывода войск НАТО из Афганистана. Совсем наоборот. Генеральный секретарь НАТО Расмуссен к тому же дипломатично высказал оговорки относительно запланированного размещения войск и после 2014 г. (на долгосрочной основе) в Афганистане. «НАТО и его партнеры будут и дальше содействовать тому, чтобы Афганистан никогда больше не стал местом отступления для экстремизма»³⁰. В противовес этому специальный представитель НАТО по Кавказу и Центральной Азии, Джеймс Аппатурай (James Appathurai) в интервью с «Немецкой волной» две недели спустя очень откровенно и без обиняков сказал: «Не только в самом регионе, но и среди чле-

[28] Ризван Набиев, Geopolitische Neuordnung im Kaukasus, im Mittleren Osten und in Zentralasien (Новый геополитический порядок на Кавказе, Среднем Востоке и в Центральной Азии). – <http://www.eurasischesmagazin.de/artikel/drucken.asp?artikelID=60503>; 25.6.2003, стр. 2; по данному вопросу также: Richard Haass, Neuordnung des Nahen Ostens (Новый порядок на Ближнем востоке). – <http://www.project-syndicate.org/commentary/haass3/German>; 1.6.2003; Zbigniew Brzezinski, Die einzige Weltmacht. Amerikas Strategie der Vorherrschaft (Збигнев Бжезински. Единственная мировая держава. Американская стратегия господства), Weinheim 1997.

[29] Hartmut Wagner, der 11. September war nur der Anlass f r einen lang geplanten US-Krieg (11 сентября был лишь поводом для давно запланированной войны США). – <http://www.eurasischesmagazin.de/artikel/drucken.asp?artikelID=20040104>; 23.1.2004, с. 3.

[30] Stephan Israel, <http://www.tagesanzeiger.ch/ausland/amerika/HATO-fuerchtet-Debatte-ueber-Abzug-aus-Afghanistan/story/21544791>; 4.05.2011.

нов Альянса сейчас бытует неверное представление о том, что НАТО уйдет из Афганистана к 1 января 2015 года. Это на 100 процентов не так. Мы останемся в стране до тех пор, пока афганцы не будут в состоянии сами обеспечивать свою безопасность»³¹. В то время как такие заявления о солидарности, наверняка, вызывают в центрах власти в Иране, Пакистане, Китае и в России реакцию «плотно сжатых губ», а у власть имущих в пяти центральноазиатских странах, если использовать тот же образ, напротив, «губы складываются в трубочку, чтобы присвистнуть», ибо вывод войск США из Афганистана усилил бы роль Ирана в регионе. Руководство Пакистана уже давно колеблется между гармонией и дистанцией в вопросах безопасности. С 2008 г. американские беспилотники (UCAV) ведут борьбу с талибами в Пакистане, что часто приводит к жертвам среди мирного населения. Это и, в частности, серьезное, однако дипломатично завуалированное обвинение со стороны американцев в адрес Исламабада, что разыскиваемый во всем мире террорист № 1 Бен Ладен мог прятаться неподалеку от столицы, значительно омрачает американо-пакистанские отношения. И Китай, и Россия являются геэкономическими конкурентами США в т. н. «new great game» (новой Большой игре) в Прикаспийском регионе³². На этом фоне высказываются предположения о том, что США в этой игре «кто кого» уже дали слабину или даже проиграли? «От США все больше удаляется и Саудовская Аравия, которая наряду с Пакистаном является их главным партнером на Ближнем и Среднем востоке ... С Саудовской Аравией ситуация такая же, как и с Пакистаном. Чтобы ни делалось, все плохо ... Да еще и арабские революции, которые Белому дому пришлось поддержать против воли ... Ясно, однако, что Саудовская Аравия не принадлежит больше к числу его друзей, поскольку в этом арабском хаосе все больше усиливаются проиранские и другие силы, нежелательные для саудовской монархии»³³.

По оценкам ООН, около 90% всего героина производится на Гиндукуше. Министр иностранных дел России Сергей Лавров по данному вопросу на встрече своих коллег по Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в середине июня выразил обеспокоенность по поводу непрекращающейся угрозы для всех государств-членов ШОС. Он сообщил также, что Афганистан подал заявку на получение статуса наблюдателя в ШОС. Решение по данному вопросу должно быть принято на саммите 15 июня в Астане. С точки зрения организации это имеет смысл, так как на этом саммите планируется подписать и Антинаркотическую стратегию до 2016 г. Российское новостное агентство РИА Новости в этой связи сообщило: «Тем самым ШОС стремится однозначно играть лидирующую роль в Центральной Азии»³⁴. Это напоминает скорее политическую научно-фантастическую повесть, чем реалистичную перспективу. Ведь НАТО не покинет Афганистан полностью к концу 2014 г. ШОС, кажется, еще не намерена и не в состоянии осуществлять эффективный кризис-менеджмент (как, например, в связи с крупными беспорядками на юге Кыргызстана в июне 2010 г.).

Поскольку некоторые правительства в странах НАТО (в том числе Германия) с учетом того, что население в их странах в значительной мере против военной операции в Афганистане, высказались за вывод войск к концу 2014 г., намеченное дальнейшее размещение соединений НАТО с существенно сокращенной численностью на самом деле будет происходить сила-

[31] Appathurai, NATO bleibt auch nach 2014 in Afghanistan (НАТО останется в Афганистане и после 2014 г.). – http://de.rian.ru/security_and_military/20110521/259194832.html; 21.05.2011.

[32] J rg-Dietrich Nackmayr, Das Great Game im 21. Jahrhundert. Vom Ringen um Vorherrschaft in Zentralasien (Большая игра в XXI веке. О борьбе за господство в Центральной Азии, в Österreichische Militärische Zeitschrift (Австрийский военный журнал) 3/2011, С. 282-293.

[33] USA: Verlierer im Great Game um Zentralasien? (США: проигравший в Большой игре за Центральную Азию) <http://de.rian.ru/opinion/20110517/259152139.html>; 17.05.2011.

[34] Nach US-Abzug: Shanghai-Organisation will Führungsrolle in Zentralasien (После вывода войск США: ШОС претендует на роль лидера в Центральной Азии). – <http://de.rian.ru/politics/20110516/259132843-print.html>

ми пока еще участвующих государств. И в частности, по упоминавшимся внутривластным соображениям, придется пересмотреть определение этого присутствия. Вполне вероятно, что, например, в Германии вновь будут ссылаться на первоначальное обоснование операции: направление сил содействия для обеспечения стабилизации. Как в начале операции в Афганистане (с 2002 г.), это будет опять звучать намного приятней, означая поддержку и «вооруженную гуманитарную помощь».

Для стран Центральной Азии дальнейшее пребывание войск НАТО является все-таки субоптимальным. Они, несомненно, сумеют превратить этот недостаток в достоинство, ведь «без стабильности в Афганистане стабильность граничащих с ним центральноазиатских государств всегда будет под угрозой, а, с другой стороны, стабильная Центральная Азия – важная предпосылка долговечной стабильности в Афганистане»³⁵. До тех пор, пока западные войска будут находиться в Афганистане, в какой бы ни было роли или функции, именно правительства стран Центральной Азии будут необходимы для инфраструктурно-логистического обеспечения содействия. Это приносит деньги и, прежде всего, не ставит под вопрос их авторитарные режимы. Узбекистан, начиная с 2008 г. и недавно вновь в рамках поездки президента Ислама Каримова в Брюссель (24.01.2011), старается продемонстрировать свою позицию на международной арене внесением даже собственного предложения по разрешению конфликта, чтобы иметь возможность участия в возможном послевоенном устройстве. Согласно этому предложению, шесть соседних государств Афганистана – Китай, Иран, Пакистан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан, а также Россия, США и НАТО должны образовать группу 6+3 для стабилизации и восстановления Афганистана. Однако в этом предложении сам Афганистан, о котором предполагается вести переговоры, в качестве участника даже не принимается во внимание. И тем самым это предложение – всего лишь макулатура.

Разрешение конфликта путем переговоров с талибами?

Военным способом невозможно победить в войне, используя войска, предоставленные странами-членами НАТО. Но и разнородное повстанческое движение не в силах добиться победы. Но настолько ли стороны конфликта устали от войны, что готовы к (предварительным) переговорам о согласовании будущих переговоров для поиска решений? По сообщениям СМИ³⁶, уже начиная с осени 2010 г. в Катаре и в Берлине имели место несколько тайных контактов (переговоров) между американскими представителями (ЦРУ/МИД) и посланником талибов из числа родственников муллы Омара. Модератором этих диалоговых встреч, якобы, является специальный представитель правительства Германии по Пакистану и Афганистану Михаэль Штайнер (Michael Steiner). Эта тайная дипломатия напоминает секретные мирные переговоры в октябре 1972 г. в Париже о мирном плане окончания войны во Вьетнаме. Однако тогда в лице Генри Киссинджера (Henry Kissinger) в качестве американского советника по вопросам безопасности и северо-вьетнамского члена политбюро Ле Дык Тхо (Le Duc Tho) за столом переговоров сидели политические тяжеловесы. Схожесть есть и в хореографии. Во время возобновления официальных переговоров между двумя этими политиками в начале декабря по приказу президента Никсона в середине месяца были нанесены самые мощные бомбовые удары по Ханюю и Хайпхонгу. По приказу президента Обамы очевидно также ведется тайное зон-

[35] Beate Eschment, Stabilität und Sicherheit in Zentralasien unter besonderer Berücksichtigung Afghanistans, Friedrich-Ebert-Stiftung (Hrsg.) / Beate Eschment (red.), Stabilität und Sicherheit in Zentralasien с особым учетом Афганистана, Фонд Фридриха Эберта, июль 2009, с. 5

[36] US-Vertreter sollen sich in Deutschland mit Taliban getroffen haben (По имеющимся сведениям, представители США встречались с талибами в Германии). – <http://www.spiegel.de/politik/ausland/0,1518,druck-763064,00.html>; 17. 05. 2011; Proteste gegen Bundeswehr gefährden ISAF-Konzept (Протесты против Bundeswehra ставят под угрозу концепцию ISAF). – <http://www.spiegel.de/politik/ausland/0,1518,druck-764095,00.html>; 22.05.2011.

дирование, и одновременно продолжаются бои. Популярный политический девиз «тот, кто ведет переговоры, не стреляет», хотя и звучит неплохо на семинарах, посвященных политике мира, однако реальная политика работает, очевидно, по иным правилам.

Встречи и выяснение с талибами позиций и точек зрения напоминают операции на открытом сердце. Но они, как известно, бывают срочно необходимыми. Главный вопрос при этом звучит так: являются ли талибы надежным партнером по переговорам, который будет соблюдать достигнутые договоренности? Но до этого необходимо выяснить, кого вообще представляют талибы в политическом, общественном, этническом смысле? Сопоставимы ли талибы с их политической целеустановкой с Национальным фронтом освобождения Южного Вьетнама? Два заявления самих талибов позволяют, по крайней мере, предполагать наличие определенного сходства: «Осенью 2009 г. говорилось: «У нас никогда не было плана причинить вред другим странам, включая Европу, такого плана у нас нет и сегодня». В открытом письме к саммиту Шанхайской организации сотрудничества в 2009 г. они высказались за «хорошие и положительные отношения со всеми соседями на основе взаимного уважения» и за «конструктивное взаимодействие <...>, за постоянную стабильность и экономическое развитие в регионе»³⁷. Но что из этого – пропаганда, а что – вполне серьезно?

Конца войны в Афганистане не видно. Автор данной статьи будет счастлив, если будущее опровергнет его нынешний скепсис.

[37] Thomas Ruttig, Zu wenig, reichlich spät - Stabilisierungsmaßnahmen in Afghanistan zwischen Terrorismus - und Aufstandsbekeämpfung (Слишком мало и поздноато – Меры по стабилизации в Афганистане между борьбой с терроризмом и с повстанческим движением). – http://www.bpb.de/popup/popup_druckversion.html?guid=ECTMJ1; 25.05.2010, с. 6.

КАЗАХСТАНСКО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

КОЖИРОВА СВЕТЛАНА БАСЕЙОВНА

Доктор политических наук, профессор, главный редактор журнала
«Международные исследования. Общество. Политика. Экономика»
(Астана, Казахстан)

Дипломатические отношения между Республикой Казахстан и Исламской Республикой Афганистан (ИРА) были установлены в 1992 г. Однако сложная ситуация в стране, продолжение войны на время приостановили связи. Отношения ограничивались дипмиссией вплоть до 2003 г., когда она была преобразована в посольство Республики Казахстан. Временным поверенным в делах был назначен Мухамедкали Бакбергенев. В августе 2005 г. был назначен посол Агыбай Смагулов.

В 2004 г. начались активные экономические отношения, казахстанский бизнес пришел в Афганистан. В Кабуле открылось представительство строительной компании ОАО «Казхиммонтаж Холдинг». Отношения стали переходить на уровень межправительственного диалога и выработки новой программы экономического сотрудничества.

Основы долгосрочных отношений были заложены в декабре 2005 г., когда президент Казахстана Нурсултан Назарбаев подписал закон «О ратификации Договора об основах взаимоотношений и сотрудничества между Республикой Казахстан и переходным Исламским Государством Афганистан». Подготовка этого соглашения началась после визита в Казахстан президента Афганистана Хамида Карзая в апреле 2004 г. В 2006 г. подготовленные условия дали резкое расширение государственных, политических и экономических связей.

В ноябре 2006 г. правительством Казахстана утверждена специальная программа по содействию Афганистану, в которой предусмотрено обучение студентов, участие в строительстве школ и больниц. В свою очередь, официальный Кабул выразил готовность привлечь Казахстан в проекты по энергетике, сельскому хозяйству, строительству, транспорту, разработке горнорудных месторождений.

11-13 февраля 2004 г. в ходе визита в Казахстан Президента Переходного исламского государства Афганистан (ПИГА) Хамида Карзая были подписаны документы о сотрудничестве двух стран – Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве и Договор об основах взаимоотношений и сотрудничества между двумя странами, предложенные казахстанской стороной.

Была создана межведомственная Комиссия РК по выработке предложений по оказанию помощи Афганистану. На заседании разрабатывались механизмы оказания гуманитарной помощи, обсуждались источники финансирования, а также правовая база осуществления экономической помощи Афганистану. Рассматривались также вопросы создания оптимального таможенного и таможенного режима, предоставления Афганистану казахстан-

ских специалистов различного профиля. Участники заседания отметили, что мнение мировой общественности сходится в том, что территория Казахстана, в частности, морской порт Актау, являются наиболее подходящими с геополитической точки зрения для транспортировки гуманитарной помощи Афганистану. В связи с этим особое внимание было уделено способам транспортировки, местам хранения грузов.

Было принято решение о передаче в виде гуманитарной помощи излишков вещевого имущества Вооруженных Сил РК. Был составлен список имущества, подготовлены автомашины для транспортировки груза до авиабазы Ганси международной антитеррористической коалиции в Кыргызстане.

В 2002 г. Казахстан на безвозмездной основе предоставил Афганистану 3 тыс. тонн пшеницы и на коммерческой основе в рамках Всемирной продовольственной программы ООН – 85 тыс. тонн пшеницы.

В 2003 г. торговый оборот между странами составил около 50 млн. долл. США, что на 57% больше показателя за 2002 г.

Внешнеторговый оборот между двумя странами имел устойчивую динамику роста. В 2005 г. он составил 164,07 млн. долл. В структуре казахстанского экспорта (2005 год – 163,9 млн. долл.) преобладают зерно, мука, горюче-смазочные материалы, лес, металл. Незначительный объем афганского импорта в нашей стране (158,1 тыс. долл.) ограничивается некоторыми видами фруктов и сухофруктов. В механизме реализации двусторонних политических и торгово-экономических отношений важную роль сыграла созданная в 2002 г. Межведомственная комиссия (МВК) по оказанию помощи Афганистану, а также организация в текущем году еженедельных прямых авиарейсов Кабул – Алматы – Кабул, выполняемых афганской авиакомпанией «Кам-Эйр».

В ходе состоявшегося 12-14 мая 2007 г. визита делегации Мажилиса Парламента Республики Казахстан в Афганистан была достигнута договоренность о создании в рамках парламентов двух стран Комитета афгано-казахстанской дружбы. Делегация провела встречи с первым вице-президентом Афганистана Ахмадом Зией Масудом, спикером нижней палаты Парламента Юнусом Кануни, советником Президента по национальной безопасности Залмаем Расулом, министром горной промышленности и шахт Мохаммадом Аделем, министром общественных работ Сухрабом Али Сафари и др.

В ходе этих встреч афганской стороной выражена признательность Президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву за вклад в развитие двусторонних отношений, а также за поддержку политики правительства Афганистана, направленную на консолидацию афганского общества и стабилизацию социально-экономической ситуации в стране.

В частности, Зия Масуд отметил, что «у нас очень хорошие отношения с Казахстаном. Общая культура, близость государств, обычаев и традиций являются одними из ключевых аспектов развития наших отношений». Он выразил надежду, что визит парламентской делегации внесет весомый вклад в развитие и расширение межпарламентских связей, укрепление экономических и торговых отношений между двумя странами.

Приветствуя первый визит делегации Мажилиса в Афганистан, Юнус Кануни подчеркнул важность расширения межпарламентских связей, изучения опыта законодательной деятельности казахстанского парламента. Он заявил, что Казахстан под руководством Президента Назарбаева динамично развивается, и занял лидирующую позицию среди стран СНГ и региона. Кануни с благодарностью принял приглашение посетить Казахстан.

Также стороны положительно оценили динамику двусторонних отношений и обменялись мнениями по активизации экономического сотрудничества, в том числе в нефтегазовой сфере, энергетике, строительной индустрии,

горнодобывающей промышленности, сельском хозяйстве, борьбе с нарко-трафиком и подготовке афганских национальных кадров.

В апреле 2008 г. Президент Казахстана Н. Назарбаев объявил о планах строительства в ряде провинций Афганистана больниц и школ. Он также сообщил о заинтересованности бизнес-структур республики в афганском рынке. Афганистан посетила высокопоставленная правительственная делегация Республики Казахстан. В ходе визита была достигнута предварительная договоренность, в частности, о строительстве железнодорожной ветки из Термеза до приграничного с Пакистаном афганского города Торхам.

Республика Казахстан оказала безвозмездную финансовую помощь Афганистану в сумме более 2 млн. долл., которая была направлена на реализацию трех проектов – восстановление дороги Кундуз-Талукан, строительство школы в провинции Саманган и строительство больницы в провинции Бамиан. Также в Афганистан доставлены 2900 тонн зерна из Казахстана. Доставка зерна осуществлена в рамках коммерческого контракта между властями Казахстана и афганскими предпринимателями в разгар продовольственного кризиса, вызванного небывалым ростом цен на муку. Большая часть поставок зерна была направлена на юг Афганистана.

«Всех нас интересует и волнует проблема Афганистана. Нет никакого сомнения, что необходима новая стратегия Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в отношении этой страны. Поскольку уже сейчас 40 стран ОБСЕ задействованы здесь», – заявил Нурсултан Назарбаев, добавив, что «заслуживает поддержки курс Кабула, направленный на прекращение в этой стране кровопролития путем реинтеграции в мирную жизнь представителей всего спектра политических сил, включая талибов». «Как бы мы к этому ни относились, но они [талибы] являются коренными афганцами, составляют интегральную часть населения, и им жить дальше в своей стране и строить мирную жизнь», – отметил Нурсултан Назарбаев.

Также президент Казахстана сообщил, что Астана выделит 50 млн. долл. в рамках программы по обучению афганских студентов в Казахстане. «Особой потребностью Афганистана, на наш взгляд, является создание штата высококвалифицированных кадров для различных отраслей экономики. Поэтому в Казахстане начата реализация образовательной программы по обучению афганских граждан в вузах нашей страны стоимостью в 50 млн. долл.», – сообщил Назарбаев. Эта программа будет рассчитана на 2010-2018 годы. В ней примут участие более тысячи афганцев.

В 2009 г. власти Казахстана объявили о начале реализации программы по оказанию гуманитарной помощи Афганистану, предусматривающей, в том числе, подготовку сотен афганских специалистов в ВУЗах этой страны.

Протокол о сотрудничестве по подготовке афганских специалистов в высших учебных заведениях Казахстана подписан между Министерством высшего образования Афганистана и Министерством образования Казахстана.

Казахстан согласился в течение 6 лет ежегодно принимать 200 афганских юношей и девушек на обучение в высшие учебные заведения по специальностям инженерного дела, юриспруденции, сельского хозяйства, журналистики, экономики и торговли.

Афганское направление в 2010 г. власти Казахстана объявили приоритетным в своей внешней политике. Так, в конце мая 2010 г. в афганской столице прошло подписание Соглашения о сотрудничестве между Торгово-промышленными палатами Афганистана и Республики Казахстан. Соглашение подписали Президент ТПП РК Ерлан Кожасбай и Председатель ТПП Афганистана Мохаммад Курбан Хақджу.

Восстановление афганской государственности и начало социально-экономического возрождения этой страны открывают значительные пер-

спективы для регионального сотрудничества. В Казахстане с энтузиазмом восприняли разработку афганским правительством стратегии развития страны, получившей в ходе недавней Лондонской конференции название «Афганский контракт». Воплощение этой стратегии в жизнь обеспечит возможность соединить Афганистан с внешним миром, восстановить инфраструктурные связи между Центральной и Южной Азией, обеспечить доступ энергоносителей для растущих экономик обширного региона. В июне 2010 г. в Вене Казахстан представил содержание комплексного плана экономического возрождения Афганистана, отметив, что реконструкция начнется на севере и востоке страны, были озвучены 20 проектов, реализация которых может быть осуществлена странами Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе. Среди них:

1. Восстановление Джелалабадского ирригационного канала;
2. Восстановление и строительство полного каскада электростанций на реке Кабул, строительство водохранилищ вдоль реки;
3. Ремонт плотин ГЭС в провинции Баглан, построенной 60 лет назад немецкими инженерами;
4. Восстановление оливковых плантаций и создание завода по производству оливкового масла в провинции Нангархар;
5. Создание плантаций роз и завода для производства парфюмерных изделий из роз в провинции Нангархар;
6. Строительство фабрик для консервирования овощей, строительство мельниц для переработки афганской и импортируемой пшеницы;
7. Восстановление цитрусовой фермы по выращиванию лимонов, апельсинов, мандаринов и грейпфрутов в провинции Нангархар;
8. Создание гранатовых ферм и заводов по производству гранатового сока, создание плантаций подсолнечника и заводов по производству подсолнечного масла;
9. Создание плантаций по выращиванию шафрана, создание плантаций по выращиванию сои;
10. Строительство промышленных холодильников для хранения продукции животноводства;
11. Создание станций специализированной сельскохозяйственной техники и оборудования, которые окажут помощь фермерам в обработке земли, сборе урожая;
12. Строительство авторемонтных мастерских, мебельных фабрик, фабрик по производству сухофруктов, других объектов в Кабуле;
13. Содействие в ускоренной подготовке тендерной документации и ускоренное проведение тендеров для привлечения иностранных инвестиций под разработку месторождений природных ископаемых на территории Афганистана;
14. Создание государственных компаний по закупке, переработке и экспорту шафрана, мяты, зерна, фруктов, с хранилищами, транспортом (в последующем их можно было бы приватизировать);
15. Строительство завода по переплавке металлолома и производству арматуры (в Афганистане около 1 млн. тонн металлолома);
16. Строительство завода по производству стекла в провинции Балх;
17. Индустриальные парки Баграм, Кандагар, Мазари-Шариф, Камачи, Нангархар;
18. Восстановление предприятия городского транспорта в Кабуле – «Милли Бас»;
19. Оказание содействия в становлении и развитии государственного предприятия по селекции улучшенных семян;

20. Оказание содействия в создании полного цикла разработки газовых месторождений Афганистана.

Следует отметить, что Казахстан уже имеет опыт реализации проектов в сфере перерабатывающей промышленности в Афганистане. Так, еще в 2008 г. казахстанская компания построила и запустила завод по производству соков в провинции Кундуз. На заводе установлено современное оборудование, которое обслуживается обученными афганскими рабочими. Продукция предприятия уже хорошо известна в Афганистане и пользуется спросом у населения.

Стратегия РК в отношении ИРА

Афганистан продолжает входить в число ключевых угроз для стабильности Центральной Азии. Как показывают имеющиеся данные, в последние годы ситуация в этой стране продолжала довольно быстрыми темпами деградировать, поскольку не были решены фундаментальные проблемы в социально-экономической, идеологической и военной сферах. На все это накладывается дилемма, связанная с начавшимся выводом войск США и НАТО из Афганистана.

В силу сложности и неоднозначности афганского вопроса, стратегия Казахстана в отношении Афганистана должна опираться на прочное политико-концептуальное обоснование, ясное видение своей миссии и четкое определение круга своих интересов в Афганистане.

Сложная ситуация возникла в связи с намерениями Казахстана отправить группу своих военных представителей в состав штаба международных сил по содействию безопасности в Афганистане. Попытка направить четырех офицеров в штаб международных сил в Кабуле вызвала крайне негативную реакцию в казахстанском обществе и неоднозначную оценку со стороны России и членов ОДКБ.

Необходимо четко обозначить критические пределы участия Казахстана в афганском урегулировании в целях нейтрализации негативных последствий и избежания чрезмерного вовлечения страны в слишком рискованные для страны мероприятия.

Казахстану необходимо выработать программу своей политики в Афганистане на среднесрочную перспективу и определить оптимальные механизмы своего участия, в том числе, по линии сотрудничества с США и Россией.

С учетом актуализации афганской проблематики, а также вовлеченности в процесс урегулирования большинства субъектов Евразии, Восточного и Исламского мира, Афганистан стал центральным объединяющим пунктом повестки дня саммита ШОС в Астане 15 июня 2011 г.

В целом, «афганский вопрос», особенно в контексте экономической реабилитации этой многострадальной страны через помощь исламских стран, может стать важнейшей, базовой линией внешней политики Казахстана в рамках председательства РК в ОИК.

Любые шаги РК на афганском направлении должны рассматриваться не только с точки зрения национальной безопасности, но и в контексте их возможного влияния на отношения Казахстана с глобальными игроками и партнерами по ОДКБ, ШОС, СВМДА и ОБСЕ.

В случае, если ситуация в Афганистане не будет нормализована окончательно, то негативное воздействие на ситуацию в Центральной Азии будет проходить по нескольким направлениям:

1. При сохранении той ситуации и расклада сил, которая существует сегодня, т. е. когда ни одна из сил не способна окончательно победить, для

стран Центральной Азии останется актуальной проблема невозможности создания транспортных и энергетических коридоров через Афганистан в направлении пакистанских портов. Это, конечно же, будет по-прежнему препятствовать полной реализации потенциала стран ЦА по максимальной диверсификации своих транспортных, экспортных и экономических возможностей, что, безусловно, находит свое отражение и в геополитических возможностях региона.

2. В случае дальнейшего обострения обстановки в Афганистане, предположительные издержки, которые будет нести Центральная Азия, будут заметно выше:

- возрастут финансовые расходы на безопасность;
- это отразится на инвестиционном климате региона;
- возникнет опасность превращения Афганистана в зону подготовки радикально настроенных боевиков из структур международного терроризма;
- может возрасти поток наркотиков, незаконная контрабанда оружия и литературы;
- усилится геополитическая конкуренция в регионе между ведущими международными военно-политическими силами и организациями за втягивание ЦА в орбиту своего влияния и превращения региона в своеобразную буферную зону.

СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ АФГАНИСТАНА И ПОЗИЦИИ ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ СТОРОН¹

ЛАУМУЛИН МУРАТ ТУРАРОВИЧ

Доктор политических наук, главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК (Алматы, Казахстан)

Проблема Афганистана является по многим порядкам ключевой для безопасности Центральной Азии и национальной безопасности Казахстана. Чрезвычайно важно знать и понимать стратегию и планы Запада в отношении этой страны, представляющей собой источник военно-политических, религиозных и наркотической угроз. В геополитическом контексте ситуация в Афганистане затрагивает безопасность более широкого региона, включающего в себя Южную Азию, Средний и Ближний Восток, СНГ, КНР.

Внутриполитическое положение в Афганистане является крайне неустойчивым. Не вызывает сомнений, что режим Карзая практически не способен контролировать ситуацию в стране. Западные союзники также не в состоянии обеспечить контроль на всей территории страны. В то же время существование режима Карзая полностью зависит от западной помощи. Однако между Кабулом и западными союзниками существует ряд противоречий. В идеале Х. Карзай хотел бы максимально расширить свои властные полномочия и взять под контроль финансовые потоки.

Астанинский саммит ОБСЕ 2010 г. вновь продемонстрировал, насколько сильное влияние на безопасность Центральной Азии и шире – Центральной Евразии – имеет военно-стратегическая ситуация в Афганистане и вокруг этой страны.

Ситуация осложняется тем фактом, что Соединенные Штаты приступили к изменению своей стратегии в Афганистане. Параллельно, начинают менять свою политику и намечать реальные сроки вывода своих контингентов европейские союзники США по НАТО.

Благодаря своему географическому положению, сложной внутриполитической ситуации, этноконфессиональной мозаичности и глубокой вовлеченности в теневую часть мировой экономики, Афганистан и в начале XXI в. находится в центре сложного переплетения интересов многих государств и негосударственных сил. Ситуация в этой стране оказывает воздействие на безопасность не только ее непосредственных соседей, но и стран сопредельных регионов. Благодаря этому к Афганистану постоянно приковано внимание Пакистана, Индии, Ирана, постсоветских стран Центральной Азии, КНР и России.

Предполагаются различные варианты развития Афганистана, но они, как правило, не отвечают основным требованиям Соединенных Штатов в области безопасности, так как страна может расколоться де-факто или де-

[1] Материалы Международной конференции «Сценарии для Афганистана и трансформация региональной безопасности», Алматы, 9-10 июня, 2011 г.

юре. Наиболее вероятен вариант, при котором пуштунский юг будет отделен от севера и запада, населенных в основном таджиками, узбеками и хазарейцами. Такой исход стал бы возможен, если бы сделка о примирении с талибами предоставила им слишком большую свободу действий на юге страны, который исторически является опорой движения «Талибан». Любой исход, который предоставит талибам относительную свободу действий на юге, может создать надежные базы укрытия для трансграничного терроризма и радикального движения.

Безусловно, дальнейшее развитие ситуации в Афганистане вокруг него будет оказывать серьезное влияние на геополитическое положение и безопасность Центральной Азии. С одной стороны, страны региона (как и Россия) заинтересованы в успехе антитеррористической операции. Но с другой стороны, военно-стратегическое присутствие США и НАТО в Афганистане и некоторых государствах региона вызывает геополитическую напряженность со стороны таких стран как Россия и Китай, что не могут не учитывать центральноазиатские республики.

Стратегия НАТО в Афганистане была и продолжает оставаться зависимой от политической линии США, ключевого члена альянса и главного игрока в этой войне. Принимаемые НАТО документы являются отражением того курса, который в Афганистане проводит Белый дом. Вместе с тем нельзя однозначно говорить о том, что европейские союзники США беспрекословно следуют в фарватере политики Вашингтона.

Несмотря на кажущееся единство, на протяжении всего периода военных действий ИСАФ между США и европейскими членами альянса возникли противоречия. Но если в годы президентства Дж. Буша эти противоречия носили в большей мере политический характер и были связаны с недооценкой, а порой откровенным нежеланием республиканской администрации учитывать интересы своих партнеров, то при демократической администрации Б. Обамы разногласия носят скорее стратегический характер, связанный с разницей в оценках перспектив миссии НАТО в Афганистане.

Стратегия Запада в Афганистане

С 2003 г. под эгидой Организации Североатлантического договора (НАТО) в Афганистане действуют Международные силы содействия безопасности (МССБ или ИСАФ: International Security Assistance Force, ISAF), созданные в 2001 г. по решению Совета Безопасности ООН.

Подключение НАТО к военной операции США в Афганистане связано с целым рядом обстоятельств. Среди них можно назвать и проявление солидарности с Соединенными Штатами в соответствии со ст. 5 Вашингтонского альянса. Немаловажную роль здесь сыграл фактор сохранения единства НАТО, а также подспудное стремление организации преодолеть негативный поток обвинений в нарушении международного права еще со времен войны в Югославии. Поэтому принятие альянсом на себя ответственности за Международные силы в Афганистане, созданные в соответствии с мандатом ООН, в какой-то степени реабилитировало НАТО в собственных глазах. Важным стимулом участия в афганской кампании для Североатлантического союза стали политические амбиции. Сегодня НАТО все более активно претендует на роль политической организации, чья сфера интересов выходит далеко за пределы традиционной евроатлантической зоны.

Таким образом, участие НАТО в афганской войне было предопределено общими тенденциями развития этой военно-политической организации в начале XXI в. Именно поэтому было принято решение о подключении НАТО к операции в Афганистане уже не на уровне отдельных ее членов, а организации в целом. При этом речь шла о том, чтобы взять на себя командо-

вание Международными силами содействия безопасности. Участие Североатлантического союза в афганской кампании должно было повысить политическую значимость альянса, зафиксировать тенденцию превращения этой организации в глобального игрока, чья миссия выходит за географические пределы Европы.

Афганистан стал для Североатлантического блока своего рода экспериментальной площадкой, на которой он не только испытывает на прочность политическую солидарность по линии «США – европейские члены организации», но пытается найти для себя новое место в мире путем обновления собственных функций и пересмотра географической зоны ответственности.

В настоящее время в Афганистане присутствуют все 28 стран, входящих в НАТО. Кроме того, в составе ИСАФ находятся еще более десятка партнеров, не являющихся членами альянса. Помимо этого, около двадцати государств (в т. ч. Казахстан) в той или иной форме внесли свой вклад в восстановление Афганистана. Европейские подразделения вместе с американцами служат в самых беспокойных афганских провинциях на юге и востоке страны. Большинство стран-участниц понесли потери в этой войне.

Для европейских стран на первый план выходят вопросы об усилении военной группировки в Афганистане и сроках ее пребывания за рубежом. Под давлением общественности ведущие члены НАТО – Франция, Германия и даже ближайший союзник США – Великобритания – проявляют все большую самостоятельность в планировании афганской миссии своих национальных контингентов и отстаивании собственных интересов.

Ситуация осталась неизменной при демократической администрации Обамы, который объявил о необходимости пересмотра не только афганской стратегии, но и отношений Вашингтона со своими европейскими партнерами по НАТО. Новая стратегия, хотя, безусловно, вносит заметные коррективы в прежнюю республиканскую, например в той части, которая касается выработки единого подхода в отношении Афганистана и Пакистана или в вопросе «политической амнистии» для талибов, по сути является продолжением политического курса предыдущей администрации.

Следует обратить внимание, что в ходе антитеррористической и миротворческой операции НАТО в Афганистане у ряда ведущих членов коалиции были выработаны свои собственные стратегические подходы к решению поставленных задач.

Стратегия США базировалась преимущественно на военном решении проблемы. То есть, предполагалось уничтожение активной и боеспособной части «Аль-Каиды» и «Талибана»; нейтрализация их политического влияния на афганское общество; параллельное строительство военных и государственных институтов нового афганского государства и, по мере стабилизации страны, последующая постепенная передача полномочий в руки нового национального правительства. При этом исключалась возможность компромисса и политического диалога с т. н. «умеренными талибами». Данная стратегия фактически завела Соединенные Штаты в тупик.

Стратегия Великобритании на третьей стадии операции по разворачиванию МССБ (с 2005 г.) базировалась на традиционной двухсотлетней традиции колониального господства (официально – на Британской антиповстанческой доктрине от 1977 г.), которая подразумевает четкое формулирование понятной политической цели, деятельность армии в рамках закона, вовлечение всех правительственных учреждений в процесс выполнения стратегического плана. При этом подразумевалось, что подобные конфликты не имеют решения, поэтому ставка делалась на решение проблем в политической, экономической сферах, т. е. завоевание доверия и поддержки местного населения.

То есть, в концентрированном виде британская стратегия могла быть сформулирована следующим образом: решение конфликта политическими средствами. Она была на практике применена в провинции Гельменд и фактически провалена по ряду причин, среди которых: слабость местных государственных и полицейских институтов, присутствие мощного этнического и религиозного компонента, коррупция местных властей, влияние наркомафии и многое другое.

Стратегия ФРГ определялась комплексом исторических (специфика бундесвера как сухопутной, а не экспедиционной армии), политических (запрет на ведение боевых действий) и географических (дислокация на относительно спокойном севере Афганистана) факторов. Суть германской стратегии состояла в избегании участия в наступательных операциях и осуществлении различных инфраструктурных проектов. То есть, частям бундесвера была готова роль вспомогательных («стройбата») подразделений².

В ходе операции МССБ в Афганистане проявились острые противоречия между Великобританией и Германией по вопросам применения силы, роли национальных стратегических структур, финансировании со стороны ФРГ наступательных операции на юге Афганистана. Противоречия между европейской линией ФРГ и атлантической, проамериканской линией Великобритании фактически делает бессмысленной германскую стратегию и обрекает ее на неуспех.

Стратегия Канады, которая является третьим по объему своего военного вклада в афганскую кампанию членом НАТО и которая разместила свои войска в самых опасных районах Афганистана, базируется на национальной военной доктрине «война в трех кварталах». Данная концепция подразумевает следующее: в «первом квартале» ведутся боевые действия; во втором ведется зачистка территории; в третьем раздается гуманитарная помощь. На практике канадская стратегия во многом совпадает с «новой стратегией» Б. Обамы в Афганистане.

Таким образом, ни одна из национальных стратегий членов НАТО в Афганистане не смогла ни по отдельности, ни в комплексе достичь полного успеха в стабилизации этой страны и прекращении конфликта. Ни Вашингтон, ни Брюссель пока не смогли полностью достичь тех задач, которые они поставили перед собой в начале военной кампании.

В вопросе обеспечения безопасности в Афганистане Североатлантический альянс сталкивается с двумя аспектами проблемы – технического и стратегического характера.

С точки зрения технической стороны необходимо учитывать три фактора. Первый фактор: недостаточность собственного военного потенциала коалиционных сил, которые испытывают нехватку людских ресурсов и техники.

Второй фактор: проблема эффективности присутствия коалиционных сил на местах. Воюют в основном американцы и британцы, а другие европейские страны, руководствуясь мандатом Международных сил содействия безопасности, выступают против участия своих военнослужащих в наступательных операциях. Многие национальные контингенты не стремятся воевать в открытом бою, предпочитая вызывать на подмогу американскую авиацию, что зачастую приводит к большому количеству жертв среди гражданских лиц.

Третий фактор: малочисленность афганских силовых структур, которым НАТО могла бы передать ответственность за положение в Афганистане.

[2] Тем не менее, немецкие части неоднократно принимали участие в активных боевых действиях, что держалось в строжайшем секрете от германской общественности.

Стратегическое измерение безопасности связано с серьезной проблемой самоидентификации альянса в контексте антитеррористической войны западных стран и вопросом о роли НАТО в Афганистане. Анализ документов НАТО показывает, что концепция альянса, принимавшаяся с 2003 по 2009 гг., была сопряжена с идеей миротворческой деятельности в Афганистане. В соответствии с этим на Североатлантический союз были возложены те задачи и функции, в том числе экономического и гуманитарного характера, которые в обычных условиях возлагаются на совершенно иные организации, такие как ООН и Европейский союз.

С другой стороны, международным силам, возглавляемым НАТО, в реальности отводится вспомогательная роль по отношению к Центральному командованию и Объединенному переходному командованию США в вопросе обеспечения безопасности в Афганистане в рамках операции «Несокрушимая свобода».

НАТО не может создать необходимые условия стабильности для демократического развития гражданского общества в Афганистане. Seriously буксует политический проект западных стран по демократизации этой страны: возникают проблемы с механизмом создания таких демократических институтов, которые являются чуждыми для афганцев. Большой вопрос по-прежнему вызывает разработанная американцами конституция Афганистана, которая мало учитывает специфику страны.

Из-за несоответствия поставленной миротворческой задачи существующему уровню подготовки натовских солдат, а главное их сознания, и происходят проблемы в отношении гражданского населения. В этой связи необходимо отметить слабые места стратегии альянса.

Во-первых, складывается впечатление, что у коалиционных сил нет четкого представления о том, кто сегодня является врагом НАТО в Афганистане. В последнее время в документационный оборот альянса введено понятие «повстанец»³.

Во-вторых, отсутствует должное внимание со стороны Североатлантического союза к проблеме наркотиков в Афганистане. Развитие ситуации показало, что именно борьба с производством наркотиков имеет принципиальное значение для успешной реализации экономических и социальных программ, внедряемых международным сообществом в Афганистане. В октябре 2008 г. в Венгрии была принята инициатива, ограниченная по своему потенциалу, смысл которой в том, что коалиционные силы имеют все полномочия проводить совместно с афганскими властями операции по выявлению и уничтожению объектов и лиц, связанных с производством и незаконным оборотом наркотиков⁴.

В-третьих, в своей стратегии НАТО непростительно мало уделяла внимания вопросу защиты местного населения, которое зачастую погибало в результате действий коалиционных сил.

В-четвертых, одной из ключевых проблем НАТО является политика демократизации Афганистана.

В-пятых, отсутствует проработанный региональный подход, предусматривающий привлечение к решению афганской проблемы организаций и ключевых игроков региона, в том числе Пакистана, который продолжает оставаться важной составляющей проблемы безопасности Афганистана. Однако НАТО не располагает серьезными механизмами сотрудничества с этой страной. В данной ситуации единственным вариантом для Брюсселя

[3] Под этим термином может скрываться и талиб, и идеологический террорист «Аль-Каиды», и смертник, совершающий теракт не по идеологическим соображениям, а за деньги, необходимые его многодетной семье, и наркодиллер, спонсирующий «Талибан».

[4] Однако решение об участии в конкретной антинаркотической операции принимается афганскими властями. К этому моменту присутствие коалиционных сил уже стало восприниматься как западная оккупация страны, а борьба с наркотиками – как способ уничтожения основной статьи доходов афганского населения.

остается налаживание начатого еще в 2007 г. политического диалога с Исламабадом, на который пакистанские власти идут с большим подозрением и недоверием.

Изменения в стратегии США

Два основных момента, определяющих интерес США к Афганистану в плане безопасности и оправдывающих ведение войны, носят значительно более узкий характер. Первый момент состоит в том, чтобы террористы, которые хотят нанести удар по Соединенным Штатам и их союзникам, не использовали Афганистан в качестве своей базы. Второй момент: афганская территория не должна использоваться повстанцами для дестабилизации соседей, особенно Пакистана.

В начале афганской кампании руководство США всерьез рассчитывало на установление в Кабуле предельно лояльного режима, позволяющего обеспечивать долгосрочное американское военное и политическое присутствие. В сознании американского руководства создалась заманчивая иллюзия гипотетической возможности сформировать в Афганистане площадку для развертывания политической, а также силовой (причем не только военной) активности на нескольких направлениях.

Для Б. Обамы и его команды развитие ситуации в Афганистане имеет значение не только с точки зрения политики США в Центральной и Южной Азии, хотя это, безусловно, крайне важно. Афганская операция несет особый смысл для внутривнутриполитических интересов демократической администрации.

В марте 2009 г. президент Б. Обама обнародовал новую стратегию США по Афганистану, которая радикально отличалась от подхода администрации Джорджа Буша. Самым сенсационным ее элементом стало предложение создать под эгидой ООН контактную группу по Афганистану, в которую наряду со странами НАТО вошли бы Россия, Китай и Иран.

Самое главное в этой стратегии то, что в Вашингтоне считали вероятность нанесения поражения талибам весьма высокой. Следовательно, речь шла лишь о том, какое количество войск и вооружений для такой операции потребуется. В начале июля 2009 г. войска США почти без потерь заняли один из уездов провинции. Одновременно с этим британские войска вышли к переправам через реку Гильменд, что позволило блокировать движение талибов между крупнейшими городами провинции Герешк и Лашкаргах. После завершения этой операции американские войска начали такие же операции в Кандагаре, Нанганхаре и Кунаре.

Помимо этого США отправили в Афганистан сотни дипломатов, специалистов и экспертов (которые работали в самых различных министерствах и ведомствах) для того, чтобы они на местах в Афганистане могли помочь своим коллегам из правительства этой страны в управлении государством. Кроме того, в 2009 г. Соединенные Штаты разместили в Афганистане дополнительный контингент военнослужащих, а европейские союзники добавили еще несколько тысяч человек.

Первым сюрпризом для Белого дома было некоторое смещение акцентов в военной стратегии движения «Талибан», которая особое внимание стала уделять целенаправленным действиям, затрудняющим доставку военных грузов, продовольствия и горюче-смазочных материалов для группировки США и НАТО в Афганистане. Внимание также было сконцентрировано на поэтапном блокировании основных дорог, связывающих Кабул с другими регионами страны и Пакистаном. Главный удар талибов принял на себя пакистанский маршрут⁵.

[5] Учитывая это, Москва предложила свой вариант снабжения американских войск в Афганистане, который заключается в транзите стратегических грузов через территории РФ и стран ЦА.

Можно констатировать, что единство по проблеме Афганистана в самом политическом истеблишменте США отсутствует. В итоге президент Обама был вынужден пойти на компромисс, устраивающий обе стороны - и американских военных, и политическую элиту страны. Решение об увеличении воинского контингента Соединенных Штатов дополнительно на 30 тыс. человек, кроме того, имело целью успокоить европейских партнеров и стимулировать их к увеличению численности своих национальных подразделений в Афганистане. При этом новая администрация США все активнее начала продвигать запущенный в последние годы президентства Дж. Буша в информационный оборот тезис о том, что в Афганистане решается судьба НАТО. Таким образом, США продолжают оказывать политическое и информационное давление на Европу.

Ряд экспертов не исключают возможности того, что администрация Обамы разрывается между желанием сохранить позиции в Афганистане и необходимостью скорейшего решения проблемы бюджетного дефицита; именно в этом стоит искать причину того, почему президент США стремится как можно быстрее покончить с конфликтом в Афганистане, резко наращивая военное давление на талибов и Пакистан (параллельно планируя начать переговорный процесс с движением «Талибан»). Окончание военной миссии позволит, в первую очередь, значительно снизить нагрузку на государственный бюджет и перенаправить освободившиеся средства на реализацию предвыборных программ.

Тревожной проблемой для Б. Обамы стало само руководство Афганистана, возглавляемое президентом Хамидом Карзаем – политиком, явно неспособным или нежелающим эффективно бороться с чудовищной коррупцией и произволом властей всех уровней. Карзай был вновь избран на пост президента в результате очевидно сфальсифицированной избирательной кампании, но многие эксперты полагают, что если бы он проиграл, дело могло дойти до гражданской войны.

Обама неожиданно в марте 2010 г. прилетел в Афганистан и в разговоре с афганским президентом в жесткой форме призвал его к борьбе с коррупцией и производством наркотиков, указав, что отсутствие прогресса в этих сферах играет на руку врагам самого Карзая. Тем не менее, мало кто из обозревателей считает, что визит американского президента привел к «прорыву» в отношениях.

В отношениях между США и европейскими союзниками уже четко обозначились противоречия. С одной стороны, позиция европейских членов НАТО, все громче настаивающих на необходимости определиться со сроками пребывания коалиционных сил в Афганистане. С другой – позиция новой администрации и лично президента США. Для Б. Обамы война в Афганистане обещает стать ключевым вопросом президентской избирательной кампании 2012 г.

Таким образом, пока преждевременно фиксировать утрату Вашингтоном решимости продолжать войну. Действительно, США испытывают экономические трудности, отношение общественного мнения к присутствию в Афганистане негативно. Война затянулась, и Б. Обама вынужден декларировать планы вывода войск. Эти декларации не должны вводить в заблуждение. Американская политическая элита, судя по всему, не намерена оказывать на президента серьезного давления по этому вопросу. Сегодня вероятным представляется сценарий сохранения в Афганистане боеспособной группировки, тогда как оптимизация ее численности будет носить технический характер или осуществляться в интересах информационной работы с американским избирателем.

Разгром американцами «Талибана» и сил сопротивления действительно выглядит сомнительно. Но он и не является единственным критерием успеха кампании. Имеет значение сохранение присутствия в стране, как таковое, проекция мощи сразу на несколько проблемных направлений американской внешней политики, включая отношения с Ираном. Элемент нестабильности в виде сил сопротивления может быть даже выгоден коалиции, будучи гарантом лояльности афганских властей.

Новая стратегия США в Афганистане базируется на посылке, что увеличение американского контингента позволило добиться существенного прогресса в войне с талибами и создало условия для начала вывода войск уже в июле 2011 г. Однако спецслужбы США дают более негативную оценку ситуации в Афганистане и Пакистане. В «Национальных разведывательных оценках», которые готовятся совместно аналитиками всех 16 американских спецслужб, утверждается, что, несмотря на успехи войск НАТО, серьезным препятствием остается нежелание Исламабада ликвидировать базы боевиков в зоне племен на западе страны. Разногласия между военными и разведслужбами (прежде всего ЦРУ) являются отражением споров о том, могут ли США победить без содействия Пакистана, на поддержку которого истрачены миллиарды.

В последнее время среди американских экспертов речь идет о создании в Афганистане т. н. «государства децентрализованной демократии»,⁶ что на определенных условиях должно стать приемлемым вариантом для Соединенных Штатов. При таком варианте будет сохранено централизованное государство (с широкой автономией регионов и установлении демократических институтов), обладающее контролем для того, чтобы не допустить использование территории Афганистана для дестабилизации Пакистана или планирования атак против Соединенных Штатов.

Однако создание государства децентрализованной демократии столкнется с тремя серьезными проблемами. Первая состоит в том, что движение «Талибан», которое противостоит демократии в принципе и, скорее всего, будет сопротивляться построению такого государства так же агрессивно, как сейчас воюет против централизованной демократии. Вторая проблема – это ограниченные административные возможности афганского государства. Третья проблема: настроенные против правительства влиятельные деятели (на местах) будут, вероятно, сопротивляться такому варианту.

Принятие подобной модели явилось бы частичным признанием афганских реалий, которые установились после 2001 г. Власть многих губернаторов и местных чиновников, назначенных Карзаем, держится не на мандате центрального правительства. Местные руководители правят скорее благодаря собственным структурам, обеспечивающим их экономическую силу и безопасность, а также функционирующих вне правовых рамок, но при молчаливом согласии Кабула. В провинциях Балх (губернатор Атта Мухаммед Нур) и Нангархар (губернатор Гуль Ага Шерзай) это привело к относительному миру и существенному сокращению производства мака. Оба военно-феодалных правителя установили равновесие, при котором они получают прибыль, присваивая таможенные сборы и государственную собственность, но в то же время поддерживают порядок и осуществляют хищения в определенных пределах так, чтобы не допускать операций подавления со стороны Кабула.

Данная модель (в форме т. н. смешанного суверенитета)⁷ предлагает центральному правительству два способа установления ограничительных

[6] Правительство в Кабуле сохраняет контроль над внешней политикой; в его полном ведении находится право вести войну и применять законы, касающиеся наркотиков, таможенной службы и горнодобывающей отрасли; оно обладает ограниченными полномочиями в отношении торговли между провинциями.

[7] Афганистан управлялся по аналогичной модели - системе внутреннего смешанного суверенитета большую часть XX в.: Мухаммед Надир Шах и его сын Мухаммед Захир Шах на протяжении пяти десятилетий правили как номинально абсолютные монархи, но при ограниченной государственной бюрократии и некоторой автономии для периферии.

«красных линий». Первый – угроза карательных военных операций. Этот способ потребует использования сил безопасности, способных заставить нарушителей ответить за свои проступки. Другой механизм принуждения – контроль Кабула над иностранной помощью и его способность направлять ее в одни провинции и не направлять в другие. Вашингтон при этом сохранит влияние через организацию иностранной помощи и тесное сотрудничество с афганскими силами национальной безопасности.

Фактически, администрация Б. Обамы признала, что централизованная демократия для Афганистана – это слишком амбициозная задача. Нынешний курс направлен в сторону децентрализации; вопрос только в том, насколько далеко данный процесс должен пойти, и в состоянии ли афганские и американские чиновники успешно управлять этим переходом.

Изменения в стратегии НАТО

Решения, принимаемые руководством США по Афганистану, оказывают значительное влияние и на традиционно важное направление американской внешней политики – трансатлантическое. Операция МССБ является экзаменом для НАТО и стратегии Вашингтона в этой организации. Конечно, операция в Афганистане позволила альянсу добиться ряда позитивных результатов с точки зрения технологии ведения войны.

Среди последних следующие. Отработаны новые методики ведения боевых действий в непривычных для войск союзников географических условиях. Получен бесценный боевой опыт личного состава – через участие в боевых действиях прошло более 1,5 млн. человек. Опробованы новые технические средства связи и управления войсками. Есть достижения, хотя и не однозначные, в области единой координации действий контингентов стран-участниц коалиции.

Однако все это перевешивается целым рядом негативных политических эффектов афганской войны для НАТО как коллективного института, а также для отношений между членами НАТО. К негативным последствиям можно отнести следующие.

Важнейшим из таких политических эффектов стала проявившаяся в ходе операции слабая готовность НАТО к выполнению нескольких возложенных на нее функций, часть из которых вообще прежде была несвойственна для блока. Весьма ограниченной оказалась способность НАТО действовать за пределами той традиционной зоны ответственности, которой ограничивалась ее компетенция до принятия Стратегической концепции в 1999 г. Транспортно-логистическое обеспечение действий МССБ уже с 2005 г. потребовало содействия со стороны целого ряда государств, не участвующих в операции, включая республики ЦА и Россию.

Сомнительными также оказались результаты не только осуществления НАТО боевых действий в Афганистане, но и политического менеджмента, проводимого МССБ. НАТО в его нынешнем виде не может решать задачи организации системы государственного управления, создания дееспособной экономики. Относительные и весьма скромные достижения у МССБ есть лишь в связи с формированием афганской армии и полиции. Недееспособность альянса в сферах борьбы с производством и трафиком наркотиков и противодействия коррупции на фоне трудностей в диалоге с местными элитами и населением на уровне провинций ставят под сомнение жизнеспособность всей создаваемой системы.

Анализ стратегии НАТО в Афганистане и развитие событий в 2010 г. дают возможность очертить перспективы дальнейшего пребывания Североатлантического альянса в этой стране.

1. Очевидно, что НАТО под давлением своих европейских членов основной упор в видоизмененной стратегии будет делать на принцип «афганизации» безопасности, то есть основные усилия направлять на подготовку афганской полиции и армии, которые в конечном счете должны будут взять на себя всю полноту ответственности за безопасность в стране.

2. Поскольку сегодня европейские члены НАТО делают ставку на усиление подготовки собственных сил безопасности Афганистана, то в дальнейшем возможна отправка в эту страну не столько армейских частей, сколько специалистов, способных профессионально обучить афганские подразделения, которых сегодня там так не хватает.

3. Нежелание ведущих стран НАТО посылать в Афганистан дополнительные воинские контингенты может существенно повлиять на их отношения с Вашингтоном, особенно в случае нового резкого обострения ситуации с безопасностью.

4. Руководство НАТО и Соединенных Штатов будет продолжать обозначившуюся в 2009 г. линию на негласную политическую амнистию талибов. Не исключена возможность переговоров с лидерами «Талибана» и предоставления последним шансов для официального участия в политической жизни Афганистана. В долгосрочной перспективе, рано или поздно, контингентам НАТО и США придется покинуть страну, а центральное правительство Кабула останется один на один с талибами. Между тем даже сам факт переговоров НАТО с талибами, а тем более их возвращение во власть, по сути, будет означать провал политической миссии альянса в Афганистане, поскольку Западу придется признать, что он так и не смог справиться с присутствием талибов в стране.

5. Осознавая свою ресурсную ограниченность, в том числе в плане подготовки афганских сил безопасности, НАТО, вероятнее всего, будет постоянно ставить вопрос о расширении международного участия в Афганистане. Это возможно за счет подключения к миротворческой операции различных международных и региональных гуманитарных и иных организаций, готовых взять на себя задачи политической и социально-экономической реконструкции страны.

Один из вероятных сценариев развития событий может выглядеть следующим образом.

Представляется, что в кратко- и даже среднесрочной перспективе у НАТО нет другого выбора как оставаться в Афганистане. Никто другой пока не готов, да и вряд ли будет готов взять на себя ведущую роль в этой стране. Ни одна международная или региональная организация в данном случае не имеет большего функционального и военного потенциала, чем НАТО.

Оптимальный вариант для Соединенных Штатов и НАТО мог бы выглядеть следующим образом: столица Кабул и другие крупные города очищены от талибов; резко сократилось число террористических актов; относительно дееспособная афганская армия и полиция при поддержке существенно контингента западных сил (преимущественно американских) обеспечивают относительный уровень безопасности на всей территории Афганистана; удалось расколоть талибов, провести переговоры с «умеренными», благодаря процессу политической амнистии привлечь их к сотрудничеству с центральными властями и включить в органы местной власти. Подобное развитие ситуации позволило бы Соединенным Штатам и НАТО «сохранить лицо»⁸.

[8] Этот вариант во многом повторяет план генерала Петреуса, который был осуществлен в Ираке. Суть плана заключается в том, что противник, хотя и продолжает периодически совершать взрывы и теракты, но в целом утрачивает контроль над жизненно важными центрами государства. В этих условиях Соединенные Штаты постепенно сокращают численность своих войск и передают задачу обеспечения безопасности местным вооруженным силам.

Однако для успеха подобного плана необходимо серьезное усилие не только со стороны западных и афганских военных, но, главным образом, со стороны Пакистана, при помощи которого общая контролируемая талибами территория может быть сокращена до плацдарма в Белуджистане. Такая ситуация устроила бы и американцев, и пакистанских военных, которые ликвидировали бы очаг нестабильности в лице мало контролируемых вазиристанских талибов, но сохранили возможность оказывать влияние на белуджистанскую группу талибов «Шура-е-Квета».

В среднесрочной перспективе такой вариант можно было бы представить как успех Запада, поскольку основная часть сил была бы выведена, ответственность передана афганским силам безопасности, а конечный результат операции был бы признан если не лучшим, то хотя бы единственно возможным в сложившейся ситуации.

В любом случае война НАТО в Афганистане будет иметь самые серьезные последствия для будущего этой организации и в смысле ее функциональной трансформации, и в плане определения ее места и значения в мире.

Тактические и стратегические просчеты НАТО, неудачи в области миротворчества и гражданского восстановления Афганистана продемонстрировали необходимость срочного адаптирования организации к современным реалиям безопасности. По-прежнему остается актуальным вопрос о целесообразности и оправданности выхода НАТО за пределы традиционной зоны ответственности альянса, а также эффективности передачи военному блоку НАТО функций миротворческой организации.

Целый ряд проблем обнаружился и в сфере союзнической солидарности. Администрации Б. Обамы было необходимо расширение участия союзников в военной операции в Афганистане, увеличение численности контингентов и активизация боевых действий против талибов. Однако европейские союзники не выразили энтузиазма относительно увеличения численности воинских контингентов, а также участия своих контингентов в массированных боевых столкновениях.

В настоящее время американские и европейские политики, военные и эксперты озабочены сопоставлением различных моделей и определением сроков ухода МССБ и США из Афганистана на ближайшую перспективу.

Россия и Афганистан

Интересы России, связанные с Афганистаном, носят, прежде всего, политический (безопасность), чем экономический характер. Они завязаны на угрозах, исходящих с территории этой страны, к которым относятся, в первую очередь, радикальный исламизм и транзит наркотиков. В более широком геополитическом контексте опасения России концентрируются вокруг военно-стратегической активности США и их союзников по НАТО в регионе.

В региональном плане Россия на фоне усиливающейся децентрализации Афганистана возвращается к поддержке Северного альянса (создание т. н. «пояса безопасности»).

При всех сложностях отношений России с Западом существуют сферы, где их сотрудничество неизбежно будет развиваться и крепнуть. Одно из первых мест в этом отношении, безусловно, занимает Афганистан.

В январе 2009 г. в Брюсселе состоялось первое после окончания войны на Кавказе заседание Совета Россия – НАТО на уровне начальников генштабов, ключевой темой которого стало сотрудничество в Афганистане. Была озвучена готовность России обучать афганских специалистов в российских вузах, восстанавливать объекты народного хозяйства Афганистана. Россия выразила готовность помочь Афганистану, восстановив там 142 объек-

та промышленности и инфраструктуры, построенные еще в советское время. Москва рассчитывала, что все подряды она получит без тендеров, а финансировать эти работы будет мировое сообщество, что поможет российским компаниям лучше пережить кризис. Однако данный проект практически не был реализован вследствие неготовности (или нежелания) Запада его финансировать.

Крупнейшим событием в политике России по отношению к Афганистану стало списание его задолженности из неоплаченных военных кредитов СССР и клиринговых расчетов, оцениваемой в 11,2 млрд. долл. Вместе с тем следует учитывать, что большинство промышленных предприятий и современных дорог в Афганистане построено с помощью Москвы. Представляется совершенно естественным, что их восстановление или модернизация могут быть проведены с помощью специалистов из России.

Тем не менее, российско-афганский торговый оборот невелик. В 2007 г. он составил лишь 68,2 млн. долл. Причем большая часть приходилась на поставки из России. Их львиную долю составляли древесина и пиломатериалы, сахар и сахарные изделия, авиационная продукция. Последнее направление, как и поставки других товаров потенциально военного назначения, возможно, является наиболее перспективным для российско-афганского взаимодействия.

За исключением военных поставок Афганистан заинтересован не столько в российских товарах, сколько в российских капиталах. Наиболее перспективными для России могли бы стать инвестиции в добычу полезных ископаемых. Многие месторождения – нефти, газа, меди – были найдены еще советскими геологами. Прежде всего, интерес представляют месторождения нефти на севере страны, суммарный годовой объем ее добычи составляет примерно 1 млн. тонн. Общий объем запасов Афганистана оценивается в 40 млн. тонн нефти и 137 млрд. кубометров природного газа.

Большой прогресс наблюдался в сфере борьбы с наркотиками. С 2010 г. Россия уже помогает решению этой задачи: благодаря соглашению о транзите со странами НАТО и предоставляя афганским госслужащим возможность пройти обучение в области предотвращения незаконного оборота наркотиков.

Российско-американское соглашение о сотрудничестве в борьбе с наркоугрозой из Афганистана подписано 4 февраля 2010 г. в Москве. Основная цель совместной работы – сокращение посевов опиийного мака в этой стране и пресечение наркотрафика в Россию, а оттуда в другие страны Европы.

Рамочные документы подписаны в ходе заседания российско-американской рабочей группы по противодействию незаконному обороту наркотиков. Она была сформирована по инициативе президентов Дмитрия Медведева и Барака Обамы, а ее сопредседателями являются директор Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) Виктор Иванов и директор управления госполитики в сфере контроля за наркотиками администрации президента США Джил Керликовске.

Первая совместная антинаркотическая операция России и США в Афганистане прошла в ночь на 28 октября 2010 г. В ходе рейда в восточной провинции Нангархар было уничтожено четыре нарколаборатории (три героиновые, одна морфиновая). Президент Афганистана Хамид Карзай в жесткой форме раскритиковал первую в истории совместную антинаркотическую операцию России и США.

На встрече в Сочи с представителями Пакистана, Ирана и Таджикистана Россия конкретно обозначила по Афганистану свою позицию. Российская позиция исходит из того, что процесс вывода иностранных частей и передачи обязанностей афганской армии и правоохранительным органам растя-

нется на несколько лет. Переходный период создаст и для России определенные угрозы. Они проистекают из возможной активизации талибов и усиления наркотрафика из Афганистана.

Эту обеспокоенность озвучили такие политики как губернатор Б. Громов и постоянный представитель РФ при НАТО Д. Рогозин. По их мнению, прекращение афганской миссии США и стран НАТО приведет к хаосу. Вывод войск даст огромный стимул исламским боевикам, дестабилизирует республику ЦА и создаст потоки беженцев, многие из которых направятся в Европу и Россию.

Ряд российских специалистов признают порочной существовавшую в 1990 гг. практику поддержки всеми странами-соседями Афганистана, а также Россией «своих людей» из числа представителей национальных меньшинств. Ставка на них может дать лишь краткосрочный эффект паллиатива. Создание своего рода «буферных зон» на севере Афганистана (на южных границах СНГ) напрямую ведет к дезинтеграции самого Афганистана, что создает реальную угрозу территориальной целостности страны и ее развала по национальному признаку. В этом случае гарантировано экстренное вмешательство Пакистана, поскольку такая ситуация хотя и будет устраивать Душанбе и Ташкент (и они могут начать подталкивать к этому и Россию), но ни в коем случае не будет устраивать Исламабад, и он будет принимать контрмеры.

По мнению авторитетных экспертов, Россия должна поддерживать сбалансированные контакты с представителями всех национальных групп Афганистана (в связи с чем необходимо налаживать более тесные контакты с Пакистаном), отдавая себе, однако, отчет в том, что наведение порядка во всем Афганистане представителями национальных меньшинств невозможно. Кроме того, Россия может и должна принимать участие в программах экономической реконструкции, развивать сотрудничество в сфере экономики, в том числе и на региональном уровне.

В начале 2011 г. президент Афганистана Х. Карзай посетил Москву с первым официальным визитом. По итогам переговоров с российским лидером Д. Медведевым было подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве двух стран. Кроме того, было закреплено желание Москвы внести свой вклад в восстановление инфраструктуры Афганистана и борьбу с местной наркомафией.

Москва намерена внести значительный вклад в восстановление в столице Афганистана Кабуле домостроительного комбината, политехнического университета и элеватора. Кроме того, российские специалисты помогут своим афганским коллегам в реконструкции ирригационного канала в провинции Нангархар, завода азотных удобрений в Мазари-Шарифе, тоннеля «Саланг», а также автомеханических техникумов и гидросооружений в ряде регионов страны.

Россия и Афганистан поддерживают реализацию важных проектов в области железнодорожного транспорта и энергетики, в частности проектов формирования системы передачи электроэнергии из Таджикистана в Афганистан и Пакистан CASA-1000 и строительство газопровода Туркмения – Афганистан – Пакистан – Индия.

Хамиду Карзаю удалось добиться обещания, что Москва будет оказывать Афганистану существенную поддержку и после вывода оттуда войск международной коалиции в 2014 г.

Китай и Афганистан

Несколько лет назад ситуация в Афганистане волновала Пекин прежде всего с точки зрения безопасности. После начала американской операции

«Несокрушимая свобода» Пекин начал проявлять беспокойство уже из-за усилившегося присутствия США и НАТО вблизи своих границ. После прихода к власти в КНР руководства во главе с председателем Ху Цзиньтао, при котором одной из главных задач внешней политики Пекина стало обеспечение китайской экономики минеральными ресурсами, тактика Поднебесной в Афганистане менялась: упор был сделан на экономическую экспансию. Пекин решил не направлять в страну своих солдат, а заняться бизнесом, позиционируя это как помощь мировому сообществу.

Вклад КНР в реконструкцию Афганистана в рамках международной программы – 150 млн. долл. – достаточно скромнен, например по сравнению с Японией, которая выделила 900 млн. долл. Пекин финансирует в основном небольшие сельскохозяйственные объекты.

В конце марта 2010 г. президент Афганистана Х. Карзай совершал визит в Китай. В Пекине афганский лидер и председатель КНР Ху Цзиньтао подписали соглашения, реализация которых позволит Китаю стать крупнейшим инвестором в афганские недра.

Реализация достигнутых соглашений может превратить Китай в крупнейшего игрока в афганской экономике. Согласно данным китайской таможенной статистики, уровень торговли между двумя странами пока незначительный – в 2008 г. ее объем составил всего 155 млн. долл. Однако это лишь официальные данные, отражающие, прежде всего, передвижение товаров через узкий Ваханский коридор в горах Памира. Между тем значительная часть китайского ширпотреба, которым завалены все афганские рынки, поступает в страну также через соседей, в особенности центрально-азиатских. Объем прямой помощи Пекина Афганистану с 2002 г. составил 130 млн. долл., а в прошлом году КНР пообещала предоставить еще 75 млн. долл. в ближайшие пять лет. Наконец, многие китайские фирмы выполняют подрядные работы в рамках проектов по восстановлению афганской инфраструктуры, которые финансирует Запад.

Главным объектом интересов Пекина являются значительные минеральные ресурсы этой страны, в разработку которых долгие годы никто не вкладывался из-за войны. В этом отношении Афганистан может быть крайне интересен для китайских инвесторов. Например, по данным геологической службы США, в недрах страны залегают 1,6 млрд. баррелей нефти и 440 млрд. кубометров газа (однако рентабельность значительной части этих ресурсов вызывает большие сомнения). Еще интереснее запасы цветных и черных металлов. Большинство потенциально рентабельных месторождений сконцентрировано в спокойных провинциях на севере страны. Так, большие запасы железной руды расположены в провинции Герат, золота – в провинциях Бадахшан, Тахар и Газни, меди – в провинции Логар.

В ноябре 2007 г. китайские инвесторы выиграли тендер на освоение крупнейшего неразработанного медного месторождения в мире Айнаке, расположенного в провинции Логар в 30 км на юго-восток от Кабула. Компания «China Metallurgical Group» пообещала инвестировать в месторождение 3,5 млрд. долл. – крупнейшую сумму за всю историю Афганистана. Общая стоимость контракта – 4,4 млрд. долл. Отчисления от этой сделки правительству Афганистана за разрешение на начало разработки составили 390 млн. долл. Китай инвестировал также 500 млн. долл. на строительство электростанции, причем половина вырабатываемой мощности пойдет на энергоснабжение населения. С 2014 г. месторождение начнет работать на полную мощность, обеспечивая работой около 10 тыс. афганцев. Правительство будет получать в виде налогов и роялти около 400 млн. долл. в год.

По имеющейся информации, команды китайских геологов приезжают в большом количестве и прочесывают местные горы в поисках месторож-

дений. По мнению экспертов, единственным серьезным инвестором в этой стране может быть именно Китай, причем объектом инвестиций будет именно сырьевой сектор. Успешные действия в Афганистане Китая контрастируют с провалами других стран, вовлеченных в конфликт намного более активно.

Однако в полной мере развернуться в Афганистане китайцы при всем желании не смогут. Афганистан остается главным внешнеполитическим проектом президента Обамы, и на нынешнем этапе Кабул всецело зависит от военной и экономической поддержки США и НАТО. К тому же трудно рассчитывать на успешную реализацию крупных инфраструктурных и торгово-экономических проектов в условиях войны. Однако в случае стабилизации ситуации в Афганистане, которую могут обеспечить операция сил коалиции и переговоры с «умеренными» талибами, пока находящийся в тени Китай с его огромными финансовыми ресурсами, доступными товарами и технологиями неожиданно может стать в этой стране ключевым игроком.

Понимая, что время работает на него, Китай не склонен форсировать отношения с Кабулом. Китаю в перспективе пригодятся природные богатства Афганистана — пока не освоенные богатейшие месторождения меди и железной руды. Тем более что китайские деньги, направляемые в регион как по каналам двусторонних связей, так и Шанхайской организации сотрудничества, в условиях ослабления российского присутствия не первый год эффективно работают, создавая заделы на будущее. И все же задача китайских стратегов состоит не только в том, чтобы прирастить за счет Афганистана зону Центральной Азии, превращающуюся в сырьевой придаток китайской экономики.

Главный интерес Пекина — стратегический. Активизируя политику со странами Среднего Востока и Центральной Азии, Пекин делает капиталовложения не только в экономику, но и в свою стабильность и безопасность. В случае с Афганистаном Китай в итоге сможет превратить эту страну в свой региональный плацдарм.

Стратегия Пакистана

Для всех политиков, вовлеченных в афганский конфликт, совершенно очевидно, что без тыловой поддержки на территории Пакистана афганские талибы были бы обречены. Таким образом, фактор Пакистана по многим параметрам является ключевым для решения афганского конфликта.

Следует отметить, что Пакистан является одним из ведущих доноров Афганистана в регионе. Особенно интенсивно в последние годы развивается афгано-пакистанская торговля: если в 2002 г. торговый оборот между двумя странами составлял всего 50 млн. долл., то уже к концу 2005 г. он возрос до 1,9 млрд. долл., из них афганский экспорт (ковры, сухофрукты, драгоценные камни) составлял 700 млн. долл., пакистанский — 1,2 млрд. долл. (текстиль, рис и др. продовольствие), в 2006 г. — 1,93 млрд. долл. Основные объекты пакистанской технико-экономической помощи Афганистану включают аэропорты, дороги и автотрассы, которые способствуют расширению двусторонней торговли. По некоторым данным, в Афганистане в различных сферах народного хозяйства занято около 60 тыс. пакистанцев. В 2006 г. Пакистан выделил дополнительно 200 млн. долл. на развитие системы образования, здравоохранения, жилищного строительства и других объектов социального сектора — всего 20 проектов. Однако сложные двусторонние политические отношения тормозят реализацию большинства из этих проектов развития.

По мере реализации «новой» стратегии Б. Обамы в Афганистане наметились изменения в политике Исламабада в отношении Афганистана и присутствия Соединенных Штатов в этой стране. Так, президент Хамид Карзай дал понять пакистанской стороне, что он не верит в победу американцев, и по этой причине склоняется к примирению с талибами, для чего стремится заручиться поддержкой Пакистана.

После отставки ген. Маккрystalла имело место интенсификация контактов между Пакистаном и Афганистаном. Начальник штаба сухопутных войск Пакистана Ашфак Первез Каяни и руководитель Межведомственной разведки генерал Ахмад Шуджа Паша дважды встречались с Х. Карзаем, а министр иностранных дел Афганистана Залмай Расул провел переговоры с коллегами в Пакистане. Можно было предположить, что пакистанцы выступают в качестве посредников в процессе примирения с группировками Джелалуддина Хаккани и Гульбеддина Хекматиара, в результате которого за разрыв связей с «Аль-Каидой» им будет предложено интегрироваться в администрацию Х. Карзая.

В случае успеха переговоров на эту тему следующим шагом стало бы выявление умеренных сил среди руководства талибов на юге Афганистана и вовлечение их в переговорный процесс.

В последнее время верхушка политического истеблишмента Пакистана пришла к выводу, что реальный ход событий в Афганистане (который устраивал бы Исламабад) совершенно не совпадает с планами Вашингтона. В настоящее время среди пакистанских стратегов сформировалась своя дорожная карта урегулирования конфликта, которую они навязывают Х. Карзаю. Пакистанский план включает в себя следующие элементы:

- установление четкого срока вывода коалиционных вооруженных сил из Афганистана;
- согласие на определенную децентрализацию управления, причем ряду провинций на юге и востоке Афганистана в порядке самоуправления придется дать возможность ввести в действие элементы шариата;
- наряду с выводом сил международной коалиции вытеснение из Афганистана всех повстанческих группировок иностранного происхождения, в особенности остающихся в стране сторонников «Аль-Каиды»;
- реорганизация системы подбора кадров для афганских национальных сил безопасности с целью обеспечения более равномерного представительства в них различных этнических групп населения Афганистана;
- осуществление мер, способствующих возврату беженцев из Пакистана, и ликвидация всех существующих на данный момент убежищ движения «Талибан» в этой стране;
- пресечение связей между афганскими талибами и пакистанским движением «Техрик-и-талибан Пакистан»;
- налаживание жесткого контроля на афгано-пакистанской границе и, что является необходимым следствием данной меры, безусловное согласие со стороны Афганистана с международно-признанной конфигурацией этой границы.

К настоящему времени у военно-политического руководства Пакистана оформились несколько основных претензий к Вашингтону и его политике в Южной Азии и Афганистане. Данные претензии сводятся к следующему:

- 1) В Исламабаде считают глубоко ошибочным восприятие американской администрацией афганского и пакистанского направлений как единой проблемы. В такой интерпретации Пакистан, по сути, превращается из союзника в решении афганской проблемы в часть этой проблемы;
- 2) Исламабад настаивает на восприятии Соединенными Штатами Пакистана как равноценного союзника, равно как и на стимулировании его к

партнерству на афганском направлении, потребовало бы (от Вашингтона) решения проблем собственно пакистанской безопасности. В том числе – решение кашмирского вопроса и налаживание индо-пакистанского диалога в целом. Американцы предпочитают увязывать проблемы безопасности Пакистана в первую очередь с террористической угрозой, а не с Кашмиром или иными сложными вопросами индо-пакистанских отношений;

3) резкое недовольство (как среди военных, политиков, так и в общественном мнении) вызывают атаки, осуществляемые американскими беспилотниками (таковых в 2010 г. насчитывалось около 100);

4) в Исламабаде опасаются, что США будут саботировать выполнение закона (билля) Керри-Лугара, согласно которому Америка должна была предоставлять Пакистану экономическую помощь в размере 1,5 млрд. долл. в год в течение пяти лет, или увязывать его с выполнением Исламабадом определенных политических требований.

В феврале 2010 г. в Пакистане был арестован влиятельный заместитель лидера талибов, выполнявший обязанности министра обороны, мулла А.Г. Барадар; в марте был захвачен мулла А. Мохтасим, отвечавший за разработку военной стратегии «Талибана». Самым простым объяснением является то, что Пакистан решил, невзирая на риски различного рода националистических и религиозных выступлений в ряде регионов страны, наконец-то полностью искоренить «Талибан» на своей территории, поскольку эта организация стала угрожать самому существованию пакистанского государства, его ядерным объектам, экономическому развитию и общественному спокойствию.

Существует версия, что Исламабад готовит почву для начала новой «игры» на афганском геополитическом поле. Такая «игра» может начаться в случае вывода американских войск и запуска переговоров о вхождении талибов в официальные органы власти Афганистана. По мнению ряда экспертов, Исламабад, уничтожая верхушку «Талибана», хочет вновь взять это движение под контроль и оказать поддержку «умеренным» лидерам, способным после 2011 г. вести переговоры и достичь компромиссов с Кабулом с учетом интересов Пакистана.

Позиция Индии

Индия имеет традиционные экономические и культурные связи с Афганистаном, поддерживаемые достаточно крупной индийской общиной в стране. Индия вложила большие средства в Афганистане. Она строит там дороги, содержит помимо посольства в Кабуле четыре консульства. Индийские объекты подвергаются атакам со стороны талибов.

Индия к середине 2008 г. вложила в реконструкцию Афганистана 1,15 млрд. долл. и стоит на 5-м месте в списке афганских доноров. Эти средства идут в основном на восстановление инфраструктуры, гуманитарную помощь, создание современных институтов и подготовку кадров. Дели финансирует строительство автотрассы Зарандж-Делирам длиной 217 км, соединяющей юго-западную границу Афганистана с афганской кольцевой дорогой. Стоимость проекта 180 млн. долл. Эта автотрасса станет продолжением иранской дороги от порта Чахбехар до афганской границы. Так Индия через иранский порт и афганскую территорию рассчитывает получить выход на рынки стран Центральной Азии.

Широкий спектр индийских программ включает также ремонт автотрасс, коммуникаций, объектов энергетики, здравоохранения, улучшение системы школьного образования, подготовку дипломатов и государственных чиновников. Индия построила новое здание афганского парламента стоимостью 50 млн. долл. Индийские автобусы «Тата», подаренные Афгани-

стану, составляют основную часть пассажирского транспортного парка афганской столицы. Кабул также получил в подарок от Дели 3 пассажирских авиалайнера «Боинг».

Индийские специалисты осуществили строительство стратегически важной автотрассы Деларам-Зерандж. Предполагается, что новая дорога поможет открыть более удобный путь для грузоперевозок в Центральную Азию. Индия также налаживает спутниковую связь с кабульским телевидением через систему своих спутников, что позволит обеспечить передачу информации в 10 провинций страны. Дели финансирует к тому же энергетические проекты (строительство ЛЭП) в Афганистане.

Индийские специалисты и объекты, построенные с помощью этой страны, неоднократно подвергались терактам со стороны талибов. В Дели считают, что за терактами стоит Пакистан, который стремится не допустить усиления влияния Индии в Афганистане. В разное время поднимался вопрос о направлении в Афганистан индийских полицейских сил для охраны своих специалистов и даже армейских подразделений для участия в антитеррористической операции. С таким предложением якобы обратилось правительство Э. Блэра, однако официальный Дели опровергает эти сведения.

Пакистан со своей стороны протестует против присутствия 4 индийских консульств в Афганистане, особенно в Джелалабаде и Кандагаре. По мнению пакистанской стороны, индийские консульства стоят за нестабильностью в Северном и Южном Вазиристане.

Таким образом, укрепление связей и сотрудничества с Афганистаном имеет для Индии стратегический характер, что, в первую очередь, обусловлено геополитической ситуацией в Южной Азии и ее перманентной конфронтацией с Пакистаном.

Иран и Афганистан

Отношения с Афганистаном занимают важнейшее место во внешней политике Ирана; и не только потому, что оба государства имеют общую границу, но в значительной степени из-за нахождения на афганской территории мощных военных группировок США и НАТО. На официальном уровне Тегеран поддерживает Афганистан, правительство которого официально признано международным сообществом. Иран выступает одним из крупнейших торгово-экономических партнеров Афганистана, а также инвестирует значительные средства в ряд проектов в Западном Афганистане.

В то же время иранское правительство выступает против каких-либо переговоров с движением «Талибан». Визит иранского президента М. Ахмадинежада в Кабул (март 2010 г.) визит носил в целом ознакомительный характер и был направлен на выяснение настроений в руководстве Афганистана и предела полномочий Х. Карзая в условиях американского военного присутствия.

Другой важной стратегической задачей данного визита было предотвратить создание на территории Афганистана военного плацдарма, который мог бы угрожать безопасности иранского государства или использоваться в качестве инструмента силового давления на него. Таким образом, желание Тегерана прояснить суть процессов, запущенных Белым домом, вполне понятно и объяснимо.

Иран проводит активную политику по закреплению своих позиций в ИРА посредством оказания экономической помощи, преследуя при этом следующие цели: восстановление стабильности в стране, укрепление центрального правительства, содействие борьбе против наркотиков, возвращение афганских беженцев, интенсификация регионального сотрудничества и торговли.

Иран занят в осуществлении самых разнообразных проектов в Афганистане. Во-первых, бурно развивается торговля между двумя странами. К концу 2006 г. иранский экспорт (кроме нефтепродуктов) в Афганистан достигал 500 млн. долл. (потребительские товары, продукты питания) ежегодно, а общий товарооборот превысил 1 млрд. долл. Ежедневно афгано-иранскую границу пересекают от 400 до 500 иранских грузовиков. В Кабуле открылся Иранский банк, стимулирующий торговлю между двумя странами.

Тегеран активно участвует в реконструкции и расширении афганской экономической инфраструктуры. Так, обещанная в 2002 г. финансовая помощь в размере 560 млн. долл. в течение 5 лет расходовалась в т. ч. на расширение электросети в Афганистане. В 2005 г. была сдана в эксплуатацию линия электропередачи (ЛЭП) мощностью 132 кВт от иранской границы до Герата с последующим 10-кратным увеличением мощности для передачи электроэнергии и в другие города. Иран построил также автодорогу длиной 122 км и стоимостью 68 млн. долл., соединившую его северо-восток с Гератом, и начал строительство дороги, которая соединит Западный Афганистан с иранским портом Чахбехар в Персидском заливе. Она станет выгодной для Афганистана и стран Центральной Азии альтернативой пакистанскому маршруту через порт Гвадар. Афганистан, таким образом, получит выход к морю. Иран также строит в Афганистане дамбы, школы, поликлиники и другие социальные объекты. Суммарная экономическая помощь Ирана соседней стране превышает 1 млрд. долл.

В сфере транспорта Иран соединил города Догарун и Герат (с продолжением на г. Маймана). Ираном также реализуются проекты по созданию трансафганского коридора (Иран-Узбекистан-Афганистан), имеющие стратегическое значение для обеих стран и республик ЦА. Иран также прилагает большие усилия в области подготовки специалистов связи и информационных технологий для ИРА.

К негативным факторам двусторонних отношений относится проблема афганских беженцев, которых Иран принял с 1979 г. более 3 млн. чел. Другой проблемой является наркотрафик. Иран уже потратил свыше 800 млн. долл. на борьбу с наркоторговлей.

В целом, Кабул рассчитывает на то, что Тегеран будет и впредь оказывать существенную помощь в процессе восстановления Афганистана, исходя из того, что оба государства являются региональными партнерами.

Но, кроме того, режим М. Ахмадинежада использует финансовые рычаги для манипулирования внутренней политикой Афганистана. В октябре 2010 г. появилась информация о том, что Иран ежемесячно переправляет в Кабул крупные суммы денег. Власти Ирана официально признали, что оказывают финансовую помощь соседнему Афганистану. Предположительно эти средства использовались афганскими властями для обеспечения лояльности членов парламента страны, старейшин и умеренных талибов.

С точки зрения политического прагматизма, менее всего будет отвечать интересам Ирана приход к власти в Кабуле проамериканского правительства, которое юридически закрепит присутствие войск США и НАТО в Афганистане (в результате либо успешно завершеного процесса национального примирения, либо полного разгрома «Талибана»). При таком развитии событий у Ирана не останется весомых политических ресурсов для действительного влияния на развитие ситуации в Афганистане, а если будет сохранено военное присутствие американцев и в Ираке, то страна окажется в геополитических «клещах».

Однако и вывод американских войск до окончательного урегулирования афганского кризиса не принесет Ирану больших дивидендов. В случае разрастания афганского конфликта, если начнется открытое противостояние

между Кабулом и «Талибаном», градус напряженности в регионе повысится, будет поставлен крест на многих проектах региональной интеграции. Тегеран, естественно, не останется в стороне и будет вынужден поддержать официальные власти Афганистана.

Существует один вариант развития событий, выгодный для ИРИ: после 2011 г. текущая ситуация останется без изменений, то есть будет происходить дальнейшее противоборство между НАТО и Кабулом, с одной стороны, и талибами – с другой. Этот вариант более или менее выгоден Тегерану, поскольку сохранит его нынешнее положение в регионе.

Афганистан и Центральная Азия

Афганистан по-прежнему остается наиболее критическим фактором безопасности Центральной Азии. Все эксперты абсолютно уверены, что талибы не остановятся, вернув себе власть в Афганистане. Следующей целью, вероятнее всего, станет Исламабад. Лавирование бывшего президента Пакистана Первеза Мушаррафа и его спецслужб между отношениями с США и заигрыванием с «Аль-Каидой» и талибами было возможно в относительно мирное время. Но тотальный кризис в Афганистане с уходом оттуда сил коалиции чреват любыми экстремальными событиями вплоть до военного переворота, в результате которого пакистанское ядерное оружие может оказаться в руках экстремистов.

Другим направлением экспансии победивших талибов могут стать центральноазиатские государства. В последние годы обозначились новые цели – захват месторождений урановых руд и заводов по их переработке. В Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане сосредоточены огромные залежи урана, функционируют мощности по его переработке. Исходя из этих целей, страны ЦА – потенциальные объекты для экспансии исламистов.

Очевидно, что прорыв в Центральную Азию талибы будут осуществлять с помощью своей «пятой колонны» – радикальных исламистских групп. По мнению ряда экспертов, которое однако разделяется не всеми, Центральная Азия стоит на пороге нового витка нестабильности, в которую могут быть втянуты великие державы – Китай, Россия и США.

Изучая ситуацию в регионе, многие аналитики приходят к выводу, что основным противником светских режимов являются радикальные движения по типу не ИДУ, а партия «Хизб-ут-Тахрир», использующая, по ее собственному заявлению, мирные, идеологические средства борьбы, но при этом вовлекающая в свои ряды целые села и районы в Ферганской долине, включая юг Киргизии. Только здесь количество ее сторонников, по различным сведениям, колеблется от 7 до 15 тысяч человек.

В «пятую колонну» талибов специалисты включают также сепаратистов из Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Большое число уйгурских сепаратистов ежегодно проходят подготовку в пакистанских и афганских лагерях талибов, участвуют в бандитизме, рэкете и наркобизнесе в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане. По данным спецслужб центральноазиатских республик, группы уйгурских сепаратистов активно участвовали в киргизской «тюльпановой революции» и андижанских событиях в Узбекистане.

Таким образом, среди специалистов, аналитиков, представителей экспертного сообщества и спецслужб нет единой точки зрения на дальнейшее развитие событий. Некоторые эксперты склонны считать, что опасность преувеличена и прямой угрозы стабильности Центральной Азии нет. Однако ряд осведомленных специалистов придерживаются мнения, что скрытая активность исламистов и экстремистов достаточно высока. Она тесно переплетена с криминальной деятельностью и наркобизнесом.

Позиция Узбекистана

В течение почти двадцати лет Ташкент проводит в отношении Афганистана (точнее, его северного анклава, населенного преимущественно узбеками) самостоятельную политику. После оккупации этой страны силами США и НАТО основной целью Узбекистана являются: в сфере безопасности – создание и поддержание т. н. пояса безопасности; в экономической области – развитие интенсивных экономических связей с целью интеграции региона с Узбекистаном. Узбекистан поставляет в северные районы Афганистана электроэнергию и нефтепродукты.

На практике действия Узбекистана ведут к росту сепаратистских тенденций в Афганистане и отколу узбекской (или узбекско-таджикской) части страны. Ташкент активно поддерживает идею России о создании на севере Афганистана т. н. «пояса безопасности».

В сфере экономики Узбекистан и Афганистан вынашивают весьма амбициозный проект. В ноябре 2008 г. они подписали Меморандум о взаимопонимании, предусматривающий строительство железнодорожной линии, которая пойдет от г. Термеза в Узбекистане через северную столицу Афганистана г. Мазари-Шариф и далее – через северные провинции страны до Герата. Оттуда она пройдет до иранской границы, к которой уже подтягивается ветка железной дороги от иранского г. Мешхед. Таким образом, центральноазиатская железнодорожная сеть окажется связанной с иранской, и страны Центральной Азии получат выход к Персидскому заливу. Кабул и Ташкент обратились с просьбой к АБР обеспечить разработку технико-экономического обоснования проекта.

С 2007 г. ведутся работы по увеличению поставок электроэнергии в Афганистан из Узбекистана. К настоящему времени товарооборот между двумя странами достигает примерно 170 млн. долл.

Еще в апреле 2008 г. президент Узбекистана И. Каримов на саммите НАТО/СЕАП в Бухаресте четко определил позиции своего государства по вопросу решения данной проблемы. На саммите ШОС в августе 2009 г. в Душанбе он вновь подтвердил свою точку зрения.

Суть предложений Узбекистана по решению проблемы урегулирования ситуации в Афганистане, заключается в следующем.

1. Военное решение афганской проблемы полностью исключается. Эта позиция находит все большую поддержку иностранных государств.

2. Необходимо обратить серьезное внимание на решение острых социальных проблем (обнищание населения и безработица). Сегодня различные слои населения Афганистана, прежде всего молодежь, вынуждены искать источники средств к существованию, а это создает благоприятную почву для их рекрутирования в ряды боевиков, вовлечения в незаконный оборот наркотиков и т. п.

3. Решать проблему урегулирования необходимо с учетом конфессиональных и национальных особенностей афганского народа, о чем свидетельствует исторический опыт различных войн в этой стране с участием внешних сил.

Что касается возобновления деятельности функционировавшей в 1999-2001 гг. под эгидой ООН Контактной группы «6+2» по Афганистану, то эту группу, по мнению Ташкента, необходимо расширить, включив в нее НАТО – активного участника процесса урегулирования ситуации в Афганистане.

На неофициальном уровне Ташкент придерживается точки зрения по ряду принципиальных моментов афганской политики. Во-первых, компромисс по принципиальным вопросам с талибами невозможен. Во-вторых, надо закрепить в сознании афганцев и мирового сообщества мысль о том, что операция в Афганистане – не антиафганская, а антитеррористическая.

В-третьих, любая уступка повлечет за собой новое наступление на всех фронтах – военном, геополитическом, информационном, идеологическом, психологическом и т. д. Поэтому один из важнейших путей поиска решения афганской проблемы – блокирование источников пополнения рядов террористов.

В целом, руководство Узбекистана исходит из того, что миротворческая кампания международной коалиции в Афганистане будет продолжительной.

Позиция Таджикистана

Самые тесные культурные и экономические отношения в ЦА сложились у Афганистана с Таджикистаном. Сотрудничество двух соседних стран развивается по 4 основным направлениям: 1) приграничная торговля (до 20 млн. долл.); 2) гидроэнергетика; 3) совместная борьба с контрабандой наркотиков и экстремизмом; 4) развитие культурных связей в рамках персоязычного мира.

Наиболее успешным является сотрудничество двух стран в области энергетики. С завершением строительства Сонгтудинской ГЭС, в котором участвуют российская и иранская компании, в Таджикистане появится избыток электроэнергии, который будет поступать в Афганистан и далее в Пакистан. При содействии России уже построена ЛЭП от афгано-таджикской границы до г. Пули-Хумри. Дальше через Кабул она пойдет в Пакистан.

Душанбе и Кабул развивают планы по строительству каскада ГЭС на р. Пяндж (13 станций суммарной мощностью 17 720 МВт. с годовым производством 86,3 млрд. кВт\ч.). Однако реализация данного проекта, разработанного еще в советское время, невозможна без создания межгосударственного консорциума с участием Узбекистана и Туркменистана.

Однако Душанбе использует афганский фактор для решения собственных внешнеполитических задач. Правительство Таджикистана делает акцент в расширении своего военного сотрудничества с США именно на афганский фактор. США создают на таджикской территории учебный центр для подготовки местных военных кадров, именно американцы оплатили сооружение четырех мостов, ведущих через таджикскую границу в Афганистан и далее в Пакистан, а общая сумма предоставленных Америкой кредитов и различной помощи Таджикистану превышает 1 млрд. долл.

Позиция Туркменистана

Туркменистан и Афганистан связывают тесные связи; Ашхабад продолжал сотрудничать с Кабулом даже во время правления талибов. В 1997 г. Туркмения организовала у себя международную конференцию по оказанию гуманитарной помощи Афганистану. В 1999 г. в Ашхабаде проходил очередной раунд межафганских переговоров. В 1999 г. Туркменистан выступал против введения санкций Совбеза ООН в отношении режима талибов за покровительство международному терроризму. В последние годы правления Талибана торговый оборот между двумя странами принял солидные масштабы.

Политическое и экономическое сотрудничество между двумя странами возобновилось после установления нового правительства в Кабуле. Сотрудничество развивалось по таким направлениям как энергетика, образование и здравоохранение. В течение 2000-х гг. Туркменистан и Афганистан приложили немало усилий по реанимации идеи трансафганского газопровода. Благодаря Туркмении были проложены новые ЛЭП до Мазари-Шарифа и Герата. Туркменские специалисты принимают также участие в реконструкции железной дороги в районе Тургунди.

Таким образом, Туркменистан в силу географических причин, исторических и этнических связей кровно заинтересован в стабилизации Афганистана, установлении полноценного экономического сотрудничества. Главной целью туркменской внешней политики на этом направлении является реализация проекта газопровода из Давлетабада до Индостана через территорию Афганистана.

Позиция Казахстана

Республика Казахстан занимает достаточно активную позицию в отношении Афганистана. На Лондонской конференции по Афганистану в 2006 г. Астана поддержала Договор по Афганистану между правительством ИРА и международным сообществом, который позволил определить перспективы и временные рамки восстановления афганской экономики, перечень социально-экономических проектов, актуальные проблемы региональной безопасности, в т. ч. проблему борьбы с наркотиками.

В июне 2008 г. на Парижской конференции международной конференции Казахстан поддержал Стратегию национального развития до 2013 г. Между РК и ИРА происходит также взаимодействие в рамках ШОС, ОБСЕ (Астанинский саммит 2010 г.), СВМДА и ПИМ НАТО.

В 2009-2011 гг. Казахстан выделил 1,5 млн. долл. Согласно Плану содействия Афганистану в 2008 г. Казахстан выделил 2,4 млн. долл. Для реализации проектов по строительству школ на территории ИРА. В рамках международной поддержки образования в Афганистане Казахстан выделил 50 млн. долл. на обучение афганских студентов в Казахстане.

В период 2006-2010 гг. была выработана повестка дня экономического сотрудничества между РК и ИРА, которая включает в себя строительство в Казахстане железной дороги в Афганистане, инвестирования в разведку и добычу минеральных ресурсов (нефти, газа, железной руды, каменного угля, меди) на территории ИРА. Торговый оборот между двумя странами вырос в период 2007-2010 гг. с 196,5 млн. до 290 млн. долл. в основном за счет казахстанского экспорта.

В целом, Астана поддерживает все мирные инициативы и процессы по урегулированию конфликта в Афганистане. В Казахстане существует ясное понимание важности Афганистана для сохранения региональной безопасности в Центральной Азии. В мае 2011 г. Казахстан направил в ИГА ограниченный персонал (в составе 4 чел.), в миссию которого входит дипломатическое и техническое обеспечение гуманитарной помощи со стороны РК.

Вероятные сценарии развития ситуации в Афганистане

В настоящее время специалисты обсуждают в основном три, иногда четыре (теоретически) вероятных сценария развития событий. *Сценарий № 1* носит идеальный характер и потому невозможен. В этой версии развития событий войска коалиции одерживают сравнительно быструю (за 1-2 года) победу, создают эффективные государственные институты, закладывают прочные основы гражданского общества и покидают страну. Но даже при таком фантастическом сценарии нельзя гарантировать необратимость перемен. Остается вероятность постепенной реставрации конфликта с возвратом талибов.

В соответствии со *сценарием № 2* войска коалиции покидают Афганистан, не одержав победы. Причины такого исхода связаны с невозможностью достижения военного успеха, то есть установления контроля над всеми провинциями, включая и те, где размещены войска коалиции, а также с недостаточностью финансовых средств, неверностью союзников по коалиции. Сюда же можно отнести отказ верхушки талибов вести какие бы то ни было

переговоры с «оккупантами» и их марионетками. Отсутствие позитивных результатов вынуждает Вашингтон отказаться от планов по умиротворению Афганистана. Официально американская миссия объявляется успешно завершенной, но фактически уход американских вооруженных сил означает поражение.

Наиболее вероятен *сценарий № 3*, в его пользу говорят и нынешние действия американской администрации: противостояние с талибами затягивается на неопределенно долгий срок, и окончательное решение «афганского вопроса» раз за разом откладывается. Собственно говоря, именно в этой постоянной отложенности и состоит решение. На такой сценарий указывает то, что Обама объявил об усилении американской группировки в Афганистане. Таким образом, следуя логике Обамы, временное наращивание численности войск – кратчайший путь к их окончательному выводу.

Некоторые эксперты высказывают предположение, что окончательно разобратся и с талибами, и с их союзниками, которых считают «международными террористами», может помочь реставрация ситуации противостояния между «северянами» и талибами в новых условиях и с новыми возможностями. Однако такое впечатление в корне неверно.

«Северный альянс», опиравшийся в основном на национальные меньшинства, смог в конце концов удержать под своим контролем лишь около десяти процентов территории страны (в конце 1990 гг.). И если бы не помощь России, Ирана и центральноазиатских государств (Таджикистана и Узбекистана), а также прямое вмешательство США и их союзников в 2001 г., «Северный альянс» не только не смог бы предъявлять претензии на власть в общенациональном масштабе, но и просто, скорее всего, не выстоял бы. Можно предположить, что с прямой военной помощью США и стран НАТО и при возможном содействии Пакистана (чья позиция в афганском вопросе сейчас гораздо сложнее и неоднозначнее, чем его безоговорочная поддержка талибов в конце 1990 гг.) «северяне» смогли бы контролировать гораздо большую территорию, а возможно, и нанести еще одно военное поражение талибам. Но подобное развитие событий маловероятно. Ставка только на национальные меньшинства, которые ни порознь, ни вместе никогда не могли объединить Афганистан, не принесет иных результатов и в дальнейшем.

Периодически те или иные силы внутри Афганистана или вне его выступают с различными инициативами, планами и предложениями по урегулированию конфликта. Президент Карзай ранее предлагал предоставить амнистию боевикам «Талибана», которые сложат оружие. Он также неоднократно изъявлял готовность вступить в прямой контакт с лидером движения Муллой Омаром⁹.

В 2009 г. стороны уже пытались договориться о прекращении войны в Афганистане. В Саудовской Аравии под патронажем короля Абдаллы прошло несколько раундов переговоров. Однако в итоге стороны не смогли договориться. Препятствием стало требование талибов о немедленном выводе из Афганистана всех иностранных войск.

Талибы выдвигают собственные условия Х. Карзаю: они якобы больше не хотят править государством, но требуют полного вывода иностранных войск из Афганистана, введения закона шариата и организации совета, в котором приняли бы участие старейшины со всей страны под предводительством муллы Омара.

Основные условия, на которых «Талибан» готов сложить оружие и начать переговоры, известны. Это – изменение конституции страны, вывод иностранных войск, признание ДТ в качестве части афганской политической системы, открытие представительств «Талибана» в городах Афганиста-

[9] Например, за 2009 г. всего около 170 человек перешли на сторону власти.

на, исключение руководителей движения из «черного списка» Совета Безопасности ООН и, наконец, освобождение всех талибов из тюрем. Реализация первого условия, согласно афганскому законодательству, зависит от решения джирги. Карзай рассчитывает, что реализация его планов по национальному примирению и реинтеграции позволит привлечь не менее 70% афганских талибов к мирной жизни.

В январе 2010 г., накануне международной конференции по Афганистану в Лондоне, стало известно о том, что правительство Х. Карзая разработало новый план примирения с «Талибаном»¹⁰. Приверженцам этого движения, которые перейдут на сторону властей, будут предложены рабочие места, возможности получить образование, им будет обеспечена безопасность. Главным элементом нового плана стали гарантии безопасности амнистированным. Они не должны будут подвергаться арестам, их защитят и от возмездия со стороны мятежников. США в целом одобрили план. Афганское правительство рассчитывало, что финансировать его будет мировое сообщество. Однако на реализацию плана потребовалось бы не менее 1 млрд. долл.

В конце января 2010 г. выступить в качестве посредника между Кабулом и боевиками, а также Кабулом и Исламабадом сделала попытку Турция. Основная идея Анкары состояла в том, чтобы придать проблеме региональный характер; т. е. привлечь соседние государства к более активному участию в решении афганской проблемы.

На Лондонской конференции Великобритания выдвинула (согласованный с США и другими членами НАТО) план урегулирования конфликта в Афганистане: безопасность, управление и развитие, региональные отношения. Согласно этому плану, к концу 2010 г. численность афганской национальной армии должна составить 134 тыс. человек, а афганской национальной полиции — 109 тыс. человек. То есть, подразумевалась передача контроля за безопасностью в стране афганским силовым структурам.

План подразумевал также создание международного фонда по реинтеграции. Средства из него пойдут на поддержку тех боевиков «Талибана», кто захочет вернуться к мирной жизни. Наконец, третий блок итогового документа подразумевал более тесную координацию действий между афганскими силами (включая МССБ) и соседними странами, прежде всего Пакистаном. План был рассчитан на то, что доноры внесут в специальный международный фонд не менее 500 млн. долл.

На практике Западом был также сделан ряд шагов по размораживанию ситуации и расколу талибов. По инициативе западных держав был начат процесс изъятия имен полевых командиров и политических деятелей движения «Талибан» из черных списков ООН¹¹. Совет Безопасности ООН «реабилитировал» пятерых бывших деятелей, занимавших официальные посты у талибов. Тем самым, создавались стимулы для раскола врага. Ранее Россия как постоянный член СБ блокировала такие попытки.

У командования войсками НАТО существовал (по крайней мере, до отставки Маккрystalа) секретный специальный денежный фонд в 1,5 млрд. долл. для выплаты тем, кто складывает оружие.

Помимо дипломатических, политических и финансовых методов администрация Б. Обамы использует военные средства. В течение 2010 г. США инициировали две крупные военные операции против талибов: в марте операцию «Муштарак» в Мардже и в июле — операцию в Кандагаре. Но на деле операции носили скорее пропагандистский характер и должны были подкрепить политические усилия Вашингтона в русле стратегии Обамы. Предпо-

[10] По мнению ряда афганских политологов на Западе, термин «умеренные талибы», с которым выступает Кабул, — это самый настоящий миф, и любые попытки их интеграции во властные структуры могут привести к непредсказуемым последствиям.

[11] Те, кто внесен в эти списки, лишены возможности ездить за границу. Их счета в банках замораживаются.

лагалось, что борьба с влиянием талибов на юге Афганистана, в провинциях Гильменд и Кандагар, будет проходить по четкому плану. Сначала повстанцев вытесняют с тех территорий, которые они контролируют; затем коалиция начинает благоустраивать занятые населенные пункты, попутно переманивая местных жителей, в основном симпатизирующих «Талибану», на свою сторону.

Стратегия американцев по «пуштунизации» афганской власти состоит из двух элементов. Прежде всего США и их союзники намерены захватить или ликвидировать наиболее одиозных представителей антизападной коалиции (куда входят как талибы, так и другие радикальные группировки, состоящие в основном из пуштунов). А затем пустить во власть «умеренных» талибов – пуштунских боевиков, имеющих мотивом этнический национализм, а не религиозный фундаментализм.

В мае 2010 г. во время визита в Соединенные Штаты Карзай предложил 36-страничный план переговоров с повстанцами. В этом плане лидерам «Талибана» предлагается свободно покинуть страну, если они сложат оружие и «порвут все связи с «Аль-Каидой»». Их имена вычеркнут из ооновского списка разыскиваемых. В документе также упоминаются программы трудоустройства. Этот план, который Барак Обама поддержал, имеет мало общего с реальностью.

В октябре 2011 г. появилась информация о том, что власти Афганистана начали секретные переговоры с талибами. В качестве площадки для переговоров был выбран Дубай. Во-первых, движение потребовало выделить его представителям квоту в будущем, послевоенном руководстве Афганистана. По некоторым данным, в обмен на прекращение боевых действий талибы требуют определить точную дату вывода из страны иностранных войск, предоставить им квоту на посты в правительстве и снять все обвинения с лидера движения «Талибан» муллы Мохаммада Омара и предоставления ему гарантий безопасности как бывшему лидеру государства. По мнению экспертов, верхушка движения обеспокоена быстрым ростом влияния других радикальных группировок, выступивших против правительства Хамида Карзая.

По мнению наблюдателей, талибы верно выбрали время. Сейчас президенту США Барак Обама необходим любой прогресс на афганском направлении. По мнению экспертов, смягчить позицию талибов заставила усилившаяся конкуренция за лидерство среди исламистских группировок, действующих в Афганистане и Пакистане. Выдвинувшиеся за последние годы на передний план молодые лидеры некоторых радикальных организаций все реже прислушиваются к мулле Омару.

США формально дистанцируются от переговоров, настаивая, что диалог с талибами должно вести правительство Карзая. Но наблюдатели неизменно отмечают растущее внутривнутриполитическое давление на администрацию Обамы, от которого требуют либо поскорее закончить дорогостоящую и кровопролитную войну, либо продемонстрировать, что его стратегия наращивания сил приносит плоды. Кроме того, европейские союзники США, которые тоже устали от афганской войны, давят на Вашингтон, требуя от него быть более лояльным к межафганским переговорам.

В этих условиях временная стабилизация положения в Афганистане после заключения перемирия и вхождения представителей талибов в правительство представляется весьма желанной для Белого дома, который настаивает, что не откажется от планов приступить в 2011 г. к выводу войск.

В результате Х. Карзай назначил специальный совет из 70 человек, которому поручил переговоры с «Талибаном». В этот орган вошли, например, такие фигуры как Абдул Хаким Муджахид, бывший представитель «Талиба-

на» при ООН. Главой совета стал Бурхануддин Раббани, бывший президент Афганистана, смещенный в 1996 г., когда власть в стране захватили талибы.

В целом перспективы переговоров остаются весьма туманными. Известно, что талибы, хотя и сами порядочно потрепаны и устали от войны, не склонны идти на уступки, поскольку уверены, что смогут продержаться до ухода войск США.

Заключение

Основной смысл «новой стратегии» США в Афганистане сводится к следующему: «уйти, чтобы остаться». Соединенные Штаты не смогут полностью оставить Афганистан (и прекратить поддержку Пакистана в борьбе с собственными исламистами), не рискуя при этом поставить под угрозу собственную безопасность, а также безопасность своих многочисленных союзников и клиентов, в т. ч. в регионе Среднего и Ближнего Востока.

Скорее всего, военное присутствие США (и НАТО) будет сокращаться, хотя и не такими масштабными темпами, как в Ираке. Предположительно, США будут вынуждены держать в Афганистане от 30 до 50 тыс. чел. своего контингента, чтобы не допустить полной дестабилизации военно-политического положения в стране.

Важно отметить, что интересы основных мировых игроков (США, Россия, Китай), во многом противоречащие на глобальном уровне, полностью совпадают в Афганистане и заключаются в том, чтобы любой ценой обеспечить там стабильность.

Интересы РК и стран ЦА состоят в том, чтобы военное присутствие сил НАТО в Афганистане продолжалось достаточно долго с целью стабилизации здесь обстановки. Однако в перспективе Запад рано или поздно поставит вопрос о расширении участия государств ЦА в реконструкции Афганистана. Это поставит страны региона перед сложным политическим и экономическим выбором.

По-видимому, выход из такого положения лежит в усилении сотрудничества Казахстана и стран ЦА с державами, чья ответственность в Афганистане автоматически возрастет после эвакуации западных сил. К этим державам относятся (помимо Пакистана) Китай, Индия, Иран и Россия. В качестве инструментов укрепления собственной безопасности группа государств Центральной Азии располагают только такими институтами как ОДКБ и ШОС, которые также нуждаются в институциональном усилении и стратегическом переформатировании.

Кроме того, Казахстан располагает таким политическим инструментом как Астанинская декларация ОБСЕ, который позволяет инициировать меры в области евро-азиатской безопасности, в т. ч. по проблеме Афганистана, которая касается так или иначе большинство членов ОБСЕ.

И наконец, можно с большой уверенностью прогнозировать, что любой сценарий (в рамках 2011 г. или вне их), который сдвинет ситуацию в Афганистане с мертвой точки, послужит катализатором мощных процессов переформатирования устоявшегося баланса сил на мировой арене и затронет всех акторов, имеющих интересы, завязанные на Афганистане.

«АФГАНСКАЯ ПРОБЛЕМА»: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ¹

СЫРОЕЖКИН КОНСТАНТИН ЛЬВОВИЧ

Доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник
Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК
(Алматы, Казахстан)

Осенью 2011 года исполнится 10 лет с момента начала операции США и НАТО в Афганистане. Итоги оставляют желать лучшего. Основные цели западной коалиции не достигнуты. Движение «Талибан» не только не уничтожено, но, напротив, активизировало свою деятельность. Причем происходит это в условиях значительного увеличения численности войск западной коалиции. И это лишь укрепляет позиции тех, кто считает, что военного решения афганской проблемы нет.

Экономика в разлухе. Значительная часть иностранной финансовой помощи Афганистану либо уходит на оплату консультаций иностранных НПО, либо разворовывается. Процветают коррупция, бытовой и политический бандитизм, произвол местных властей.

Афганистан продолжает оставаться главным производителем опиума-сырца (см. диаграмму 1) и основным поставщиком героина на мировой рынок, обеспечивая более 90% всего потребляемого в мире героина².

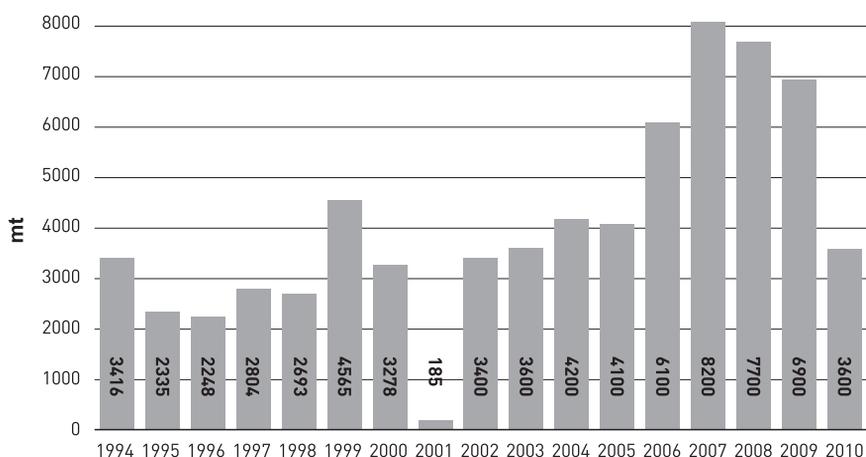

Диаграмма 1
Динамика производства наркотиков в Афганистане (1994-2010 годы, метрических тонн)

Источник: Afghanistan Opium Survey 2010. Summary Findings. – New-York: United Nations Office on Drugs and Crime, September 2010. P.12

При этом поражает тот факт, что, обладая всей полнотой информации о структуре наркоиндустрии в Афганистане и наркотранзита, зная практически персонально всех наркобаронов, никаких активных действий в пресечении этой деятельности коалиция за десять лет своего присутствия в Афганистане так и не приняла.

[1] Материалы международной конференции «Стабильность в Афганистане и региональная безопасность в Центральной Азии», Душанбе, май, 2012 г.

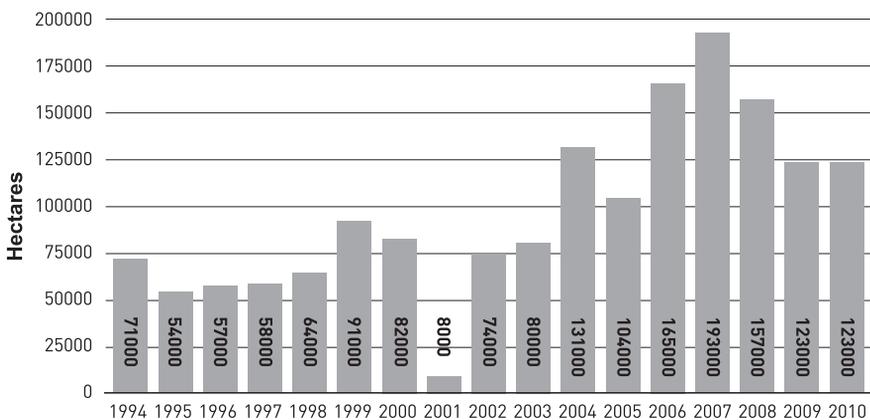
[2] По данным ФСКН РФ, афганские наркобароны производят около 94% мирового объема опиатов. По словам В. Иванова, в Афганистане ежегодно производится и продается наркотиков на сумму 65 млрд. долл. По так называемому «северному маршруту» каждый год движется объем афганских наркотиков на 17 млрд. долл., они в основном поражают страны транзита. В Россию поступает 35% от всего вывозимого из Афганистана героина. – См. РФ напомнит НАТО об обязательствах по борьбе с афганскими наркотиками // РИА Новости, 19 марта 2010 г. – <http://www.rian.ru/>.

Более того, по оценке ряда экспертов, за прошедшие с начала антитеррористической операции в Афганистане годы местные «наркodelьцы создали полноценную производственную, кредитно-финансовую и банковскую инфраструктуру, которым могли бы позавидовать лидеры мирового бизнеса. Была создана отлаженная схема сбора урожая опиумного мака и опиума-сырца, его централизованная доставка на пункты складирования, переработка в морфий и героин, дальнейшая поставка потребителям по отлаженным маршрутам»³. И это заставляет подозревать, что США не слишком заинтересованы в ликвидации афганского наркобизнеса и даже участвуют в нем напрямую (такое подозрение разделял, в частности, бывший посол, а ныне специальный представитель президента Российской Федерации по Афганистану Замир Кабулов)⁴.

Но более всего тревожит то, что несмотря на принятое на совещании министров обороны стран-членов НАТО в Будапеште в октябре 2008 г. решение об использовании ISAF в борьбе с незаконным производством наркотиков, пока все остается на уровне разговоров.

В последующие годы, несмотря на некоторое сокращение производства опиатов, ситуация с наркоиндустрией в Афганистане улучшилась незначительно. Хотя площади засевов опиумного мака существенно сократились (см. диаграмму 2), число вовлеченных в наркоиндустрию лиц увеличилось – с 2,4 млн. человек в 2008 г. до 3,4 млн. человек в 2009 году и 3,42 млн. в 2010 г.⁴

Диаграмма 2
Площади,
занятые под
культивирование
опиумного мака в
Афганистане
(1994–2010 гг., га)

Источник: Afghanistan Opium Survey 2010. Summary Findings. – New-York: United Nations Office on Drugs and Crime, September 2010. P.2.

При этом сокращение площадей культивирования опиумного мака в 2009–2010 гг. и значительное уменьшение объемов производства опиума в 2010 г. не должно вводить в заблуждение. По оценкам ЮНОДК, в конце 2009 г. совокупные запасы опиума в Афганистане и соседних странах составили около 12000 тонн. Этого количества достаточно для удовлетворения общемирового незаконного спроса на опиаты в течение двух с половиной лет⁶.

Вторая серьезная проблема – ограниченные возможности афганского правительства по поддержанию безопасности в стране и принятию нормальных социально-экономических и управленческих решений.

[3] См. Хохлов И. Производство опиумных наркотиков (героина) в Афганистане: инфраструктура наркобизнеса – // <http://www.nationalsecurity.ru/library/00021>

[4] Например, есть сведения, что военнослужащие сил коалиции закупают наркотики на рынках Кандагара оптом, а затем переправляют груз на авиабазу в Баграм, откуда самолетами отравы попадает сначала на американскую базу Инджирлик в Турции, а затем на базу в Приштине (или в Румынию, Грузию, Германию и другие страны). – См.: Комиссина И.Н. Незаконное производство наркотиков в Афганистане // Проблемы национальной стратегии. – 2010. – №1. – С. 33–34.

[5] См.: Князев А.А. О наркокриминальном компоненте современных политических процессов в странах Центральной Азии в контексте афганского наркопроизводства // Информационно-аналитический портал «Материк», 24 марта 2010 г. – // <http://www.materik.ru/>; Afghanistan Opium Survey 2010. Summary Findings. – New-York: United Nations Office on Drugs and Crime, September 2010. P.1; Cordesman A.H. The Afghan Narcotics Industry: Extended Summary. Center for Strategic & International Studies, November 12, 2009. – P.10.

[6] Доклад Международного комитета по контролю над наркотиками за 2010 г. – С. 119.

Во-первых, правительство Хамида Карзая не контролирует большую часть территории страны,⁷ власть на местах по преимуществу сосредоточена в руках бывших полевых командиров, которые превратились в неподконтрольных Кабулу всевластных губернаторов, имеющих свои мини-армии. Многие из них связаны с наркобизнесом, а некоторые – с талибами.

Во-вторых, легитимность власти Хамида Карзая серьезно ослабла из-за многочисленных подтасовок в ходе президентских выборов в 2009 г. и парламентских – в 2010 г. Обе избирательные кампании показали, что устойчивой и сильной центральной власти в Афганистане как не было, так и нет.

Более того, эти кампании стали свидетельством того, что выдвинутую США в качестве конечной цели деятельности антитеррористической коалиции в Афганистане идею создания демократического централизованного государства на практике реализовать не удастся.

Причин тому несколько. Во-первых, она не отвечает традициям этой страны, лишь порождая недовольство и усиливая противоречия между элитами и этническими группами. Во-вторых, последние 30 лет волнений и радикальной децентрализации лишь обострили эту проблему.

Именно поэтому в последнее время среди американских экспертов преобладающей стала точка зрения о создании в Афганистане либо государства «децентрализованной демократии»,⁸ либо «внутреннего смешанного суверенитета»,⁹ что на определенных условиях могло бы стать приемлемым вариантом для США¹⁰.

При этом, осознавая, что создание государства «децентрализованной демократии» или «внутреннего смешанного суверенитета» столкнется с серьезными проблемами, эксперты не видят иного политического будущего для Афганистана¹¹.

С идеей децентрализации власти в Афганистане солидарны и большинство влиятельных политиков-непуштунов. Ссылаясь на растущие сложности во взаимоотношениях между пуштунами и другими этническими группами, населяющими Афганистан, они предлагают вернуться к практике выборности губернаторов на местах и пропорциональной представленности в центральных органах власти всех этнических групп¹².

Возможно, в этом есть какая-то логика, но пропорциональная национальная представленность в центральных органах власти вряд ли снимет проблему взаимоотношений между крупнейшими этносами – пуштунами,

[7] Согласно данным, обнародованным в декабре 2008 г. в Лондоне в ходе конференции, организованной Международным советом по безопасности и развитию (МСБР), за последние 12 месяцев талибы в Афганистане распространили свое постоянное присутствие на 72% территории страны. В то время как на ноябрь 2007 г. постоянное присутствие талибов ограничивалось лишь 54% территории. – См.: Гончаров П. Афганистан на авансцене мировой политики //Международная жизнь. – 2009. – №4. – С. 119.

[8] Ответственность за внешнюю политику, внутреннюю безопасность и определение общих демократических «правил игры» остается в ведении центрального правительства; регионы предоставляются больше автономии, что дает возможность использовать уже существующую на местном уровне базу легитимности и идентичности. Главным условием является обеспечение прозрачности деятельности местных администраций и их выборности.

[9] Смешанный суверенитет представляет собой еще более децентрализованную модель. При этой системе местным властям предоставляются дополнительные полномочия, но не ставятся условия прозрачности либо выборов, если таково их желание; при этом они не вправе переходить за три «красные линии»: установленные центром, – местные власти не должны допускать использование своих территорий так, чтобы это нарушало внешнюю политику государства; местные администрации не должны посягать на права соседних провинций или районов; они не должны допускать участия местных чиновников в хищениях в крупных размерах, наркотрафике и эксплуатации природных богатств, принадлежащих государству.

[10] В этих вариантах будет сохранено централизованное государство (с широкой автономией регионов и установлении демократических институтов), обладающее контролем для того, чтобы не допустить использование территории Афганистана для дестабилизации Пакистана или планирования атак против США и их союзников.

[11] Для государства «децентрализованной демократии» первая проблема состоит в том, что движение «Талибан», которое противостоит демократии в принципе, скорее всего, будет сопротивляться построению такого государства так же агрессивно, как сейчас воюет против централизованной демократии. Вторая проблема – это ограниченные административные возможности афганского государства. Третья проблема – настроенные против правительства влиятельные деятели на местах будут, вероятно, сопротивляться такому варианту. Прозрачная электоральная демократия представляла бы угрозу их статусу, власти и возможности получать выгоду от коррупции и злоупотреблений. Еще более серьезные проблемы могут возникнуть в случае принятия модели «внутреннего смешанного суверенитета». Во-первых, губернаторы будут иметь полную свободу проведения регрессивной социальной политики и нарушения прав человека. Во-вторых, коррупция получит большее распространение – строго говоря, для будущих губернаторов возможность получения взяток станет важным фактором привлекательности этой системы. В-третьих, с влиятельными политическими деятелями придется заключить сделку: они должны воздерживаться от слишком крупных злоупотреблений в обмен на терпимое отношение центра к умеренной коррупции на местах и получение доли от иностранной помощи. Но даже такого рода соглашение, скорее всего, встретит сопротивление местных правителей, которые привыкли действовать без всяких ограничений. – См.: Бидл Стивен, Кристина Фотини, Тайер Александр. Что такое успех в Афганистане //Россия в глобальной политике. – 2010. – №4.

[12] С таким предложением на прошедшей в июне в Алматы конференции «Сценарии для Афганистана и трансформация региональной безопасности» выступили брат покойного Ахмат Шах Масуда Ахмат Вали Масуд, а также глава Центра изучения Афганистана (Германия) Азиз Арианфар. – См.: Афганистану нужен статус нейтральной страны под эгидой ООН // РИА Новости, 11 июня 2011 г. – <http://www.ria.ru>; Азиз Арианфар: «Единственный выход из тупика – вернуть Афганистану нейтралитет» //Международное информационное агентство «Фергана», 20 июня 2011 г. – <http://www.fergananews.com/>.

таджиками и хазарейцами. Однако это серьезно осложнит управляемость Афганистаном, которому, по справедливому замечанию З. Кабулова, в настоящее время «нужна жесткая централизованная власть», а «любая попытка политических интриг с разыгрыванием карты межэтнических противоречий чревата катастрофическими последствиями для судеб афганской государственности, стабильности всего региона»¹³.

Третья проблема – нарастающие в последние два года трудности во взаимоотношениях между Хамидом Карзаем, политическим руководством США и государств-членов НАТО. Смена акцентов в планах будущего государственного устройства Афганистана, по-видимому, объясняется недоверием к режиму Х. Карзая, который не только продемонстрировал свою неспособность или нежелание эффективно бороться с чудовищной коррупцией и произволом властей всех уровней, но и очевидное стремление выйти из-под опеки США и НАТО.

Особенно обострились эти отношения в 2011 г. В марте Х. Карзай потребовал от США и НАТО немедленно прекратить военную операцию, а в конце мая обвинил американское командование в убийстве мирных жителей, заявив, что если практика нанесения авиаударов по населенным пунктам не будет пересмотрена, иностранные войска могут быть объявлены врагами афганского народа.

18 июня, выступая перед участниками международной молодежной конференции в Кабуле, Х. Карзай заявил, что больше не собирается благодарить военную коалицию за оказанную помощь. «Они находятся здесь со своими целями, выполняют собственные задачи и ради достижения этих целей используют нашу землю». По его словам, «оккупационные войска» уже нанесли непоправимый ущерб экологии Афганистана, и эффект от этого будет «ощущаться еще в течение 40-50 лет». Кроме того, Х. Карзай поставил под сомнение и программу международной помощи, в соответствии с которой страны коалиции строят в Афганистане школы, дороги и больницы. «Они строят эти дороги не для нас, а для себя, для своих больших грузовиков с огромными колесами», – подчеркнул Х. Карзай.

Уже на следующий день посол США в Кабуле генерал-лейтенант Карл Эйкенберри заявил, что американская сторона готова пересмотреть свои отношения с правительством Афганистана. Он напомнил, что «помощь этой стране уже обошлась американцам слишком дорого»,¹⁴ «и когда мы слышим, что нас считают оккупантами и говорят, что мы находимся здесь для того, чтобы преследовать собственные интересы, мы больше не видим причин для того, чтобы находиться здесь»¹⁵.

К аналогичному выводу пришел и Сенат США, который в подготовленном сенатским комитетом по иностранным делам докладе подчеркнул, что 18,8 млрд. долл. помощи не привели к построению самостоятельных государственных институтов в Афганистане, а лишь выработали у афганцев привычку к иждивенчеству. Кардинальное увеличение финансирования гражданских программ в Афганистане (2,8 млрд. долл. в 2009 и 4,2 млрд. долл. в 2010 финансовых годах) в сенате признали чрезмерным, указав на необходимость сокращения фондов на 22% для сокращения бюджетного дефицита. Рекомендации сенаторов сводятся к трем пунктам: необходимости создания эффективного механизма межведомственного и межправительственного согласования гуманитарной деятельности в Афганистане; отказу

[13] См. Замир Кабулов: «Нужно идти в Афганистан с открытым сердцем» // Информационный портал «Афганистан.Ру», 25 мая 2011 г. – <http://www.afghanistan.ru/>.

[14] В докладе, подготовленном сенатом, помощь Афганистану только со стороны США за период 2002-2010 гг. оценивается в 51,803 млрд. долл., из которых 18,78 млрд. ушли на помощь в развитии экономики и социальной сферы, а также создания государственных институтов, 32,89 млрд. – на создание и обучение афганской национальной армии и полиции, 127,5 млн. долл. – на борьбу с наркотиками. – See: Evaluating U.S. Foreign Assistance to Afghanistan. A Majority Staff Report Committee on Foreign Relations United States Senate, June 8, 2011. – Washington: U.S. Government Printing Office, 2011. – P.34.

[15] См.: Белянинов К. США поговорят с талибами без Хамида Карзая // Коммерсантъ. – 2011. – 21 июня.

от той точки зрения, что «программы стабилизации в их нынешней форме обязательно способствуют стабильности», а также переходу к финансированию только тех программ, которые в дальнейшем (после 2014 года) афганцы могли бы поддерживать сами¹⁶.

В этих условиях в США вместо того, чтобы пытаться усилить правительство Хамида Карзая, пришли к заключению о необходимости вернуться к историческим принципам американского присутствия в Афганистане – альянсу с местными вооруженными формированиями¹⁷. И надо признать, что при всех своих издержках данная модель много ближе сегодняшним политическим реалиям Афганистана, нежели модель централизованной демократии.

В середине июня 2011 г. глава Пентагона Роберт Гейтс официально подтвердил, что американские дипломаты ведут переговоры с представителями движения «Талибан». Причем, по его словам, встречи проходят без участия представителей афганского правительства Х. Карзая. При этом Гейтс признал: «... что до нынешней зимы в вопросах мирных переговоров, вряд ли удастся добиться существенного прогресса». Кроме того, он высказался против любого поспешного вывода войск США, заявив, что «сохранение военного давления на бойцов движения «Талибан» является единственным вариантом привлечения их к политическим переговорам»¹⁸.

Судя по всему, аналогичной тактики придерживается и Х. Карзай. Правда, в отличие от США, в контактах с талибами, ставящими своей основной целью раздробить движение «Талибан», Х. Карзай, по-видимому, готов разделить власть с лидерами сопротивления¹⁹. Он прекрасно понимает, что ставка на «умеренных» талибов изначально обречена на провал, а потому все чаще в западной прессе имеют место утечки о налаживании им диалога с муллой Омаром, Гульбеддином Хекматияром и Джалалуддином Хаккани. В июне 2011 г. факт этого диалога признал и Х. Карзай. Как им было заявлено, «В нынешнем году у нас было несколько встреч с представителями движения «Талибан». Переговоры начались и идут хорошо». По словам Карзая, переговоры ведутся как с влиятельными полевыми командирами, так и с руководителями, имеющими официальные полномочия говорить от имени движения «Талибан»²⁰.

В своем подходе Х. Карзай во многом прав. Даже если отбросить сомнительную терминологию, то следует признать: «умеренные талибы», т. е., по всей вероятности, воюющие не по идеологическим соображениям, а в силу иных, чаще всего материальных причин, не определяют характер вооруженной борьбы против правительства и судьбу самого движения «Талибан». Следовательно, политический диалог необходимо вести не с ними, а с руководством мятежников с намерением не привести их к власти, а по возможности включить в политический процесс с вероятным предоставлением постов в государственном аппарате.

[16] See: Evaluating U.S. Foreign Assistance to Afghanistan. – P.1-2, 5, 29-30.

[17] See: Friedman George. The 30-Year War in Afghanistan. //Stratfor, (US). – 2010, 29 June.

В середине марта 2010 г. в Белом доме состоялось закрытое совещание по Афганистану, ключевым вопросом которого были переговоры с афганскими талибами. В последнее время США все чаще ставят вопрос о необходимости налаживания диалога с не заявлявшими себя преступниками «умеренными» талибами, которые сложат оружие и признают нынешнюю конституцию. Более того, судя по утечкам в иностранной прессе, такие переговоры активно ведутся, в том числе при посредничестве Пакистана и Саудовской Аравии. Правда, пока безрезультатно. – См.: Белянинов К., Габуев А. Если враг не сдается, его уговаривают //Коммерсантъ. – 2010. – 17 марта.; Скосырев В. Обама поддержал переговоры с «Талибаном» //Независимая газета. – 2010. – 17 марта.

[18] См.: Белянинов К. США поговорят с талибами без Хамида Карзая; Реутов А. Талибов отделили от «Аль-Каиды» // Коммерсантъ. – 2011. – 20 июня; Р. Гейтс: США контактируют с движением «Талибан» //Агентство «Синьхуа». – 2011. – 20 июня. – <http://www.russian.xinhuanet.com/>.

[19] Обидаев с журналистами в своей резиденции в Кабуле, Карзай заявил: «Я снова признаю своих братьев из «Талибана», «Хезб-и-Ислами» и всех, кто сейчас находится вдали от родины, и тех, кто воюет на своей земле, вернуться в страну и создать в ней стабильность и процветание на основе мира». – См. Карзай позвал братьев-талибов на «Лоял джирга/Большой совет» //Агентство БалтИнфо. – 2009. – 28 ноября – <http://www.baltinfo.ru/>.

[20] См. Реутов А. Талибов отделили от «Аль-Каиды».

Удастся ли это сделать, большой вопрос. Основные условия, на которых движение «Талибан» готово сложить оружие и начать переговоры, известны. Это – изменение конституции страны; вывод иностранных войск; признание движения «Талибан» в качестве части афганской политической системы; открытие представительств движения «Талибан» в городах Афганистана; исключение руководителей движения из «черного списка» Совета Безопасности ООН; освобождение всех талибов из тюрем; проведение выборов под контролем нейтрального временного правительства. Вопрос – насколько они приемлемы для США, НАТО и режима Х. Карзая.

Если выполнение некоторых условий – дело времени, то главное условие лидеров повстанческого движения – вывод из Афганистана всех иностранных войск – невыполнимо. Оно не только противоречит стратегии США, но и во многом неприемлемо для Х. Карзая, власть которого держится именно на иностранном военном присутствии. Если войска коалиции уйдут, особенно скандально (стремительно и фактически не добившись своих целей), это неизбежно приведет к талибанизации страны. Последствия этого предсказать достаточно сложно. Во-первых, никто не знает не только то, кто такие эти «умеренные талибы», но и что собой представляет движение «Талибан» в настоящее время. Во-вторых, никто не может сказать, насколько диалог с талибами окажется эффективным с точки зрения политического будущего Афганистана. В-третьих, в настоящее время не очень понятно, как отнесутся к этому диалогу лидеры этнических групп, населяющих северные и пограничные с Ираном районы Афганистана. Если их не удастся включить во власть, то почти наверняка Афганистан ждет новый виток гражданской войны с перспективой раздела Афганистана по этническим анклавам.

УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ, ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

СЫРОЕЖКИН КОНСТАНТИН ЛЬВОВИЧ

Доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник
Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК
(Алматы, Казахстан)

Регionalных проблем в Центральной Азии, как и в любом регионе, достаточно много. Они обусловлены разными причинами. Как внутреннего свойства, так и влиянием тех геополитических процессов, которые имеют место в регионе, да и в мире в целом.

Во всяком случае, когда говорят о возможном влиянии тех процессов, которые имеют место сегодня на Арабском Востоке, на политическую ситуацию в Центральной Азии, в этом есть своя логика. Правда, имея в виду не абстрактный перенос социально-экономических и политических процессов в арабских странах на аналогичные процессы в государствах региона, а те изменения «правил игры», которые мы наблюдаем со стороны государств, взявших на себя смелость на практике реализовать резолюцию Совета Безопасности ООН №1973.

Какие из наиболее актуальных проблем безопасности сегодня имеют место в Центрально-Азиатском регионе? Начну с тех, которые носят внутренний характер.

Во-первых, это рост политического экстремизма в Киргизии, непредсказуемость развития социально-экономической и политической ситуации в этой стране, а главное – нежелание как соседей по региону и России, так других заинтересованных внешних игроков (прежде всего, Китая, США и Евросоюза) и международных организаций брать на себя ответственность за разрешение этой проблемы.

Такая позиция вполне объяснима. С одной стороны, результаты киргизского эксперимента непредсказуемы, а любые подсказки со стороны и уж тем более реальные действия внешних сил по наведению порядка в стране легко могут быть расценены как вмешательство во внутренние дела с перспективой возникновения «народного сопротивления оккупантам».

С другой стороны, разговаривать на серьезные темы в Киргизии сегодня просто не с кем. Руководители, которые меняют свою позицию по несколько раз на дню, вряд ли могут рассматриваться как серьезные партнеры по диалогу. А потому, ситуация в Киргизии, скорее всего, будет развиваться по непредсказуемому варианту, и единственное, что сейчас действительно важно – создать условия, которые бы гарантировали защиту от возникновения «эффекта домино» во всем регионе.

[1] Материалы Международной конференции «Сценарии для Афганистана и трансформация региональной безопасности», Алматы, 9-10 июня, 2011 г.

Во-вторых, это ситуация в Таджикистане, которая очень напоминает киргизскую. Правда, с поправкой на то, что в начале 1990-х Таджикистан уже прошел через этап гражданской войны, и здесь осталось много негативной памяти об этом сложном периоде.

В-третьих, обнажившаяся проблема размежевания обществ государств региона по этническому и клановому признаку. Сегодня латентные этнические конфликты перерастают в открытую вражду. Ярчайшим примером является Киргизия, где конфликт идет не только между кыргызами и другими этническими группами, но среди самих кыргызов по принципу разделения Север-Юг, родовой и клановой принадлежности. К сожалению, Киргизия не одинока. Рецидивы национализма наблюдаются в Узбекистане, Таджикистане и даже относительно спокойном Казахстане.

В-четвертых, перспектива обострения социально-политической ситуации и возникновения на этой основе конфликтов и политического кризиса. В этом контексте вызывает беспокойство: отсутствие легальной конкуренции элит; имитационный характер выборов; региональная и/или клановая солидарность, выступающая в качестве основного мобилизационного механизма; полное отсутствие публичной политики – политический переворот либо сразу превращается в бунт, либо начинающийся бунт отстраненные от власти элиты пытаются перевести в русло политического переворота.

В-пятых, продолжающееся сохраняться стремление лидеров государств региона поиграть на противоречиях между геополитическими «игроками», что не только размывает основу для региональной интеграции, но и снижает уровень региональной безопасности, делая непредсказуемым поведение партнеров и умножая степень недоверия к ним. Поведение Ислама Каримова – классический пример. Похоже, что эту же практику принял на вооружение и новый президент Киргизии Алмазбек Атамбаев.

В-шестых, это предстоящая смена политических элит и неопределенность с вектором политического развития вообще и механизмом передачи власти от действующих президентов их преемникам в частности. Понятно, что вопрос о преемниках на определенный срок закрыт, но есть проблема биологической жизни, которую никакими указами и законами не продлишь. Человек смертен, и самое печальное, что смертен он внезапно.

Наконец, мы как-то свыклись с ростом влияния политического ислама в Центральной Азии. На территории практически всех государств региона, несмотря на официальный запрет, не только продолжают действовать различные организации, пропагандирующие идеи политического ислама, но в последнее время наблюдается активизация их деятельности. Причем, не только в сельской местности, но и в городах. Не исключаю и того, что с этими организациями связаны и некоторые политики. По Киргизии, во всяком случае, такие факты есть.

Не хотелось преувеличивать исламистскую угрозу, но ее нельзя игнорировать. Проблема в том, что бедственное экономическое положение значительной части населения и отсутствие нормальной светской оппозиции побуждает людей выражать политический протест именно в религиозной форме. Религия становится единственной надеждой на социальную справедливость. И хотя вряд ли было бы справедливым говорить о том, что большинство населения связывает свои надежды с исламской альтернативой, но эта идея уже сегодня проникает в массы.

Все это делает внутривнутриполитическую ситуацию в странах региона мало предсказуемой, а потому серьезно усложняет процесс формирования системы региональной безопасности и выработку механизмов адекватного реагирования на возникающие вызовы и угрозы.

Все отчетливее дают о себе знать «Большая игра», ведущаяся между основными геополитическими акторами за восстановление или установление влияния в регионе; а также те процессы, которые имеют место на глобальном уровне.

Что касается «Большой игры», здесь все относительно понятно. Интересы участвующих в ней «игроков» разноплановые, следовательно – достижение между ними консенсуса маловероятно. Скорее всего, в ближайшей перспективе мы станем свидетелями обострения конкуренции между ними.

Единственное отличие от 1990-х – начала 2000-х гг. состоит в том, что возможности по проведению многовекторной политики у государств региона существенно сократились. Позиции глобальных игроков стали жестче и прагматичней, и все чаще перед руководством государств региона ставится риторический вопрос: «С кем вы, господа?».

Не внушают большого оптимизма и те процессы, которые имеют место на глобальном уровне, и серьезно усложняют процесс формирования эффективной структуры обеспечения региональной безопасности.

Хотя делать прогнозы в наше время является неблагоприятным делом, вполне очевидно, что в краткосрочной перспективе мир ждут непростые времена. Связанно это с несколькими обстоятельствами.

Во-первых, генерируемый США процесс формирования новой системы международной безопасности, в которой доминирующую роль играют политика «двойных стандартов», право силы и возможность ее использования в обход СБ ООН, приобретает все более реальные очертания, а список стран, политические режимы которых не вписываются в этот процесс, неуклонно расширяется.

Во-вторых, борьба за мировые ресурсы становится все жестче, и все чаще в качестве основного аргумента в этой борьбе выступают вооруженные силы. Более того, все чаще со стороны группы развитых стран наблюдаются попытки решения своих внутренних экономических проблем военно-политическими средствами.

В этом контексте Центральная Азия не является исключением. Основная борьба между «центрами силы» здесь ведется за доступ к ее ресурсам (прежде всего, углеводородным) и направления их транспортировки на мировые рынки. По сути, именно этим и определяется вся геополитика в Центральной Азии.

В-третьих, отсутствие реального решения проблем, породивших мировой финансово-экономический кризис 2007-2008 гг., усугубление проблемы дефицита в США, кризис еврозоны и нарастание объемов внешних долгов группы развитых стран способны привести к формированию нового финансового пузыря, который может стать основой для нового кризиса.

В-четвертых, хаос на Ближнем Востоке привел к усилению радикальных исламских течений, которые не имеют недостатка в оружии, человеческих ресурсах и материальных средствах. И самое главное, что усиление давления на светские режимы региона создает условия не только для углубления процесса исламизации Северной Африки и Ближнего Востока, но и для активизации деятельности экстремистских групп и их выхода за пределы региона с включением в «дугу управляемого хаоса» Кавказа, Центральной Азии, ряда регионов Китая и Юго-Восточной Азии.

В-пятых, усилиями новых устроителей мира решение «иранской проблемы» загнано в тупик. С одной стороны, усилившееся давление на Сирию и Иран открывает перспективу большой войны. С другой стороны, перспектива начала войны не оставляет Ирану иного выбора, как срочно обзавестись ядерным оружием и явочным порядком вступить в «ядерный клуб», что неминуемо приведет к гонке ядерных вооружений на Ближнем Востоке.

Подобное развитие ситуации несет прямую угрозу как России, так и государствам Кавказа и Центральной Азии, поскольку перспектива большой войны вблизи их границ не только усложнит ситуацию в Каспийском регионе, обострит внутреннюю ситуацию во входящих в него государствах, но и неизбежно спровоцирует потрясение нефтяных рынков.

В-шестых, обострение ситуации в Афганистане и непредсказуемость его политического будущего после вывода основной части военнослужащих США и ISAF с передачей ответственности за поддержание безопасности в стране афганским национальным силам. При этом, выход из Афганистана по «варианту А» – полный вывод сил коалиции, либо по «варианту Б» – создание нескольких американских баз и перенос активности действий США на север Афганистана принципиального значения не имеет.

С большой долей вероятности можно предсказать не только неспособность афганских национальных сил обеспечить безопасность в стране, но обострение военно-политической ситуации (скорее всего, возникновение гражданской войны на этнической основе) и возвращение к власти движения «Талибан». Кстати говоря, такая перспектива в последнее время не отрицается даже представителями Белого дома.

При таком развитии ситуации не исключена активизация деятельности немногочисленных, но действительно террористических оппозиционных групп – узбекских, уйгурских, чеченских, киргизских и др., представляющих реальную угрозу для политических режимов России и государств Центральной Азии. Речь идет о таких группах, как «Исламское движение Узбекистана», «Акрамийя», «Таблиги Джамаат», «Исламская партия Восточного Туркестана», «Жамаат моджахедов Центральной Азии» и т. д. То есть тех, кто имеет родиной своего происхождения Россию и государства Центральной Азии.

В-седьмых, очевидная неэффективность деятельности международных организаций, призванных обеспечивать глобальную и региональную безопасность. Я имею в виду, прежде всего, ООН и ее структуры, а также ОБСЕ и НАТО. В региональном ключе можно назвать ШОС и ОДКБ, эффективность деятельности которых оставляет желать лучшего.

В этом смысле мы живем в довольно страшный период, когда рушатся основополагающие нормы международного права, и грядет эпоха вселенского хаоса. Если добавить к этому тот факт, что всякое насилие порождает ответные меры, в том числе в виде террористических актов, становится как-то неуютно, поскольку в этой ситуации ни одно из государств не может чувствовать себя в безопасности.

Наконец, отчетливо наблюдается изменение прежней системы мировых «центров силы». На смену старым центрам геополитического и геоэкономического влияния в лице Запада идут новые – Китай, Индия, зона АТР, государства «Исламской дуги», Россия. А это означает, что конфликт интересов неизбежен. И Центрально-Азиатский регион, хотя бы чисто географически, оказывается в самом его эпицентре.

Что нас может ожидать в ближайшей и среднесрочной перспективе, предсказывать не берусь. Однако, учитывая тот факт, что найти пути для разрешения конфликтов в части «горячих точек» на этой дуге нестабильности в среднесрочной перспективе вряд ли будет возможно, перспектива рисуется довольно грустная. Особенно учитывая то, что число «горячих точек» на этой дуге имеет тенденцию не к сокращению, а к увеличению.

Что касается возможностей и перспектив формирования системы коллективной безопасности. Возможности есть. С перспективами, с учетом вышесказанного сложнее.

Что мы имеем на сегодняшний день? Сложившаяся архитектура обеспечения региональной безопасности имеет четырехуровневую структуру.

Первый уровень я бы условно обозначил как «консультативный». Хотя на данном уровне никаких конкретных решений по вопросам региональной безопасности не принимается (прежде всего, в силу отсутствия отработанного механизма их практической реализации), его значимость трудно переоценить. Особенно в современных условиях, когда для большинства глобальных и региональных «игроков» совершенно очевидно, что наблюдаемая в настоящее время конкуренция между ними контрпродуктивна. На этом уровне основным механизмом, позволяющим вести поиск консенсуса, является незаслуженно забытое Совещание по мерам взаимодействия и доверия в Азии (СВМДА)².

Важно то, что действующий в рамках СВМДА механизм диалога позволяет решать конфликтные вопросы не путем вооруженного противостояния, а за столом переговоров. И в этом – большой его плюс, поскольку превентивная дипломатия всегда лучше упреждающих ударов.

Стоящие на пути СВМДА главные проблемы – это «право силы» и «двойные стандарты», о которых говорилось выше, конкуренция в регионе «глобальных игроков», а также искушение региональных государств использовать эту конкуренцию в своих интересах. В этих условиях, по вполне понятным причинам, достижение консенсуса весьма проблематично.

Второй уровень представлен ШОС, программой НАТО «Партнерство ради мира»,³ а также структурами обеспечения безопасности, действующими в рамках СНГ. Этот уровень более конкретен, поскольку деятельность действующих в его рамках структур непосредственно направлена на решение вопросов, связанных с обеспечением региональной безопасности.

Главные проблемы, снижающие эффективность функционирующих на этом уровне механизмов безопасности, те же, что и на первом уровне: то есть объективные противоречия между «глобальными игроками» и искушение «поиграть» на этих противоречиях.

Но наряду с ними существуют проблемы и иного рода. Первая их группа связана с эффективностью деятельности тех организаций, под эгидой которых действуют эти структуры. Как показывает практика их функционирования, все они обременены массой проблем.

НАТО, несмотря на его амбициозные планы, находится в состоянии кризиса. Об этом свидетельствуют и продолжающийся конфликт между его «старыми» и «новыми» членами, и сложности с практической реализацией проекта превращения Европейского союза в самостоятельный «центр силы», наконец, проблемы, с которыми столкнулся воинский контингент НАТО в Афганистане.

По сути, в аналогичном состоянии находится и СНГ. Хотя последние саммиты этой организации доказывают, что похороны СНГ не состоялись, тем не менее, совершенно очевидно, что в своем нынешнем состоянии Содружество никого не устраивает. Практика его функционирования показывает, что как интеграционное объединение СНГ – мертворожденная организация. Она действительно создавалась для цивилизованного развода, и ни для чего больше. Поэтому без изменения концепции дальнейшего существования СНГ любые интеграционные движения в его рамках просто не дадут нужного эффекта.

[2] Сегодня членами СВМДА являются 18 государств: Афганистан, Азербайджан, Египет, Израиль, Индия, Иран, Казахстан, Китай, Кыргызстан, Монголия, Пакистан, Палестина, Республика Корея, Россия, Таджикистан, Таиланд, Турция и Узбекистан. Еще шесть стран (Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Япония, Украина и США), а также ООН, ОБСЕ и Лига арабских государств имеют статус наблюдателей в форуме.

[3] Сотрудничество государств Центральной Азии с НАТО началось в 1994 г., когда три из пяти стран региона – Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан – стали участниками программы НАТО «Партнерство во имя мира». После 11 сентября 2001 г. к этой программе присоединился Таджикистан.

ШОС, безусловно, самый динамичный и амбициозный проект. Причем, с учетом складывающейся геополитической картины в регионе, проект, имеющий наилучшую перспективу. Однако и эта структура не лишена своих проблем. И главная из них заключается в том, что участники ШОС не располагают унифицированным подходом как в отношении проблем региональной безопасности, так и в отношении приоритетов развития организации.

Третий уровень, на мой взгляд, представлен лишь одной организацией – ОДКБ⁴. На настоящем этапе ОДКБ демонстрирует свою эффективность, и, по-видимому, на ближайшую перспективу останется основной организацией по обеспечению безопасности в регионе и сохранению военно-технических контактов входящих в нее стран. А следовательно – и главной базой, обеспечивающей военно-политическое присутствие России в регионе и локализацию попыток армий стран региона уйти под «зонтик безопасности» США, НАТО или Китая.

С этим, по-видимому, и связана одна из главных проблем, снижающих эффективность деятельности этой организации в регионе. Речь о настороженном отношении государств региона (в том числе и участников ОДКБ) к военному присутствию России в Центральной Азии. Хотя на официальном уровне никто не выступает против укрепления позиций ОДКБ, ряд экспертов развитие ОДКБ рассматривают в контексте «автоматического усиления позиций России, как внутри данного объединения, так и в регионе», а потому свое участие, например в ШОС или программе НАТО «Партнерство ради мира», аргументируют как необходимость «сохранения баланса сил».

Но наибольшее число вопросов связано с проблемой участия России в миротворческих операциях на территории Центральной Азии и обеспечении региональной безопасности. С одной стороны, не подлежит сомнению, что Россия хотела бы обеспечить свое участие в обеспечении региональной безопасности. С другой стороны, не менее очевидно, что привлекательность России в регионе падает. Она постепенно вытесняется не только с позиций основного торгового партнера и основного инвестора, но и с позиции security manager.

Четвертый уровень обеспечения безопасности – это внутренний. И это – совершенно особый сюжет, поскольку требует анализа не только общих и специфических для каждого государства региона вызовов и угроз безопасности, но и оценки эффективности имеющихся в его распоряжении механизмов их предупреждения и локализации.

Если быть честным, то именно с проблемами внутреннего характера связаны основные угрозы и вызовы региональной безопасности. Более того, если быть точным, то источником как традиционных, так и нетрадиционных угроз и вызовов является неудовлетворенность людей уровнем своей жизни. Именно этот фактор создает базу для массовой поддержки экстремистов всех мастей. Поэтому в приоритетном порядке надо начинать с актуальной для всех государств-участников проблемы экономического развития и угрожающих решению этой проблемы факторов, т. е. с обеспечения экономической безопасности.

[4] В 1992 г. Армения, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Узбекистан и Таджикистан подписали Договор о коллективной безопасности (ДКБ). В течение 1993 г. к Договору присоединились Азербайджан, Грузия и Беларусь. В 1999 г. был подписан протокол о продлении ДКБ. Организацию покинули: Азербайджан, Грузия и Узбекистан. 7 октября 2002 г. шестью оставшимися членами ДКБ была учреждена Организация Договора о коллективной безопасности, целью которой, наряду с «укреплением мира, международной и региональной безопасности и стабильности», заявлялась «защита на коллективной основе независимости, территориальной целостности и суверенитета государств-членов» (ст. 3 Устава ОДКБ). В июне 2006 г. Узбекистан восстановил членство в организации.

АФГАНСКАЯ АРМИЯ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ¹

ТАИРОВ РАФИК АНВАРОВИЧ

Кандидат юридических наук, начальник управления стратегических исследований Центра военно-стратегических исследований (Астана, Казахстан)

В настоящее время предстоящий вывод войск международной коалиции из Афганистана вызывает ряд дискуссий как у политических деятелей, международной общественности, так и у ряда экспертов. Какой станет афганская армия в ближайшем будущем, сможет ли она самостоятельно противостоять внутренним и внешним угрозам государства? Каким образом она будет бороться с терроризмом и наркотрафиком? Как будут влиять социальный и финансово-экономический факторы на национальную армию Афганистана? Будет ли сохранена его унитарная форма? Обеспечит ли мир стране и соседям его разделение на конфедерации – появление автономий, образование новых государств типа свободного Белуджистана и других?

Начнется ли «эффект домино» для других соседствующих с Афганистаном государств в случае его федерализации? И многое другое, на что нет однозначных ответов и готовых рецептов.

Уже стало аксиомой, что вооруженные силы в любой стране мира являются гарантом сохранения суверенитета и политической стабильности. И Афганистан не стал исключением.

Поэтому здесь вполне объяснимо, что общая заинтересованность международной общественности в стабилизации военно-политической обстановки в Афганистане и в регионе отводится, в целом, боеспособной и боеготовой национальной армии как атрибуту защиты государственного суверенитета Исламской Республики Афганистан.

В настоящее время Вооруженные силы национальной армии Афганистана являются не только важным, но и исключительно дорогостоящим инструментом достижения политических целей, вследствие чего строительство и развитие, подготовка и поддержание их в боеготовом состоянии требуют значительного временного интервала, исчисляемого годами, а может быть и десятками лет, а также финансовой поддержки.

Для того чтобы более ясно представить сегодняшнее состояние национальной армии Афганистана и ее потенциальные возможности, спрогнозировать ситуацию на будущее, необходимо провести сравнительный анализ эволюционного развития армии Афганистана в периоды ввода и вывода советских войск, захвата власти движением «Талибан», нахождения войск международной коалиции и в преддверии их вывода.

Так как за этот почти тридцатилетний период эволюционного развития афганский народ возлагал надежды на мир и благополучие сначала на со-

[1] Материалы международной конференции «Стабильность в Афганистане и региональная безопасность в Центральной Азии», Душанбе, май, 2012 г.

ветские войска, затем на силы талибов, сегодня на войска международной коалиции. Но, к сожалению, пока только все приводило к разочарованию.

В этой связи уместно напомнить высказывание известного русского историка В. Ключевского: «История не учительница, а надзирательница, наставница жизни, она ничему не учит, а только наказывает за незнание уроков».

Учитывая прошлое, научно объясняя настоящее, предвидя будущее, можно спрогнозировать трудности, с какими столкнется национальная армия Афганистана.

В связи с этим, хотелось бы остановиться на сравнительно-историческом анализе трех жизненно важных компонентов национальной армии Афганистана:

во-первых, на структуре, численности, системе комплектования, морально-психологическом состоянии личного состава вооруженных сил и подготовки кадров;

во-вторых, на системе материально-технического обеспечения вооружения военной техники;

в-третьих, на ресурсно-финансовом обеспечении.

Сравнительно-исторический анализ состояния национальной афганской армии позволяет выделить три этапа ее эволюции:

I-й этап – с 1960 до 1990 гг., когда афганская армия подготавливалась и оснащалась Советским Союзом.

II-й этап – после падения просоветского режима Наджибулы в 1992 г. При правительстве Раббани единые вооруженные силы перестали существовать, и вместо них в государстве действовали военные формирования различных политических группировок, в том числе региональных и этнических.

III-й этап – после падения талибов в 2001 г., когда афганская армия была сформирована заново при помощи инструкторов из войск международной коалиции.

Из вышеизложенной хронологии остановимся только на первом и третьем этапах развития национальной афганской армии и роли СССР и США. Это позволит нам выявить общие особенности и закономерности, имеющие место в афганских вооруженных силах.

В настоящее время организационно-штатная структура вооруженных сил афганской национальной армии помимо центрального аппарата Министерства обороны включает в себя следующие виды войск – сухопутные войска, силы быстрого реагирования, подразделения и части боевого, технического и тылового обеспечения, войска противовоздушной обороны.

Сравнительный анализ укомплектованности афганской армии личным составом на февраль 1986 г. и апрель 2012 г. (по открытым источникам СМИ) показал, что общая численность национальной афганской армии увеличилась на 14% (с 141,5 до 164 тыс. чел.).

Сегодня комплектование армии осуществляется по контракту. Требования к поступлению на воинскую службу упрощены. Достаточно иметь возраст от 18 до 35 лет и быть годным по состоянию здоровья. Воинскую службу кроме мужчин проходят и женщины-военнослужащие. Сейчас около 320 женщин служат в армии, 50 из них имеют офицерское звание.

Одной из отличительных черт вооруженных сил Афганистана стало применение советского принципа ротации кадров в региональном разрезе. То есть представители западных провинций могут служить на севере или на юге страны, а, соответственно, представители северных провинций – на западе или востоке Афганистана.

Вместе с тем, большое число войск и органов военного управления имеют некомплект личного состава до 35% от штатной численности. Многие во-

еннослужащие часто и подолгу отсутствуют без каких-либо оснований на службе.

Кроме того, по-прежнему национальные афганские вооруженные силы испытывают дефицит квалифицированных кадров различного профиля, особенно «офицеров-лидеров», способных командиров и штабных работников.

Офицерский корпус афганской армии с подавляющим преимуществом составляют таджики. Более 60% младшего и среднего офицерского состава в недавнем прошлом являлись «моджахедами», так как в ряды офицерского состава вооруженных сил Афганистана зачисляются в основном граждане, окончившие военно-учебные заведения, или лица, имеющие боевой и командный опыт.

Большинство старших офицеров прошли хорошую школу во время борьбы с советскими войсками и в ходе гражданской войны. Причем нередки случаи, когда в одном подразделении служат офицеры, воевавшие когда-то по разные стороны баррикад.

Вне службы в офицерском корпусе ранги перемешаны, нет ни начальников, ни подчиненных, но на службе соблюдается формальная субординация. Соотношение офицерского состава к рядовому идет как 1:5.

Денежное довольствие, получаемое офицерским составом, в зависимости от занимаемой должности составляет от 300 до 500 долл. США, а генералитета – до 1000 долл. США.

Что касается солдат и сержантов контрактной службы, то средний возраст военнослужащих составляет до 25 лет. Более 85% рядового состава по контракту являются граждане выходцами из сельской местности.

Многие солдаты имеют слабую военную подготовку. Употребление махуаны, опиума и героина стали весьма популярны среди афганских военнослужащих.

Денежное довольствие солдат и сержантов по контракту составляет от 165 до 245 долл. США в месяц, в зависимости от занимаемой должности. Денежная компенсация семьям погибших составляет около 400 долл. США.

Неадекватная риску зарплата военнослужащих стала следствием того, что служить идут далеко не лучшие кадры.

Вместе с тем, несмотря на низкую зарплату и минимальные социальные гарантии, недостатка в желающих служить в армии нет. Армия стала социальным институтом помощи населению. В настоящее время в стране безработица превышает более 30% от общей численности трудоспособного населения, и для многих служба в армии является единственным способом заработать на жизнь и содержать семью.

Образовательный уровень военнослужащих нынешней армии ниже на 16% (с 38% до 22%) от уровня армии периода 1986 г., где свыше 54 тысяч военнослужащих вооруженных сил имели высшее и среднее образование. Сегодня около 62% составляют малограмотные и 16% – безграмотные военнослужащие.

И это в то время, когда эксплуатация современного вооружения и военной техники требует от военнослужащего определенных знаний, навыков и умений.

Если сравнивать качественную характеристику по этническому составу, то здесь просматривается следующая картина.

На февраль 1986 г. национальный состав вооруженных сил составлял: пуштунов – до 55%, таджиков – до 35%, узбеков – до 2,2%, хазарейцев – до 1,6%, других национальностей – до 6,2%.

В настоящее время ситуация диаметрально противоположная. В стране проживают порядка 35% – пуштунов, 29% – таджиков, 19% – узбеков и до 18% – других национальностей.

Однако в афганской армии численность пуштунов не превышает 20%, и только с северных районов. Одной из причин является нежелание населения пуштун становиться в ряды афганской армии, особенно на юге страны. Южные пуштуны составляют ядро талибов и практически не проходят воинскую службу в национальной армии. Это, в свою очередь, приводит к диспропорции в количестве хазарейцев, узбеков и таджиков в армии. Поэтому подавляющее число военнослужащих составляют этнические меньшинства Афганистана – таджики, узбеки и хазарейцы, которые имеют поддержку местного населения только на севере и в центральной части страны.

В воинских коллективах имеют место конфликты между военнослужащими на этнической почве, особенно между хазарейцами и пуштунами.

Военнослужащие-представители пуштунских племен связаны родоплеменными и клановыми связями с движением «Талибан», в критической ситуации они готовы встать на поддержку своих племен. К примеру, в ходе ведения боевых действий до 47% солдат самовольно покидают свои позиции.

Несмотря на то, что таджики и пуштуны хорошо сосуществуют, однако следует отметить, что всякий раз, когда афганские вооруженные силы пытаются взять под контроль территории пуштунов, население освобожденных районов отказывается признавать главенство командиров-таджиков. Наиболее протестная часть афганского населения – пуштуны – вынуждена поддерживать «Талибан», несмотря на то, что в примитивной идеологии этого движения немного привлекательного для национальной психологии пуштунских бойцов, исповедующих пуштунвали. Талибан для них означает национально-освободительное движение, борьбу за свободу.

Военнослужащие не пуштунской национальности идентифицируют себя только с той территорией, на которой проживают его род и семья, и готовы там защищать свою территорию. На территории, где проживают пуштуны и находится «Талибан», как правило, боевые действия не носят активный характер.

В стране, где среднестатистический человек неграмотный, и большая часть населения проживает в сельской местности, где есть только мечеть, как культурный центр населения, афганские священнослужители играют важную роль в своей общине. Они являются не только духовными наставниками, но и выполняют функции социальных работников, учителей, арбитров и судей.

Благодаря деятельности многочисленных священнослужителей и культовых учреждений, ислам в Афганистане сохранил за собой большие духовные и материальные возможности. К примеру, на 60 человек населения Афганистана приходится по одному священнослужителю (для сравнения, один врач – на 10 тыс. человек).

Служителей исламского культа насчитывается около 300 тыс. (1,3% населения), число действующих мечетей и святых мест составляет около 150 тыс., что в сравнении с 1989 г. свидетельствует об их увеличении в 3,8 раз (с 40 до 150 тыс.). Большая часть полностью отключена от воздействия правительства. В правительстве зарегистрировано менее трех процентов культовых учреждений.

Государство выплачивает священнослужителям тех мечетей, которые зарегистрированы в правительстве, зарплату в размере от 60 до 150 долларов США в месяц, что едва хватает для поддержания типичной афганской семьи.

Программа, предпринимаемая правительством Афганистана по регистрации мечетей и денежной дотации для священнослужителей, потребу-

ет изыскать из государственного бюджета только на первом этапе около 180 млн. долл. США. Вместе с тем, это, в свою очередь, позволит проводить государственную идеологию среди населения через священнослужителей.

В армейской жизни, пожалуй, нет ни одного вопроса, который не толковался бы с позиции ислама и не преподносился бы как «священная религиозная обязанность солдата». В армии считают, что религиозность является чуть ли не критерием высших качеств и боевых достоинств солдата, сержанта и офицера.

Афганские военные считают чрезвычайно важным постоянное присутствие в бою рядом с собой священнослужителя. Подавляющее большинство солдат и офицеров глубоко религиозны. В боевой обстановке на священнослужителя возлагается решение следующих задач: моральная поддержка воюющих, раненых, умирающих и военнопленных, содействие медикам в оказании первой помощи пострадавшим, проведение богослужений во время погребения. Каждая сотня солдат имеет одного священнослужителя, который совершает религиозные обряды и учит их важнейшим постулатам Корана.

Деятельность священнослужителей позволяет афганским военнослужащим быстрее адаптироваться к условиям военной службы, способствует усилению их сплоченности, воспитывает патриотизм, укрепляет «особый национальный дух», помогает сохранять их обычаи и традиции.

Вместе с тем, недооценка религиозного фактора была одной из причин поражения правительственных сил Демократической Республики Афганистан (ДРА) в ходе афганского кризиса 1970-1990-х гг. и остается по настоящее время (со стороны войск международной коалиции).

К примеру, в середине 1980-х гг. в афганской армии по штату имелось 95 должностей войсковых священнослужителей (фактическая укомплектованность составляла менее половины – 47). Общее руководство их деятельностью осуществлял главный мулла афганской армии. Должности штатных священнослужителей были введены в армейских корпусах, дивизиях, бригадах. Штатные священнослужители были приравнены к служащим афганской армии и получали ежемесячное денежное содержание.

Кроме того, в афганской армии разрешалось иметь 257 внештатных священнослужителей (фактически в середине 1980-х годов – 210). Внештатные священнослужители назначались в полках и батальонах из числа военнослужащих, проходивших службу по призыву и имевших определенную религиозную подготовку. Они занимали одну из воинских должностей, но полностью освобождались от соответствующих обязанностей, занимаясь только вопросами религиозной деятельности и получая при этом денежное содержание по занимаемой должности. В настоящее время силами войск международной коалиции взята на вооружение имевшая ранее в советский период структура военных священнослужителей в афганской армии.

Вместе с тем, роль военных священнослужителей в афганской армии по-прежнему остается незначительной, а их влияние – малоэффективным. Командиры воинских частей и подразделений слабо используют возможности войсковых священнослужителей в воспитательной работе с личным составом.

Следствием чего дезертирство, особенно среди солдат и сержантов по контракту, прослуживших не более года, является обыденным явлением. В настоящее время число военнослужащих, оставивших свои воинские части, превышает более 10 тыс. человек.

До настоящего времени не достаточно эффективно велась работа по розыску и поимке дезертиров. К дезертирам не применяются меры административного или судебного воздействия, и это несмотря на то, что согласно за-

ключенного контракта они должны возместить средства, затраченные на их обучение. Кроме того, отсутствует спрос с командиров тех частей, где имеется наибольший процент дезертирства, что, в свою очередь, негативно влияет на воинскую дисциплину.

Также ситуация усугубляется плохими бытовыми условиями в отдаленных гарнизонах. Помимо бытовых причин росту дезертирства в значительной мере способствует резкое усиление антиправительственной пропаганды и агитации в войсках, проводимых оппозиционными силами, кампании по дезинформации и запугиванию афганских военнослужащих с целью склонения их к отказу от исполнения своих обязанностей (воинской службы) или к переходу на свою сторону.

К примеру, командир афганской армии Джамаладин получил сообщение от командира талибов Муллы Эзата, который предложил ему сдать, пообещав 100000 американских долларов за то, чтобы он перестал сотрудничать с афганской армией. Эзат также заявил, что он знает, откуда родом командир афганской армии, и где находится его семья, угрожая в случае отказа их уничтожением.

При этом оппозиционными силами ставка делается на высокую религиозность и малограмотность, идеологическую неопределенность солдат и сержантов, что не позволяет им правильно сориентироваться в проводимом государством политическом курсе и подчас деморализует личный состав.

Кроме того, негативно сказывается динамика роста потерь, как в рядах международной военной коалиции, так и со стороны афганской национальной армии.

С момента ввода воинского контингента в 2001 г. коалиция уже потеряла в стране около 3000 человек, из них примерно две трети составляют американские военнослужащие.

Так, в 2004 г. погибло 52 американских военнослужащих, 218 было ранено;

- в 2005 г. – 99 погибло и 268 ранено;
- в 2006 г. – 98 погибло и 400 ранено;
- в 2007 г. – 117 погибло и 749 ранено;
- в 2008 г. – 156 погибло и 795 ранено;
- в 2009 г. – 317 погибло и 2142 ранено;
- в 2010 г. – 499 погибло и 5240 ранено;
- в 2011 г. – 418 погибло и 5124 ранено.

За этот же период потери в афганской армии также выросли на 34% и превысили 800 человек в год.

Сравнительный анализ безвозвратных потерь личного состава советских и коалиционных войск показывает следующую динамику.

Так, соотношение боевых потерь личного состава советских войск от общей численности войск по годам составляло:

- 1979 г. – 0,1 % (86 из 75 000 чел.);
- 1980 г. – 1,8% (1484 из 81 800);
- 1981 г. – 1,2% (1298 из 106000);
- 1982 г. – 1,8% (1948 из 106 000);
- 1983 г. – 1,4% (1446 из 106000);
- 1984 г. – 2,2% (2346 из 106000);
- 1985 г. – 1,7% (1868 из 110000);
- 1986 г. – 1,2% (1333 из 115 000);
- 1987 г. – 1,1 % (1215 из 115 000);
- 1988 г. – 0,7% (759 из 110000);
- 1989 г. – 0,05% (53 из 110000).

Необходимо учесть, что советские войска вели активные боевые действия не только с моджахедами, но и с другими вооруженными антиправительственными формированиями. Потери местного населения в этот же период составили – 9% от общей численности населения страны, то есть 1 млн. 240 тыс. человек.

В настоящее время, по данным ООН, гибель мирного населения составляет от 12 до 30 тыс. гражданских лиц.

Несмотря на непрекращающуюся войну и высокий коэффициент смертности (коэффициент смертности равен 19,9 на 1000 чел.), годовой прирост афганского населения составляет 2,6%.

Соотношение боевых потерь личного состава армии США из общего состава численности войск по годам составляло:

- 2005 г. – 0,5% (99 из 21100);
- 2006 г. – 0,5% (117 из 23300);
- 2007 г. – 0,6% (156 из 26400);
- 2008 г. – 0,9% (317 из 35600);
- 2009 г. – 0,7% (499 из 69000);
- 2010-2011 гг. – по 0,4% (418 из 102000).

Сегодня безвозвратные потери международной коалиции составляют от 20 до 50 военнослужащих в месяц.

Откуда такие потери? Ответ прост – афганское сопротивление активизируется. Если в 2009 г. им было предпринято около 15 тысяч нападений на военнослужащих коалиционных войск, то в 2011 г. – уже 27000. Количество подрывов за тот же период выросло более чем в 2 раза (с 5200 до 11000).

По признанию военнослужащих, коалиции, спецслужбы и армия Афганистана насыщены сторонниками движения «Талибан» в такой степени, что это ставит под вопрос выполнение всех программ сотрудничества Кабула с международной коалицией. Начиная с 2008 г., проникнув в районы, населенные узбеками, талибы достигли определенных успехов в вербовке представителей этого этнического меньшинства. Таджики также присоединяются к движению, но в меньшем количестве.

Таким образом, опора на афганские силы безопасности и поддержку населения в борьбе с незаконными воинскими формированиями не оправдывает себя. Утечка информации о запланированных операциях с талибами происходит повсеместно. В результате, отдельных успехов в борьбе с талибами удастся достичь только тогда, когда операции разрабатываются командованием коалиционных сил без привлечения афганских союзников.

Постоянная дислокация иностранных войск вызывает в Афганистане негативную волну отторжения большей части населения. В глазах афганского народа войска международной коалиции выступают в роли оккупантов, о чем свидетельствуют факты покушений на военнослужащих сил коалиции со стороны местного населения и военнослужащих афганской армии.

Так, за короткое время от рук афганских военнослужащих погибли уже более 70 американцев. Многие американские военнослужащие начинают откровенно бояться своих вооруженных союзников. А после того как в марте т. г. американский сержант Роберт Бейлс расстрелял 17 мирных афганцев в провинции Кандагар, отношения между войсками международной коалиции и афганской армией накалились до предела.

Таким образом, морально-психологическое состояние военнослужащих армии Афганистана остается на низком уровне. На него негативно влияют:

- предстоящий вывод войск международной коалиции;
- недооценка религиозного фактора;
- высокий уровень безработицы;
- коррупция во всех эшелонах власти, включая и военную среду;

- высокий процент недовольства населения страны по поводу присутствия коалиционных войск – «чем дольше войска будут там, тем больше агрессии они вызывают у местного населения»;

- низкий уровень контрпропаганды, как среди населения, так и среди военнослужащих. Это, в свою очередь, активизирует боевую деятельность вооруженной оппозиции и усиливает антиправительственную пропаганду, направленную в армейскую среду;

- большие потери, как со стороны международной военной коалиции, так и со стороны афганской национальной армии;

- высокий уровень преступности и низкая воинская дисциплина в армейских коллективах.

Наиболее острыми проблемами афганских Вооруженных сил на сегодня являются низкая выучка личного состава, и это несмотря на то, что США потратили на подготовку и обучение афганских сил безопасности около 27 млрд. долл., что составляет почти половину денежных средств, выделенных США на восстановление Афганистана.

Обучение афганских военнослужащих осуществляется по стандартам НАТО при участии советников и инструкторов из стран Альянса, прежде всего США. Младших офицеров готовят в Кабульской военной академии (училище). Срок обучения – 4 года. Программа учебного заведения адаптирована к программе американской военной академии в Вест-Пойнте. Старший офицерский состав обучается на курсах в Кабуле. Часть офицеров проходят подготовку за рубежом, в основном в странах Запада. Личный состав для вновь формируемых батальонов АНА (пехотных, механизированных, танковых, огневой поддержки, боевого обеспечения, транспортных) готовится в Кабульском военном учебном центре. Базовая подготовка солдат длится 8 недель.

Вместе с тем, процесс обучения солдат и сержантов организован во многих случаях на низком качественном уровне. В войсках и военно-учебных заведениях не хватает инструкторов и преподавателей. В частности, имеется хронический острый дефицит иностранных военных инструкторов и советников. Так, в 2010 г. их требовалось 2300 человек, а в наличии было лишь 450, некомплект составил около 80% от потребности. Учебно-материальная база подготовки военных кадров и войск далеко не всегда отвечает современным требованиям. Проведение мероприятий по боевой подготовке частей и подразделений затрудняется и тем обстоятельством, что войска практически постоянно привлекаются к боевым операциям против вооруженной оппозиции и различным мероприятиям по обеспечению безопасности. В то же время, выигрышно выделяется подготовка и оснащение подразделений спецназа.

Таким образом, низкая выучка личного состава афганской армии негативно влияет на ее боеготовность и боеспособность, а также отражается на правильной эксплуатации вооружения и военной техники.

Немаловажный вопрос, который также не может остаться без внимания, – это обеспеченность вооружением и военной техникой.

Вооружение афганской армии представлено в основном устаревшими образцами советской боевой техники и вооружением: автоматами Калашникова; пулеметами, гранатометами, БМП- (1, 2), БТР- (60, 70), танками Т-55, Т-62.

Сравнительный анализ наличия вооружения и военной техники в армии Афганистана на февраль 1986 г. и январь 2012 г. показывает, что существенно сократилось количество вооружения и техники:

- танков – в 16,8 раз (с 763 до 44 ед.);
- БМП – в 3 раза (с 129 до 41 ед.);

- БТР, БРДМ – в 18 раз (с 1225 до 68 ед.);
- орудий полевой и реактивной артиллерии, минометов – в 14 раз (с 2609 до 186 ед.);
- самолетов – в 7 раз (с 226 до 32 ед.);
- вертолетов – на 23% (с 89 до 72 ед.).

В настоящее время 87% вооружения и военной техники афганской армии составляет устаревшая боевая техника бывшего СССР. Значительная ее часть имеет израсходованный моторесурс, находится в разукомплектованном состоянии и используется в качестве запчастей.

Военно-воздушные силы, как самостоятельный и боеспособный вид вооруженных сил, сегодня фактически не представляют собой реальной силы. На каком уровне находится состояние летного парка, трудно представить, так как имеющаяся техника в большинстве своем нуждается в капитальном ремонте и переоснащении дорогостоящим технологическим оборудованием.

В целом вооружение и военная техника афганских вооруженных сил требует продления эксплуатационного ресурса, глубокой модернизации или замены на новые образцы.

Кроме того, продолжает ощущаться нехватка различных видов боеприпасов. На низком уровне находится тыловое, медицинское и продовольственное обеспечение. Дефицит вооружения и снаряжения сдерживает создание боеспособных соединений и частей. На сегодняшний день у правительства Афганистана нет масштабных планов перевооружения армии и необходимых для этого средств. С другой стороны, у зарубежных поставщиков ВВТ существуют обоснованные опасения того, что часть оружия, полученная кабульским режимом, может попасть «не в те руки», как это уже было после прихода к власти «талибов».

Однако пока Афганистан по объему ежегодных закупок оружия уверенно лидирует среди всех других стран Ближнего и Среднего Востока (в 2010 г. ИРА приобрела в США вооружения на сумму 4,7 млрд. долл., опередив такие страны как Израиль и Египет).

Здесь следует отметить, что закупаемое вооружение и военная техника для АНА в большинстве своем представляет старые образцы советской техники, приобретенные США у бывших европейских государств, ранее входивших в Варшавский договор.

До конца 2014 г. НАТО планируется осуществить поставку вооружения и военной техники в Исламскую Республику на общую сумму 10 млрд. долл. (70 тысяч транспортных средств, включая броневики и автомобили технической помощи, 45 тысяч единиц оружия 31 типа, а также 145 самолетов и вертолетов).

Вместе с тем, с учетом дальнейшего увеличения афганских сил безопасности и отсутствия должного количества специалистов, это позволит лишь незначительно улучшить боеспособность армии.

Мировая практика по строительству вооруженных сил свидетельствует о том, что имеющаяся в наличии военная техника и вооружение в национальной армии Афганистана в полном объеме не позволяет укомплектовать воинские части и подразделения согласно их организационно-штатной структуры.

К примеру, сформированные бригады и батальоны, по оценкам советников из США, не способны к ведению самостоятельных боевых действий. По их мнению, одной из основных причин этого является нерешенность вопросов материально-технического обеспечения вновь формируемых подразделений.

Для минимального укомплектования вооруженных сил в зависимости от их предполагаемой организационно-штатной структуры и мобильной способности, необходимо иметь:

1) тяжелую технику:

- танков – не менее 510 ед. (по состоянию на май 2011 г. имеется 44 ед.);
- БМП – не менее 825 ед. (имеется – 109 ед.);
- грузовых автомобилей – не менее 1500 ед., только для перевозки личного состава;

2) авиацию:

- боевых самолетов – не менее 45 ед.;
- вертолетов – не менее 140 ед.

Значительная часть афганского высшего военного руководства высказывается за расширение самостоятельности Министерства обороны Исламской Республики Афганистан в решении вопросов подготовки и применения войск, формирования и расходования статей оборонного бюджета, определения приоритетных для себя партнеров по военно-техническому сотрудничеству. В их числе были названы Россия, Китай и Индия.

Таким образом, в настоящее время имеющееся количество вооружения и военной техники в афганской армии не в полной мере позволяет выполнить задачи по обеспечению национальной безопасности государства. Афганская национальная армия по-прежнему зависит от США при нанесении ударов с воздуха, переброске подразделений, доставки боеприпасов, эвакуации раненных. Это подтверждает проведенный сравнительный анализ участия афганских войск в боевых операциях при нахождении коалиционных сил в Афганистане.

Так, на октябрь 2009 г. силы национальной армии Афганистана представляли собой 105 батальонов, из которых 46 были способны проводить операции самостоятельно; 28 – при поддержке международных сил содействия безопасности; 31 – под руководством международных сил содействия безопасности.

На декабрь 2009 г. в афганской армии насчитывалось 88 батальонов.

Из них:

- 28 были способны проводить операции самостоятельно;
- 30 – при поддержке международных сил содействия безопасности;
- 30 – под руководством международных сил содействия безопасности.

На июнь 2010 года общее количество батальонов составляло 111.

Из них:

- 21 батальон мог проводить боевые действия самостоятельно;
- 48 – при поддержке международных сил содействия безопасности;
- 42 – под руководством международных сил содействия безопасности.

К январю 2011 г. самостоятельно проводить военные действия могли лишь 2 батальона из 178, а к апрелю-маю – только 1 из 158.

То есть численность национальной афганской армии возрастает, а ее боеспособность значительно снижается, делая Афганские силы безопасности практически неспособными функционировать без поддержки международных сил содействия безопасности.

В процентном соотношении прослеживается следующая динамика:

- на декабрь 2009 г. проводить боевые действия самостоятельно мог 31,8% всей армии;
- на июнь 2010 г. – 20,8% всей армии;
- к январю 2011 г. – 1,1 %;
- к апрелю-маю 2011 г. – только 0,6%.

То есть за 2010 г. боеспособность национальной афганской армии снизилась на 30,7%, а за первое полугодие 2011 г. – еще почти вполнину – с 1,1 % до 0,6%.

В то же время, на декабрь 2009 г. количество батальонов, не способных проводить боевые действия без поддержки или руководства международных сил содействия безопасности, составляло 68,1%. К январю 2011 г. это количество увеличилось до 74,1%.

А через полгода, к апрелю-маю 2011 г. – еще до 90,5%. То есть, зависимость НАА от международных сил содействия безопасности к концу 2010 - началу 2011 года составила 74,1%.

В середине 2011 года зависимость НАА от международных сил содействия безопасности составляет 90,5%. При этом численность НАА стабильно увеличивалась: на октябрь 2009 г. численность НАА составляла почти 94 тыс. человек, на декабрь 2009 г. – 97 тыс., на июнь 2010 г. – 119,4 тыс., на январь 2011 г. – 152 тыс., на апрель-май 2011 г. – 164 тыс., на апрель 2012 г. – 190 тыс.

Таким образом, следует констатировать, что при численном увеличении национальной армии Афганистана ее боеспособность существенно снизилась, то есть количество увеличилось, но качество резко упало. Получается, что национальная армия практически не может проводить боевые действия без поддержки международных сил содействия безопасности. Вооруженные силы становятся основным работодателем для населения страны, но не гарантом национальной безопасности.

Другой парадокс заключается в том, что соотношение общей численности войск международной коалиции и Афганистана с противоборствующей оппозицией составляет не менее как 15 к 1, однако страна находится в хаосе.

Сравнительный анализ участия афганских войск в боевых операциях при нахождении советских войск в Афганистане показал обратную динамику.

- 1980-1982 г. – боевые операции проводились без участия афганской армии;
- 1982-1985 г. – боевые операции проводились с незначительным привлечением создаваемой афганской армии;
- 1985- 1987 гг. – боевые действия самостоятельно могли вести только 50% воинских частей и подразделений афганской армии;
- 1988-1989 гг. – боевые действия самостоятельно могли вести уже около 80% воинских частей и подразделений афганской армии.

Немаловажным вопросом обеспечения афганской армии является ее финансирование. Рассмотрим финансовую сторону в аспекте двух последних исторических периодов.

Советским Союзом в период с 1979 по 1990 гг. было выделено и затрачено свыше 11 млрд. долл. США на подготовку афганских военных и гражданских кадров, льготное кредитование различных сфер афганского народного хозяйства, приобретение военной техники и техники общего назначения, строительство школ и больниц, а также на так называемую безвозмездную помощь афганскому народу, которая, очевидно, преимущественно оседала на счетах высокопоставленных руководителей. И так, более 11 млрд. долл. США были переданы на развитие Афганистана... Чем закончилось это развитие, мы с вами прекрасно знаем.

Сегодня история повторяется. Трудностями по содержанию и обеспечению афганской армии, наряду с вышеизложенными причинами, остается недостаточное финансирование. Согласно расчетам экспертов НАТО, на содержание афганских сил безопасности требуется около 4 млрд. долл. в год. Примерно 1,3 млрд. долл. на эти цели выделяются США, остальную сумму

внесут другие члены альянса. При этом кабульское правительство сможет изыскать из внутренних источников лишь около 12%.

Без многомиллиардной помощи со стороны Вашингтона и его союзников Кабул содержать такую армию и полицию явно не сможет.

Трагизм и парадокс сложившейся ситуации заключается в том, что пока не будет сделана ставка правительством Афганистана на собственные ресурсы, выработку единой национальной идеи по консолидации общества, экономическое развитие государства, повышение роли институтов государственной власти на местах, и будет напрямую зависеть от финансирования страной или странами-донорами, афганское правительство и армия будут полужизнеспособными. Существует тенденция: как только страна-донор прекращает финансирование, то армия и государство разваливаются как картонный домик. Примеров тому предостаточно.

В целом нынешнее состояние афганских вооруженных сил не позволяет считать их надежной и в полной мере дееспособной опорой власти.

Несмотря на все предпринимаемые усилия со стороны коалиционных войск, подготовка личного состава афганских вооруженных сил, обеспечение их техникой и вооружением, а также реализация ряда военных программ продолжают оставаться на низком уровне.

Кроме того, недооценка религиозного и этнического фактора, низкая воинская дисциплина и коррупция во всех эшелонах власти, рост безвозвратных потерь как со стороны международной военной коалиции, так и со стороны афганской национальной армии и мирного населения, низкий уровень контрпропаганды, высокий процент недовольства по поводу присутствия коалиционных войск оказывают негативное воздействие на формирование морально-психологического состояния личного состава вооруженных сил Афганистана и населения в целом.

Создание боеспособных, лояльных центральному правительству вооруженных сил остается жизненно важной проблемой современного Афганистана, одним из ключевых аспектов восстановления страны и государственного строительства. Причем решение этой задачи требует значительного времени, усилий и средств.

CHINA-AFGHANISTAN GEO-STRATEGIC RELATIONS¹

HAYRAT TOHONBAY

Deputy Director and Associate Research Fellow, Institute of Central Asian Studies, Xinjiang Academy of Social Sciences (Urumqi, China)

I. Bilateral Relations

China official established diplomatic relations with Afghanistan on January 20, 1955, and since then, bilateral relations have registered smooth growth. The two countries signed treaty on border, so no territory dispute exists between the two countries. Wakhan Corridor actually serves as the border between China and Afghanistan which runs 92 kilometers and is a high land among China, Pakistan and Afghanistan. This high land is over 5000 meters in altitude, and no people live there. Leaders of both countries had exchanged visits on many occasions before 1979. During the Soviet invasion, Chinese government did recognize the then Afghan government. The two countries normalized their relations in 1992. Upon the establishment of Afghan provisional government in December 2001, Chinese government set up links with it, and as a result, the bilateral relations were restored and enhanced rapidly. Hamid Karzai, Chairman of Afghan provisional government visited China in January 2002. Chinese government said it would give full support to peaceful reconstruction in Afghanistan and promised to provide 150 million US dollars in aid to Afghanistan. Afghan government signed with six neighbors including China the following treaties *Kabul Declaration on Good-neighborly Relations, Declaration on Encouraging Closer Trade, Transit and Investment Cooperation Between Governments of Signatories of the Kabul Declaration on Good Neighborly Relations, Kabul Declaration on Good-neighborly Drug Prohibition*. Since 2004, President Karzai has been present for six times at SCO summit meetings in the capacity of guest of the host country. Afghanistan and SCO established a liaison group in November 2005. Afghan Vice Foreign Minister Farasi attended SCO Vice-Ministerial Consultation on Afghanistan in Moscow in January 2010.

II. Geo-strategic Relations

It is fair to say that these policies serve China's national interests because they serve to strengthen the present Afghan regime and prevent the comeback of the Taliban on one hand, and on the other hand, these policies ensure that China do not confront the Taliban forces directly and avoid stimulating religious extremist forces and separating forces in China. However, these policies are very passive for they lack of direct influence on situation in Afghanistan.

1. Economic Cooperation

a) Aynak Copper Mine

A few years ago, China Metallurgical Group Corporation (MCC) signed a contract for construction of Aynak Copper Mine². According to the contract, MCC shall carry out civil works, drilling exploration, reserve survey, tenor survey and

[1] Материалы Международной конференции «Сценарии для Афганистана и трансформация региональной безопасности». Алматы, 9-10 июня, 2011 г.

[2] Aynak Copper Mine constructed by China created at least 36000 jobs.

ore smelting, and the project shall be completed and put into production in 2010. In addition, MCC shall build a 400,000-kw. power plant in the Mine, and 50% of the electricity to be generated shall be supplied to the Copper Mine, and the rest 50% shall be supplied to Kabul and its adjacent areas. MCC shall explore and build a new coal mine to feed coal to the power plant, build a railway to China so that copper products can be shipped to China. MCC shall also build roads, schools and mosques for local Afghan people. During his visit to China in May 2011, Afghan Foreign Minister Zalmai Rassoul hoped China to increase investment amounts in the field of minerals. Later, Afghan Ambassador to China Sultan Ahmed Baheen said to the press that both Afghan government and people welcome Chinese companies to make investments.³

b) Tokmansu Port⁴

The leadership of Kashgar Prefecture, Xinjiang, China thinks that it not only helps national development, but also promotes local economic growth in Kashgar to open Tokmansu Port. By opening the port to Afghanistan, China can cooperate with Afghanistan to crack down on “three evil forces” (terrorism, extremism and separatism), develop trade and energy cooperation with Afghanistan, carry out bilateral cultural exchange and cooperation with Afghanistan, thus conducive to the lasting stability and development in Xinjiang, economic cooperation and trade between China and Afghanistan, and to formation of China’s energy strategy. However, from the national strategic perspective, we think, for the following reasons, there is little chance that China open Tokmansu Port. Firstly, it has little economic significance due to the chaos in Afghanistan and economic underdevelopment in Wakhan Corridor; Secondly, by opening this port, China will give a handle to the US and will face sharp pressure in the diplomatic front; Thirdly, it will bring China far more harm than benefit to involve in affairs in Afghanistan.

2. Anti-terrorist Cooperation

In 2003, in the joint anti-terrorist operation of China, Pakistan and US, Mehsum, head of the “East Turkistan Islamic Movement” (ETIM), was killed. According to relevant information, some active elements in the July 5 2009 riots in Urumqi received training in the training camps run by “ETIM” in Afghanistan. “ETIM” has founded dozens of terrorist training camps in the areas along the Pakistan-Afghan border. What’s more, the outfit has gone so far as to have founded a Uyghur Village in an area near Jalalabad, providing free accommodation for Uyghurs who take terrorist training.⁵

3. Issue of Shared Diasporas

Afghanistan borders China on its northeast, and has a population of 25.9 million (figure in July 2000). Of its population, Pushtuns take up 40%, Tajiks⁶ take up 25% (5 million people), the rest includes Uzbeks⁷ (2.3 million), Hazaras, Turkmen and Kyrgyz. 98% of Afghan people believe in Islam. In Xinjiang, China, there, too, live diasporas of Tajik, Uzbek and Kyrgyz (Kirgiz).

Xinjiang is a multi-ethnic region where people of 47 ethnic groups live. In 2009, Xinjiang had a population of 21.59 million, including 842 million ethnic

[3] Exclusive Interview with Sultan Ahmed Baheen, Afghan Ambassador to China by reporter with First Financial Daily. Baheen said Afghanistan has more than 170000 armed security forces, and this figure would rise to 208000 in 2012.

[4] The authorities of Kashgar Prefecture plans to build Tokmansu Port according to standards of Port under China National Category A, and the planning area covers an area of 3 square kilometers, of which infrastructure takes 200000 square meters. The designed cargo transmit is 600,000 tons annually and the capacity for passenger transmit is 150,000 people. An investment of 160 million yuan will be made for the port.

[5] According to New York Times, in October 2010 when US forces air stroke against an area near Jalalabad, they found there are as many as 30 Chinese Uyghurs. These Uyghurs claimed that they came to Afghanistan to “do business” and “escape government crackdown”, and initially they fled to Central Asia and later entered Afghanistan secretly. New York Times holds the opinion that Afghanistan is not the final destination of these “ETIM” elements who will reach the US via Europe.

[6] Afghan Tajiks are Sunni Muslims and is an influential ethnic group in Afghanistan. Most ministers, bankers and major merchants in Afghanistan are Tajiks. Tajik people in this country live mainly in Badakhshan, Tahir, Herat, Barh, Kunduz and other provinces of Afghanistan. Most people in Kabul are also Tajiks. Except for the brief rule by Rabani, Tajiks ruled Afghanistan twice in the 14th century and 1920s. Northern Alliance of Afghanistan consists mainly of Tajiks. Late General Masud, President Rabani, General Farsim and Ismail Kan are all Tajiks.

[7] Afghan Uzbeks live in a concentrated manner in provinces adjacent to CIS countries. Afghan Uzbeks are Sunnis and speak two languages Uzbek language and Dari.

Han people and 13.17 people of ethnic minorities.⁸ Uygurs, Kazaks, Hui, Kirkiz, Mongolians, Tajiks, Manchu, Uzbeks, Russians, Dawuer and Tartars are native ethnic groups in Xinjiang, of which Kazaks⁹, Kirkiz¹⁰, Tartars¹¹, Uzbeks¹², Tajiks, Mongolians¹³ and Russians¹⁴ are diasporas who also live in neighboring countries.

Xinjiang shares a long border with Central Asian and South Asian countries. Xinjiang is located in a sensitive corner of the world where the security is susceptible to events and situation changes in neighboring countries and areas, and where the security situation has a critical influence on defense security of China. Because of common ethnic identity, cultures, religious beliefs, social customs, geo-proximity and historical links, it is easy for the diasporas on either side of Chinese-Afghan border to exert mutual influences politically, economically, culturally and religiously. Such influences may produce positive or negative effects under different conditions. Our purpose of research is to give play to its positive effects while avoiding the negative ones. As a permanent member of UN Security Council, China is a member of the Security Council's Al-Qaida and Taliban Sanctions Committee, and plays a critical role in the international anti-terrorist struggle led by the UN. Participation in the anti-terrorist operation in Afghanistan is an important step to safeguard China's national security and also an active part of China's international cooperation.

[8] Bureau of Statistics of Xinjiang Uygur Autonomous Region, *Xinjiang Statistical Yearbook 2010*, China Statistics Press, August 2010.

[9] According to *Xinjiang Statistical Yearbook 2010*, Xinjiang has a Kazakh population of 1514814 in 2009.

[10] According to *Xinjiang Statistical Yearbook 2010*, Xinjiang has a Kirkiz population of 189309 in 2009.

[11] According to *Xinjiang Statistical Yearbook 2010*, Xinjiang has a Tartar population of 4883 in 2009.

[12] According to *Xinjiang Statistical Yearbook 2010*, Xinjiang has a Uzbek population of 16669 in 2009.

[13] According to *Xinjiang Statistical Yearbook 2010*, Xinjiang has a Mongolian population of 179615 in 2009.

[14] Russians in Xinjiang live mainly in Ili, Tacheng, Altai and Urumqi. According to *Xinjiang Statistical Yearbook 2010*, Xinjiang has a Russian population of 11672 in 2009.

HISTORY OF SPECIAL STATUS OF FATA¹

SARFRAZ KHAN

Doctor, professor, director, Area Study Centre, Russia, China & Central Asia, University of Peshawar (Peshawar, Pakistan)

Introduction

Land and People of FATA

Federally Administered Tribal Areas (FATA), refers to the North Western Borderland of Pakistan. It is a narrow belt stretching along the PAK-Afghan border, the Durand Line, established between Afghanistan and British India in 1890-1894. FATA comprises 27220 Sq Kms or 3.4% of Pakistan's land area, including seven *Agencies* namely: Kurram, Khyber, North Waziristan, South Waziristan, Bajaur, Mohmand, and Orakzai as well as six Frontier Regions (FRs): FR-Peshawar, FR-Kohat, FR.Bannu, FR.Lakki, FR. D.I.Khan, and FR.Tank. All tribal agencies have a common and contiguous border with Afghanistan, except Orakzai Agency². According to the 1998 census the population of FATA was 3.138 million or 2.4% of Pakistan's total population, currently estimated approximately 3.6 million. Various Pukhtun Muslim tribes and a small number of religious minorities including Hindus Christians and Sikhs, inhabit FATA.

Land Tenure and Classification: Around 1530 AD, Shaikh Mali carried out traditional land distribution known as *wesh* amongst Pukhtun tribes. He proceeded in a hierarchy basing on tribal organisation: First the tribe or Quom that had occupied a territory, then, clan or Khel since various clans formed the tribe, to sub-clans (tapa), to kandae and to plareena (plural of father) and to plar. Plar in Pukhtu means father, many families having a common ancestor are known as plareena / Bajar. In Shaikh Mali's land distribution, land owning Pukhtun tribesmen were known as davteri and such land as davter. Some land known as tserai was granted to kasabgar (professional service renders such as barbar, washman, cobbler etc.) and clerics, in return for service to the tribe. Davter land could be inherited, while tserai did not. In case of the continued services to the tribe tserai could transfer to the next generation. There are still some collective lands (Shamilat) of the clans and sub-clans, at times, the source of dispute between tribes or clans.

Kurram is the only Agency of FATA having land settlement and revenue record. In 1905, first land settlement was carried out in Kurram, another settlement took place in 1943-44. The prevailing land settlement is of 1943-44. In Khyber and other agencies land record is oral, but well known in the area.

Classification of Areas

Formal / Informal

Classification
Settled
Unsettled

Significance
Revenue Land Administration

Protected

Legal Administrative

[1] Материалы Международной экспертной встречи «Афганистан в 2001-2011 гг.: на пути к устойчивому государству и обществу», Дубай (ОАЭ), 8-9 ноября 2011 г.

[2] FATA Sustainable Development Plan (2006-2015). Government of Pakistan, 2006, p. 3.

Unprotected

Accessible Physical
Inaccessible

Special Areas Pre-Independence Classification for FATA

Merged Areas Mostly Present PATA

Administered Areas Settled Area
Un-administered Areas Unsettled Areas
Protected Or
Unprotected

Tribal Agencies of FATA

i) **Khyber Agency** is located at 33-45 and 34-20 degree North latitudes and 70-27 and 71-32 East Longitudes. It is bordered by the Kabul River and Koh-e-Suffaid range in the North, Peshawar District in the East and Kurram Agency in the West. In the North-West lies Afghanistan, Orakzai in the South and Mohmand Agency in the North-East. The total area of the Agency is 2,576 Sq. Kilometers. Khyber Pass (40 km long) is situated at a height of 3870 feet. This Pass begins a little distance ahead of Jamrud, from Shadibaghiair and ends near landi Kotal. The Khyber Pass is the great northern route from Afghanistan into India while the Kurram and Gomal Passes form intermediate communications, and the Bolan Pass, is the great southern passage. Principal streams that drain through the Agency are Bara River, Chooria River and Khyber ‘Nullah’, all flow into the Peshawar Valley. The Agency generally comprises a barren and rugged mountains terrain, some very beautiful Valleys with plain cultivable lands. The important Valleys are Rajgal, Maidan, Bara and Bazar. The Valleys lying near the sources of Bara River are generally known as Tirah. Rajgal Stream from Rajgal Valley and Shalobar Toi from Maidan Valley join up at Dwa-Toi, and thereafter it is called as Bara Valley.

Afridi (Adamkhel, Akakhel, Kamarkhel, Kamberkhel, Kukikhel, Malik Dinkhel, Sipah, Zakhakhel), Shinwari (Ali Sherkhel), Mullagori (Ahmadkhel, Ismailkhel) and Shilmani (Shamsherkhel, Haleemzai, Kam Shilmani) tribes have been residing in Khyber³. The population of the agency is 0.547 million⁴.

ii) **Kurram Agency** was formed in 1892, Afghanistan in the North and West, Kohat in the South East, North Waziristan in the South and Khyber and Orakzai Agencies in the East bound it. In the North, steep Koh Sufaid (White Mountain) forms boundary of the North Western Tehsil, Upper Kurram. River passes through both Upper and Lower Kurram. The Agency spreads over 3380 sq: km area, two major tribes Turi and Bangash alongwith Sayed, Zaimusht, Mangal, Muqbil, Ali Sherzai, Massuzai, Para Chamkani reside the territory. Both Shia and Sunni communities, majority of the former in Upper Kurram while majority of later in Lower Kurram and Central Kurram, reside in Kurram Agency. The population of the agency is 0.492 million⁵.

iii) **Bajaur Agency** adjoins Malakand Agency on the Southeast, Dir District on the Northeast, Mohmand Agency on the Southwest and Afghanistan on the Northwest with a total area of 1290sq. km. It comprises, largely linked, two valleys Nawagai and Barang, encircled by high mountains, ranging up to 3000 meters. Bajaur was granted the status of Agency on 1st December 1973. Earlier, till 1960,

[3] “Development Briefs of Khyber Agency”, in AGENCIES/ F.Rs Development Briefs of FATA (2002-03). Bureau of Statistics Planning & Development Department, Government of N.W.F.P., pp. 1-6.
[4] Important Agency/ F.R. Wise Socio-Economic Indicators of FATA (2000-2001). Bureau of Statistics Planning and Development Department, Government of N.W.F.P., p. 42.
[5] “Development Briefs of Kurram Agency”, in AGENCIES/ F.Rs Development Briefs of FATA (2002-03). Bureau of Statistics Planning & Development Department, Government of N.W.F.P., p.3.

Bajaur had been semi-independent similar to the State of Dir and Swat, falling under political jurisdiction of the Political Agent, Malakand. In 1960, Bajaur was declared a Sub-Division of the then Malakand Agency, and an Assistant Political Agent with headquarters at Munda (Dir District) was appointed to look after the political affairs. Bajaur Agency is divided into Seven Tehsils, Barang, Nawagai, Khar, Mamund, Salarzai, Utmankhel & Chamarkand. The dominant tribe of Bajaur Agency is the Salarzai branch of the Tarkalanri tribe which is divided into different clans. The ruling family of Ibrahim Khel and Bram Khel (Khan Khel) belongs to the Salarzai tribe. Most of the land in Khar, Jar, Raghagan, Losi Sum, Pashat and Babukara areas still belongs to these Khans. A number of springs and streams of sweet water flow throughout the Agency providing clean drinking and irrigation water. The major river Rud, actually a mountain stream, passes through Khar (agency headquarter) and Nawagai valleys. Springs of Valley Pashat are significant and provide clean and sweet water for drinking and recreation. The total cultivated area is 74121 hectares while uncultivated area is 54914 hectares. Land under irrigation is 19524 hectares and unirrigated area is 54597 hectares. 30175 acres area is also under forest in the Agency. Bajaur today is different from the past when the whole tribe acknowledged allegiance to one ruling family of whom Safdar Khan, the Khan of Nawagai is the lineal descendant. Owing to the dissension in the tribe, the power of the former ruling chief has in the course of time diminished. The population of the agency is 0.595 million⁶.

iv) **Mohmand Agency** contiguous to the Charsadda plain, borders in the North Bajaur Agency, in the East Malakand and Peshawar Districts, in the South Khyber Agency and Afghanistan in the West was formed in 1951. Earlier this area was under administrative control of Political Agent Khyber. The Agency Head Quarter is located in Ghalanai. Mohmand Agency lays 54 km north of Peshawar and shares 68 km border with Afghanistan. River Kabul forms a natural boundary between Mohmand and Khyber Agencies. The drainage system comprises three basins, i.e. Swat, Gandhav Khawarh and Kabul, all draining toward Charsadda plain. The total area of the Agency is 2296 sq. km. and population around 0.4 million. Musakhel, Tarakzai, Safi, Uthmankhel, Haleemzai inhabit Mohmand numbering 0.334 million⁷.

v) **Orakzai Agency**, previously a part of FR Kohat under the Political Administration of Deputy Commissioner, Kohat, was established in December 1973. It is the second smallest and sole agency not having direct border with Afghanistan. The total area of the Agency is 1538 sq. km. Kurram Agency in the West, Khyber agency in the North, District Kohat on the South and Peshawar in the East bound Orakzai Agency. Its territory comprises a mountainous tract, dissected by numerous dry watercourses. The two major streams are the Mastura and Khanki Toi, both originating from the hills in the West and run to the East. Aurakzai and Daulatzai tribes inhabit Orakzai Agency numbering 0.225 million⁸.

vi) **South Waziristan Agency** the largest in FATA, with an area of 6620 sq. km. was declared an Agency in 1885. North Waziristan Agency and D. I. Khan bound it in the North and East respectively, while Balochistan lies to the South and Afghanistan to the West of the Agency. The area comprises rugged rocky terrain with several peaks over 8000 feet. Arable land is in short supply; hence, narrow valleys are intensively farmed. The major rivers are Gomal, Shahur and Tank Zam. The major plains are Wana, Zarmilan, Spin and Barwan plains, of which Wana is the richest in ground and surface water potential. South

[6] Important Agency/ F.R. Wise Socio-Economic Indicators of FATA (2000-2001). Bureau of Statistics Planning and Development Department, Government of N.W.F.P., p.42.

[7] Ibid., p.42.

[8] "Development Briefs of Orakzai Agency", in AGENCIES/ F.Rs Development Briefs of FATA.(2002-03). Bureau of Statistics Planning & Development Department, Government of N.W.F.P., p.3.

Waziristan is inhabited by two major tribes, Mahsud 57%, Wazir 35%, and Dottani/ Suleman Khels 08%. The population of the agency is 0.430 million⁹.

vii) **North Waziristan Agency** was constituted in 1910, with its Head Quarter at Miranshah. Kurram agency and Kohat on the North, Kohat and Bannu on the East, South Waziristan on the South and Afghanistan on the West, bound it. Total area is 4707 sq. km., Dawar (Upper Daur. Lower Daur), Wazir (Tori Khel, Mamit Khel, Kabul Khel, Madda Khel, Manzar Khel, Bakka Khel, Jani Khel) and Saidgi and Gurbaz reside in the agency. The two largest towns are Wana and Kanigurum. The population of the agency is 0.46 million¹⁰.

Frontier Regions (F Rs) of FATA:

FR Bannu is inhabited by Ahmadzai and Uthmanzai its population is 0.020 million¹¹. FR Bannu touches North & South Waziristan, Karak District and Bannu. Almost all the land is dry and semi-mountainous¹². FR Bannu is administered through a separate Assistant Political Agent under the administrative control of the Deputy Commissioner, Bannu. The total area of the FR is 877 sq. kms. Important valleys are Barganatu Khawar, Tangaro and Tochi river.

FR. D. I. Khan is resided by Shiranis and Ustrana, its population is 0.039 million, but another source reports a figure of 28990 persons¹³. The total area of the FR, D.I. Khan is 3229 sq. km¹⁴ 2008 sq. km¹⁵. Takht-i-Suleman is the important hill of the area. It touches Dera Ghazi Khan, South Waziristan Agency and settled area of D.I. Khan and West Zhob¹⁶. FR DI Khan is administered by Deputy Commissioner, D.I. Khan.

FR Kohat is resided by Zarghunkhel, Akhorwal, Shirakai, Tor Chappar, Bostikhel, Jawaki, its population is 0.088 million¹⁷. The total area of the FR is 466 sq. km. Darra is the most important valley. FR Kohat is under administrative control of D.C. Kohat.

FR Lakki is resided by Bhitanaï tribe. The population of the agency is 0.007 million.¹⁸ The total area of the FR is 132 sq. km.

FR Peshawar is resided by Hasan Khel, Ashukhel, Pasani, Janakor, its population is 0.054 million¹⁹. FR Peshawar is bordered by districts of Peshawar, Nowshera and Kohat, and Khyber Agency. FR Peshawar is under the administrative control of Political agent Khyber and Deputy Commissioner Kohat. The total area is 261 sq. km.

FR Tank is resided by Tatta, Waraspun, Dhana. Its population is 0.027 million and total area is 1221 sq. km. FR Tank is bordered by South Waziristan, FR Bannu and settled areas of DI Khan.

The Special Status of FATA

Continuing a colonial legacy, the constitution of Pakistan grants the area a special status. Under Article 247 of the Constitution of the Islamic Republic of

[9] "Development Briefs of North Waziristan Agency", in AGENCIES/ F.Rs Development Briefs of FATA (2002-03). Bureau of Statistics Planning & Development Department, Government of N.W.F.P., p.3.

[10] "Development Briefs of South Waziristan Agency" in AGENCIES/ F.Rs Development Briefs of FATA (2002-03). Bureau of Statistics Planning & Development Department, Government of N.W.F.P., p.3.

[11] Important Agency/ F.R..., (2000-2001), P.42.

[12] AGENCIES/ F.RS Development Briefs of FATA (2002-03), p.1.

[13] Important Agency/ F.R..., (2000-2001). P.42.

[14] Ibid.

[15] Ibid.

[16] AGENCIES/ F.RS Development Briefs of FATA (2002-03), p.1.

[17] Important Agency/ F.R..., (2000-2001). P.42

[18] Ibid.

[19] Ibid.

Pakistan, 1973, the Federally Administered Tribal Areas (FATA) falls under the executive authority of the Federation. In terms of Article 247 and the linked SRO 109, issued on 25-06-1970, administrative powers with respect to FATA vest in the President of Pakistan. He appoints the Governor, North West Frontier Province, to act as his Agent for FATA to exercise executive authority in these areas, in such manner and to such extent as the President may direct from time to time. The Agent to the President is assisted in his functions by such officers, as may be appointed for the affairs of FATA.

Rationale an Imperial Legacy

In the nineteenth century, imperial powers, such as the Great Britain, Russia, Germany, Persia and the Ottoman took keen interest in Afghanistan and the adjacent tribal areas now known as FATA. Rivalry with Russia profoundly influenced British imperial policy towards the Northern frontier of India. British initially followed a close border policy but from 1878-1901, they began vigorously pursuing a forward policy. The period coincided with rapid Tsarist Russian expansions in Central Asia including Khiva, Bukhara and Farghana. Fall of Bukhara and Samarqand to Russians pointed towards the fate of Kabul and Kandahar, endangering eventually the British imperial holdings in Northern India. In 1874, during Prime Minister Disraeli's rule, Britain decided to build a strategic line of defense against Russian penetration in Central Asia and beyond²⁰.

In the name of safeguarding imperial borders against Russia, the British took control of the Khyber, Kurram and Bolan passes. However, subduing Pukhtun tribes, the inhabitants/ owners of passes, turned out to be a colossal task²¹. The settled districts, such as Peshawar could be protected by troops well. However, movement into the hills resulted into increased casualties, expenses of supply, and the offending tribesmen remained mostly elusive. A convoy of several thousand soldiers could, at best, accomplish the destruction of an empty fort or an abandoned village²². Unable to subdue the fierce tribes, the British avoided assuming responsibility and the resultant cost to administer trans border area, hence, did not declare it an integral part of the empire.

However, to keep the passes open, to protect the settled districts, to deter external aggressor and to gain influence in the trans border area, the British developed a more complex system. This partially resembled that of the system of Moguls: the tribes were controlled through (1) subsidies, (2) playing one clan against another, and (3) hostage taking for future good behavior²³. The whole tribe or Khel were to be held responsible for the wrong doing of individual member. Also punitive military expeditions were carried out occasionally to punish the offending tribes and to demonstrate British authority in the area. This system of administering the area, by the British, seems to be the beginning of a 'special status', ensuing concessions/privileges, collective territorial responsibility, FCR and 'so called' tribal autonomy.

Despite subsidies, blockades and subversion the tribes remained intractable: From 1849-1878 there were 40 expeditions into the hills. These expeditions followed, what Sir William Barton, calls "burn and scuttle" policy. Since the troops seldom had an opportunity of an open battle with the tribesmen, fields were burned, houses destroyed, fruit trees cut down, and in a few classic cases the ground was ploughed with salt. For the British, it served to deter tribes from

[20] Caroe, Olaf, *The Pathan: With an Epilogue on Russia*. Oxford University Press, Karachi 1983, p.370.

[21] Trench, C. C., *The Frontier Scouts*. Jonathan Cape, London 1985, pp.1-2.

[22] Spain, W. J., *The Pathan Borderland*. Mouton & Co., Hague 1963, p.107.

[23] *Ibid.*, p.108.

disregarding British regulations but in tribal eyes, the expeditions in most cases simply increased the weight of *badal* to be taken against the British²⁴.

Following forward policy, during 2nd Anglo-Afghan War, the British expelled Afghan forces from Khyber and Kurram, as a consequence of Treaty of Gandamak, in 1879²⁵. The Amir Abdurrahman, perturbed at the advances of the British, had to agree and accept Durand Mission²⁶. “The boundary line was agreed upon from Chitral and Baroghil Pass up to Peshawar, and thence up to Koh-i-Malik Siyah [the trijunction of Persia, Afghanistan and Balochistan] in this way that Wakhan Kafiristan, Asmar, Mohmand of Lalpura, and one portion of Waziristan [Birmal] came under my rule, and I renounced my claims from the railway- station of New Chaman, Chagai, the rest of Waziri, Biland Khel, Kurram, Afridi, Bajaur, Swat, Buner, Dir, Chilas and Chitral”,²⁷ narrated Amir Abdurrehman. The 1897 tribal uprising has been understood as a revolt against forward policy²⁸.

After 1893, it was possible to think of a tribal belt under British control between Afghanistan and the administered border of India, a belt of which the limits were defined on both sides, east and west, and well known to all concerned. In the agreement the line was not described as the boundary of India but the frontier of the Amir’s dominions. The line beyond which neither side would exercise interference. British Government did not intend to absorb the tribes into their administrative system. They wanted to extend their own and exclude the Amir’s authority in the territory east and south of the line²⁹.

Curzon, in 1899, resumed close border policy to reduce expenditure on military activity, and to keep tribal territory as a “march-land”³⁰. Regular troops were withdrawn and militias/scouts were raised in Waziristan, Kurram, and the Khyber. The security of the tribal area was handed over to militia units such as Khyber Rifles, the Samana Rifles, and the Tochi scouts. Subsidies were increased, and development of communication and transportation system provided work for the tribesmen. The political agents were given almost complete responsibility for their agencies, who, reported directly to the agent to the Governor General. Frontier Crimes Regulation (FCR) 1901 was used extensively.

In 1919, during the Third Afghan War, another tribal uprising erupted. Earlier, new Bolshevik Russian Revolution had also surfaced threatening the Orient. Large troops were sent to tribal area in 1919-29, followed by construction of road system, linking: Wana, Razmak, and Miranshah. Also were established, permanent garrisons in Razmak, Miranshah and Wana, reorganising militia system³¹. In theory, the modified forward policy, also known as, Razmak Policy, was limited to Waziristan only. Still large cantonments were established at Wana and Razmak and troops re-entered tribal area, beyond the administrative border. In 1921, railroad linking Peshawar and Fort Jamrud was pushed up to Landikotal. In 1922, the Razmak Policy was approved by the North-West Frontier Enquiry Committee and it became known as “peaceful penetration”, “control from within” and remained effective till the end³². This new forward policy, tried to assure that instead of military conquests it shall bring the hill tribes, benefits of civilization and economic improvement³³. However, little changed, the prevailing climate of force and suppression, continued. Few services were offered

[24] Spain, W.J. *The Way of the Pathans*. Oxford University Press, Karachi 1962, p.115

[25] Caroe, pp. 373-5

[26] Caroe, p.381

[27] *Life of Abdurrahman*, 1900, Vol. ii, p.160

[28] Spain 1963, p.179

[29] Caroe, p.382

[30] *Parliamentary Papers*, 1901, XLIX, N-WF, Cmd. 496, 72.

[31] Spain, 1963, p.151.

[32] *Ibid.*, p.153.

[33] *N-WFP Administration Report*, 1928, p.270.

in health and education and no significant change occurred in the primitive living conditions of the tribes³⁴. It seems the successor state, Pakistan, inherited that policy towards FATA, and has been continuing above mentioned imperialist policy, with insignificant alterations. Following the Simon Commission, though self government was introduced in other parts of India but not in N.W.F.P., and tribal areas. It was believed that Pathans were neither capable of democratic self-government nor interested in it.

The right to vote for every adult male and female over the age of 18/21 was continuously denied to the tribes under one or other pretext by the state of Pakistan even when it was able promulgate its first democratic constitution in 1973. Presidential Order only allowed a few privileged/cronies the right to elect³⁵. Adult Franchise was introduced as late as 1996 in FATA, only to elect the members of National Assembly.

The State of Pakistan and FATA

The Indian Independence Act, Clause 7, Paragraph C, provides: "There lapse also any treaties or agreements in force at the date of the passing of this Act between His Majesty and any powers having authority in the tribal areas, and obligations of His Majesty existing at that date to any such persons or with respect to the tribal areas, and all powers, rights, authority, or jurisdiction exercisable at that date by His Majesty in or in relation to the tribal areas by treaty, grant, usage, sufferance, or otherwise."

On the eve of independence, in March 1947, some Afridi Maliks called on Sir Olaf Caroe at Government House Peshawar, saying, "We won't deal with a Congress Party. We won't deal with the Muslim League. We may deal with a government representing both sides. We own the Khyber Pass and will bargain on that basis"³⁶. In April, Malik Abdul Latif Khan, Malikdeenkhel Afridi, threatened Lord Mountbatten during his visit to N-W-F-P, to negotiate a deal with Afghanistan, unless future relations were adjusted to his satisfaction³⁷.

It is stated that tribal Jirgas made agreements with Sir George Cunningham to accept Pakistan as their new suzerain on the same terms as had existed with the British. It is widely believed that Mr. Jinnah graced an 'All Tribal Jirga' on April 17 in Peshawar in which 200 Mailks pledged their allegiance to Pakistan and requested that they be placed under the direct administration of the central government. The request was met on July 6; Jinnah created the ministry of States and Frontier Regions and took charge personally of tribal area³⁸.

Pakistan came into being on 14 August 1947 as a result of partition of British India, comprising the provinces of East Bengal, Punjab, Sind, North West Frontier Province and State of Qalat (currently Baluchistan). With autonomous tribes (currently FATA), Pakistan had to reach an agreement. It is widely believed that Mr. Jinnah, the Governor General of Pakistan, gave a solemn pledge to the tribes not to interfere in the internal affairs of the tribes in exchange for joining Pakistan. Agreement with all tribes, during 15 to 22 November 1947, were negotiated and signed by the Political Secretary, Mr. A. S. B Shah, on behalf of Mr. Jinnah, the Governor General of Pakistan on 16 June, 1948³⁹. The modus apparendi of agreements had been that various political agents held meetings with tribesmen as individuals, at times, at gatherings, and signed documents

[34] Spain, 1963, p.157.

[35] Bangash, A. M., Political And Administrative Development of Tribal Areas: A Focus on Khyber & Kurram. Unpublished Ph.D. Dissertation, University of Peshawar 1996, p.107.

[36] New York Times, March 20, 1927.

[37] Spain, 1963, p.203.

[38] Ibid. P.205.

[39] Documents of agreements can be found at the Library of FATA Secretariate.

promising allegiance to, and cooperation with Pakistan, in return for continued allowances and benefits.

For instance, in Khyber, on 12-15 January 1948 and 10 May 1953, agreements between tribesmen and Political Agent took place⁴⁰. N.A. Faruqui signed these on 30 Sept. 1955, on behalf of Government of Pakistan. In Kurram, from 15 November to 21 December 1947, agreements of allegiance to Pakistan, and pledge to assist Pakistan, were concluded and signed by ASB Shah on 16 June 1948. Prime Minister, Liaqat Ali Khan visited tribal areas in mid January, 1948 requesting on 15th January a Jirga at Landikotal for withdrawal of tribesmen from Kashmir. The tribes realized that the withdrawal of Pakistani troops was not carried out from a position of strength, as in the days of Curzon but from weakness because troops were needed on the Indian border and Kashmir⁴¹. This points to the fact how Pakistan's Kashmir policy has been instrumental in shaping the special status of FATA.

Constitutional and Legal Status of FATA

The first constitution of Pakistan, in March 1956, provided for a parliamentary form of Government for the rest of Pakistan but did not bring any change in the political and administrative set up of tribal areas. In 1962 constitution article 223 kept tribal areas outside the jurisdiction of Central and Provincial laws owing to their peculiar conditions and problems. Special powers of legislation were given to the Governor of the Province in which the tribal area was situated. The Governor with the approval of the president was empowered to make, repeal and amend any regulations or could amend any central and provincial law for the whole or any part of the area.⁴² The system of Basic Democracy in Ayub Khan's era was extended also to tribal areas and representation was granted in national and provincial assemblies of Pakistan. One member each from an electoral college of basic democrats was elected to the national and provincial assemblies.

Under Article 247 of the Constitution of the Islamic Republic of Pakistan, the Federally Administered Tribal Areas (FATA) falls under the executive authority of the Federation. In terms of Article 247 and the linked SRO 109 issued on 25-06-1970, administrative powers with respect to FATA vest in the President of Pakistan who has appointed the Governor, North West Frontier Province, to act as his Agent for the FATA. The right to vote for every adult male and female over the age of 21 is denied to the tribes under the President's Order No.1 of 1975 called, the "Preparation of Electoral Rolls (FATA) Order, 1975". By this order only Maliks and Lungi holders are registered as voters by the political agent not the people. The political agent confers the status to his favourite and loyal with the formal consensus of commissioner⁴³. The colonial system of political administration has been continued rather strengthened with marginal changes. Adult Franchise was introduced in 1996 to elect National Assembly members on non-party basis. Political Parties Act has still not been extended till this date.

[40] Documents of agreements can be found at the Library of FATA Secretariate.

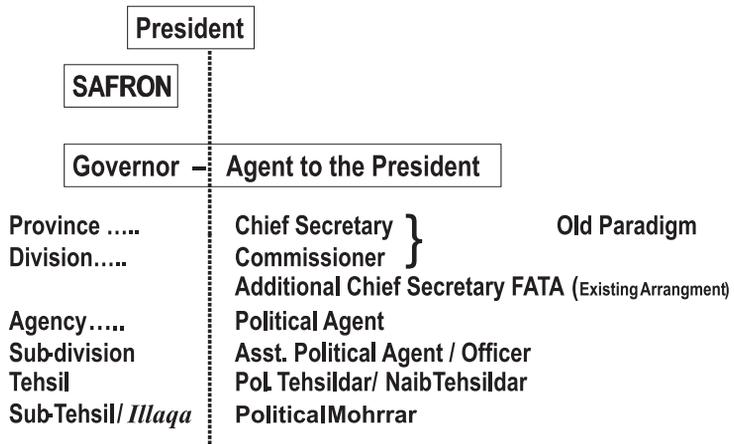
[41] Spain, 1963, p.191.

[42] Bangash, 1996 p.339.

[43] Ibid. p.107

The System of Administration

Administration Chart

Political Administration

Political Administration in the tribal areas represents the Government and signifies the writ of the executive authority of the Federation. A Political Agent (PA), assisted by Assistant Political Agents (APA)/Officers Incharge of specific Sub Divisions, heads each agency. The Political Tehsildars (PT), Naib Political Tehsildars (NPTs) and the Political Moharirs represent the grass root functional entity of the Political Administration. The Frontier Regions are in the charge of the District Coordination Officers of the respective districts. Day to day affairs are attended by Political Agent, the Assistant Political Agents or the Political Tehsildars posted to the regions. The Political Agents and DCOs, incharge of FRs, work under the overall administrative control of the Governor's Secretariat (FATA). The system of political administration has been basing on the principle of 'collective responsibility' and 'territorial responsibility of the tribe', executed through a body of elders/mashers called 'Maliks' in receipt of subsidies/allowances known as Moajib, Lungi.

The System of Collective Territorial Responsibility: Under the system of Territorial Responsibility, presumably having the approval of the local population, if a crime originates anywhere, the section of the tribe on whose soil crime is committed, is held accountable and answerable to the Government. It is the corner stone of Political Administration. Sir Herbert Edwardes devised the technique⁴⁴ of collective responsibility, which meant that the whole tribe or khel would be held responsible for the wrong doing of its members. It was first exercised against kukikhel Afridi in whose area a British messenger was waylaid and robbed him of quinine bottles⁴⁵. It proved to be a useful tool for the British and various successive rulers to control the tribes. The principle of collective tribal territorial responsibility is presumed to be enshrined in the customs and usages prevailing in the tribal areas.

Administration: Concessions and Disputes: Subsidies/allowances payable to the assured tribes are known as Moajib in the parlance. It guarantees continuous allegiance of the tribes to the state. During the Mughal and

[44] Colonel Coke, the officer in charge of the Kohat Pass, first enunciated the notion of Collective responsibility for Afridis. He prescribed the procedure in case of trouble thus; "to close the Pass at once, seize all the Afridis to be found in the Peshawar and Kohat Districts, put the men in jail, sell their cattle, stop all Pass allowances held by the Afridis, and, when the matter is settled, cause all losses to be made good, not from their confiscated allowances, but from the allowances made from the time they may commence". See, Government of India, Central Asia, Part I, I, 6.

[45] Spain, 1962, p.56

Durrani period, subsidies were paid in lieu of way through various passes. The British Empire followed this rule and it is still in vogue. The Frontier Corps is the principle force available to maintain law and order in the FATA. Frontier Constabulary is required to man the border between the tribal and settled areas. The tribes are provided with Khasadars to ensure law and order within their area of responsibility.

Malaki System: A system of Maliki (triadional leader), to exercise stronghold and influence over tribes, was introduced by the British, which encouraged those tribal elders, who supported government and administration. These Maliks acted as middlemen between administration and clans or tribe, "Qaum". Maliki system sent a message to the tribes that individuals loyal to and working with the throne may secure a privileged status and cooperation with government entailed regular material benefits, both in cash and kind, recognition, as well as influence in the tribe. Maliki became hereditary and devolves on the son. Mr. Bruce in 1889-90 introduced and implemented Maliki system to control tribes. Leading figures were selected and graded, keeping in view their power and influence. They were offered privileges and allowances by the British government in return for supplying tribesmen for service in levy to guard their area and exercise control over tribes and to surrender criminals to govt. for trial⁴⁶. The Maliki system was developed to make it easier to deal with tribes through a limited number of tribal leaders. Hence, the power and influence of the maliks was enhanced to enable them to control their clans effectively. Though personal character and ability were important factors to increase influence, yet wealth, standing of family and approval of the government were essential in getting and holding the title. It became a hereditary institution. The government of Pakistan has been maintaining the Maliki system as an effective tool of administering tribes⁴⁷. Maliks are supposed to be the sole spoke persons to safeguard and advance the interest of respective tribes and clans and senior partners in the development process and social change initiated by political administration. The title, is conferred by the Political Agent under FCR⁴⁸. It entitles one to subsidies and allowances and monetary benefits as well. Another form of formal recognition by the political administration, though at a slightly lower level, is Lungi system, commonly known as "Spingiri". Lungi signifies the holding of a position of favour with the Government and of influence in the tribe. The Lungi is for an individual and is not hereditary. In practice, however, the Lungi of a deceased Lungi holder is usually granted to his elder son. Kharch is expense money paid for some specified task performed for the political authorities⁴⁹.

The British used subsidy in conjunction with the blockades as a weapon and exerted economic pressure to compel the tribes to do what they were required to do⁵⁰.

Khasadari: In the 1920s, the British Rulers intended to open strategic roads in different Agencies. To guarantee the protection of the roads, the British agreed to give allowances to the tribes in the form of Khassadari. Accordingly, each tribe/Sub-tribe, through whose area the road was to pass, were given a certain number of Khassadars who were to be paid out of the allowances given to the tribe for the opening of the road. They were not supposed to carry out "Bramtas" (recovery). During the British time Scouts, at the disposal of the Political Administration, carried out Bramtas,

[46] Bruce, I. R., *The Forward Policy*. Longmans, Green & Co, London 1900. Reprint 1977, Quetta, p.174 & 183

[47] Bangash, 1996, p.97

[48] *Ibid.*, p.99.

[49] Spain, 1963, pp.158-159.

[50] N-WF Enquiry Committee Report, p.6.

The Khassadars even today are generally ill disciplined, mostly un-trained, a loosely organized, non-pension able force, armed with personal weapons and use their own ammunition. They are granted a pair of Chapplies and a Mazri Cloth, uniform, once a year. They represent the tribe and owe loyalties to them not to the Political Administration. Every Agency has its own rules and conventions for the Khassadari service. The Khassadars are responsible for the road protection generally.

During imperial days, Scouts were considered the private army of the Political Agent. The Khassadars were to serve as guides when Scouts moved into tribal territory. However after partition of the Sub-Continent and with the change in the role of the Scouts following the withdrawal of the Army from tribal areas, the Political Administration began to rely mostly on the Khassadars for arrests and other such duties. Since the availability of the Scouts to the Political Administration became very difficult, it adversely affected the Administration in tribal areas making the task of the Political Agents harder and more demanding. Owing to unreliability and inherent deficiencies of the Khassadars, numerous operations and duties to be performed by the field officers failed. The Khassadars are recruited by the Political Agent as the Commanding Officer, from amongst the local tribes, keeping in view, the ratio of tribal distribution, Nikkat, to perform following services:

1. Protecting their areas from raids and offences committed by gangs or individuals.
2. Providing escorts to Government officials and to protect Government property from being damaged.
3. Investigation of reports, providing true information regarding hostile activities or intentions.
4. Tracing whereabouts, and recovering persons kidnapped from the settled districts or Government roads and territory within the tribal areas.
5. Reporting incidents occurring in their area.
6. To summon or provide safe conduct to persons required by the administration.

The Scouts, Khasadars, and Frontier Constabulary, as they exist today, were reorganized in 1919-20. Since men of Khyber Rifles, Tochi and Wana Scouts mutinied during third Afghan War. A British officer from regiments of the Indian Arm headed a scout unit in each agency. To prevent mass desertion no more than one third of the scouts enlistees could be from tribal territory. The main duty of the scouts had been to maintain British political control and to preserve a necessary minimum order and preventing raids into the districts. Frontier Constabulary, officered by members of the Imperial Indian police, "seconded" from their service, had been a province-wide security force, its posts were established on the border of the settled district and authorized to operate in tribal area on need basis. It was entrusted to repel raids from Tribal Territory into the districts, to capture of proclaimed outlaws, and to patrol roads and communication⁵¹.

Other informal institutional arrangements for inter/intra tribal interaction and between government and tribes to settle disputes include:

Nikat, is the scheme for the apportionment of profit and loss. Nikat is *raison d'être* of the tribal system denoting share(s) in profit and loss within the tribe and between the tribes according to ancestral "wesh" (distribution), Riwayat, local custom; Sharia, Muslim law; Wak, Mandate for settlement of disputes; Nanawati, Request for forgiveness; Lashkar, tribal armed contingent; Chalwashti; Jirga and Maraka

[51] N-WFP Administration Report, 1921, p.10; Spain, 1963, pp.151-152.

Legal Framework

It includes:

1. FCR (Frontier Crimes Regulation) 1901.
2. Frontier Corps Ordinance 1959.
3. PPC (Pakistan Penal Code).
4. CrPC (Criminal Procedure Code).
5. Riway
6. Other Laws
7. Tiga – Cease Fire – Truce

Political Agent acts as District Magistrate (DM) and Session Judge. The APA exercises the powers of Additional District Magistrates and performs as the Courts of Original Jurisdiction under the overall administrative control of the Political Agent in his capacity as District Magistrate. Appeal against the orders of Additional District Magistrates and District Magistrates lie to the Commissioner FCR. In the year 1997, the FCR was amended allowing Second Appeal in the shape of Revision before a Tribunal consisting of the Secretary Tribal Affairs and the Law Secretary, Government of NWFP. A committee has been notified to examine the existing Crime Regulation 1909 (regulation No.III) and propose amendments therein. Any administrative change, noticed post Afghan Jihad period, has been having an additional chief secretary FATA and FATA Secretariat itself.

Frontier Crimes Regulation (FCR): The British introduced a special procedure, different from ordinary legal procedure, for the trial of cases in tribal areas. Under this special procedure the Deputy Commissioner with the concurrence of the Commissioner was authorized to order the removal of villages, restricting the erection of hamlets without the sanction of the Commissioner, to detain all or any member of the tribe acting in a hostile manner, imposition of fines on villages and communities. It also authorizes him to refer civil disputes and criminal cases to the council of elder for decision. The first regulation was introduced in 1871 known as the Frontier Crimes Regulation 1871, the second regulation was known as The Punjab Frontier Crimes Regulation of 1887 and the final version was the Frontier Crimes Regulation, 1901. Frontier Crimes Regulation of 1901 provide for the referral of civil and criminal cases to *Jirgas* appointed by deputy commissioners, blockade of tribes as penalties, community fines, prohibition in certain cases of the erection of new villages, the removal of established villages where necessary to maintain law and order, regulation of *hujras* and imprisonment to prevent crime. Though *Jirga* is a Pathan institution, but “the form it took under the Frontier Crimes Regulation was a far cry from its natural state”⁵². The members of the *Jirga* were appointed by the Deputy Commissioner and if he did not like decision brought in by the members of the *Jirga* he could remand the case for further enquiry or refer it to another *Jirga*. The decisions of the *Jirga* were recommendatory and the actual acquittal or conviction and sentence could formalize in a decree by the Deputy Commissioner.

After the creation of Pakistan, FCR was challenged in the High Court on the ground that section 8 and 11, which lay down a special procedure for the decision of civil and criminal cases are inconsistent to the fundamental rights guaranteed in the constitution of Pakistan, 1956. Court declared it to be violating the constitution of Pakistan. FCR has been recently Amended in 2011.

[52] Spain, 1963, p.146.

Pukhtun tribes, in general, are assumed to be following a code known as Pukhtunwali having notions such as badal (revenge), Nang (honour), khaigara (compassion) mailmastia (hospitality), Nanawati (seeking forgiveness) and institutions Jirga (a gathering of male tribal elders to decide important matters and administer justice

Conclusion

The British, in the North Western borderland of former British India (currently, Pakistan), to protect and promote its imperial holdings in the area and beyond, created this region with a 'so called' special status. Pakistan, during last 62 years has been sustaining and reinforcing this special status for domestic as well as external purposes. External reasons, to grant and perpetuate special status include: imperial rivalry during Great Game, Cold War, Afghan Jihad against Communism and War on Terror. Domestic reasons had been: to curb Pukhtun nationalism with promoting Islamism, destabilizing neighbours, corruption and embezzlement of developmental funds as well as alleged bringing down elected governments by civilian and military dictators. On surface this special status appears to be granting concessions, privileges and autonomy to the tribes. However, a deeper analysis reveals that it has been mostly fulfilling the interests of the powerful domestic establishment and its more powerful international allies, in the name of defending, 'national security', 'territorial integrity', 'national interest', 'free world', faith and modern civilization. Collusion of International actors, national security establishment, tribal political administration and their protégés, during Afghan Jihad, in the 1980s and 90s, not only used, but also sustained rather expanded the existing space for illegal practices in the name of special status. Practices such as: possession, carriage and use of sophisticated, heavy weapons; provision of sanctuary, arms and training to alien militants, mostly hardened criminals, fugitives of law in their own states; waging an undeclared war against Soviet/foreign infidels and their Afghan lackeys (fellow Pukhtun, Muslims) were promoted that eulogized traditional Pukhtun chivalry (Nang)/ Muslim holy war (Jihad), hospitality (melmestia) and revenge (Badal).

Hence, illegal trade in arms, drugs, smuggled goods and alien mercenaries became licit, accepted norm, bringing profit, power, prestige and connection with the authorities. The tribal people, on the other hand, remained underdeveloped and deprived of their fundamental human rights. These practices continued till 9/11 happened and differences between various actors appeared. Pakistan had to join the 'War Against Terror', non state actors had a different agenda and international coalition is locked in a battle with its former allies in Afghan Jihad. The shifting interest and alliances has deeply impacted FATA and the notion of special status and autonomy of tribes require new meanings and definitions. There exist indigenous voices for reform in status and brute force to silence any effort in this regard.

INTERCULTURAL MEDIATION 1st International Summer School

Bulgaria - Kazakhstan - Spain

**С 11 по 25 июля 2012 г. в г.Бургас (Болгария)
прошла первая Международная летняя школа
«Медиация в области межэтнических отношений».**

Организаторы: фонд «Европартнеры 2007» (Болгария) и Международный центр медиации Института социально-политических исследований (Казахстан).

Международная летняя школа проводилась при поддержке Ассамблеи народа Казахстана, Народного собрания Республики Болгария, мэрии г. Бургас (Болгария), Центра по изучению сферы межэтнических и межконфессиональных отношений Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан.

Основная цель: развитие института посредничества (медиации) в области межэтнических отношений в Казахстане.

Руководители Школы:

Татьяна Дронзина – профессор Софийского университета, международный медиатор (София, Болгария),

Ботагоз Ракишева – кандидат социологических наук, директор Института сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан (Астана, Казахстан).

Организационный комитет состоял из болгарских и казахстанских коллег: **Райче Рангелов** (президент Фонда Европартнерс 2007, Болгария), **Жоро Богданов** (международный консультант), **Димитар Асенов** (представитель крупного профсоюза Болгарии), **Гульден Шалова** (координатор проектов Международного центра медиации Института социально-политических исследований).

Ассамблею народа Казахстана представляли:

Мурадов Ахмет Сейдарахманович, депутат Мажилиса Парламента РК,

Садвокасова Айгуль Какимбековна, руководитель Центра по изучению сферы межэтнических и межконфессиональных отношений Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, доктор социологических наук,

Джунусова Жанылжан Хасымовна, заведующая кафедрой Академии государственного управления при Президенте РК, член Научно-экспертного совета АНК, доктор политических наук, профессор,

Асабаева Жаннат Вахитовна, заведующая секретариатом областной Ассамблеи народа Казахстана аппарата акима Атырауской области,

Досмагамбетова Гульмира Ислямовна, доцент кафедры «Государственная политика» Академии государственного управления при Президенте РК, кандидат политических наук,

Ракишева Ботагоз Ислямовна, директор Института сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан, член Научно-экспертного совета АНК, кандидат социологических наук.

Лекторы-тренеры – международные эксперты-медиаторы, специалисты из области разрешения конфликтов:

– профессор **Татьяна Дронзина** (София, Болгария), профессор Софийского университета им. Святого Климента Охридского, доктор политических наук, член Научно-экспертного совета Ассамблеи народа Казахстана (зарубежный эксперт), член редакционного совета журнала «Международные исследования. Общество. Политика. Экономика» Института социально-политических исследований (Казахстан, Астана), преподаватель магистерской программы по евроатлантическим отношениям Департамента политических наук и социологии университета им. Карлоса Терсеро де Мадрид (Испания), преподаватель магистерской программы по медиации и разрешению конфликтов Гранадского университета (Гранада, Испания), научный консультант докторской программы по политологии ЕНУ им. Л. Н. Гумилева (Астана, Казахстан). Член научного совета и основатель Международного центра медиации Института социально-политических исследований (Казахстан);

– профессор **Антонио Лозано** (Гранада, Испания), доктор социологических наук, профессор кафедры социологии факультета политических наук и социологии Гранадского университета. Область исследований: посредничество и разрешение конфликтов, социология образования, социология семьи, школьное посредничество. Профессиональный практикующий медиатор и тренер, координатор магистерских программ по разрешению конфликтов и медиации, член научного совета международного форума медиаторов. Автор статей в области методологии исследований традиционных форм разрешения конфликтов, в области преподавания медиации. Член научно-экспертного совета Ассамблеи народа Казахстана (зарубежный эксперт), Член научного совета и основатель Международного центра медиации Института социально-политических исследований (Казахстан).

– профессор **Хорхе Баланос** (Гранада, Испания), доктор математики, профессор кафедры статистики и операционных исследований, научный секретарь Института мира и разрешения конфликтов Гранадского университета, преподаватель магистерской программы «Культура мира, конфликты, образование за мир и человеческие права», координатор модуля «Интеркультурное посредничество» магистерской программы «Социальное и семейное посредничество». Преподаватель программ в области культуры мира, управления конфликтов и посредничества Испании, Португалии, Колумбии, Болгарии, Доминиканской Республики и в Республике Казахстан. Участник и руководитель международных, европейских и национальных проектов в области мира и конфликтного анализа. Участник и организатор конференции и конгрессов в области мира и управления конфликтами. Автор книг и статей в области конфликтного анализа, теории игр, посредничества. Научный руководитель докторантов в области мира и конфликтов;

– профессор **Камен Величков** (Болгария, София). Камен Величков сочетает в своей работе опыт, накопленный в ходе его дипломатической карьеры, знания и умения, приобретенные в рамках его преподавательской деятельности в нескольких европейских университетах. Он занимал следующие дипломатические должности: временно поверенный в делах, посольство РБ в Израиле (1990-1992), советник Президента Республики Болгария по внешнеполитическим вопросам (1992-1996), Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Болгарии в Королевстве Нидерландов и постоянный представитель в ОЗХО (1996-2001), директор Департамента по международным связям министерства обороны (2002), начальник отдела по вопросам ООН МИД-а, национальный координатор

инициативы ООН «Альянс цивилизаций» (2003-2008), член группы высокого уровня инициативы «Наш общий мир», специальный представитель ротационного председателя ОБСЕ по вопросам Средней Азии (2004), нерезидирующий посол Болгарии в Туркменистане, Кыргызстане и Таджикистане, Чрезвычайный и Полномочный Посол Болгарии в Королевстве Тайланд и постоянный наблюдатель в ЭСКАТ (2008-2010).

Лекционные курсы профессора Величкова: «Религия и политика, «Ближний Восток в международных отношениях», «Политические системы арабских государств», «Внешняя политика ближневосточных государств», «Международные организации», «Многосторонняя дипломатия и Объединенные нации», «Радикальный ислам», «Региональные исследования: Ближний Восток, Ислам и Европа»;

– профессор **Александр Федотов** (Болгария, София). Является членом редколлегии нескольких научных и научно-популярных журналов Болгарии, Китая, Кореи и Монголии, основателем научной библиотеки "ORIENS", членом Всемирной ассоциации тибетологии, Европейской ассоциации по корееведению, Всемирной ассоциации монголоведов, Постоянной комиссии по алтаистике и т.д. Научная деятельность: 1998-2003 гг. – член Специализированного ученого совета по филологии при ВАКе; 2003-2006 гг. – член Комиссии по филологии при ВАКе; 2006-2011 гг. – член Президиума ВАК Республики Болгарии; 2009-2011 гг. – Председатель ВАК Республики Болгарии. В 2002 г. избран членом Совета по высшему образованию Республики Болгарии. Является автором более тридцати книг на болгарском, английском и русском языках в области востоковедения, культурологии, истории и образования, конфликтов, опубликованных в Болгарии, России, Индии, Великобритании, Южной Корее, Монголии и др. странах. Является автором более двухсот статей на болгарском, английском, немецком, монгольском, китайском, корейском, ойратском, бурятском языке, опубликованных в Болгарии, России, Японии, Корее, Китае, Монголии, Индии, Иране, Венгрии, Швейцарии, Швеции, Чехии, Словакии, Великобритании, Канаде и т.д. Владеет русским, болгарским, английским, немецким, монгольским, корейским, тибетским, маньчжурским, санскритом и др. языками.

В ходе «круглого стола» «Межэтнические отношения в Казахстане и Болгарии» (модератор – **Садвокасова Айгуль Какимбековна**) были обсуждены актуальные вопросы в области межэтнических и межконфессиональных отношений в двух странах. С анализом межэтнических отношений в Республике Болгария выступил Посол Республики Казахстан в Республике Болгария г-н **Темиртай Избастин**.

Закрытие школы прошло с участием мэра города Бургас г-на **Димитрия Николова** и Посла Республики Казахстан в Республике Болгария г-на **Темиртая Избастина**, которые в торжественной обстановке вручили участникам Летней школы сертификаты.

Bulgaria - Kazakhstan - Spain

«ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННЫЙ» АФГАНИСТАН И ЭКСПЕРТНОЕ СООБЩЕСТВО В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI В.: ОСНОВНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ АФГАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ¹

БОЙКО ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ

Кандидат исторических наук, профессор, директор Центра региональных исследований «Россия и Восток» (Барнаул, Россия)

2011 год – своеобразный рубеж в новейшей истории Афганистана, и не только потому, что десять лет назад силы международной коалиции во главе с США начали операцию «Несокрушимая свобода» по ликвидации режима воинствующих исламистов-талибов. Дело еще и в том, что ровно столько же времени остается до столетней годовщины восстановления Афганистаном государственно-политической независимости — в 1921 г. новые лидеры этой страны, пришедшие к власти в результате государственного переворота и сумевшие восстановить ее суверенитет в ходе третьей англо-афганской войны, закрепили свою победу подписанием целой серии межгосударственных договоров с Великобританией и некоторыми соседями, в том числе советской Россией. В дальнейшем Афганистан не раз переживал серьезные внутренние потрясения – новые политические перевороты и даже гражданские войны (нынешний конфликт, почти permanently продолжающийся уже более 30 лет, – из этого ряда), но существенное влияние на судьбу этой страны и населяющих ее народов оказывали и продолжают оказывать внешние силы. Международная интервенция в Афганистане, начавшаяся осенью 2001 г. – один из важнейших и противоречивых эпизодов первого десятилетия XXI в. – силы, ее осуществившие, а также определенные политические, экспертно-аналитические и пропагандистские структуры рассматривают этот эпизод как инициативу международного сообщества, призванную положить конец беззаконию и насилию в созданном талибами в середине 1990-х гг. теократическом эмирате. Они же дистанцируют себя от советского опыта военно-политического присутствия в Афганистане в 1980-е гг., который однозначно рассматривается как вмешательство в дела суверенного государства с целью перестройки его политической системы и всей общественной жизни. Однако весьма скромные успехи международной коалиции на исходе ее собственного десятилетнего присутствия, как и продолжающееся сопротивление многоликкой оппозиции, обычно ассоциируемой лишь с сохранившим потенциал движением талибан, ставят множество вопросов об истоках, динамике и сути афганского конфликта, а также о политике и намерениях участвующих в нем внешних сил. В этой связи интерес вызывает позиция и роль научно-экспертного сообщества – его оценки, как публичные, так и предназначенные для кругов, принимающих не-

[1] Материалы Международной экспертной встречи «Афганистан в 2001-2011 гг.: на пути к устойчивому государству и обществу», Дубай (ОАЭ), 8-9 ноября 2011 г.

посредственные политические и военные решения, – один из элементов самого конфликта. Иначе говоря, приходится констатировать, что экспертное сообщество почти неизбежно становится его частью, то есть занимает позицию одной из сторон, а иногда выступает и прямым участником военных и прочих операций. Между тем, в ряду задач, стоящих перед профессиональными афганистами и экспертами прикладного профиля, помимо научно-информационного и консалтингового сопровождения практической политики, есть и проблема собственно научного анализа афганской ситуации с точки зрения ее генезиса, динамики и дальнейшего развития, возможного лишь при максимальном учете интересов всех сторон и использовании максимального же арсенала теоретических, методических и прочих средств. Это обстоятельство позволяет рассматривать научно-экспертное сообщество (в данном случае – ту его часть, которая ориентирована на современный Афганистан и его окружение) со всеми его атрибутами и институтами статусного, функционального и иного характера, как вполне самостоятельный предмет и объект исследования.

Точкой отсчета в таком анализе мог бы стать уже первый, и крайне негативный, опыт внешних сил в афганских делах, то есть трижды (1838-1842, 1879-1880, 1919) повторившийся англо-афганский конфликт, но его основательное изучение в рамках британской научной (в том числе военно-научной) школы не стало традицией мировой афганистики в целом, хотя и сами англичане своим участием в кампании начала 2000-х гг. пренебрегли его важнейшими уроками. Основной ретроспективный фокус современных афгано-логических исследований делается на советском опыте афганской кампании конца 1970-1980 гг., и всей советской политики этого периода в Афганистане, что вполне правомерно с тематической и других точек зрения, хотя такой подход требует учета всех внутри- и внешнеполитических (в том числе региональных и глобальных) факторов процессов принятия и осуществления решений. Общим местом соответствующих экскурсов в самой советской, а также пост-советской афганистике является тезис об отстраненности «академических» востоковедов даже от процесса разработки и тем более принятия решений политических и силовых ведомств. Он кажется вполне правдоподобным, хотя не имеет документальных подтверждений в силу вертикально-горизонтальной специфики профильных, в том числе научных учреждений, не говоря уже о ведомственных аналитических подразделениях. Однако последующая вовлеченность советских специалистов-востоковедов в различных качествах (переводчики, советники и др., офицеры запаса и выпускники специализированных вузов, мобилизованные в части ограниченного контингента) в афганские дела позволяет проследить как динамику самого афганского конфликта, так и политики различных внешних сил в нем. В дальнейшем, в 1990-е и начале 2000-х гг., представители российской и других «ветвей» постсоветской афганистики предприняли исследование наиболее актуальных проблем современного Афганистана, хотя на их работах сказывались методологические противоречия (смена парадигм, тематики, жанров и пр.), ограниченность источниковой базы, кадровый и поколенческий кризис. Наиболее заметными достижениями этого периода можно считать создание серийного тематического сборника «Афганистан: проблемы войны и мира», обобщающего труда «История Афганистана в XX в.» В.Г. Коргуна, серии работ Р.Р. Сикоева, посвященных роли современных религиозно-политических движений. Однако соответствующие подразделения главного академического центра российского востоковедения – ИВ РАН – в силу многих объективных и субъективных причин ослабили роль координаторов научно-экспертной активности на афганском направлении. Кроме того, в условиях децентрализации научной и другой дея-

тельности интерес к афганской проблематике стали проявлять и другие научные, учебно-образовательные и экспертно-аналитические центры, в том числе негосударственные (собственно российский и зарубежные) структуры соответствующего профиля. Так, к концу 1990-х гг. афганские сюжеты стали активно обсуждаться в Московском отделении Фонда Карнеги (США), новые дискуссионные и аналитические площадки по такой же или близкой (центральноазиатской) тематике появились в МГИМО, МГУ, а также в самостоятельных проектно-аналитических организациях (центр политических технологий «ПолитКонтакт» и др.), а также в ряде провинциальных вузов, поддерживающих тесные связи с ведущими столичными учреждениями или расположенных близко к «полю» – в приграничных регионах Азиатской России, испытывающих на себе непосредственное воздействие афганских событий (наркотрафик, незаконная миграция, формирование эмигрантских сообществ выходцев из Афганистана). Усилиями представителей старшего и среднего поколений московской школы афганистики, а также их воспитанников и экспертов новой волны (Г.П. Ежов, В.Г. Коргун, В.Н. Пластун, О.В. Кулаков, А.А. Князев, В.С. Бойко, А.Н. Медведев и др.) возрождается традиция регулярного мониторинга и прогноза афганских событий, на регулярной основе проводятся международные научно-практические конференции, семинары и совещания с привлечением ведущих специалистов из стран СНГ, Европы, США, зарубежной Азии, аналитиков и политиков из самого Афганистана и афганской диаспоры. Знания и опыт российских афганистов востребованы и за рубежом – они являются регулярными участниками научных форумов и дискуссий, но все же их интеграцию в международное экспертное сообщество следует признать недостаточной – сказывается наследие «холодной войны», разность подходов к некоторым проблемам прошлого и настоящего Афганистана, особенности профессиональной подготовки и, не в последнюю очередь, излишняя политизированность и корпоративность зарубежного научно-аналитического комплекса, в особенности его сегментов, связанных с Афганистаном.

В своеобразном положении оказались афганисты ряда новых государств Центральной Азии, и прежде всего тех, которые непосредственно граничат с Афганистаном. У них появились как новые возможности, так и новые трудности политического и собственно научного свойства. Наиболее благоприятно ситуация складывается в Таджикистане – прямые таджико-афганские связи активизировали и научно-аналитическую работу местных экспертов, заметными фигурами в ряду которых стали Ш. Имомов, К. Искандаров, Р. Махмадшоев и др.

Значительная работа по мониторингу и анализу афганских дел ведется в Узбекистане, Казахстане, Туркменистане, но здесь пока не преодолены кадровые и организационные проблемы афганистики как самостоятельной дисциплины, хотя ее традиции поддерживаются Р. Сайфуллиным, С. Акимбековым и другими представителями научного и практического востоковедения новой Центральной Азии.

В этой ситуации доминирующую роль в аналитическом «поле» мировой афганистики стремятся играть представители США и ассоциированных с ними структур в рамках евроатлантического партнерства и за его пределами. Американская афганистика – достаточно позднее явление, она зародилась в недрах военно-политических ведомств времен Второй мировой войны. Пионером этого направления следует считать ныне живущего 92-летнего патриарха американского и мирового востоковедения, гарвардского профессора Ричарда Фрая, в последующем сосредоточившегося на ключевых проблемах средневековой истории Ирана и Центральной Азии, но не оставляющего вне внимания и современный Афганистан. Американский научный, как

и политический, интерес к Афганистану не отличался постоянством – после появления в конце 1960 – начале 1970 гг. целой плеяды ярких специалистов по этой стране (В. Григорян, Л. Адабек, Л. Пуллада, Р. Манчесни и др.), наступила пауза, прерываемая лишь периодическими, чаще политически окрашенными акциями. Однако события 11 сентября 2001 г. заставили американцев мобилизовать силы и средства на афганском направлении – наряду с серьезными работами по происхождению афганского конфликта (Дж. Робертс) в США была развернута целая сеть научных и прикладных учреждений и проектов, призванных повысить эффективность подготовки кадров, аналитики и информационно-пропагандистского сопровождения практической политики в отношении Афганистана. К фактически прекратившему к концу 1980-х гг. работу единственному Центру афганских исследований (университет в Омахе, Небраска) прибавился открытый в 2003 г. Американский институт исследования Афганистана (нынешний его президент – профессор Бостонского университета, известный антрополог-афганист Т. Барфилд) с штаб-квартирой в Бостоне и филиалом в Кабуле, специальные программы и проекты начали осуществляться в других учебных и научных учреждениях – Гарвардском, Нью-Йоркском и других университетах. Крупный вклад в научную и прикладную афганистику в 1990 – начале 2000 гг. внес Б. Рубин, один из наиболее эрудированных специалистов в этой области. Важным элементом научно-аналитической инфраструктуры американской афганистики стал и давно функционирующий по своей повестке Институт мира, также открывший офис в Кабуле, специальные подразделения и кадры появились даже в американской армии – к проектной и контрактной работе в них были привлечены ведущие специалисты-востоковеды, культурологи, археологи и пр. Но, несмотря на масштабность проделанных усилий и затраченных средств, американской стороне не удалось разработать в короткие сроки стратегию изучения и понимания Афганистана и, соответственно, умиротворения этой страны, в основном ее усилия направлены на решение текущих задач. Важным шагом на пути концентрации и координации работы на афганском направлении стало создание (лето 2011 г.) на базе центров проблем безопасности в Евразии им. Маршалла, по вопросам Ближнего Востока и Южной Азии и по проблемам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе Группы по изучению Афганистана, возглавляемой известным экспертом по Центральной Азии проф. Грегори Глисоном. Эта группа ведет работу по изучению и прогнозированию ситуации в Афганистане в тесном контакте с представителями американской армии и ориентируется на мнение экспертов из стран-соседей Афганистана, планируется и сотрудничество с российской стороной.

Несмотря на промахи и ошибки, допущенные как на военно-политическом, так и на других уровнях, американский управленческий и научно-аналитический комплекс широко использует в своей работе на афганском направлении потенциал евроатлантического сотрудничества, которое имеет различные (стационарно-институциональные, мобильные, проектные и пр.) формы. Одной из таких форм является использование арсенала публичной дипломатии, выразившегося, в частности, в создании в 2000 г. при Принстонском университете Лихтенштейнского института самоопределения – финансируемый из различных, в основном европейских, источников институт, возглавляемый австрийским политологом и правоведом В. Данспекгрубером, превратился в популярный и авторитетный форум обсуждения актуальных проблем современности, в том числе афганской. Среди программ института – семинары по проблемам кризисной дипломатии, на которых видное место занимает и современная афганская тематика, издательские проекты коллективных работ и индивидуальных монографий

(одна из недавних – книга «Длинные тени Кабула» известного американского востоковеда французского происхождения М. Барри). В. Данспекгрубер является и основателем Лихтенштейнского коллоквиума по международным проблемам – еще одной, уже собственно европейской площадки публичной дипломатии, на которой в конце октября 2011 г. состоялась международная конференция «Суверенный Афганистан», посвященная ключевым внутренним проблемам конфликтного общества и государства и международным измерениям афганского конфликта.

Еще одной евроатлантической инициативой под эгидой США, сфокусированной на проблемах Центральной Азии и Афганистана, является межуниверситетская программа «Новые Шелковые пути», ассоциированная с университетом им. Дж. Гопкинса и его шведскими партнерами. Руководитель основного подразделения этой программы – Института Центральной Азии и Кавказа – проф. Фредерик Старр является автором известного геоэкономического проекта Большой Центральной Азии, нацеленного на «вытягивание» Афганистана из конфликтного состояния за счет развития его инфраструктуры и торговли с ближайшими соседями и другими участниками международного и межрегионального сотрудничества. Таким образом, уже только две упомянутые инициативы позволяют задействовать многие механизмы и ресурсы трансатлантического взаимодействия по афганской проблеме и близкой тематике.

Союзники США сочетают на афганском направлении как солидарность, так и автономность, отражающую их собственный опыт и подходы. Так, еще одним выражением евроатлантического партнерства стала состоявшаяся летом 2010 г. в Кембриджском университете (Великобритания) конференция «Марс поворачивается к Минерве» – принявшие в ней участие гражданские специалисты, а также военные различного ранга (от капитана разведки до штабного генерала) подчеркивали необходимость специальных знаний, а значит, и кадров, для успешного проведения боевых операций и миротворческих инициатив в Афганистане. Часть военнослужащих британского контингента в Афганистане направляется в академическую среду – на учебу по магистерским программам факультета международных отношений Кембриджского университета, то есть предпринимается попытка «интеллектуализации» армии и адресной переподготовки ее командных кадров. Однако эта мера расценивается самим академическим сообществом как недостаточная в условиях реальной войны, когда целью повышения квалификации является военная победа, подразумевающая и уничтожение противника.

В целом же британский научно-аналитический пул на афганском направлении можно оценить как недостаточный на фоне попыток руководства этой страны реанимировать постимперский дух в ходе участия Великобритании в международной коалиции. Между тем, именно в Великобритании еще в межвоенный период сложилась устойчивая традиция межведомственного взаимодействия политических, дипломатических, силовых и собственно аналитических структур в Индии и на ее рубежах, в том числе в Афганистане, – здесь с 1940 гг. практиковались новые формы экспертного анализа азиатской политики (специальная аналитическая группа бывшего губернатора Северо-Западной пограничной провинции Британской Индии О. Кероу), а до 1978 г. в Кабуле функционировал единственный в своем роде Британский институт исследования Афганистана. Кю второму десятилетию XXI в. в активе британской афганологической аналитики имелось лишь несколько полувиртуальных дискуссионных форумов, вроде Группы изучения Афганистана Королевского колледжа Лондона, и небольшая группа рассеянных по отдельным учебно-научным учреждениям и проектам экс-

пертов, в том числе специалистов международного уровня – докторов Антонио Гиустоцци и Алекса Маршалла.

Более благоприятна кадровая и научная ситуация в германской афганистической среде, хотя и здесь наблюдаются явления, связанные со сменой поколений, нехваткой финансирования и пр. Германия начала проводить активную и достаточно успешную политику в Афганистане еще в период Первой мировой войны, однако только в середине 1960 гг. ее интерес на афганском направлении приобрел научно-организационную форму – опытные востоковеды и аналитики Р. Кениг, К. Ратьенс, В. Краус и др. создали неформальную, но устойчивую группу специалистов различного профиля, в том числе практиков, интересующихся Афганистаном и настроенных на сотрудничество с этой страной – Рабочую группу по Афганистану (РГА). Эта группа со временем превратилась в общеевропейское объединение немецкоговорящих афганистов и представителей афганской диаспоры, открытое для сотрудничества со всеми заинтересованными лицами. Однако смена поколений и уход из жизни целого ряда энтузиастов и авторитетов привел к спаду активности РГА – последняя по времени конференция, до этого ежегодная, состоялась в 2009 г. Тем не менее, германские востоковеды даже в наиболее смутные афганские времена действовали на самых передовых участках полевой и научно-аналитической работы, в том числе в самом Афганистане – немалую службу им в этом сыграл давний положительный имидж Германии и вообще немцев в сознании многих афганцев. Достаточно сказать, что германские эксперты совершают поездки в самые отдаленные районы Афганистана, включая области, контролируемые талибами. Они поддерживают с талибами неформальные контакты и даже пользуются доверием последних, – предположительно, именно германские эксперты выступают посредниками в зарытых переговорах американцев и представителей движения талибан. Именно их можно рассматривать и как предполагаемых фасилитаторов миротворческого процесса, если он действительно будет инициирован в обозримом будущем. Пока же германская сторона, опираясь на свои ресурсы, прагматизм и подготовленные кадры, укрепляется в Афганистане – Германия, несмотря на трудности политики всей международной коалиции и ее самой в рамках отведенного мандата, сумела сохранить некую позитивную линию «от Бонна до Бонна». Эта линия стала отчасти возможна и благодаря продуманной политике в отношении афганской диаспоры – около 100 тыс. афганских мигрантов и беженцев нашли в 1980 – начале 1990 гг. приют в Германии, здесь в среде афганских интеллектуалов были подготовлены многие государственные деятели постталибского Афганистана – министры, дипломаты, военные – Р. Спанта, А. Фарханг, А. Арьянфар и др.

Спустя 10 лет после начала антитеррористической операции германские эксперты остаются на важных участках работы афганского направления – помимо научно-аналитической деятельности (Т. Руттиг и др.), они готовят кадры для нового Афганистана – с осени 2011 г. начались занятия для группы афганской молодежи в университете им. Гумбольдтов (Берлин), куратор – проф. Л. Жехак. Сотрудники семинара (отдела) по Центральной Азии во главе с его директором проф. И. Бальдауф проводят исследования этносов и культур Северного Афганистана. В целом же можно отметить, что германская аналитика афганистического профиля сохраняет широкий проблемно-тематический охват, подкрепленный прикладными экономическими и образовательными проектами, она представлена как государственными структурами, так и неправительственными организациями. Она, как и родственные отрасли (субдисциплины) актуального востоковедения в других странах, переживает кадровый голод, хотя и не игнорирует кадро-

вые вызовы. Германские аналитики-афганисты – одни из самых востребованных зарубежными и международными политическими и иными структурами, они задействованы в ряде американских и других зарубежных проектов, но их работы и активность в целом мало известны в российском экспертном сообществе, что затрудняет и установление контактов, а тем более сотрудничества.

Европейская составляющая трансатлантического научно-экспертного комплекса представлена также рядом государственных организаций и НПО, отдельных специалистов в Скандинавии, других регионах Европы (Шведский комитет по Афганистану, Норвежский совет по делам беженцев, Сент-Мишельсен институт в Бергене), большая их часть работает на афганском направлении в течение ряда десятилетий, с 1980 гг., и обладает обширной документальной базой и опытом полевых и прикладных исследований, которые обслуживают интересы ведущих держав Запада, и прежде всего США. Выполнение этих функций облегчается обменом специалистами и негосударственным статусом большинства подобных организаций.

В пределах зарубежной Азии самая объемная работа по Афганистану ведется в Пакистане – помимо Центра региональных исследований Пешаварского университета, выполняющего, помимо сугубо научных функций, и задачу подготовки кадров афганистов из числа пакистанской молодежи, а также эмигрантской общины Афганистана, подразделения и структуры этого профиля готовятся в столичном университете им. Каид-и-Азама, университетах Белуджистана, Лахора и др. Следует отметить, что финансирование большинства научных и экспертных мероприятий по афганской и близкой ей региональной тематике до сих пор осуществлялось германской стороной (фондом Г. Зайделя), но ситуация в самой Германии и, соответственно, в ее зарубежных представительствах побуждает к свертыванию и переформатированию подобной активности.

Наличие значительного массива оригинальных источников и документов, а также возможности полевых исследований, как и насущные интересы самого Пакистана в афганских делах, повышают актуальность и достоверность научно-аналитической продукции пакистанского происхождения, но чрезмерная политизированность и прагматизм пакистанского подхода вызывают возражения у оппонентов с более умеренными и противоположными взглядами, в особенности у индийских аналитиков. Именно индийские научные и аналитические учреждения становятся в начале XXI в. основными центрами дискуссий по афганской проблематике, что означает не только ее актуальность для Индии, но и наличие политической воли и амбиций усилить интеллектуальную составляющую афганской политики. Наиболее активно по всему спектру афганских проблем выступает Институт азиатских исследований им. А.К. Азада (Калькутта), столичный университет им. Дж. Неру – эта активность в формате крупных международных конференций и семинаров отражает возрастающую роль Индии в азиатских и в целом в международных делах.

Завершая краткий обзор состояния дел в мировой афганистике, а точнее в ее наиболее значимых академических, экспертных и практических сегментах, следует отметить такие черты этого феномена как постепенное обезличивание, преобладание коллективно-группового продукта прикладного профиля, создаваемого на основе новых методик сбора и анализа информации (выборочные переписи, подготовка рекомендаций и прогнозно-аналитических работ), с незначительными элементами публичной дипломатии. Этот продукт, предназначенный чаще всего для ограниченного пользования, создается усилиями многопрофильных компаний (типа «Контрол рискс» или «ДеЛойтте консалтинг») или специализированных центров с

международным штатом (типа Центра исследования и оценок Афганистана в Кабуле и здесь же базирующегося Аналитического центра по Афганистану). Соответственно, можно говорить о превращении афганистики, как отечественной, так и зарубежной, в преимущественно политологическую дисциплину с редкими экскурсами в историю, этнологию, культуру. В ней происходит процесс кадрового обновления, повышается информационная обеспеченность, но при этом снижается качественный, научно-теоретический уровень, все больше работы выполняется посредниками, то есть увеличивается доля продукта из «вторых рук». Такое положение дел отнюдь не способствует повышению роли научно-экспертного сообщества в решении афганской проблемы, что не приемлемо для всех тех, кто заинтересован в умиротворении и восстановлении этой страны. В преддверии 100-летней годовщины независимости Афганистана (2019-2021 гг.) можно было бы осуществить международный проект написания научно объективной истории афганского общества и государства этого периода. Такой проект способствовал бы национальному примирению и освобождал бы историческую память и сознание афганцев всех национальностей от мифов и фальсификаций. По предложению германской стороны предполагается создать специальную историческую комиссию, способствующую достижению национального согласия. В этой связи особенно актуально возрождение афганистики в самом Афганистане и афганской диаспоре – можно только приветствовать создание в Кабуле и других местах новых научно-образовательных центров по изучению прошлого и настоящего страны. Важной задачей этих и родственных им по тематике зарубежных учреждений должно стать создание научных биографий крупнейших государственных деятелей и других видных исторических фигур Афганистана XX в. – Аманулла-хана, Надир-шаха, Бачаи Сакао, Дауд-хана, Б. Кармаля, Н.М. Тараки, Х. Амина, М. Наджибуллы, Б. Раббани и других.

Такая трудная работа невозможна без международного сотрудничества и хотя бы символического поощрения энтузиастов именными премиями выдающихся афганистов разных стран: М.Г.М. Губара, Файз Мухаммада, А.А. Кохзада, И.М. Рейснера, В. Григоряна, Ю.В. Ганковского, Л. Дюпре и других, возобновления международного членства в Академии наук Афганистана. Своей честной и публично оцененной работой интеллектуалы разных стран – ученые, эксперты – могли бы внести свой вклад в решение афганской проблемы.

РАЗДЕЛ АФГАНИСТАНА КАК ЧАСТЬ ПРОЕКТА «БОЛЬШОГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА»: ПРОЕКЦИИ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ¹

КНЯЗЕВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ

Доктор исторических наук, профессор, координатор региональных программ Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, действительный член Русского географического общества (Москва, Россия)

Нет никаких оснований отказываться от рассмотрения происходящего в Афганистане и сопредельных регионах через призму известного Проекта «Большого Ближнего Востока». События «арабской весны» только подчеркивают правомочность такого подхода. Мировая история, по крайней мере в ключевых регионах мира, окончательно утратила свой естественный характер. История стала проектной. И Афганистан – это тоже проект. Один из старейших, имеющий и историю, и традиции, и свои законы реализации, заложенные и сформированные первоначально в известной «Great Game», а с рубежа 1990-2000 гг. лишь изменившийся структурно и приобретший новую динамику.

Одной из наиболее алармистских, а от того и актуальных тенденций в Афганистане является резкое усугубление межэтнических противоречий и обозначившийся тренд к расколу страны, условно – проект «Раздел Афганистана».

Не являясь единственно доминирующим противоречием в развитии афганского общества, этнический фактор, в то же время, играл и играет чрезвычайно важную роль, особенно в случаях и в периоды общеполитических кризисов, стимулируемых, как правило, воздействием внешних центров силы. Такой вариант решения национального вопроса – объединение всех народов и народностей на базе исторически сложившейся государственности под флагом унитарного Афганистана – был источником дополнительной напряженности в стране.

Динамика изменений в этнической структуре населения Афганистана на протяжении примерно полутора веков оказалась достаточно высока. В то же время, по мнению ряда исследователей, этнополитический баланс афганского общества, начавший формироваться на рубеже XIX-XX вв., обеспечивался применением модели гегемонистского доминирования в сочетании с исторически установившимися, естественными механизмами интеграции и ассимиляции, что создавало условия для постепенного преодоления трайбалистских и этнических противоречий в процессе модернизации афганского национального государства.

Вторая половина 2010-го – первая половина 2011-го года демонстрируют актуализацию одного из наиболее опасных трендов в афганском конфликте – резкий рост межэтнических противоречий, эволюционирующий в общественных настроениях и в пристрастиях этнических политических элит

[1] Материалы Международной экспертной встречи «Афганистан в 2001-2011 гг.: на пути к устойчивому государству и обществу», Дубай (ОАЭ), 8-9 ноября 2011 г.

в сторону сепаратизма. Идея в афганской политической среде не новая, но к настоящему времени получающая, судя по-всему, новое качество.

Одним из главных компонентов «Проекта Большого Ближнего Востока» для Афганистана и сопредельных стран является давно известный план создания «Большого Пуштунистана». Как и другие, он эксплуатируется частью пуштунской элиты исходя из нерешенности проблемы этнополитического баланса в стране. В то же время, иницилируемая окружением Хамида Карзая и нарастающая пуштунизация госструктур уже вызывает отрицательную реакцию непуштунского населения, что в косвенных признаках было очевидно в ходе электоральной кампании 2009 г., и очень ярко проявилась по результатам парламентских выборов 2010 г., когда пуштуны потерпели скандальное фиаско, уступив определяющее большинство в парламенте другим этническим группам. Дальнейшая пуштунизация госвласти способна привести только к усложнению конфигурации конфликта в целом, а значит, и к сужению поля потенциального переговорного процесса. В этом контексте интересна современная актуализация вопроса о «линии Дюранда». Готовность администрации Хамида Карзая (компромиссная по своей сути) подтвердить признание «линии Дюранда» в качестве официальной афганско-пакистанской границы вызывает негативную реакцию националистических пуштунских кругов и одобрительную – со стороны непуштунских элит. Суть в том, что отказ от претензий на Зону племен и другие спорные территории исключает из потенциального афганского пуштунского электората пуштунскую ирреденту, расположенную восточнее «Durand line», фиксируя ее нынешнюю долю в общей сумме афганского электорального населения. Категорическое неприятие непуштунской элитой переговорного процесса с талибами, в свою очередь, основано на нежелании включения в политический процесс той части пуштунских лидеров, которые сегодня находятся на стороне «Талибана». Все это вкупе лишний раз свидетельствует об изменившейся на протяжении 1980-2000 гг. этнополитической структуре афганского общества и о резком возрастании роли непуштунского населения и соответствующих элит в афганском политическом процессе. При этом все попытки правительства Хамида Карзая вести переговорный процесс будут обречены на конфронтационный результат до тех пор, пока в этот процесс не будут включены непуштунские лидеры и не будут учтены интересы, претензии и амбиции непуштунской части социума. В ином случае сепаратистские настроения и угроза распада страны, реализации центробежных сценариев будут стремительно прогрессировать.

Ряд современных тенденций, происходящих в Афганистане, аналогичны происходившим в бывшей Югославии в 1990-х гг. и свидетельствуют о намерениях и готовности американской стороны при определенном стечении обстоятельств реализовать сценарий, тождественный «Дейтонскому». Но элементарный анализ Дейтонского соглашения 1995 г. обнаруживает много существенных внутренних противоречий в его положениях. Босния и Герцеговина никогда в прошлом не существовала как единое независимое государство, а всегда была только провинцией в рамках других государств. Поставив целью сохранить «единство», соглашение дало на деле мощный толчок дальнейшему этническому расслоению Боснии и Герцеговины, причем не на две, а на три части, и, таким образом, конфликт просто выведен в латентную фазу, поддерживаемую лишь военным присутствием НАТО.

Высока вероятность подобной фрагментации и в Афганистане, тем более с учетом того, что в американских аналитических центрах давно рассматривается еще один проект сходного характера – «Независимый Белуджистан», декларируемая задача которого – объединить в единое государство белуджское население Афганистана, Пакистана и Ирана. Практически впервые в

истории Афганистана, и уж во всяком случае – в новейшее время, афганские белуджи начинают заявлять о себе как о самостоятельной политической силе. В первую очередь, этот проект направлен на хаотизацию ситуации в Пакистане и Иране. В иранской провинции Систан и Белуджистан компактно проживают около одного миллиона белуджей, провинция в целом не очень развита, значительную часть ее территории занимают пустыни и полупустыни, и основная часть населения занимается скотоводством и земледелием, но в провинции ведутся большие работы по модернизации социально-экономической сферы. Белуджского вопроса как такового в Иране не существует, несмотря на активную работу антииранских сил по дестабилизации ситуации в районах, населенных белуджами, по фрагментации этнополитического состояния страны. Основную работу в этом направлении ведут исламские организации «Моджахеддин-е Халк» и «Федаян-е Халк». Позиционировавшие себя когда-то как партии левого толка, а «Федаян-е Халк» – даже как марксистская, к нынешнему времени обе организации де-факто могут быть отнесены к экстремистским и террористическим, обе успешно контактируют с ЦРУ США и иракской спецслужбой «Мухабарат». Идеи национализма и тенденции сепаратизма наиболее развиты в Восточном, пакистанском, Белуджистане, где проживают около 4 миллионов белуджей. Белуджские общественно-политические организации за рубежом основаны главным образом выходцами из Пакистана, и именно они пытаются провоцировать этнические настроения в иранском Белуджистане. В Афганистане белуджей значительно меньше, но тема актуальна и с точки зрения сохранения целостности Афганистана как государства, и с точки зрения региональной стабильности в целом.

Идея фрагментирования Афганистана имеет свою историю. Ярким сторонником административно-территориального деления Афганистана с простым копированием советской модели союзного государства был Хафизулла Амин, мечтавший о создании союзных республик по простому этническому принципу – пуштунская, белуджская, таджикская и так далее. Федерализация Афганистана рассматривалась в свое время в советском руководстве – как вариант урегулирования межэтнических, этнополитических проблем и стабилизации ситуации в стране после вывода советских войск. В частности, изучалась возможность создания «в рамках единого Афганистана таджикской автономии на базе районов проживания таджиков с включением в нее территорий провинций Бадахшан, Тахар, Баглан, части Парван и Каписа», обсуждались вопросы представительства таджиков в высших органах власти страны и формирования Исламским Обществом Афганистана «регулярных войск таджикской автономии с включением их в состав ВС РА»². Отказ от подобного реформирования Афганистана был связан как с пониманием конфликтности этой инициативы с преимущественно пуштунским правительством и окружением Наджибуллы, так и с осознанием высокой дисперсности расселения этногрупп и очевидной нереальностью администрирования по этнокритериям.

В современном американском геополитическом проектировании раздела Афганистана главные звенья – Пуштунистан, а на севере – Афганский Туркестан. Симптоматично появление в 2010-2011 гг. в средствах массовой информации ряда публикаций, дающих оценку подобным сценариям. «Неприязнь пуштунов к афганским таджикам и вообще ко всем таджикам очень велика. Эта неприязнь аналогична неприязни израильтян к арабам, и поэтому никакого мира между таджиками и пуштунами в Афганистане не будет, – считает представитель германского Фонда имени Фридриха Эбер-

[2] См.: Гай Д., Снегирев В. Вторжение // Знамя. – 1991. – № 3. – С. 195-217; «Архив генерала армии В.И. Варенникова», приводится по: Ляховский А.А. Трагедия и доблесть Афгана. – Ярославль, 2004. – С. 664.

та в Таджикистане Рустам Хайдаров. – Если афганские таджики захотят создать отдельное государство, например Конфедерацию Северный Афганистан, то, несомненно, это пойдет на пользу национальным интересам Республики Таджикистан, которая нуждается в такой буферной зоне. Мир в Афганистане наступит, на мой взгляд, после разделения Афганистана два государства – Пуштунистан и Северно-Афганскую Конфедерацию, в состав которой могут войти все остальные нации Афганистана»³. Нарастающая частота подобных обсуждений в СМИ свидетельствует о целенаправленной информационной кампании, в ходе которой должно произойти утверждение в мировом общественном сознании представлений о вероятности, допустимости и возможности изменения политической географии региона.

Вопреки существующим в массовых представлениях стереотипам, на юге страны проживает и непустунское население, есть большие таджикские и шиитско-хазарейские анклавы. Есть проблема дариязычных пуштунов. На севере страны – крупные анклавы переселенных пуштунов. Говорить о фиксированной численности, а тем более географии расселения любого из этносов Афганистана практически невозможно.

Для упорядочения налоговых поступлений в Афганистане в разное время предпринимались попытки исчисления населения. Но эти данные, будучи опосредованы стремлением правящей пуштунской элиты включить непустунские народы в состав «единой афганской нации», не могут служить объективным источником для создания этнической картины и прошлого и, тем более, современного Афганистана. Отдельные попытки проведения переписей предпринимались в период правления НДПА, однако они были достаточно бессистемны и могут дать лишь очень приблизительные цифры. В то же время, массовые миграционные процессы 1980-1990-х гг. серьезно деформировали этническую картину, которая и без того на протяжении последних веков никогда не была статичной. Даже о фиксированной численности пуштунов, государствообразующего этноса, говорить проблематично, поскольку миграция пуштунских племен между Пакистаном (Британской Индией) и Афганистаном в юго-западной зоне страны никем и никогда не контролировалась.

Само формирование афганской государственности в ныне признанных территориальных границах – факт в историческом плане достаточно поздний. В период Дурранийской державы (1747-1818 гг.) в основном завершился этап подчинения и экспроприации пуштунами земель таджикского населения Южного Афганистана. В период правления Ахмад-шаха Дуррани пуштунские племена стали расселяться в районах Желалабада, Газни, Кандагара, Фароха, Герата, в это же время принадлежавшие таджикам орошаемые земли Кандагарской области полностью перешли в собственность дурранийских ханов, а таджики были превращены в зависимое податное сословие. В 1770-х гг. первые пуштунские поселения возникают в Кабульской области, когда Кабул становится столицей дурранийского государства. Таджикские (и другие непустунские) феодальные владения южных отрогов Гиндукуша и всего Северного Афганистана сохраняли свою самостоятельность, в отдельные периоды времени отправляя незначительную дань бухарским или афганским эмирам. После первой англо-афганской войны политика колонизации непустунских земель еще более усилилась. В 1845 г. к владениям кабульского эмира был присоединен таджикский Чарикарский удел, а Парвон, Карабаг, Кала-и-Банд были присоединены к Кабулу уже после второй англо-афганской войны. Эмир Абдуррахман-хан подчинил себе все мелкие таджикские владения Кухистана и Кохдамана, лишь таджики

[3] Тутубалина О. Неприкрытая угроза // Asia-Plus. – Душанбе. 2011. – 4 ноября. – <http://news.tj/ru/news/neprikrytayaugroza>

Панджшерской долины во второй половине XIX в. сохраняли свою самостоятельность. Колонизация северных ханств левобережья Аму-Дарьи усиливается в 1880-х гг., а некоторые провинции центральной и северной части страны были присоединены к Афганистану только в конце XIX в. Хазараджат окончательно был завоеван пуштунами в 1893 г., Нуристан – в 1896 г.⁴

Присоединение непуштунских территорий вело к тому, что постепенно в сложном комплексе внутриафганских противоречий все более и более важное значение принимал этнический фактор. Когда после установления границы по линии Дюранда ряд пуштунских племен оказался локализован на территории Британской Индии, часть пуштунов стала перемещаться на территорию Афганистана⁵. В течение XIX-XX вв. только территории, контролируемые хазарейцами в Центральном и Северном Афганистане, в результате переселения пуштунов из Британской Индии сократились со 150 тысяч квадратных километров до 100 тысяч⁶. Последняя четверть XIX – начало XX вв. стали временем наиболее интенсивного переселения пуштунских племен в северную и центральную части страны. В 1884 г. из Кабульского района были переселены в Мейманинский вилайят 3000 семей, в приграничных районах Батгиза было поселено 1300 семей кочевых исакзаев. В 1885 г. в Балх было переселено 800 семей. Еще около 4000 семей было поселено в начале 1990-х гг. на землях чор-аймаков на северо-западе, в районы Андхоя, Ахчи, Шибегана, Сарипуля в конце XIX – начале XX вв. было переселено 62 тысячи семей этнических пуштунов. Уже в 1930-х гг. отмечалось, что очень многие кишлаки Кундузского и Ханабадского районов, где раньше жили таджики и узбеки, были полностью заселены пуштунами. Такая же картина наблюдалась в Каттагане, в районах Ташкурмана, Айбака, Ходжа-Нахру. Большое число пуштунских семей появилось и в Бадахшане – в районах Рустака, Чибаба⁷. Так к северу от Гиндукуша, в Кундузе, Фариобе, Батгизе, Джаузджане, Герате, в районе Мазар-и-Шарифа и в Бадахшане возникло несколько мощных пуштунских анклавов.

В Хазараджат были переселены в основном ахмадзаи, мохманды и некоторые другие племена. В Нуристане число пуштунских переселенцев было незначительно. Проведение переселенческих мероприятий по отношению к кочевым пуштунским племенам юга (а равно и к оседлому населению северных областей) носило во многом насильственный характер. В 1939-1951 гг. в Каттаганскую, Мазар-и-Шарифскую и Мейманинскую провинции было переселено более 6000 тысяч семей из племен шинвари, сафи, мангал, саларзай, джаджи, читрали, тури, африди. В середине 1960-х гг. пуштуны составляли уже до 65% населения провинции Герат. В Бадахшане пуштуны селились даже в столь отдаленных горных районах как Дарваз и Зебак⁸.

Переселенческая политика преследовала две цели. Одной являлся собственно переход кочевников к оседлости, который был должен способствовать как общему экономическому подъему, так и увеличению налоговых поступлений в бюджет. Политическая составляющая этого процесса заключалась в устремлениях кабульских эмиров закрепить колонизацию присоединенных непуштунских территорий. То есть шла весьма агрессивная пуштунизация страны. Пуштуны-переселенцы имели серьезные поощрения от правительства в налоговом отношении, им выделялись (за счет местного не-

[4] Шохуморов С. Вооруженные силы Афганистана в начале XX в. (по материалам «Архива Инаятулла-хана») // Страны Среднего Востока (история, экономика, культура). – М.: Наука, 1980. – С. 242.

[5] Вопросы становления пуштунского этноса достаточно подробно рассматриваются Ю.В. Ганковским (Ганковский Ю.В. Народы Пакистана. Основные этапы этнической истории. – М., 1964; Ето же. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. – М., 1967). Правда, представляется необходимым отметить преимущественное внимание исследователей к периоду после Второй мировой войны. См., например: Пономарев Ю.А. История мусульманской лиги Пакистана. – М., 1982; Джабборов Т.Д. Северо-Западная пограничная провинция Пакистана. Социально-экономический очерк. – М., 1977.

[6] Темирханов Л. Хазарейцы. – М., 1972. – С. 34.

[7] Зарипов Ш. Кочевники и полукочевники Афганистана // Афганистан: история, экономика, культура. – М., 1989. – С. 119.

[8] Зарипов Ш. Кочевники и полукочевники Афганистана // Афганистан: история, экономика, культура. – М., 1989. – С. 119-122. Переселенческая политика продолжалась вплоть до 1978 г.

пуштунского населения) поливные земли, предоставлялась и денежная помощь. Одновременно имела место, хотя и не столь широко, и практика переселения непуштунского населения в традиционно пуштунские регионы. Одной из целей переселенческой политики была и ассимиляция непуштунского населения. Так, например, постепенно пуштунизировалась, потеряв язык, приняв иногда племенные названия окружающих пуштунских племен, часть таджиков Нангархарской и Кунарской долин⁹.

Таджики являются автохтонной и второй по численности народностью Афганистана, основные территории компактного расселения таджиков – провинции Бадахшан, Тахор, Герат, Джаузджан, Саманган, Балх, Кундуз, а также Панджшерское ущелье и долина Шамоли (часть территории провинций Кабул, Парвон, Каписо), дисперсно же таджики расселены практически по всем провинциям страны.

Узбеки – в основном представители племен каттаган, минг, сарай, кунград, кенегес и некоторых других – живут на территории провинций Фариаб, Джаузджан, Балх, Саманган и, в меньшей степени, в Тахоре, Кундузе и Бадахшане.

Туркмены являются вторым по численности после узбеков тюркским народом. На начало 1980-х гг. их насчитывалось не менее 300 тысяч¹⁰, это племена эрсари, али-эли, сарыки, салоры, текинцы и некоторые другие.

Центральный горный регион страны (Хазараджат) населяют хазарейцы, это, прежде всего, провинция Бамиан, много их живет в Балхе, анклавы хазарейцев имеются также в Урузгане, Газни, Вардаке, Гуре, Герате, Кандагаре. На северо-западе Афганистана расселены несколько небольших по численности, родственных хазарейцам и иногда отождествляемых с ними, народностей: фирузкухи, таймани, теймури, джамшиды, хазара-и-калайинау. В юго-восточном Афганистане расселены еще две небольшие народности, также говорящие на языках иранской группы: ормури и парачи, в Гератском оазисе и вдоль афганско-иранской границы проживают курды, говорящие на диалекте курманджи. На юго-западе кочуют племена белуджей и брагуи¹¹, а в Кабуле и частично в Кандагаре – живут кызылбаши и афшары, которые были переселены из Ирана в середине XVIII в. В Бадахшане проживают памирцы – рушанцы (рыхен, рухни), ишкашимцы (ишкошуми, ишкошими), ваханцы (вахи, хик), сангличи, зебакцы, мунджанцы, шугнанцы (хугни), дарвазцы и другие. На востоке и юго-востоке Афганистана живет несколько небольших народностей, говорящих на индоарийских языках и типологически близких к ним нуристанских языках. Крупнейшие из них – пашаи (численность около 100 тысяч; расселены в горных долинах Кабула и Кунара). В районе Желалабада проживают тираи или тирахи. В Нуристане проживают небольшие народности кати, вайгали, ашкун, прасун, говорящие на языках нуристанской группы, их общая численность – около 180 тысяч человек. В Кабуле и Кандагаре до начала 1980-х гг. проживало около 40 тысяч выходцев из Индии и Пакистана, преимущественно пенджабцев (сохранивших язык пенджаби и культурный облик), а также синдхов¹². Несколькими тысячами исчисляется численность казахов-оралманов и киргизов¹³.

Дополнительным фактором, усложняющим еще более и без того сложную этническую картину (и соответственно, политическую), является раз-

[9] Махмадшоев Р. Таджики Афганистана в новое время. Очерки истории, хозяйства и материальной культуры. – Душанбе: Дониш, 1991. – С. 27.

[10] Ганковский Ю. В. Афганистан на пороге XXI века // Российская Академия наук. Научный совет по проблемам востоковедения. Вып. № 12. – М., 1999.

[11] См.: Пикулин М.Г. Белуджи. – М.: Наука, 1959. Его же. Брагуи. – М.: Наука, 1967.

[12] Ганковский Ю. В. Афганистан на пороге XXI века // Российская Академия наук. Научный совет по проблемам востоковедения. Вып. № 12. – М., 1999.

[13] О современном состоянии киргизской диаспоры см.: Князев А., Сулайманова Л. Афганские киргизы: историко-лингвистические аспекты ареального расселения // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. – Барнаул, 2003. – С. 245-255.

деленность практически всех крупных народов, проживающих в Афганистане. Этнодемографическая картина разделенных народов, населяющих Афганистан и соседние государства, в 1990-х гг. выглядит следующим образом:

- пуштуны: в Афганистане – 8-9 миллионов человек, в Пакистане – 13-14 миллионов;
- таджики: в Афганистане – около 4 миллионов, в Таджикистане – 3,5 миллиона;
- узбеки: в Афганистане – 1,7 миллиона, в Узбекистане – 19 миллионов;
- туркмены: в Афганистане – 0,5 миллиона, в Туркменистане – 2 миллиона, в Иране – 0,7 миллиона;
- белуджи: в Афганистане – 170 000, в Пакистане – 3,1 миллиона, в Иране – 1 миллион¹⁴.

Вообще, актуализация темы этнической автономизации в истории Афганистана последних десятилетий — это своего рода индикатор этнополитического состояния афганского общества. Каждый раз эта проблема актуализируется тогда, когда пуштуны как государствообразующий этнос теряют военно-политическую монополию в стране, так было, например, в ходе известного восстания (гражданской войны) 1929 г. под руководством Бача-е Сакао, когда также обсуждался вопрос отделения Северного Афганистана. Особенность нынешнего проекта раздела страны – в наличии внешнего управления и необходимых военных и иных материальных ресурсов для реализации.

Проект раздела Афганистана необходимо рассматривать в контексте обсуждаемого вывода в 2014 г. из страны иностранных войск и передачи ответственности за поддержание безопасности афганской национальной армии и полиции. При этом снижение интенсивности боевых действий, не говоря уже об их прекращении, совсем не очевидно. Анализ основных парадигм американско-натовской стратегии в регионе позволяет скорее предположить жестко сформулированную установку на реализацию ситуации «управляемого хаоса» в регионе.

Основные тренды развития ситуации к концу 2011 г.:

- активизация антиправительственных сил и движения сопротивления иностранному военному присутствию;
- тенденция к сокращению военного присутствия ISAF и Operation Enduring Freedom;
- продолжающаяся недостаточность афганских национальных сил безопасности;
- невозможность установления регионально-этноплеменного баланса в афганской политической элите в кратко- и среднесрочной перспективе;
- «реинкарнация» «Исламского движения Узбекистана» и других аналогичных группировок и их активизация в северо-восточных провинциях (Тахар, Кундуз, Бадахшан), частично в других северных провинциях (Баглан, Саманган, Батгиз, Фариаб);
- продолжающиеся осложнения в афгано-пакистанских отношениях, особенно в приграничных вопросах, влекущие объединение афганского конфликта с ситуацией в Северо-Западной пограничной провинции, в провинциях Вазиристан и Южный Вазиристан Пакистана;
- активизация белуджских сепаратистских организаций на юге Афганистана.

Один из наиболее вероятных сценариев может заключаться в следующем.

[14] О проблеме разделенных народов см. подробнее: Лаумулин М. Центральная Азия и ситуация в Афганистане // Центральная Азия и Кавказ. № 7. – Дуло, 1997. В приведенных данных есть неточности. Так, например, согласно переписи населения 2000 г., численность таджиков в Республике Таджикистан составляла 4898,4 тысячи человек.

Если согласиться, что вторжения США и НАТО в Афганистан (2001 г.) и в Ирак (2003 г.) являются компонентами проекта по переформатированию восточной части так называемого «Большого Ближнего Востока», то к началу 2011 г. в череде событий в Магрибе и на Ближнем Востоке («арабская весна») можно увидеть уже трансформацию западной части обширного региона. После уже практически неминуемого раздела Ливии основные акценты смещаются на, условно говоря, сирийско-иранский узел. Это затрагивает, помимо Сирии и Ирана (основных субъектов), Саудовскую Аравию, Йемен, Бахрейн, наверное Оман, в высокой степени Турцию. Можно уверенно предполагать, что при любом исходе конфликта в Сирии втягивание в него Турции повлечет за собой создание независимого Курдистана, включающего сирийскую, турецкую, иракскую и, возможно, иранскую ирреденты.

Создание независимого Белуджистана – из частей территорий Ирана, Афганистана и Пакистана – очень важный компонент американских стратегических планов, поскольку в орбиту его реализации вовлекается Иран.

Выделение Пуштунистана – формальное, или фактическое – прежде всего обуславливается тем, что у США и НАТО уже просто не хватает сил для полноценного прямого присутствия на юге Афганистана. Вероятно, там останутся основные базы – Шинданд, Баграм (обеспечивающий контроль над политической властью в Кабуле), Кандагар, возможны договорные отношения западного командования с частью пуштунской элиты, все это в целом будет обеспечивать некое состояние конфликтности, которым можно будет управлять.

И главное, основные силы американо-натовской коалиции будут смещены на север Афганистана, где ключевой становится уже действующая американская военная база в Мазар-и-Шарифе, а частично – в страны Центральной Азии. Размещение американских и натовских военных баз после 2014 г. – это ключевой тренд взаимоотношений между правительством Хамида Карзая и администрацией США и ряда европейских стран. В течение 2011 г. представителями госдепартамента и военного руководства США велись интенсивные переговоры и с руководством всех центральноазиатских стран на предмет размещения в них американских военных инфраструктурных объектов и военнослужащих. Среди наиболее представляющих интерес для США:

- расширение военного присутствия в международном аэропорту «Манас» в Киргизии;
- создание военных объектов в киргизской части Ферганской долины (Ош и Баткен);
- создание военных объектов в Кулябе, Айни, Хороге и Мургабе (Таджикистан);
- использование военного аэродрома в Мары (Туркмения);
- использование военных аэродромов Тузель (Ташкент), Чирчик, в Термезе (Юкайды), Ханабаде, Бухаре; реанимация старых аэродромов (например, Жаслык в Каракалпакии) в Узбекистане;
- использование аэродромов в Алматы, Боралдае, Аркалыке (реконструкция), создание военной базы (ВВС, ВМФ) в Актау (Казахстан).

Публичная часть этого переговорного процесса подкрепляется нагнетанием в региональных СМИ представлений о росте угроз безопасности со стороны Афганистана после 2014 г., что подкрепляется и отдельными акциями подконтрольных спецслужбам США террористических группировок, в частности в Киргизии и в Казахстане. Активность такого рода группировок нарастает, будучи направлена на установление в регионе обстановки нестабильности, обосновывающей американское военное присутствие.

Общий анализ ситуации в Афганистане, Таджикистане и Киргизии позволяет прогнозировать вероятное объединение трех стран в единую конфликтную зону. Это только подтверждается низким уровнем охраны государственных границ между Афганистаном и Таджикистаном, между Таджикистаном и Киргизией. Несомненно, близость зоны конфликта обязательно окажет воздействие на Узбекистан и Казахстан. Такое развитие событий может повлечь участие в конфликте России, в частности в формате ОДКБ, что дополнительно приведет к разрастанию и пролонгации конфликта в рамках всего региона. Превратив его уже не в проектный, а во вполне реальном измерении, в часть находящегося в состоянии перманентного вооруженного конфликта «Большого Ближнего Востока».

Реальное решение афганской проблемы, направленное на восстановление и поддержание стабильности во всем большом регионе Ближнего и Среднего Востока, Южной и Центральной Азии, находится в переговорной плоскости. Организация внутриафганского диалога могла бы опираться на прецеденты как внутри Афганистана (политика национального примирения второй половины 1980-х гг.), так и вне его (например, опыт межтаджикского урегулирования в 1990-е гг. при участии Ирана и России). Но подобный процесс возможен лишь при полном выводе с территории страны всех иностранных военных сил. Американское и натовское военное присутствие в Афганистане само по себе является фактором дестабилизации. Попытки навязать в Афганистане демократическую модель функционирования общества и государства в ее американском видении, упорство в экспорте демократии создают эффект обратного действия. Афганское общество в значительной своей части не воспринимает внедряемых новаций, а общественная контрреакция на «демократические преобразования» дополняет общее негативное восприятие и правительства, и его иностранных союзников.

Учитывая возрастающую роль во всем мире региональных организаций и кризис международного права, в центре которого находится не отвечающая потребностям времени ООН, в регионе Центральной Евразии ШОС имеет все шансы стать тем механизмом, через который будет происходить перестройка евразийской подсистемы международных отношений в ближайшие десятилетия. Необходимо создание при поддержке ШОС постоянно действующего переговорного процесса, в котором должны участвовать все субъекты современного афганского политического процесса: государственные структуры, политические партии, этнические сообщества, представители регионов, религиозные деятели. Ведущие вооруженную борьбу против правительства и иностранных войск группировки в высшей степени неоднородны, значительная часть их имеет внутриафганское происхождение и определенную поддержку части афганского населения. Они должны стать полноправными участниками переговорного процесса. Единственным критерием исключения из переговорного процесса тех или иных группировок или движений может и должна являться их связь с международными террористическими и экстремистскими силами.

ВЫВОД ВОЙСК США ИЗ АФГАНИСТАНА: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ¹

КОРГУН ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ

Доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором Афганистана Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения Российской академии наук (Москва, Россия)

В марте 2009 г. президент США Б. Обама провозгласил новую стратегию, которая предусматривала вывод американских войск из Афганистана в 2011-2014 гг. Одновременно происходило наращивание их численности, которая к весне 2011 г. достигла 100 тыс. человек. Подготовка к уходу началась в феврале 2011 г., когда в Кабул с официальным визитом прибыл вице-президент США Джо Байден. Его визит называли в США поворотной точкой в политическом курсе Вашингтона в отношении Афганистана.

В то же время в военных кругах США встал вопрос о резком увеличении численности вооруженных сил Афганистана. Афганские правительственные силы безопасности надо увеличить еще на 45-70 тыс. человек, заявил 17 февраля в сенатском комитете глава Пентагона Роберт Гейтс, чтобы быть уверенным в том, что страна сможет самостоятельно противостоять экстремистам. Он добавил, что США «намереваются израсходовать 12,8 млрд. долл. в 2012 финансовом году на обучение афганских солдат и полицейских и их оснащение», которое начинается 1 октября текущего календарного года. На эти же цели с 2003 по 2009 год было затрачено 20 млрд. долл. По его данным, на середину лета 2011 г. численность афганской армии должна была составить 150 тыс. солдат и офицеров, и к октябрю возрасти до 172 тыс. Силам международной коалиции, по оценкам Пентагона, противостоят 25-30 тыс. талибов и иных экстремистов².

Кампания по подготовке вывода войск была омрачена акцией сожжения Корана 20 марта американским пастором Терри Джонсом во Флориде. Она вызвала взрыв протеста в Афганистане и ряде других мусульманских стран. В г. Мазари-Шариф на севере страны разгневанная толпа совершила нападение на местную штаб-квартиру ООН, в результате погибли 12 сотрудников международной организации. Президентам США и Афганистана пришлось выступить с осуждением действий американского священника.

В последующие месяцы в Афганистане произошли важные события, которые осложнили условия вывода американских войск. 2 мая 2011 г. силами американского спецназа в пакистанском г. Абботабад был уничтожен Усама бен Ладен, за которым США охотились около 10 лет. Однако убийство главы международного терроризма по существу не изменило характер военно-политической ситуации в регионе.

Тем не менее, это событие повлекло за собой целую серию убийств ряда политических и государственных деятелей Афганистана. Так, 28 мая террористом-смертником был убит генерал Мухаммад Дауд, заместитель министра внутренних дел по борьбе с наркотиками. По данным афганских

[1] Материалы Международной экспертной встречи «Афганистан в 2001-2011 гг.: на пути к устойчивому государству и обществу», Дубай (ОАЭ), 8-9 ноября 2011 г.

[2] Заявление главы Пентагона. Вашингтон, 18 февраля 2011 // Корр. ИТАР-ТАСС Александр Нахович/.

следственных органов, убийцей явился боевик «Исламского движения Узбекистана», поддерживающего тесную связь с организацией «Аль-Каида».

12 июля своим телохранителем был убит брат президента, глава провинциального совета Кандагара Ахмад Вали Карзай. Он пользовался, мягко говоря, сомнительной репутацией: обладая полнотой власти в провинции, управлял ею как независимым княжеством. Его подозревали в связях с наркомафией, рейдерских захватах земельных участков, в фальсификации президентских выборов 2009 г. на юге Афганистана. И хотя ответственность за убийство взяли на себя талибы, официальной версии так и не последовало: многие были заинтересованы в устранении Ахмада.

20 сентября был убит бывший президент Афганистана профессор Бурхануддин Раббани. Лидер парламентской оппозиции Б. Раббани возглавлял также Высший совет мира, созданный для ведения переговоров с талибами. Его убийство, ответственность за которое взяла на себя группировка Дж. Хаккани – это попытка сорвать переговорный процесс, обострить обстановку в стране, усилить противоречия между таджиками и поддерживающими их национальными меньшинствами севера Афганистана, с одной стороны, и пуштунами – с другой. Возмущенный президент Х. Карзай 29 сентября выступил с заявлением о том, что он отказывается вести переговоры с талибами, а партнером в переговорах станет Пакистан³.

Очередной мишенью талибов стали и американцы. В ситуации, когда президент Б. Обама объявил о готовности США начать с ними переговоры, 11 сентября мятежники устроили мощный взрыв на американской базе в провинции Вардак, в результате были ранены 77 американских военнослужащих. А 14 сентября экстремисты совершили нападение на американское посольство в Кабуле. Посол США Р. Крокер обвинил в совершении акции группировку Дж. Хаккани.

Все эти трагические события показывают, что антиправительственные силы по-прежнему обладают серьезным военным потенциалом. При этом мятежники не только продемонстрировали свои возможности, но и стремились оказать нажим на правительство и его западных союзников, подтолкнуть последних к ускоренному уходу из Афганистана, подготовить условия для того, чтобы в дальнейшем диктовать свои условия Кабулу в случае возможных переговоров, от которых они пока отказываются.

В этой обстановке США начали переговоры с Кабулом о заключении соглашения о формате и статусе пребывания американцев в Афганистане после завершения вывода войск коалиции в 2014 г. Несмотря на давление, оказываемое на президента Б. Обаму американской общественностью, требующей скорейшего вывода войск (в середине лета, согласно опросу общественного мнения, 56% американцев выступали против дальнейшего пребывания войск США в Афганистане⁴), президент Х. Карзай и ряд официальных лиц из его окружения высказывали опасение, что оставшись без военной поддержки Запада, Афганистан вновь может стать ареной гражданской войны и источником угрозы безопасности региона.

На переговорах, начавшихся еще в марте 2011 г., обсуждался вопрос о заключении нового соглашения о стратегическом партнерстве между двумя странами, которое предусматривает пребывание военных и гражданских специалистов США в Афганистане после 2014 г. Речь идет об американских спецслужбах, разведке и авиации. Кабул отказался подписать американский проект соглашения как сформулированный «расплывчато» и предложил свой, более детальный. Афганские официальные лица настаивают на том, что остающиеся в стране американские военнослужащие долж-

[3] Обстановка в стране. Каир, 30 сентября 2011 // Корр. ИТАР-ТАСС/.

[4] Каир, 22 июня // Корр. ИТАР-ТАСС/.

ны действовать в рамках афганского законодательства. «Не должно быть никаких параллельных структур, – категорически заявил советник президента Х. Карзай по иностранным делам Р.Д. Спанта. – Все должно быть в соответствии с нашим суверенитетом и конституцией»⁵. В апреле Х. Карзай объявил о том, что собирается созвать Лоя Джиргу для обсуждения вопроса об американо-афганских стратегических отношениях. Переговоры между представителями двух стран возобновились в июне. Однако стороны после долгих дискуссий так и не выработали приемлемый документ. Принятие соответствующего решения было отложено.

В рамках обсуждения долгосрочных контактов между США и Афганистаном встал вопрос о судьбе военных баз, на которых в настоящее время дислоцированы части американской армии. В стране нет однозначного мнения по этому вопросу. Так, брат президента Ахмад Вали Карзай считал, что закрепление за США на постоянной основе военных баз в стране предотвратит возможное вмешательство соседей Афганистана в его внутренние дела⁶. Однако сам президент подчеркивает, что этот вопрос должен решаться парламентом и старейшинами. США заняли осторожную позицию по этому вопросу. Впервые она была обозначена в конце 2010 г. госсекретарем Х. Клинтон, которая, подводя итоги ноябрьского саммита НАТО в Лиссабоне, где был одобрен план передачи правительству Афганистана функций по обеспечению безопасности в стране, подчеркнула, что США не планируют создавать в республике постоянные базы. Такой же позиции придерживается президент Б. Обама. Данная формулировка, однако, не исключает возможности обеспечить там долгосрочное военное присутствие Соединенных Штатов⁷. «Американские военные могут в течение длительного времени находиться в различных странах мира, не обладая там базами на постоянной основе», – заявил газете «Гардиан» представитель США⁸. Свое видение проблемы изложил командующий войсками НАТО в тот период в Афганистане генерал Петрэус, предложивший создать «совместные» афгано-американские базы. Выступая на слушаниях в сенатском комитете по обороне, он заявил, что «крайне важно остаться в регионе, в котором у нас столь жизненно важные интересы»⁹.

Обсуждение вопроса о будущем статусе военных баз в Афганистане вызвало обеспокоенность его соседей. Так, Иран заявил, что он категорически против сохранения американских военных баз у себя под боком. Россия и Индия также выразили Вашингтону и Кабулу свое беспокойство. Свое неодобрение высказал и традиционно политически нейтральный Китай.

Таким образом, уход войск США из Афганистана начался в сложных условиях. США оставляют при этом массу нерешенных проблем. В частности, не решена главная задача – покончить с терроризмом в Афганистане и регионе. Талибы и их союзники по-прежнему представляют здесь серьезную угрозу миру и безопасности. Хотя и значительно ослаблена, но не ликвидирована террористическая организация «Аль-Каида». Военные методы урегулирования ситуации, на которые делала ставку администрация Дж. Буша, не сработали. Теперь США вынуждены идти на переговоры с талибами. Этот путь непредсказуем и полон неопределенностей. Но сегодня ему нет альтернативы. Никто не может предсказать, что ожидает Афганистан после ухода войск США и НАТО. Всеобщая коррупция, наркотрафик, произвол уорлордов, организованная преступность, безработица – все это остается неотъемлемой частью сегодняшнего Афганистана.

[5] Jason Burke. Secret US and Afghanistan talks could see troops stay for decades. guardian.co.uk, Monday 13 June 2011.

[6] US Permanent Military Bases a Serious Need: Wali Karzai. Tolo news, March 14, 2011.

[7] Thom Shanker. General Sees Joint Bases for Afghans After 2014. New York Times, March 15, 2011.

[8] Лондон, 15 июня 2011// Корр. ИТАР-ТАСС Екатерина Венкина/.

[9] Thom Shanker. General Sees Joint Bases for Afghans After 2014. New York Times, March 15, 2011.

Между тем, есть основания полагать, что США уходят не окончательно: как они сами признают, у них здесь важные геостратегические, политические, экономические интересы. Из страны будут выведены лишь боевые части, однако военное присутствие США остается: им нужно противостоять Ирану, сдерживать Россию и Китай, не допускать утечки ядерного оружия Пакистана в руки террористов. К тому же американские геологи недавно обнаружили в Афганистане богатейшие запасы природных ресурсов, в том числе стратегического назначения. Как можно оставить так просто такую богатую кладовую?

Недавний визит госсекретаря Хиллари Клинтон в регион лишь подтвердил такого рода намерения США. В конце октября 2011 г. она посетила Пакистан, Афганистан, Узбекистан и Таджикистан. Основную и наиболее сложную задачу госсекретарь решала в Исламабаде. Во-первых, она попыталась снизить накал противоречий, возникший между двумя странами после ликвидации Усамы бен Ладена 2 мая текущего года в Абботабаде. Исламабад расценил устранение террориста американским спецназом как нарушение суверенитета Пакистана. Во-вторых, она была вынуждена признать ключевую роль Пакистана в урегулировании афганского конфликта и призвала его активно включиться в борьбу против собственных экстремистов, а также внести вклад в стабилизацию ситуации в Афганистане.

Особое значение было придано возможности использовать Пакистан для борьбы с группировкой Хаккани, которую США считают наиболее опасной для себя. Убедившись в том, что у пакистанцев нет особого желания нанести военное поражение отрядам Хаккани, госсекретарь предложила Исламабаду «зажать в тиски» эту группировку и принудить ее к переговорам. Впрочем, пока неизвестно, пойдет ли Хаккани на переговоры и к чему они могут привести. США оставили Пакистану возможность детально разработать план этой кампании. Резюмируя итоги встреч в Исламабаде, госсекретарь подчеркнула: «Важно, что мы достигли согласия в стремлении начать мирные переговоры»¹⁰.

Во время визита Х. Клинтон в Кабул речь шла о выработке двустороннего соглашения о рамках стратегических отношений, которое в мае минувшего года условились заключить президенты Барак Обама и Хамид Карзай. В процессе переговоров между сторонами вновь не было достигнуто согласия насчет условий использования Соединенными Штатами военных баз в Афганистане после 2014 года.

Во время посещения Душанбе и Ташкента Х. Клинтон больше говорила на традиционные темы – активное участие северных соседей Афганистана в его восстановлении, соблюдение прав человека и уважение религиозной свободы. Однако была и новая идея – создание «Нового шелкового пути», хотя Вашингтон носится с ней уже второй год.

Идея заняла центральное место на конференции под звучным заголовком «Безопасность и сотрудничество в сердце Азии», которая состоялась в Стамбуле 2 ноября сего года. В ней приняли участие делегации 14 стран: из России, Турции, Афганистана, Ирана, Узбекистана, Казахстана, Кыргызстана, Туркменистана, Таджикистана, Китая, Индии, Пакистана, ОАЭ и Саудовской Аравии. Ведущую роль на форуме взяли на себя США, которые вместо того, чтобы уделить главное внимание жизненно важному вопросу – примирению в Афганистане, тому, как запустить этот процесс, как «афганизировать» его, занялись геополитикой, пытаясь навязать региону создание возглавляемого Западом механизма региональной безопасности и интеграции по типу ОБСЕ. Известный индийский дипломат и публицист Бхадракумар назвал идею «сомнительным шаблоном новой архитектуры безо-

[10] M. K. Bhadrakumar. Hillary Clinton in Islamabad. Mission accomplished. Deccan Herald, 24 October 2011.

пасности для Центральной и Южной Азии» и «попыткой поставить телегу впереди лошади»¹¹.

В сущности, идея преследовала цель закрепить политическое и иное доминирования Запада, в первую очередь США в регионе после вывода войск НАТО к 2014 г., найти замену растущему влиянию ШОС, потеснить Россию и Китай. «Новый шелковый путь» – это модифицированный вариант «Большой Центральной Азии» эпохи президента Дж. Буша. Несмотря на смену названия, сквозь эту идею отчетливо проступают истинные цели США в регионе: получить прямой доступ к минеральным ресурсам региона посредством создания линий коммуникаций в обход России и Ирана. США стремятся также обеспечить для НАТО своего рода формальную, институциональную роль в региональной безопасности Центральной Азии.

Однако изначально идея оказалась обречена на неудачу. Довольно жестко против нее выступил Пакистан, который отметил, что ситуация в Афганистане радикально отличается от обстановки, сложившейся в Европе после окончания «холодной войны», и посему создание полноценного аппарата обеспечения безопасности в регионе абсолютно неприемлемо. Соседи Афганистана, по мнению Исламабада, могут играть лишь вспомогательную роль в обеспечении мира, безопасности и территориальной целостности страны, и вместо создания новых механизмов лучше сосредоточиться на выполнении существующих программ мира, безопасности и развития. Аналогичные взгляды выразили делегации России, Китая и Ирана.

Самым важным итогом конференции в Стамбуле, вероятно, можно считать намерение ШОС ускорить расширение своих рядов за счет принятия Индии и Пакистана в качестве полноправных членов. Об этом шла речь на недавней встрече министров иностранных дел Китая и России в Москве. Рассматривался также вопрос о предоставлении Афганистану статуса наблюдателя.

С учетом складывающейся ситуации в регионе можно полагать, что вывод войск США и НАТО не решит проблему, а лишь вызовет серию новых вызовов безопасности Афганистана и его соседей. Ситуацию могут даже усложнить попытки внерегиональных держав навязать свои схемы урегулирования кризиса, которые не совпадают с интересами стран региона. Поэтому, вероятно, следует ограничить участие Запада после 2014 г. ролью фасилитатора регионального процесса.

[11] M. K. Bhadrakumar. US's post-2014 Afghan agenda falters. Asia Times, 4 November 2011.

ПРОТИВНИКИ ЗАПАДНОЙ КОАЛИЦИИ В АФГАНИСТАНЕ: ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

ЛАЛЕТИН ЮРИЙ ПАВЛОВИЧ

Кандидат исторических наук, доцент Московского государственного института международных отношений, Московский Государственный Институт Международных отношений (У) Министерства иностранных дел РФ (Москва, Россия)

Помимо талибов и Аль-Каиды к лагерю противников западной коалиции в Афганистане примыкают мирные жители, недовольные бомбардировками селений, обысками домов, бесцеремонными вторжениями на женскую половину дома и т. п. Немалую роль в сопротивлении играют также пуштунские племена, что связано с целым рядом обстоятельств, рассмотрению которых и посвящена настоящая статья.

Нетерпимость племен к иностранному военному присутствию

Афганцы не терпят иностранного присутствия на своей территории. Особенно это относится к племенам, для которых территория их проживания является собственностью племени. Ни один человек не может появиться на земле племени без разрешения ханов. Не говоря уже о присутствии иностранных войск. Вследствие подобного обстоятельства одними из противников западной коалиции выступают лашкары – вооруженные ополчения племен.

Три англо-афганские войны показали, что афганцев невозможно завоевать вследствие их воинственности, ставшей неотъемлемой чертой характера пуштунов.

К этнопсихологическим особенностям характера пуштунов следует отнести любовь к свободной, самостоятельной жизни, гордость (граничащую с высокомерием), командирский комплекс; эмоциональность, гостеприимство, религиозность. А неоднократные набеги чужеземных завоевателей добавили к названным выше чертам воинственность и презрение к смерти.

Гордый боевой дух пуштунов, их храбрость и воинственность находят свое выражение в таком принципе кодекса чести как тура (доблесть, мужество, отвага). Само слово «тура» имеет первоначальное значение «меч», что указывает на то, что репутации турйалай можно добиться, только проявляя особую доблесть и отвагу в бою за верное и справедливое дело. Тура означает честь самоотверженного пуштуна. Этот принцип неразрывно связан со свободолюбием пуштунов, со свято охраняемыми традициями освободительной борьбы, с безусловной обязанностью участвовать в священной войне, в войне за веру.

Культе оружия и чести – парадигма сознания афганцев. Каждый помнит слова Хушкаль-хана Хаттака: «Если ты не любишь оружия, тогда не называй себя мужчиной»². В соответствии с древней традицией ношение оружия

[1] Материалы Международной экспертной встречи «Афганистан в 2001-2011 гг.: на пути к устойчивому государству и обществу», Дубай (ОАЭ), 8-9 ноября 2011 г.

[2] Цит по: Атаи М.И. Ды паштано кабиле истаила и камус. – Кабул, 1358 г. х. – С. 9

для пуштунов столь же обязательно, как, например, и ношение чалмы. Об их отношении к оружию говорит известная афганская пословица: «Для женщин украшение не в тягость, а для мужчин – оружие».

Свободолюбие и гордость пуштуна вошли в поговорку. Они доходят до того, что афганец не признает над собой никакой власти. Гордость ведет к тому, что пуштуны нелегко принимают советы, не любят признавать, что они не правы, не любят подчиняться. Как отмечает А. Ахмед, «у пуштунов каждый человек считает себя ханом или руководителем. Групповую лояльность и дисциплину трудно поддерживать среди них»³. «Афганцы – храбрый, энергичный и свободолюбивый народ... Только их неукротимая ненависть к государственной власти и любовь к личной независимости мешают им стать могущественной нацией»⁴. Крайний индивидуализм сочетается с личной преданностью одного человека другому (члену племени, старейшине или вождю) и отсутствием верности «чужому».

Любовь к свободе выражается также в том, что с появлением врага прекращаются все распри, и обеспечивается сплоченность афганцев. Они объединяются в борьбе с внешним врагом. Устанавливается временное перемирие, длящееся до изгнания иноземцев с территории полосы племен. Именно это обстоятельство лежит в основе пуштунской пословицы: «Афганцы живут в мире только тогда, когда находятся в состоянии войны». Одна из важнейших черт – борьба против всех чужаков. Об этом свидетельствует, например, поведение пуштунов в периоды англо-афганских войн, происходивших в 1838-1842, 1878-1880 и 1919 годах, наиболее активную роль в которых играли пуштуны-гильзаи. Именно они в январе 1842 г. разгромили 14-тысячную английскую армию в Хурдабульском ущелье. А. Е. Снесарев в этой связи писал: «Нет сомнения, что какие бы искусственные меры ни предпринимали англичане, как бы ни сыпали золотом, в роковую минуту большой войны афганская группа сольется в одну единодушную семью, а не пойдет врозь. Здесь сыграют роль и родственные связи, и общая история, и одинаковая ненависть к англичанам, одинаковые национальные интересы – и вообще много данных, которые заставят афганцев работать дружным союзом»⁵. Он же приводит высказывание, бытующее у пуштунов, которое они употребляют, отвечая на напоминание о межплеменной вражде: «Пусть мы бедны и у нас льется кровь... Это наше внутренне дело, но мы, афганцы, всегда и прежде всего свободны»⁶.

Любое вторжение в зону расселения того или иного племени или даже просто появление там посторонних вызывает негативную реакцию вождей племен. Их возмущает, например, то, что при строительстве дороги через их территорию у них не спрашивают разрешения, а переговоры ведутся только с кабульскими представителями. Они настолько уверены в своей правоте, что признают свою причастность к покушению на жизнь сотрудников негосударственных организаций, оказывавшим местным властям помощь в строительстве дорог, мостов, школ. «Карзай должен осознать, что он ничего не сделает без поддержки местных племен», – говорят они⁷.

Коллективная память

Подобное отношение племени к территории своего расселения вызвано ролью коллективной памяти и особенностями менталитета членов племени. Поскольку в их мировоззрении племя всегда оказывается в центре внима-

[3] Ibid. – P. 232

[4] Энгельс Ф. Афганистан // К. Маркс и Ф. Энгельс. Собрание сочинений, 2-е издание. – Т. 14. – С. 78

[5] Снесарев А.Е. Афганистан. – М.: Госиздат, 1921. – С. 93

[6] Там же. – С. 99.

[7] Key to governing Afghans: the clans. By Scott Baldauf // The Christian Science Monitor. – New York, 2004. – June 24.

ния и в центре мира, то его территория выступает священной. Рассмотрим подробнее некоторые черты племенного мирозерцания.

В условиях сохранения племенной организации главной чертой мышления выступает непрерывное означивание, создающее символический универсум⁸. Данная процедура служит основным механизмом регулирования жизни в племени. Дело в том, что племя придает значение, смысл каждому событию окружающего мира, в том числе природному. Поэтому каждая вещь имеет множество смыслов. Любое событие становится неким знаком и символом, не допускается ни одно событие, которое не было бы предварительно означено. Символические же системы обладают той особенностью, что символы порождают символы, мало затрагивая реальность, а порой и вообще не имея никакого отношения к ней.

Поэтому в таком сообществе не бывает никаких изменений. Ни одно событие для племени не может произойти впервые, все уже было. Каждое событие вписывается в историю племени. Неотъемлемой частью преданий становится рассказ обо всем значительном, что произошло на земле и в мире вплоть до сотворения последнего. В результате племя рассматривается существующим со времен возникновения мира.

В этих условиях для афганцев не составляло особого труда вписать в историю племен даже ислам, возведя свою генеалогию к Кази Абдуллаху (Кайсу), который принял мусульманство и умер в возрасте 87 лет в 662 г. В такой мифологической картине мира племя всегда оказывается в центре внимания, а все что не имеет к нему прямого отношения, в частности государство, вытесняется на периферию. Но чтобы племя могло осуществлять такие процедуры, оно должно обладать колоссальной памятью. Любое событие перекодируется в рамках этой памяти. Особенно велика в этом отношении роль рассказов и песен. Именно они обеспечивают приобщение все новых поколений к истории племени, осуществляя тем самым передачу традиции. Рассказы и песни «объясняют историю группы и оправдывают ее существование». Помимо этого, «они определяют основные личностные типы, половозрастные роли и нормы поведения внутри группы и вне ее»⁹. Таким образом, коллективная память оказывается главным средством обеспечения выживаемости племени. Коллективная память обеспечивает и сохранение власти традиционных лидеров.

Традиционная элита

Реальной элитой в Афганистане являются традиционные лидеры в лице ханов – верхушки племен и кланов. Они представляют собой центры власти. А властные отношения помимо генеалогии основаны также на патронаже, когда престиж и власть пропорциональны распределяемому личному богатству. Это явление составляет неотъемлемое свойство племени и сопровождается последним на всем протяжении его существования. Именно оно представляет собой суть и основу некоей общности, которая формируется вокруг того или иного лидера. С давних времен в афганских племенах тот получает больше влияния и обретает власть, кто больше дает, раздает, распределяет, или, по крайней мере, отдает часть того, что получил, и тем самым обретает больше сторонников – клиентов. «Своей щедростью и нужностью тем, кто в нем нуждается, хан всегда должен показывать, что он – единственное лицо, достойное выполнять эту функцию»¹⁰. Поэтому власть дается человеку необязательно на всю жизнь. Как гласит афганская пословица, «нет хана без дастархана» (без скатерти, то есть накрытого стола). В этом состоит суть

[8] См.: Левин-Стросс К. Эффективность символов / Структурная антропология. – М.: Наука, 1983. – С. 165-183.

[9] Louis Dupree. Functions of Folklore in Afghan Society // Asian Affairs. – 1979. – № 1. – Vol. 66. – P. 51

[10] Ibid. – P. 23

важнейшего положения «кодекса чести пуштуна» паштунвала (буквально «пуштунство», «статус пуштуна») – гостеприимства, выступающего принципом организации власти. Каждый глава семьи имеет худжру – дом для гостей, являющийся средством, благодаря которому собственник в конкуренции с другими собственниками добивается власти и влияния¹¹. Если его худжра признана, то он может стать ханом. Последний должен обеспечивать других едой, посредничать в их спорах и защищать интересы сообщества перед лицом государства. Ясно поэтому, что вождь клана, племени, помещик в глазах зависимых от них крестьян и скотоводов были не столько эксплуататорами, сколько естественными покровителями, защитниками против всяких «чужаков» (других племен, народностей, государства и т. п.)¹². Неудивительно поэтому, что земельная реформа, начавшаяся в декабре 1978 г. именно в «зоне племен», была там обречена на поражение: крестьяне землю не брали, которая к тому же «не богом дается». Подытоживая рассмотрение обязательств хана, отметим, что в целом он выполняет функции властителя и посредника. Его задача – объединять ряд семейных единиц племенного общества в более или менее единое социальное поле¹³.

Процесс обретения власти можно условно разделить на четыре этапа: 1) накопление богатства; 2) накопление числа зависимых; 3) накопление престижа и влияния; 4) генеалогическая легитимация.

В XIX в. руководителя племени стали выбирать из определенного рода (старшего, или ханского, называемого хан-хель или сар-хель (сар – «голова»)). Тем не менее, при выборе вождя определяющими являются личные лидерские качества, прочные финансовые позиции и связи с местными политическими кругами. А принцип патронажа как основной используется теперь для выявления тех, кто стремится к влиянию, не закрепленному институционально. Таких ханов может быть несколько в одной группе.

В результате в XIX в. слово «хан» приобрело два значения:

- 1) глава племени (в таком значении оно используется и у таджиков);
- 2) влиятельный в племени человек. Второе значение в более конкретном плане выражается в том, что у дуррани вокруг Кандагара ханом называется любой землевладелец, а у гильзаев – человек, чей авторитет выходит за пределы его хозяйства¹⁴.

Под влиянием племенной организации отношения «патрон-клиент» распространились на все общество. Сами ханы выступали клиентами по отношению к центральной власти.

Используя это обстоятельство, центральное правительство до апрельского переворота 1978 г. предпринимало целый ряд мер, пытаясь встроить ханов племен в элиту. Власти привлекали лидеров племен и их родственников на государственную и военную службу, предоставляли им места в парламенте, держали некоторых из них заложниками в столице, наделяли земельными угодьями вне пределов «зоны племен», направляли молодежь на учебу. В результате ранее могущественные ханы племен вошли в состав и растворились в буржуазно-помещичьей и бюрократической верхушке, перестав существовать как особый элемент социальной структуры. Использовались и такие методы как противопоставление одних племен другим, игра на многочисленных противоречиях и т. д.

[11] Michael Barry. *La resistance afghane*. – Paris, 1989. – P. 150. Автор отмечает, что в 1980-х гг. этот институт приобрел и другое значение. Худжра поддерживала функционирование политических партий, поскольку там бывает масса людей, их угощают чаем и т. п. В результате идеология уступает место семейным и этническим связям (С. 151).

[12] Умнов А. Ю. Социально-политическое развитие Афганистана и национальный вопрос // Национальный вопрос в странах Востока. – М.: Наука, 1982. – С. 247.

[13] Anderson, Jon W. Khan and Khel: Dialectics of Pakhtan Tribalism. // in: Richard Tapper (ed.). *The Conflict of Tribe and State in Iran and Afghanistan*. – London-Canberra-New York: Croom Helm, 1983. – P. 140

[14] *Ibid.* – P. 133

Однако государство так и не смогло достичь полной концентрации всей власти на территории «зоны племен». Каждое пуштунское племя, каждый клан продолжали занимать свою строго определенную территорию. Губернатором провинции, территорию которой населяли те или иные племена, обычно назначался знатный сардар-дуррани.

Значительная часть горных пуштунов в приграничных провинциях Кунар, Нангархар, Пактия и Заболь продолжала находиться под сильным влиянием местных авторитетов (маликов, старейшин, мулл), некоторые из приграничных племен (хугиани, шинвари, мангал, джадран, джаджи, ахмадзаи, тани и др.) сохраняли полувоенные отряды для защиты своих традиционных территорий, пастбищ, лесных участков и горных проходов, имели значительную степень автономного управления на уровне деревень и даже волостей¹⁵. Даже в наши дни существуют административно-территориальные единицы, население которых состоит из клана того или иного племени. В провинции Пактия, например, в середине 80-х годов границы 16 из 23 административно-территориальных единиц совпадали с территориями расселения пуштунских племен или их кланов: уезд Джаджи (основное население – джаджи), уезд Тани (основное население – тани), уезды Важе-Джадран и Спера (основное население – джадран), уезд Муса-хель (основное население – клан муса-хель племени мангал), уезд Джани-хель (основное население клан джани-хель племени мангал) и др. В провинции Нангархар уезд Махмандара и волость Лалпур заселены момандами, уезд Назиан – шинвари и т. д.¹⁶

Неполной была и экономическая интеграция «зоны племен» в общеафганские рыночные связи: хотя практически все ее районы были в той или иной степени охвачены процессами общественного разделения труда и специализации в рамках Афганистана, население провинций, непосредственно примыкающих к «линии Дюранда», в своем экономическом развитии больше ориентировалось на пакистанские рынки. В связи с этим в сознании части оседлых жителей этих пограничных районов, а также кочевников – убури (т. е. транспограничных), не утвердилось прочного представления об их принадлежности к Афганистану, существовали представления о межгосударственном положении их племенных территорий. Нередко в ответ на притеснения властей местные жители покидали свои деревни и уходили в районы пограничных племен за «линию Дюранда». Транспограничная солидарность пуштунов, сложившаяся в древний обычай под влиянием близкого соседства, экономических связей и этнической общности, закреплена в неписаном «кодексе чести» «паштунвала». Эта солидарность часто проявлялась в ходе борьбы афганских и зарубежных пуштунов против центральной власти, угнетателей и колонизаторов в форме взаимного укрывательства преследуемых властями беглецов, обеспечения их кровом и продовольствием, а также военной поддержки.

В условиях же гражданской войны эти тенденции усилились, и племена самоизолировались. В настоящее время страна остается фрагментированной. Ханы племен осуществляют всю полноту власти на своих территориях и полностью независимы от государства. Вожди племен и полевые командиры возглавляют в своих районах отряды от 100 до 1000 человек.

В результате в сегодняшней политической системе Афганистана пуштунские элиты представлены достаточно слабо, а их интересы во власти не представлены вообще. В настоящее время отсутствует сама возможность для лидеров пуштунских племен играть более существенную роль в Кабуле, поскольку все отмеченные выше тонкие механизмы не используются. Меж-

[15] Там же. – С. 13.

[16] Ганковский Ю. Полоса пуштунских племен // Специальный бюллетень ИВАН. – 1987. – № 6. – С. 105.

ду тем афганский исторический опыт показывает, что отсутствие поддержки племен делает правительство слабым. Во многом это связано с сохранением в коллективной памяти того факта, что государство было создано ханами пуштунских племен. Они все время сохраняли свое влияние на властителей страны. На протяжении 200 лет племена представляли собой второй центр силы наряду с Кабулом. Ситуация начала меняться в 1950-х гг., когда иностранная помощь позволила укрепить афганскую армию. Однако парадокс заключается в том, что через некоторое время и сама центральная власть оказалась ослаблена.

Помимо отстраненности традиционной элиты от власти интересы пуштунов из небольших городов и сельских районов представляют в настоящее время совсем не кабульские власти, а движение талибов. Возможно, именно этим обстоятельством вызваны неоднократные попытки властей начать переговоры с талибами и даже контакты с ними представителей Х. Карзая с целью интеграции их в государственно-политическую систему страны.

Так смыкаются интересы талибов (и «Аль-Каиды»), рядовых членов племен и ханов. Больше половины племен не поддерживают правительство. В этих условиях наиболее эффективным представляется не направление дополнительных войск в Афганистан и даже не столько укрепление Афганской национальной армии и полиции (хотя и это необходимо), сколько налаживание тонкой сети взаимодействий с племенами и их вождями.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ ДОЛГОСРОЧНОГО ПРЕБЫВАНИЯ США В АФГАНИСТАНЕ¹

ПЛАСТУН ВЛАДИМИР НИКИТОВИЧ

Доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Новосибирского государственного университета (Новосибирск, Россия)

Обещания США и их союзников вывести свои войска из Афганистана к 2014 г. сопровождаются многочисленными оговорками и интерпретациями из Белого дома, что не вселяет надежды на сравнительно скорую стабилизацию в Афганистане, напротив – порождает сомнения относительно дальнейших действий США в регионе.

На состоявшихся 3 мая 2011 г. слушаниях в Комитете по международным отношениям Сената США бывший претендент на должность президента Джон Керри (John Kerry) совершенно определенно заявил: «Бен Ладен уничтожен, но борьба с насилием и ненавистью, которые он разжег, не закончена». Сенатор отверг мысль о том, что теперь надо выводить американские войска «в ускоренном порядке»: «Мы не станем этого делать. Но теперь уже недостаточно просто обозначить наши цели. Нам надо определиться, какого рода Афганистан мы планируем оставить после себя».

Высказывались на слушаниях и другие мнения. В частности, отмечалось, что политика США в ИРА обходится слишком дорого и плоды ее представляются сомнительными, так как замыслы выходят за рамки возможностей для бюджета Соединенных Штатов. В этой связи указывалось, что содержание «стотысячного американского контингента» не оправдывает на него расходы в 100 млрд. долл. в год. Некоторые посчитали, что в борьбе с терроризмом необходимо придерживаться «более узконаправленной и ограниченной стратегии», поскольку война в Афганистане превратилась из «неизбежной войны» в «войну, которой можно избежать»².

Думается, что афганской войны можно было бы избежать, если бы американские политики действительно преследовали объявленную Дж. Бушем цель – найти и уничтожить «врага №1 США» Усаму бен Ладена. На деле же, как неоднократно говорилось, одним из основных (если не основным) мотивов проникновения и закрепления Запада в Средней Азии была (и остается) попытка «тихой сапой» установить контроль над регионом, богатым запасами редких полезных ископаемых, в том числе залежами урановой руды.

Военные эксперты указывают на то, что Афганистан – «это очень удобная, фактически неограниченная никакими соглашениями или договорами площадка для развертывания всех типов вооружений, включая и тактические ядерные». Модернизация ими аэродромов позволит им «доставать отсюда и до китайских ядерных центров, и будоражить с этих позиций Пакистан, создавая ситуацию нестабильности». Разместившись в Афганистане, американские войска занимают позиции в тылу постсоветской Средней Азии,

[1] Международная конференция «Сценарии для Афганистана и трансформация региональной безопасности, Алматы, 9-10 июня 2011 года

[2] Ваиц Р. Афганистан: Сенат США размышляет о последствиях уничтожения Бен Ладена для Афганистана. – <http://russian.eurasianet.org/node/58665>, 05.05.2011.

слева – Иран и выходы к Каспийскому морю. Индия – тоже рядом. Натовские военные базы в Кыргызстане, Узбекистане и Таджикистане практически уже существуют³.

Затянувшееся десятилетнее пребывание на территории ИРА войск США и МССБ во главе с НАТО доказывает, что стратегическая линия центрально-азиатской политики Вашингтона не претерпела изменений. Варианты вроде бы просматриваются, но основной целью остается настрой на «окапывание» в регионе с использованием прежней классической аргументации – борьба с терроризмом. А варианты видятся в том, что из текстов речей и статей в СМИ постепенно исчезли определения «исламский» или «исламистский», что, видимо, должно означать отказ от оценки терроризма с привязкой к определенному вероисповеданию. Тем не менее, надо признать – война идет против мусульман на их территории, и гибнут на своей земле мусульмане от рук немусульман.

Советник по вопросам обороны премьер-министра Великобритании генерал Р. Даннат в мае 2010 г. заявил, что война в Афганистане – это война с исламом, что «существует исламистская программа, влияние которой, если мы не будем ему противостоять в Южном Афганистане, в Афганистане или Южной Азии, будет расти» [“There is an Islamist agenda which if we don’t oppose and face it off in southern Afghanistan, or Afghanistan, or in South Asia, then frankly that influence will grow”]. По его словам, мусульманская самобытность приемлема в том случае, если мусульмане будут разделять политические ценности Запада, но политические идеи ислама, в частности систему халифата, встретят силовой ответ со стороны Британии⁴.

Ответные действия перманентно окрашиваются в религиозный цвет. Нельзя не заметить и ужесточившегося противостояния в самой умме на основе обострения суннитско-шиитских отношений, но некоторые мусульманские авторитеты пытаются перевести их в область антихристианских выступлений. Во всем этом явственно слышится отзвук непрекращающейся войны в Афганистане.

Казахстанский эксперт в области международных отношений Ж. Султанбекова с тревогой писала: «Сейчас формулировку “афганский синдром” уже можно считать в целом диагностической. В развитие сегодняшних событий в Афганистане уже реально втянут израильско-палестинский конфликт, Иран с его ядерной программой, Пакистан с Северо-Западной пограничной провинцией (СЗПП), ваххабизм проамериканской Саудовской Аравии, Северный и Южный Йемен, Узбекистан, Таджикистан, Казахстан, Россия, Кыргызстан, через транзит невоенных грузов, техническую и частично военную помощь».

На Ближнем Востоке, в Центральной Азии, подчеркивает она, «формируются условия, которые, скорее всего, будут иметь необратимый характер, уже набрана критическая масса, которая приближается к точке невозврата... В поляризованном мире жилось проще, там было все предсказуемо, и там знали врага в лицо. Сегодня вырисовывается самое мощное в истории человечества “столкновение цивилизаций”, сейчас мир сам себе враг и это страшно»⁵.

В годы «холодной войны» происходила постепенная интеграция радикализма в сознание определенной части мусульман в разных странах мира. «Холодная война», кстати, не закончилась, а по большому счету она вообще не заканчивалась. Но это было вчера, а сегодня США и Запад вновь подвергают мир опасности. Натовские бомбардировки в Ливии наводят на мысль о

[3] Ивашов Л. Афганистан для США – плацдарм для тотального мирового контроля // Военное обозрение. – 2010. – 30 июня. – <http://topwar.ru/620-afganistan-dlya-ssha-placdarm-dlya-totalnogo-mirovogo-kontrolya.html>

[4] Afghan war is war on Islam: UK PM advisor // The Nation, May 17, 2010 – <http://nation.com.pk/pakistan-news-newspaper-daily-english-online//Politics/17-May-2010/>

[5] Султанбекова Ж. Дао войны // Деловая неделя (Казахстан). – 2010. – 5 марта.

намерениях западников во главе с США сделать из нее второй Афганистан. Похоже, очень скоро сделают! В дальнейшем все это может самым серьезным образом сказаться на ситуации в Центральной Азии, где в разгаре война между НАТО и исламской оппозицией, а американцы ясно дают понять, что готовы применить спецназ и на территории южных стран СНГ.

Эксперты и политологи обоснованно считают, что США «создают источники хаоса и используют их в своих интересах». Так было с Аль-Каидой, с талибами, с режимом Саддама Хусейна: сначала создают и поддерживают, а потом объявляют террористами и вводят свои и натовские войска. Применяя «концепцию сетевых войн», они играют двумя руками, используют противников в своих целях и наносят удар по союзникам. Задача США в ЦА состоит в том, чтобы установить «управляемый хаос». Создание или поддержание тлеющих конфликтов – «один из способов управления» потоками энергоресурсов. Например, таким путем достигается консервация региональных запасов нефти и газа и недопущение их поставок конкурентам⁶.

Российская позиция в отношении всех этих событий, к сожалению, не отличается формулировкой своей четкой позиции. Москва сосредоточивает внимание на своем активном участии в борьбе с наркотрафиком, что, конечно же, заслуживает всяческой поддержки. В то же время, в ходе недавних переговоров секретаря Совбеза РФ Н. Патрушева с президентом Афганистана Х. Карзаем российской стороной было заявлено, во-первых, о том, что «настало время для получения Афганистаном статуса наблюдателя в ШОС». Во-вторых, по словам Н. Патрушева, «Россия заинтересована в становлении Афганистана как суверенного и независимого, процветающего и нейтрального государства и по мере возможности будет оказывать содействие в восстановлении экономики страны и создании собственных эффективных силовых структур»⁷.

Высказывая благодарность России за содействие в «войне против терроризма», Вашингтон не упускает из виду промежуточную, но очень важную задачу – заполучить Россию в качестве союзника в противостоянии с миром ислама. При этом используются методы, позволяющие представить дело таким образом, чтобы исламский мир воочию убедился в существенном вкладе роли России в борьбу США и НАТО с исламской оппозицией: сначала разрешение Москвы на транспортировку только невоенных грузов для войск НАТО в Афганистане, теперь – уже и военных. 20 апреля 2011 г. Госдепартамент США торжественно заявил о том, что считает тысячный рейс по доставке грузов США и НАТО и обеспечению военной операции в Афганистане «ключевой вехой в сотрудничестве с Россией». Двустороннее соглашение о поддержке операций в Афганистане «позволяет США обеспечить наиболее необходимые дополнительные возможности и гибкость». Оно дополняет аналогичный договор между НАТО и Россией, в рамках которого по железной дороге через территорию РФ и стран Центральной Азии перевезено более 25 тыс. контейнеров. В Вашингтоне сотрудничество с Россией считается «критически важным» для доставки грузов США и НАТО и обеспечения военной операции в Афганистане⁸.

Вашингтон очень хочет сохранить в своей игре такого важного и влиятельного игрока как Россия под девизом злободневности решения общих «антитеррористических» проблем, исподволь преследуя собственные цели. Мнение «Al-Ahram Weekly»: «Борьба с терроризмом является американ-

[6] Дугин А. Евразийский ответ глобализации // Политический журнал. – 2009. – № 3-4.; Князев А. США в ЦА: поддерживать провокаторов и террористов, 13.04.2011. – <http://www.ann.kg/news/358/>

[7] Российская газета, 14.03.2011. – <http://www.rg.ru/2011/03/14/afghanistan.html>

[8] Полит.ру, 21.04.2011. – <http://www.polit.ru/news/2011/04/21/transit.html>

ским «яблочным пирогом», который привлекает русских»⁹. Очень хочется возразить, но...

Северный путь снабжения войск НАТО – это единственный безопасный маршрут. России такую услугу компенсируют деньгами: за каждый контейнер, проследовавший через российскую территорию, РФ получает 1800 долл., а когда коалиция решит выходить из Афганистана, она сможет заработать на этом маршруте 54 млн. долл.

Это – о финансах. Однако если российское руководство объявляет о политической заинтересованности в скорейшем окончании, то оно должно иметь возможности влиять на ситуацию. Высказывается мнение, что «наши» в любой момент могут пережать северную «аорту» транспортного снабжения, без чего «военным НАТО долго не прожить»¹⁰. И все-таки моральный фактор в данной ситуации имеет большее значение. Ведь получается, что афганцам предоставляется возможность заявить, что те самые шоурави, которые воевали против нас, теперь помогают американцам убивать афганцев.

«Элита» независимых среднеазиатских государств ЦА занимается (видимо, «на паях» с российской) обустройством американских и коалиционных войск. Западная стратегия ощущает поддержку и внутри России, где часть такой же «элиты» стремится контролировать российскую экономику. Ее незаметными усилиями настроения российского социума пропитываются идеями шовинизма и исламофобии. В афганскую войну втягиваются все новые государства (в том числе и не члены НАТО), что свидетельствует о выходе афганской войны за пределы региона.

Н. Патрушев в Кабуле выразил желание России видеть Афганистан, помимо всего прочего, «нейтральным государством». Он таковым и был, собственно говоря, до ввода советских войск. Он мог бы таковым и остаться после нашего ухода, если бы не «разогретый» Вашингтоном пресловутый «исламский фактор», который действует и поныне, но под другим «соусом». Об этом весьма близко к реальности пишет З. Гулиев в своей статье «От “исламской угрозы” к “исламской демократии”?»¹¹.

«Располагая возможностями контроля над исламским миром, – пишет автор, – Америка сумеет по своему прагматическому усмотрению манипулировать ходом развития “третьей волны демократизации” и построением нового миропорядка. В этом процессе важную роль еще несколько десятилетий будет, несомненно, играть стратегия манипулирования нефтяным фактором. Ныне динамика цен и спроса на нефть явно указывает на то, что манипулирование этими параметрами предоставит Америке возможность управления новым миром, экономическая инфраструктура которого все более зависит от потока нефти и газа. Системой “раскачки цены” и “квотирования потока” по шкале минимум-максимум можно будет создавать управляемый экономический, а затем и политический хаос почти в любой стране. Понятно, что жертвами этой опасной глобальной стратегии, наряду со странами “оси зла”, могут со временем стать и некоторые европейские оппоненты США (например, Франция, Германия и др.), а также Китай, Япония, Индия, Бразилия, Турция и т. д., с их непомерно усиливающимися политико-экономическими амбициями и нефтегазовыми аппетитами».

Игра вокруг Афганистана усложняется и становится все более противоречивой. В 2014 г. вряд ли произойдет полная передача власти правительству Кабула в его нынешнем виде. Обстановка усугубляется действиями в регионе БСВ уже третьей за последнее десятилетие коалицией США и НАТО, что означает увеличение масштаба проблем при решении западных схем урегу-

[9] Al-Ahram Weekly: Международный терроризм как сфера геополитической игры великих держав, 13.05.2011 // Перевод – “Zpress.kg” – URL: <http://tazar.kg/index.php?dn=news&to=art&id=2094>

[10] Вяткин Я. Россия – аорта снабжения НАТО в Афганистане // Аргументы недели. – 2011. – 4 мая.

[11] См.: www.regnum.ru/news/polit/1395698.html. 18.04.2011.

лирования в ИРА, где уже не первый год активно действуют «бойцы джихада», в том числе из Ливии, некоторые из них занимают видные посты в руководстве «Аль-Каиды». Теперь они «перетекают» обратно в Ливию и другие страны БСВ. Даже если информация о смерти Бен Ладена окажется достоверной, это вряд ли что изменит в стратегии США; разве только в тактике.

Германский политолог Й. Хепплер считает, что ликвидация «террориста № 1» вряд ли «значительно повлияет на международную безопасность»: «Это скорее важный символический успех для политики США. Усама бен Ладен уже давно не играл существенной роли в организации терактов. Он был скорее символической фигурой». Тем не менее, его смерть может стать аргументом, подтверждающим выполнение одной из главных задач и облегчающим вывод коалиционных сил из Афганистана¹².

«Нефтегазовые амбиции» и «стратегия манипулирования нефтяным фактором» упомянуты не зря. Выступая в Дании и коснувшись событий в Ливии, В. Путин напомнил европейским борцам за права человека о том, что они должны осознавать свою ответственность, когда «все так называемое цивилизованное сообщество всей своей мощью наваливается на небольшую страну, уничтожает инфраструктуру, создаваемую поколениями». А потом высказал свое мнение о подоплеке действий США и НАТО: «Ливия, между прочим, по запасам нефти занимает первое место в Африке, а по запасам газа – четвертое. Напрашивается вопрос – не это ли является основным предметом интереса тех, кто там сегодня орудует?»¹³. Слова В. Путина, по-моему, нужно рассматривать не как вопрос, а как утверждение. Россия тоже должна «играть двумя руками», не прогибаясь перед НАТО.

Причем, стоило бы внимательно присмотреться к позиции Китая. Известно, что среди иностранных компаний, занимающихся добычей нефти в Ливии, первое место занимала китайская The China National Petroleum Corp (CNPC), через посредство которой 11% ливийской нефти отправлялось в КНР. Вряд ли можно представить, что американцы могли равнодушно наблюдать за таким вторжением в их зону влияния. По имеющейся информации, США находились в процессе подготовки к очистке поля своей деятельности в Ливии. Об этом говорит тот факт, что американские Chevron и Occidental Petroleum в октябре 2010 г. «решили не продлевать свои лицензии на добычу нефти и газа в этой стране»¹⁴.

Намечающееся подписание договора о стратегическом партнерстве между США и Кабулом однозначно подтвердит победу стратегии США – американским военным базам в ЦА быть. По некоторым данным, сейчас в ИРА имеется 28 баз США и НАТО, из них 13 авиабаз, что позволяет контролировать такие страны Евразии как Россия, Китай, Иран, Индия и заодно охранять запасы нефти в странах Персидского залива и на Каспии. Из этих районов США к 2025 г. планируют получать до 60% импортируемой нефти. Следовательно, речь идет о закреплении в регионе военно-экономическими методами. Только под таким углом можно рассматривать заявление генерального секретаря НАТО, который, поздравляя афганский народ с Ноурузом в марте 2011 г., заявил: «В рамках деятельности миссии МССБ наш подход не изменился – мы вместе пришли, вместе и уйдем. Мы взяли на себя обязательство не допустить возникновения вакуума безопасности, который является благодатной почвой для экстремизма»¹⁵.

[12] Немецкая волна – http://www.dw-world.de/dw/article/0,,45044384,00.html?maca=rus-rss_ru_analitika_politika_i_obschestvo-5744-xml-mrss.02.05.2011.

[13] Путин: Никто не позволял казнить Каддафи // Взгляд. Деловая газета. – 2011. – 26 апреля. – <http://www.vz.ru/news/2011/4/26/486897.html>

[14] Пустовойтова К. Ирак, Ливия и «список Хоссеусовского» // Империя. Информационно-политический портал – <http://www.imperiya.by/politics-19625.html>, 24.04.2011.

[15] Андерс Фог Расмуссен. Афганцы у руля // Афганистан.ру – <http://www.afghanistan.ru/doc/19768.html>. 22.03.2011

Как на этом фоне будет развиваться ситуация после начала вывода войск США и МССБ?

Профессиональный востоковед, бывший посол России в Афганистане М. Конаровский считает, что, с одной стороны, правительство ИРА во главе с Х. Карзаем пользуется международным признанием и внешней поддержкой, хотя внутренняя нестабильность создает перманентную питательную среду для военно-политической активности «талибов» и транснационального терроризма. В Центральной Азии очаги этой нестабильности подпитываются и за счет деятельности таких организаций как ИДУ и «Хизб-ут-Тахрир». Дестабилизирующее воздействие сказывается и на Пакистане. Кстати, директор кабульского Центра изучения конфликтов и мира Хекмат Карзай в своем недавнем интервью особо отметил, что «самая мощная и опасная группа» сторонников оппозиции – это пакистанские талибы. Они наиболее склонны к насилию, превосходя в этом афганских талибов»¹⁶.

При этом ситуация усугубляется и превращением Афганистана в основной мировой центр производства героина.

Как видим, количество региональных игроков на афганском поле значительно расширилось, каждый имеет собственные интересы и по-своему стремится повлиять на обстановку. Этим, естественно, не преминет воспользоваться Запад, чтобы попытаться уменьшить груз собственных расходов, вовлекая в решение афганского конфликта другие (прежде всего соседние) государства. Сохранение напряженности на Ближнем Востоке также отвлекает финансы США и Запада от решения чисто афганских проблем. В такой обстановке Кабул постарается не упустить возможность для продолжения своей традиционной политики балансирования и использования в своих интересах противоречий внешних сил¹⁷.

Президент ИРА Х. Карзай, после сообщения о ликвидации Усамы Бен Ладена вновь призвал талибов к переговорам и повторил свои предыдущие утверждения о том, что терроризм базируется на территории Пакистана. «Нью-Йорк Таймс» цитирует слова Карзая: «Борьба с терроризмом должна вестись в его гнездах, в тренировочных лагерях и центрах его финансирования, а не в Афганистане. И сегодня было доказано, что мы были правы». Афганские аналитики в основном разделяют мнение президента ИРА, однако, вместе с тем, выражают и опасения по поводу дальнейшего развития событий. В частности, высказывается мнение о нежелательности вывода войск США из страны, пока окончательно не уничтожена сеть «Аль-Каиды». Талибы могут активизироваться, но они не одинаковы, часть талибов не воспринимает идеологию «Аль-Каиды» и «представляет собой национальное движение», оно «является независимым движением в пределах Афганистана». Подчеркивая определенную связь между «последними перестановками в американском руководстве в Афганистане, они отмечают: «Это случилось в момент, когда США требуется оправдание для вывода войск. Эта операция [уничтожение Бен Ладена] его им предоставит»¹⁸.

США вряд ли рискнут оставить ИРА без своего военного присутствия и после 2014 г. Региональные игроки будут вынуждены мириться с сохранением в стране американского военного контингента и баз, так как в нынешних условиях вряд ли кто-либо может взять на себя гарантию стабильности в ИРА и регионе. Тем более на такое не пойдет Россия. Однако Вашингтону в дальнейшем придется серьезно учитывать настороженность перспективами

[16] Карзай Х. Впереди судный день Афганистана? // Военно-промышленный курьер. – 2011. – №19. – <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1305700980>

[17] Статья М. Конаровского, посвященная этой проблеме, будет опубликована в журнале «Вестник НГУ. Серия востоковедение» весной 2012 года. Автор заручился разрешением М. Конаровского о частичном использовании его работы на данной конференции.

[18] Моджумдар А. Афганистан: Ликвидация Усамы бен Ладена вызывает в Кабуле чувство неопределенности и мрачные опасения // Eurasianet.org., 04.05.2011 - <http://russian.eurasianet.org/node/58664>

его долговременного военного присутствия здесь, особенно со стороны государств-членов ШОС.

Мировое сообщество, считает М. Конаровский, скорее всего, и далее будет вынуждено оказывать Кабулу всемерное содействие, так как за прошедшее десятилетие ни одна из стоящих перед правительством ИРА задач практически решена не была. Такой расклад предоставляет кабульской администрации возможность без особых политических издержек (а скорее, получая некоторые внутривнутриполитические дивиденды) громко высказываться в пользу скорейшего сокращения присутствия натовцев.

Индия – крупный региональный игрок, руководствуется своими интересами и выступает против вывода НАТО из Афганистана. МИД Индии заявил, что «если убийство Бен Ладена будет использовано США для вывода войск из Афганистана и ухода из региона, то это очень негативно скажется на уровне безопасности в Индии». В Дели опасаются возвращения к власти в Кабуле талибов, что повлечет за собой снижение давления на Пакистан и приведет к значительному росту террористической угрозы для Индии¹⁹.

Поскольку, судя по поступающей информации, после убийства Бен Ладена террористические акты в регионе набирают обороты, можно считать, что региону придется смириться с длительным присутствием США и НАТО. А это, в свою очередь, будет способствовать не снижению, а нагнетанию напряженности, даже если и будет осуществлен частичный вывод войск и останутся только военные базы.

Эмиру Афганистана Абдурахману приписывают высказывание о том, что его страна напоминает улей, в котором много пчел, но мало меда. Любители меда потревожили пчел, и теперь они жалят всех нарушителей спокойствия их среды обитания...

[19] <http://www.chvk.su/content/indiya-protiv-vyvoda-voysk-nato-iz-afganistana>, 04.05.2011.

УЧАСТИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В БУДУЩЕМ АФГАНИСТАНА - ЧЕМ МОЖЕТ ПОМОЧЬ ЕВРОПА?¹

МАРЛЕН ЛАРИЮЛЬ

Ph.D., исследователь EUCAM и научный сотрудник FRIDE, профессор Института по изучению стран Европы, России и Евразии (англ. Institute for European, Russian and Eurasian Studies; IERES) и Школы международных отношений университета имени Вашингтона (Вашингтон, США)

Политика ЕС в Центральной Азии не позволяет четко проследить существующие связи между этим регионом и Афганистаном. Согласно совместному отчету Совета ЕС и Европейской Комиссии относительно прогресса Стратегии ЕС в Центральной Азии, опубликованному в июне 2010 года, сотрудничество ЕС и ЦА по вопросам безопасности приобретает всю большую важность, особенно в свете перемен, произошедших в Афганистане за последние несколько лет. Но приводимые аргументы остаются достаточно туманными, несмотря на то, что сотрудничество в сфере безопасности является одним из семи ключевых направлений Стратегии. В докладе говорится следующее: «Ситуация в Афганистане является очень важным вопросом безопасности, представляющим взаимный интерес, и это открывает возможности для более активных дискуссий и углубления сотрудничества между ЕС и странами Центральной Азии»; а, кроме того, что «в контекст отношений ЕС с Центральной Азией необходимо включать расширяющиеся связи ЦА с другими странами региона»².

Из этого можно заключить, что отношения Центральной Азии и Афганистана рассматриваются лишь через призму угрозы безопасности, исходящей с афганской территории. Согласно ключевым документам, программы по укреплению границ считаются приоритетными. Между тем, риторика этих документов, к примеру, «предотвращение экстремизма и сотрудничество по предотвращению терроризма», не позволяет определить, как на деле должна происходить совместная работа Европы и ЦА по Афганистану. Учитывая значимость «афганского вопроса», было бы неплохо, если бы со стороны европейских стран поступали более конкретные и смелые предложения.

Постепенный вывод международных сил содействия безопасности (англ. International Security Assistance Forces; ISAF) – в том числе, 10 тыс. американских солдат в 2011 году и 20 тысяч в 2012 году – и угроза возникновения вакуума в сфере безопасности в результате их ухода³ являются поводом для более активного участия ЕС, в особенности, помощь Центральной Азии по устранению нестабильности, которая может возникнуть после 2014 года, и по установлению более конструктивного диалога с Кабулом. В прошлом власти Центральной Азии пытались торговаться с Западом относительно их участия в Северной сети поставок (ССП). В настоящий момент, вероятно, в регионе крепнет понимание того, что Центральная Азия в первую очередь

[1] Источник: EUCAM, Брифинг, №20, Август, 2011.

[2] Совместный доклад о ходе реализации Стратегии ЕС в Центральной Азии (Брюссель, 28 июня 2010), р. 27, <http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/10/st11/st11402.en10.pdf#page=2>

[3] Г. Доррпос, "Afghanistan: The Impossible Transition", Carnegie Paper, июнь 2011.

заинтересована в спокойном Афганистане, а вывод войск коалиции повлечет возникновение разного вида угроз не только на геополитическом, но и национальном уровне.

В данной работе обсуждаются способы вовлечения стран Центральной Азии в более конструктивное сотрудничество с Афганистаном. Во-первых, рассматривается участие ЕС в усилиях по повышению безопасности границ и то, как значимость региона для транзитных маршрутов в Афганистан влияет на отношения между центральноазиатскими государствами и их южным соседом. Затем анализируются существующие для ЕС пути по углублению экономического сотрудничества, участия в построении системы регионального взаимодействия и укрепления связей между Центральной Азией и Афганистаном.

Одной работы по обеспечению безопасности границ недостаточно

Наибольшей конкретики в формулировании отношений Центральной Азии и Афганистана ЕС достиг при составлении программ, касающихся вопросов безопасности границ. Три приграничных с Афганистаном страны (Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), также как Казахстан и Кыргызстан, участвуют в программе БОМКА (англ. Border Management in Central Asia – Управление границами в Центральной Азии; БОМСА), КА-ДАП (Central Asia Drug Action Programme – Программа по противодействию распространению наркотиков в Центральной Азии), на которые, в общей сложности, было выделено 45 миллионов евро, и в тренингах для пограничных служб, проводимых ОБСЕ⁴. В свое время был организован и ряд проектов при участии Афганистана, например, БОМБАФ (англ. Border Management Programme in Badakshan Province – Программа управления границами в провинции Бадахшан) и туркменско-афганские тренинги по обеспечению безопасности границ. В рамках «Инициативы по безопасности границ в Центральной Азии», дискуссионной площадки, созданной Федеральным министерством по внутренним делам Австрии при поддержке ЕС, проводятся регулярные встречи с представителями стран и организаций-доноров и агентств по технической поддержке программ по управлению границами: ПРООН, ОБСЕ, МОМ, Управления по наркотикам и преступности ООН, Японии, России, США⁵.

Борьба с наркотрафиком – это еще один важный компонент работы ЕС и стран-членов Евросоюза в этом регионе. Так, был запущен Региональный информационный и координационный центр Центральной Азии по противодействию контрабанде наркотических и психотропных веществ и их прекурсоров, рассматривается возможность сотрудничества центра с Интерполом. Еще одним важным инструментом для углубления взаимодействия может служить Центр превентивной дипломатии ООН в Ашхабаде, который занимается внедрением одного из четырех элементов «Глобальной стратегии ООН по борьбе с терроризмом» в Центральной Азии⁶. Но необходимо отметить, что ввиду отсутствия независимого мониторинга деятельности этого агентства, трудно судить, оказывает ли оно реальный позитивный и устойчивый эффект. Отзывы ряда сотрудников ОБСЕ по этому поводу в анонимных интервью были достаточно пессимистичными.

Но одних усилий по укреплению границ недостаточно. Во-первых, предоставление, что усиление контроля в приграничных с Афганистаном районах позволит не допустить распространения радикальных исламистских тече-

[4] Верховный представитель/Вице-президент Аштон от лица Европейской Комиссии, Европейский парламент, 19 ноября 2010, <http://www.europarl.europa.eu/sides/getAllAnswers.do?reference=E-2010-8381&language=EN>.

[5] “Пресс-релиз: Вопросы безопасности границ в Центральной Азии обсуждены в Душанбе”, БОМКА, 17 марта 2011, <http://www.bomca.eu/en/news/8.html>.

[6] Совместный доклад о ходе реализации Стратегии ЕС в Центральной Азии (Брюссель, 28 июня 2010).

ний, не учитывает тот факт, что подобные группировки чаще всего формируются на местном уровне. В основе процесса их разрастания лежат проблемы внутри страны, к которым афганские талибы имеют очень отдаленное отношение. Во-вторых, предотвращение контрабанды наркотиков должно заключаться не только в укреплении контроля на границе, но и в борьбе против коррупции. Наркотические грузы, провозимые подпольными криминальными группировками, не подлежат аресту: западные эксперты склонны сходиться во мнении, что контрабандой занимаются в основном лица, имеющие связи в силовых и правоохранительных структурах.

Таким образом, необходимо искоренять коррупцию в стенах этих ведомств и, в целом, гос. аппарата, а не только заниматься непосредственным пресечением наркотрафика. Работа ЕС по борьбе с распространением наркотиков в Центральной Азии осложняется еще и тем, что государства региона криминализируют наркоманию. Одним словом, усилия ЕС по укреплению границ, конечно, важны, но малоэффективны, т.к. напрямую зависят от местного социального контекста и готовности режимов участвовать в реформах.

Ценность Центральной Азии как транзитного коридора. Что дальше?

Роль Центральной Азии как перевалочной базы по пути в Афганистан усиливается благодаря ее растущему значению для Северной сети поставок. В 2010 году по этим маршрутам курсировали 35% всех грузовых самолетов, снабжающих силы коалиции. Возможно, в 2011 году⁷ показатели увеличатся до 75%. Это делается с целью уменьшить зависимость войскового контингента от Наземной линии связи через Пакистан. На примере Северной сети поставок можно проследить используемую ЕС парадигму отношений Центральной Азии и Афганистана. Во-первых, в странах ЦА, особенно в Ташкенте, полагают, что их участие в транзитном коридоре должно поощряться. На практике же такая позиция является полным искажением реальности и не должна находить поддержку среди американских и европейских переговорщиков. В первую очередь, Северная сеть поставок как инструмент стабилизации Афганистана важна именно для Центральной Азии. Участие ЕС в переговорах по транзитным коридорам было малозначительным, т.к. ведущую роль взяли на себя НАТО и Пентагон. Исключение составляет Германия, которая обсуждает условия работы своей военной базы в узбекском Термезе в двустороннем порядке. Таким образом, призывы ЕС заложить в основу стабилизационных мер в Афганистане политические реформы, не были услышаны, более того, они шли вразрез с интересами Европы в Северной сети поставок, которые были озвучены, в основном, другими участниками переговоров.

Во-вторых, по замыслу Вашингтона, Северная сеть поставок должна была помочь развитию ЦА благодаря расширению железнодорожных сетей⁸. Достижения в данной области достаточно спорны: Узбекистан действительно извлек массу пользы из программ по развитию железных дорог, а также получил внушительные взносы за право транзитного проезда. Но в 2010 году Ташкент активно блокировал железнодорожное сообщение с Таджикистаном, что привело к резкому росту цен на основные продукты в этой стране. Вопреки ожиданиям, более тесные связи между соседями на базе создаваемых маршрутов так и не завязались. Значимость этой территории как транзитной развивается благодаря стратегическим проектам Китая, а не Северной сети поставок. Последнюю, кстати, можно даже обвинить в сдержки-

[7] Джошуа Кучера, "Child Labor and U.S. Military Cooperation in Uzbekistan", Eurasianet.org, 5 мая 2011, <http://www.eurasianet.org/taxonomy/term/2325>.

[8] А. Кучинс, Т. Сандерсон, Д. Гордон, The Northern Distribution Network and the Modern Silk Road (Вашингтон, округ Колумбия: Центр стратегических и международных исследований, декабрь 2009).

вании региональной торговли: увеличение тарифов на грузовые перевозки со стороны Узбекистана с целью извлечения большей прибыли из ССП поставило центральноазиатские компании в крайне затруднительное положение, т.к. они оказались не в состоянии принять новое финансовое бремя. Что станет с Северной сетью после того, как западный контингент покинет Афганистан? Потеряет ли Центральная Азия свою важность как транзитная территория или ССП удастся внести лепту в дальнейшее развитие региона?

Укрепление экономического присутствия Центральной Азии в Афганистане

Страны Центральной Азии являются чем-то большим, нежели просто перевалочным пунктом для поставок в Афганистан несмертоносных грузов для сил коалиции и наоборот – афганского опиума в Россию и страны Европы. Три приграничных государства: Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан, также как и Казахстан, играют определенную роль в оказании экономической помощи и помощи по восстановлению страны, в частности, северным районам Афганистана. Население таких провинций, как Герат, Бадхис, Фарьяб, Джаузджан, Балх, Кундуз и Бадахшан, живет в тесном взаимодействии со своими северными соседями. Издавна именно от них поступала помощь для афганских таджиков, узбеков и туркмен, хотя в настоящее время наиболее значительную роль здесь стали играть международные доноры.

Туркменистан является важным партнером для приграничных районов Афганистана, особенно в сфере поставок электричества. При участии Ашхабада были построены электростанции и линии электропередач в провинции Балх. Туркменистан рассчитывает увеличить поставки электроэнергии в Афганистан благодаря инвестициям Азиатского банка развития в строительство двух новых ЛЭП⁹.

Усилиями таджикских властей на границе с Афганистаном функционируют свободные экономические зоны, что дало возможность местному населению заняться торговлей и вырваться из нищеты. В 2008 году между двумя странами было подписано соглашение об импорте 300 МВт таджикского электричества в год, но к настоящему времени поставки остаются ограниченными в объемах¹⁰. В рамках проекта «Региональный электроэнергетический рынок Центральной и Южной Азии» при поддержке Азиатского банка развития проводится анализ осуществимости переброски новой линии электропередачи от таджикских электростанций «Сангтуда-1» и «Сангтуда-2» через Кундуз и Балган в Пул-и-Хумри¹¹. Но энергетический кризис, который испытывает сейчас Таджикистан, сводит к нулю ближайшие перспективы для экспорта. Масштабный проект Таджикистана по возведению Рогунской ГЭС заблокирован протестами Узбекистана и недостатком надежного финансирования, между тем, таджикское правительство отказывается развивать менее крупные гидроэнергетические мощности.

Узбекистан также активен в Афганистане. В 2002 году усилиями узбекской стороны были восстановлены ЛЭП, оставшиеся еще с советских времен. С 2009 года Узбекистан предоставил Афганистану 150 МВт энергии. Это стало возможно благодаря профинансированному АБР строительству 400-километровой линии из Хайратона в Пул-и-Хумри и далее в афганскую столицу. В ближайшем будущем планируется достичь объемов экспорта, равных 300 МВт. По запросу афганского правительства, усилиями Узбекистана были наведены мосты между Мазари-Шарифом и Кабулом. Узбекская

[9] "Turkmenistan and Afghanistan", Институт изучения войны, <http://www.understandingwar.org/themenode/turkmenistan-and-afghanistan>.

[10] Программа по импорту энергии из Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана и восстановлению инфраструктуры Афганистана, <https://www.irp-a1.com/?pname=open&id=291&type=html&c=5>.

[11] "Афганистан приступил к строительству ЛЭП для транзита энергии из Таджикистана", TopTJ, 15 февраля 2010, http://www.toplj.com/ShowNews.aspx?news_id=ACEA11C0-34D1-4D4B-84ED-78DE9FD56819.

государственная железнодорожная компания «Озбекистан Темир Йоллари» выиграла тендер, объявленный АБР на строительство 75-километровой железнодорожной ветки из Хайратона в Мазари-Шариф. Ожидается, что дорога будет введена в эксплуатацию во второй половине 2011 года. Кроме того, Узбекистан осуществляет поставки горючего, строительных материалов, металлопроката, удобрений и зерна¹².

Казахстан является важным экономическим партнером Афганистана, несмотря на то, что эти два государства не имеют общих границ. Это единственная страна региона, разработавшая собственную программу помощи по восстановлению Афганистана, которая включает проекты по водоснабжению, развитию инфраструктуры, поставкам цемента и строительству¹³. В дополнение, Казахстан позиционирует себя как важного поставщика зерновых: в 2007 году 15% пшеницы и муки были ввезены в Афганистан из Казахстана (20% были импортированы из Узбекистана и 50% из Пакистана)¹⁴. В связи с низкой урожайностью в России и Пакистане, вызванной лесными пожарами в первом случае и наводнениями – во втором, доля Казахстана возросла: в 2010 году дефицит поставок в размере 700 тыс. тонн был, в основном, покрыт казахстанским зерном¹⁵. Какую роль может сыграть ЕС в продвижении этих и других усилий центральноазиатских государств? Особенно успешными могут стать три стратегических компонента: поставки электричества (в связке с вопросами водоснабжения), продовольственная безопасность и торговля.

Участие Центральной Азии в поставках электроэнергии, столь необходимой Афганистану, может способствовать развитию сотрудничества в регионе в сфере энергетики и управления водными ресурсами. Что касается необходимости в коллективном управлении запасами воды, растущие потребности Афганистана, расположенного в верхнем течении Амударьи, также должны браться во внимание. Для всей территории ЦА актуальны реформы систем водоснабжения и вопросы улучшения санитарных условий. В этой связи логичным шагом для ЕС было бы включение Афганистана в региональные диалоги по воде, а также его постепенное вовлечение в работу существующих региональных структур. Что касается вопросов охраны окружающей среды, и для Центральной Азии, и для Афганистана последствия изменения климата могут быть катастрофическими – эта сфера также может стать ключевым сектором оказания помощи со стороны ЕС. Ввиду общности существующих угроз, необходимо включить Афганистан в Водную инициативу ЕС и Рабочую группу ЕС и Центральной Азии по управлению окружающей средой и изменению климата.

Растущая роль Казахстана как производителя зерновых и его влияние на продовольственную политику Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана и Афганистана открывает возможности по углублению дискуссий о продовольственной безопасности. Темой для обсуждения может быть не только роль хлопка в сельском хозяйстве региона, но и реформы института собственности на землю, важность микрокредитования фермерских хозяйств, модернизация в области логистики (транспортировка и хранение продовольствия) и развитие местного агробизнеса с целью снизить зависимость сектора от растущих мировых цен. Страны-члены ЕС и национальные агентства стран Европы по развитию имеют обширный опыт в этой сфере, а

[12] Шоислам Акмалов, "Uzbekistan's Role in Stability and Development", Policy Perspectives, серия 6, номер 1, 2009, <http://www.ips.org.pk/abouttips/1048.html>.

[13] "Обязательство по помощи Афганистану", посольство Казахстана в США, <http://www.kazakhembus.com/index.php?page=commitment-to-assistaafghanistan>.

[14] Региональный обзор ситуации с продовольствием, Южная Азия, Приложение 1: Афганистан (Вашингтон, округ Колумбия: Всемирный Банк, 2010), р. 79, http://siteresources.worldbank.org/SOUTHASIAEXT/Resource/223546-1269620455636/6907265-1287693474030/AFG_Regional_Food_Prices.pdf.

[15] Обновления регионального обзора ситуации с продовольствием (март 2011), http://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/reliefweb_pdf/node-396755.pdf.

некоторые располагают масштабными программами, которые могли бы быть расширены и подстроены под региональную специфику ЦА.

В деле восстановления экономического роста и увеличения числа рабочих мест как в Центральной Азии, так и в Афганистане важную роль может играть развитие малого бизнеса. ЕС мог бы продвигать небольшие экономические проекты, к примеру, по поддержке компаний-экспортеров зерновых и фирм, специализирующихся на строительных материалах. Для этих целей можно задействовать программу «Центральная Азия Инвест» или программу ЕС по развитию малого и среднего бизнеса, хотя условия для этого в Центральной Азии складываются не очень благоприятные, особенно, в Узбекистане. Но в Казахстане в последнее время ситуация несколько улучшилась. ЕС также поддерживает программы по развитию посреднических бизнес-организаций: торговых палат, торговых, индустриальных и профессиональных ассоциаций. В этой сфере активную роль в развитии двусторонних предприятий малого бизнеса в Афганистане и Таджикистане сыграл фонд Ага Хана. Совместная программа ЕС и Организации экономического сотрудничества и развития «Евразийская программа по повышению конкурентоспособности – Центральноазиатская инициатива» уже включает все пять стран ЦА, а также Афганистан и Монголию.

Вовлечение Центральной Азии в более обширную систему региональной безопасности

Необходимо активно привлекать Центральную Азию к участию в долгосрочных планах по поддержанию безопасности в Афганистане. В ближайшие годы в связи с постепенным выводом войск из Афганистана актуальность «афганского вопроса» на международном уровне снизится и, как следствие, приобретет большее значение в региональном масштабе. Соседи Афганистана, которые уже играют заметную роль в этой стране, получают больше возможностей для оказания своего влияния на ее будущее. Государства ЦА, таким образом, окажутся более вовлеченными в процессы сотрудничества и конкуренции между основными геополитическими игроками: Пакистаном, Индией и Ираном и в меньшей степени Россией и Китаем. ЕС и США предстоит делегировать взятые по Афганистану обязательства своим союзникам в регионе. Что касается отношений Афганистана с каждой отдельной страной, будет создан новый региональный политический порядок. Таким образом, в прямых интересах ЕС – создать условия, при которых государства Центральной Азии будут иметь право голоса по «афганскому вопросу», а также разделять стремление ЕС к созданию стабильного, единого и светского Афганистана. По мере возможности ЕС необходимо включать Центральную Азию во все переговорные процессы.

Сохраняющий нейтралитет Туркменистан – единственная страна в регионе, которой удавалось поддерживать относительно хорошие отношения с режимом талибов, выступил с инициативой проведения в Ашхабаде переговоров по установлению мира в Афганистане под эгидой ООН. Учитывая слабость туркменской дипломатии и проводимую им политику изоляционизма, выполнимость этих планов маловероятна, но данная инициатива демонстрирует искреннюю заинтересованность Туркменистана в участии в подобных процессах. Таджикские власти выступили с предложением о миротворческих механизмах. Афганистану есть чему поучиться у Таджикистана, которому удалось остановить гражданскую войну в 90-х годах прошлого века. Особого внимания заслуживает концепция политических переговоров, предложенная Душанбе, согласно которой, прежде чем переходить к диалогу в масштабе страны, необходимо провести переговоры между афганскими властями и мятежными силами на уровне провинций, уде-

ляя особое внимание расстановке сил в каждом отдельном случае¹⁶. Кроме того, Ташкент предложил оживить идею по запуску механизма общерегиональных переговоров по решению проблем в Афганистане, аргументируя это тем, что прорыва можно достичь только на такой платформе для дискуссий¹⁷. Но инициатива не получила особой поддержки, поскольку США не заинтересованы в создании «площадки», с помощью которой в обсуждениях по Афганистану с западными игроками вступят Москва, Пекин и, в особенности, Тегеран.

В данном случае все может зависеть от ЕС, который, в отличие от американского пути «войны с терроризмом», придерживался логики, что необходимо восстанавливать разрушенную страну. Таким образом, именно Евросоюз может выступить с идеей создания платформ для общерегиональных дискуссий, в которых свое слово смогут сказать непосредственные соседи Афганистана. При поиске союзников Европейскому Союзу в большей мере лучше опираться на центральноазиатские государства, даже несмотря на то, что их экономическое влияние ограничено, их политические режимы имеют авторитарный характер, а, также, на то, что они оказывают поддержку, в основном, своим этническим группам в Афганистане.

В конечном итоге, государства ЦА, в отличие от Пакистана и Ирана, не имеют какой-то определенной политической повестки в Афганистане. Уделяя больше внимания мнению этих стран о путях достижения стабильности на афганской территории, ЕС сможет опираться на имеющуюся у центральноазиатских партнеров дополнительную информацию об этой стране, что, в свою очередь, позволит укрепить позиции Евросоюза.

Отношения и связи между народами Центральной Азии и Афганистана

Благодаря системе образования и здравоохранения, сохранившимся в Центральной Азии с советских времен, в Афганистане эти страны воспринимают как развитые. Годы, проведенные в непосредственной близости от СССР укрепили и культурные связи. Туркменистан, к примеру, оказывает финансовую и техническую помощь туркменской общине, проживающей на афганской территории, в виде медицинских услуг и разнообразных грантов на обучение. Хотя в Афганистане нет казахского меньшинства, и эти две страны не граничат напрямую, Казахстан, тем не менее, лидирует в регионе по оказанию подобной помощи Афганистану. В период своего председательства в ОБСЕ Астана объявила о реализации программы с бюджетом в 50 млн. долларов на период с 2010 по 2014 год, которая позволит более тысячи афганцев получить высшее образование для работы в качестве инженеров, учителей, преподавателей, сотрудников органов правопорядка и пограничных служб, в сфере здравоохранения и сельского хозяйства. В области образования и здравоохранения страны Центральной Азии в силах предоставлять Афганистану донорскую помощь, и эти усилия должны получить поддержку со стороны ЕС. Пусть и в небольших масштабах, но эти инициативы открывают определенные возможности для маневра.

Образование, наука, культурный обмен – все эти сферы являются ключевыми для европейских программ помощи и несут в себе потенциал для расширения сотрудничества между ЦА и Афганистаном. Во всех этих странах высока активность ЕС в области образовательных инициатив и культурного обмена. Представители афганской интеллектуальной элиты, в основном, получавшие образование в СССР и прекрасно владеющие русским языком, мо-

[16] Интервью с таджикскими экспертами по теме Афганистана, Душанбе, июнь 2010.

[17] Узбекистан ссылался на инициативу «6+2» – шесть граничащих с Афганистаном государств, Россия и США – благодаря которой была начаты переговоры между силами НАТО и движением «Талибан» в период с 1999 по 2001 годы. С присоединением Северного альянса инициатива превратилась бы в формулу «6+3».

гут оказаться ценным инструментом в процессе интеграции Афганистана в европейские программы через Центральную Азию или даже Россию. Укрепление роли центральноазиатских государств по подготовке афганских специалистов, в частности, в области медицины и по ряду технических профессий, позволит дать новый толчок скромным на сегодняшний день достижениям в области развития системы высшего образования в ЦА. Несмотря на то, что распад Советского Союза нанес значительный урон научному и образовательному сектору в ЦА, эти страны по-прежнему могут обеспечивать образование для тех афганцев, которые не могут позволить себе отправиться на учебу в ЕС или Индию – это еще один важный партнер ЕС в образовательной сфере. В Центральной Азии работают несколько международных университетов, которые могли бы обучать афганских студентов по грантам, предоставляемым ЕС. Такая стратегия, также, может позволить несколько уравновесить существующий гендерный дисбаланс, т.к., возможно, афганцы будут более благосклонны к идее получения высшего образования своими дочерьми в случае, если те будут обучаться в странах с мусульманской традицией и более близких Афганистану в культурном аспекте. Хотя политические режимы в Центральной Азии не могут служить положительным примером для Афганистана, ЕС мог бы стимулировать укрепление связей в сфере науки, образования и культурного обмена.

Заключение

На кону находится стабильность всей Центральной Азии. Неблагоприятная геополитическая обстановка может привести к фатальным последствиям в странах, наиболее уязвимых в случае возможной дестабилизации в Афганистане, - Таджикистане, Узбекистане и Кыргызстане. Европейский Союз не может ограничивать свою деятельность в ЦА вопросами транзита и управления границами. Он должен применять более инновационный подход, поддерживать уже существующие программы и инструменты в области продовольственной безопасности, управления водными ресурсами, микроинвестиций, культурного обмена с целью создания новой концепции региональной безопасности, которую бы поддержали власти стран этого региона. Наличие «афганского вопроса» на повестке должно подвигнуть ЕС на стимулирование более активных реформ в ЦА. Усилия ЕС по обеспечению безопасности в случае эскалации обстановки в Афганистане должны сопровождаться работой по продвижению реформ на национальном уровне в этих странах. 2014 год не за горами, у Евросоюза остается все меньше времени на то, чтобы внести лепту в формирование политического решения афганской проблемы и в укрепление сообществ стран Центральной Азии.

РОЛЬ ПРИГРАНИЧНЫХ ГОСУДАРСТВ В ПОЛИТИЧЕСКОМ УРЕГУЛИРОВАНИИ АФГАНСКОЙ ПРОБЛЕМЫ¹

МАЙТДИНОВА ГУЗЕЛЬ МАЙТДИНОВНА

Доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории международных отношений Российско-Таджикского Славянского университета (Душанбе, Таджикистан)

В начале второго десятилетия XXI века все еще остро стоит на повестке дня вопрос афганского урегулирования. В Афганистане все более активизируются террористические группировки, многократно возросло производство наркотиков, растет число нелегальных мигрантов, усиливается незаконная торговля оружием и деятельность организованных преступных группировок, растет угроза распространения на государства Центральной Азии религиозного экстремизма и других угроз безопасности. Это заставляет активизироваться странам – соседям Афганистана, для которых афганское урегулирование является жизненно важным².

В настоящее время очевидна интенсификация работы по мирному урегулированию афганской проблемы с учетом современных геополитических реалий страны, осознавая, что необходимо учитывать и принимать меры для реализации интересов государств, расположенных в Центральной Азии. Геополитическая ситуация в центральноазиатском регионе отличается от реалий времен «Большой игры» в конце XIX в. Изменилась сама система международных отношений в Центральной Азии, и на карте появились суверенные государства, для которых жизненно важно афганское урегулирование в контексте реализации своих национальных интересов и обеспечения безопасности. Сложная военно-политическая обстановка в Афганистане – одно из основных препятствий на пути региональной интеграции и реализации наиболее приоритетного совместного интереса государств Центральной Азии, связанного с обеспечением альтернативными и взаимодополняющими транспортными и энергетическими коммуникациями. С 2001 г. в Афганистане находятся войска международной коалиции под эгидой ООН и ISAF. Они находятся в Афганистане на основании Резолюции ООН. Продолжается война на всей территории Афганистана, и коалиционные войска оказались не в силах обеспечить мир в стране. По существу, в Афганистане происходит конфликт множества этнических элитных групп, усложненный этноконфессиональным фактором, особенно усложненный внешним вмешательством. Становится очевидным, что нельзя установить мир в Афганистане военным путем³.

[1] Материалы Международного круглого стола «Конфликт и миротворчество в Афганистане: современное состояние и перспективы», Душанбе, 5-6 июля, 2011 г.

[2] Отчет о работе международной конференции «Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии». Иссык-Куль, 10-12 июня 2008 г. – Бишкек, 2008. – С. 11.

[3] Пластун В.Н. ШОС и перспективы восстановления безопасности в центральноазиатском регионе // Материалы междунар. конф. «ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и стран-соседей» – М., 2009. – С. 84.

Наиболее важными акторами, имеющими влияние в Афганистане, являются США и НАТО, ЕС, Пакистан, Иран, Китай, Россия, страны центральноазиатского региона (Таджикистан, Узбекистан, Туркмения), Индия. Серьезное влияние в стране сохранили Пакистан и Иран, определенными возможностями располагают Россия, Таджикистан, Узбекистан, Индия⁴. Для реализации своих стратегических задач Ирану, Таджикистану, Туркмени и Узбекистану жизненно важна стабилизация соседнего Афганистана. Еще до 2001 г. в ООН сотрудничала контактная группа по афганской проблеме в виде стран, граничащих с Афганистаном (Иран, Китай, Пакистан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). Очевидно, что для мирного урегулирования афганской проблемы необходимо непосредственное участие государств, граничащих с этой страной, а также ключевых акторов в регионе в виде контактной группы по формуле 7+5, что подразумевает участие семи государств, имеющих общую границу с Афганистаном, – Таджикистана, Китая, Индии, Пакистана, Ирана, Туркмени, Узбекистана, а также участие России, США, НАТО, ШОС, ОДКБ. В дополнение к усилиям подобного формата взаимодействия в афганском направлении важны казахстанско-афганские и кыргызстанско-афганские мирные инициативы в двустороннем и многостороннем уровне. Формат сотрудничества 7+5 может быть осложнен конфронтацией Ирана и США и отсутствием сотрудничества двух стран в деле урегулирования афганской проблемы, а также имеющимися противоречиями между Индией и Пакистаном, Индией и Китаем. Хотя в истории взаимодействия США и Ирана совсем недавно был прецедент: сотрудничество двух государств давало положительные результаты в действиях против «Талибана» в конце 2001 г. Учитывая новые тенденции мирового развития после 11 сентября 2001 г., Иран поддержал намерения США по проведению широкомасштабной антитеррористической операции в Афганистане, предложив США сотрудничество в свержении власти талибов и ликвидации сети «Аль-Каиды» на афганской территории⁵. Недавние июльские теракты в Мумбае, признанные спецслужбами Индии как совершенные экстремистскими группировками из Пакистана, создали очередное напряжение на индо-пакистанской границе. Территориальный конфликт Индии и Пакистана вокруг Джаммы и Кашмира, в который непосредственно был вовлечен Китай, уже более полувека остается главным источником напряженности в регионе. Пакистан и Китай, каждый со своей стороны, оспаривают принадлежность некоторых районов Джаммы и Кашмира. Китай, в частности, предъявляет претензии на земли Аксай Чина, являющиеся частью Ладакха (область на северо-востоке Джамму и Кашмира). В обмен на китайскую военно-техническую помощь Пакистан, подписав в марте 1963 г. временное соглашение о пакистанско-китайской границе, которая временно – до окончательного решения кашмирской проблемы – устанавливалась по согласованной линии, совпадающей с очертаниями зон фактического контроля. Фактически этим соглашением признавалось за КНР право на обладание данным районом Кашмира. Между КНР и Индией такого рода соглашения нет. Это соглашение вызвало протест Индии, расценивших действия Пакистана и Китая как попытку аннексировать часть незаконно оккупированной ими индийской территории. Стороны оспаривают принадлежность обширной области Аксай-чин, примыкающей к Ладакху. Спор вокруг нее является частью неурегулированной китайско-индийской погранично-территориальной проблемы. В 2003 г. Индия и Китай договорились не акцентировать внимания на данной спорной проблеме, однако кон-

[4] Князев А.А. Американский тупик в Афганистане, ШОС и значение стран-наблюдателей: поиск новых парадигм // Материалы междунар. конф. «ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и стран-соседей» – М., 2009. – С. 130-131.

[5] Столповский О.А. Потенциал влияния Ирана на развитие ситуации в Афганистане // Материалы междунар. конф. «ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и стран-соседей» – М., 2009. – С. 124.

фликтный потенциал сохраняется. Обострение индийско-китайского спора может активизировать и противостояние между Индией и Пакистаном. В настоящее время активная поддержка Пакистана Китаем заметно охладил без того сложные индийско-китайские взаимоотношения. Возможно, при этих обстоятельствах как раз-таки платформа ШОС будет способствовать сближению позиций и снижению напряжения в международных отношениях в регионе, смягчения напряжения между Индией и Пакистаном для обеспечения и региональной безопасности.

Большинство государств формата 7+5, имеющих влияние в Афганистане, являются участниками либо наблюдателями в глобальных и ряде региональных международных организаций, в частности в ООН, НАТО, ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС. Именно на базе глобальной и региональных организаций, участники которых остро испытывают влияние афганского конфликта на свою безопасность и объективно заинтересованы в мирном разрешении проблемы, может быть построен процесс афганского урегулирования. В 2010 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята резолюция в поддержку международных усилий по политическому урегулированию и социально-экономическому восстановлению Афганистана. В том же году ООН приняла резолюцию о сотрудничестве с ОДКБ (организация имеет статус наблюдателя в Генеральной Ассамблее ООН с 2004 г., а в целом ООН приняла три резолюции о сотрудничестве с региональными организациями, имеющими статус наблюдателя в ООН и действующими на постсоветском пространстве (ОДКБ, ШОС и ЕврАзЭС) и совместную Декларацию о сотрудничестве между секретариатами ООН и ОДКБ. С 2003 г. усилиями ООН и ОДКБ проводится международная антинаркотическая операция «Канал» по выявлению каналов сбыта наркотиков. Вместе с ООН страны ОДКБ продолжают формировать вокруг Афганистана пояс антинаркотической и финансовой безопасности. Экспертами ООН и ОДКБ подготовлен план действий по борьбе с терроризмом в Центральной Азии, и аналитики ОДКБ активно взаимодействуют с Региональным центром ООН по превентивной дипломатии в Центральной Азии (The United Nations Regional Centre for Preventive Diplomacy for Central Asia) в Ашхабаде. основополагающим документом для взаимодействия ООН и ОДКБ является утвержденная в 2000 г. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. Как известно, в мире активно действуют три основных маршрута наркотрафика: Балканский (37% наркотиков из Афганистана следует через Иран, Турцию и Закавказье в Юго-Восточную Европу), Северный (25% наркотиков из Афганистана следует через все постсоветские страны Центральной Азии в Россию, где число потребителей превышает 1,8 млн. человек) и Южный (Ближний Восток – Африка – США – Канада). Наиболее распространенным путем доставки наркотиков становится морской путь (Черное море, Каспийское море). В этих векторах наркотрафика возможно антинаркотическое взаимодействие НАТО и ОДКБ. Это обстоятельство актуализирует опять же необходимость взаимодействия НАТО-ОДКБ по стабилизации Афганистана, но здесь проблема сотрудничества двух организаций осложняется множеством нерешенных вопросов двух организаций и, прежде всего, нежеланием НАТО признать зону ответственности ОДКБ. Между тем, НАТО и ОДКБ могут взаимодействовать по обмену оперативной информацией, создавать механизмы взаимодействия компетентных органов, организовывать совместные операции силовых структур стран региона. Члены ОДКБ – Таджикистан и Узбекистан озабочены ростом террористических угроз у северных границ Афганистана, в связи с этим была создана Рабочая группа по Афганистану при Совете министров иностранных дел ОДКБ, где обсуждается проблема возможного проникновения талибов на территории стран ОДКБ.

Традиционные опасности, исходящие с афганской земли – терроризм, религиозный экстремизм и наркотрафик, – приобрели для соседних новых стран, являющихся членами ОДКБ и находящихся в зоне ответственности организации, особую актуальность в свете реализации своих национальных интересов.

Очевидно, для координации усилий всех заинтересованных сторон в афганском мирном процессе необходим многосторонний формат сотрудничества 7+5. Но для этого необходима выработка механизма процесса мирного урегулирования, а также тесное сотрудничество НАТО – ШОС – ОДКБ по урегулированию афганского процесса и по координации усилий в обеспечении региональной безопасности. Для этого, видимо, необходимо усилить диалог ШОС-Афганистан по борьбе с нетрадиционными угрозами. Основу для активизации такого регионального сотрудничества создают общие интересы, такие как борьба с террористическими сетями религиозных экстремистов, организованной преступностью и с наркоторговлей, а также общая заинтересованность в развитии Афганистана.

Еще в 2008 г. экспертами Ю. Крупновым, А. Дереникьяном предлагалась идея формирования единого экономического пространства на Среднем Востоке, где должны стать общие инфраструктуры электроэнергетики, ирригации и обеспечения водой, управления транспортно-логистическими потоками, обеспечения перспективной занятости. Учитывая то, что стабильное развитие Центральной Азии возможно только при условии урегулирования афганского фактора, авторы концепции НСВ предложили Комплексный план развития Афганистана. Важные задачи, которые необходимо решать в Афганистане в ближайшем будущем, – это, во-первых, восстановление Афганистана в качестве единого, суверенного и экономически эффективного государства, которое не только прекращает экспорт нестабильности, наркотиков и терроризма, но и становится модельным государством ускоренной индустриализации и развития; во-вторых, обеспечение прочной кооперативной безопасности и стабильности в регионе и т. д. Стабилизация ситуации в Афганистане отвечает интересам всех государств Центральной Азии, так как реализация многих жизненно важных проектов государств региона во многом связана с решением афганской проблемы⁶. Афганистану, как отмечал на нашем «круглом столе» государственный советник президента Афганистана Х. Карзая господин М. А. Расули, необходимо решение коммуникационных, энергетических, культурных проблем. Возможно, необходима разработка стабилизационной программы Афганистана совместно с участниками афганского диалога, учитывая, что реализация многих экономических, энергетических и коммуникационных проектов государств Центральной Азии зависит от стабилизации ситуации в Афганистане. Как сказал в своем выступлении на нашем «круглом столе» господин А. Дереникьян, сама «афганская элита должна предложить идеи развития Афганистана, проекты модернизации, механизмы их реализации».

Наиболее оптимальным для урегулировочного процесса представляется подключение возможностей соседних Афганистану стран-членов ШОС – Таджикистана, Узбекистана, имеющих большое влияние на севере страны, а также членов и стран-наблюдателей ШОС. Основным поставщиком зерна в Афганистан является Казахстан. Кроме того, 90% электроэнергии поставляется из постсоветских государств Центральной Азии. Именно энергетический фактор является ключевым в комплексе геополитических проблем Афганистана. От обеспечения энергоресурсами зависит напрямую развитие экономики страны. Для развития промышленности и разработки ре-

[6] Граборова М., Загиева В. А., Затонских А., Капкина А. Е., Петрунина Е., Петухова Е. Геополитическая доктрина Индии: Майтдинова Г. М. Геополитические концепции «Новый Средний Восток» и «Большая Центральная Азия»: анализ, возможности, механизмы // Материалы междунар. научн. конф. «Проблема безопасности государств Среднего Востока в условиях мирового кризиса» – Душанбе, 2009. - С. 72-78.

сурсов Афганистану необходим большой объем энергоресурсов. Например, для разработки месторождения меди Айнак китайским инвесторам нужна поставка стабильной электрической энергии. Кроме того, в связи с уникальными археологическими открытиями здесь и вблизи месторождения Айнак требуется помощь из соседних стран ученых-археологов, знающих историю цивилизаций Центральной Азии, для ведения полномасштабных археологических исследований и археологического надзора.

Таджикистан уже сейчас серьезно взаимодействует с Афганистаном экономически. Таджикистан планирует реализовать ряд проектов, которые могут содействовать развитию Афганистана. Таджикистан оказывает поддержку и афганскому развитию, готовя научные кадры (причем афганские ученые могут защищать свои диссертации на таджикском языке, а получать дипломы российского ВАКа – это пример взаимодействия трех государств – Таджикистана, Афганистана и России в области культуры), специалистов различных отраслей хозяйства. Например, реализация предлагаемых таджикской стороной проектов (таких как строительство железнодорожной ветки Туркменистан – Афганистан (Мазори Шариф) – Таджикистан, газопровода по данному маршруту, а также ускорение строительства энергетического проекта ЛЭП CASA -1000, которая могла бы соединить электрические сети Кыргызстана, Таджикистана, Афганистана и Пакистана) могла бы серьезно содействовать развитию северного Афганистана, способствовать укреплению регионального взаимодействия и обеспечению безопасности. Кроме того, в плане развития альтернативных коммуникаций и восстановления геополитической целостности Центральной Азии важно было бы обсуждение проекта возможного строительства железной дороги через Ваханский коридор, которая связала бы такие государства как Таджикистан, Афганистан, Пакистан, Индия, Китай. Перспективным является строительство автодороги из таджикского Ишкашима через Сархадское ущелье (афганский Вахан) по существующей проселочной дороге (данной дорогой пользовались исторически) до Пакистана. Возможно, стоило бы по этой проторенной дороге построить современную трассу и туннели совместными усилиями набирающей силы стран «четверки» – Таджикистан, Афганистан, Пакистан, Россия, с подключением Индии, с учетом в перспективе транзитного потенциала Пакистана. Возможно, этот проект мог бы быть обсужден и завершен в рамках ШОС с подключением к реализации членов и наблюдателей организации, но для этого необходим многосторонний переговорный процесс для создания международно-правовой базы для взаимодействия. Еще один коммуникационный проект железной дороги Китай-Кыргызстан-Таджикистан-Афганистан-Иран имеет большое геополитическое значение для развития Афганистана и регионального взаимодействия. Как известно, Китай планирует создать целую сеть скоростных железных дорог, которые охватят Россию, Центральную Азию и позволят выйти на железные дороги Восточной Азии и Европы. Согласно планам, строительство трасс планируется завершить за 10 лет (2020-2030 гг.). Центральноазиатское направление этой сети начнется от Урумчи, пройдет через территории Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана, Туркменистана, Ирана, Турции и далее в европейские страны. Центральноазиатское направление железнодорожной трассы важно Китаю для развития СУАР КНР, а также для перевозки ресурсов и товаров. Китай готов предоставить всю техническую документацию, оборудование, подвижной состав, даже обеспечить ремонт дорог тем государствам, откуда импортирует ресурсы. В настоящее время КНР ведет переговоры с Ираном, Пакистаном и Индией. В плане развития альтернативных коммуникаций важно было бы планирование ответвления железнодорожной трассы Китай – Кыргызстан – Таджикистан – Афганистан – Иран – Турция

и далее. Для строительства таджикского отрезка данной железнодорожной трассы могут быть скопированы усилия трех стран ШОС – Таджикистана, России, Китая. Учитывая перспективы вступления Таджикистана и Кыргызстана в Таможенный союз (Россия, Белоруссия, Казахстан), данная трасса будет способствовать интенсификации связей государств ТС с Афганистаном, а также с государствами Южной и Западной Азии. Реализация центральноазиатского вектора проекта может серьезно изменить геополитическую ситуацию региона.

Кроме того, для обеспечения центральноазиатской безопасности очень важен огромный опыт Индии, Пакистана и Ирана по борьбе с контрабандой афганских наркотиков. Индия заинтересована в реализации своих коммуникационных и энергетических проектов в северном векторе своей внешней политики, но это возможно только при условии стабилизации Афганистана. Индия заинтересована в строительстве газопровода ТАПИ (Туркменистан, Афганистан, Пакистан, Индия), транспортного коридора «Север-Юг». Основными факторами, которые способствуют сближению Индии с новыми государствами, отчасти является проблема урегулирования ситуации в Афганистане, борьба против религиозного экстремизма, терроризма и наркотрафика. Но взаимодействие государств в формате 7+5 может быть усложнено новым витком индо-пакистанских противоречий. Это объясняется не только июльскими терактами в Мумбае, связанными с деятельностью экстремистской группировки «Лашкар-е-Тайба», но и с водными проблемами. Дело в том, что на контролируемой Индией стороне Кашмира строится гидроэлектрическая плотина Кишенганг. Она представляет собой одну из нескольких плотин, которые Индия планирует построить в перспективе для удовлетворения запросов своей быстрорастущей экономики. Пакистан опасается реализации проекта, считая, что Индия будет иметь рычаги для манипуляции водой, протекающей для удовлетворения нужд его сельского хозяйства, представляющего собой четверть его экономики и обеспечивающего работой половину его населения. В мае Пакистан подал иск в Международный арбитражный суд, чтобы остановить строительство. Однако антииндийские националисты и сети боевиков в Пакистане воспользовались водной проблемой для разжигания нового витка индо-пакистанского противостояния. «Джамаат-у-Дава» – благотворительное крыло «Лашкар-е-Тайба» сфокусировала свою деятельность на водной проблеме, как некогда она сосредоточила свои усилия почти полностью на претензиях на территорию в Кашмире. Для Индии проекты по гидроэнергетике являются жизненно важными для использования гималайской воды, с тем чтобы восполнить существенную нехватку энергии, создающую проблемы для ее быстрорастущей экономики. Строительство плотины Кишенганга разрешено по индо-пакистанскому соглашению 1960 г., однако спор связан с тем, как она должна быть построена и по какому временному графику осуществлять спуск воды.

Между тем, Индия заинтересована в стабилизации положения в Афганистане и снижении влияния Пакистана на афганскую ситуацию. Индия, крупнейший региональный донор Афганистана, направила в эту страну помощь в объеме 550 млн. долл. Индия занимает сегодня шестое место по объему инвестиций в экономику Афганистана (это составляет 2,1 млрд. долл.). В настоящее время в Афганистане находится более 4 тысяч граждан Индии, участвующих в различных проектах по восстановлению Афганистана (подготовка афганских полицейских, помощь в области образования, здравоохранения, энергетики и сфере телекоммуникаций). Открыты и успешно работают, помимо посольства в Кабуле, 4 индийских консульства в Герате, Мазари-Шерифе, Джелалабаде и Кандагаре. С 2011 г. Индия решила

приступить к поставкам оружия Афганистану, что положит начало оборонному взаимодействию двух стран. Вопросы расширения афгано-индийского оборонного сотрудничества и обеспечения стабильности в Афганистане обсуждались на состоявшихся 1 июня 2011 г. переговорах министров обороны Индии и Афганистана. Кроме предоставления экономической и гуманитарной помощи Афганистану Индия в настоящее время оказывает содействие в подготовке юристов и сотрудников дипломатической службы. В последующие несколько лет Индия предоставит Афганистану экономическую помощь в размере 500 млн. долл. Эти средства будут направлены на возрождение афганской экономики и восстановление этой страны. С 2002 г. Индия уже предоставила Афганистану экономическую помощь на сумму 1,5 млрд. долл. Она участвует в проектах по реконструкции дамбы в провинции Герат, и в 2011 г. планирует закончить строительство нового здания афганского парламента. Завершается строительство Индией в Афганистане важной автодороги Деларам-Зерандж. Индия предлагает бесплатное медицинское обслуживание в больницах по всему Афганистану. Она избрала линию на применение в Афганистане «мягкой силы». Индийская продукция активно завоевывает местный рынок, а теле- и киноиндустрия популярны среди афганского населения. Афганистан рассматривает Индию как своего стратегического партнера. Для Индии тесные отношения с Афганистаном в перспективе означают для нее не только новые торговые пути, но и доступ к огромным энергетическим запасам Центральной Азии, а также прочные индийско-афганские отношения позволят уменьшить влияние Пакистана в Афганистане.

Пакистан и Иран, как страны-наблюдатели в ШОС, в силу многих общих цивилизационных основ прочно связаны исторически с Афганистаном и имеют большое влияние в этой стране. Пакистан и Иран тесно работают с национальными, религиозными, политическими и военными группировками Афганистана, что явно свидетельствует об их намерениях играть важную роль в стране в стратегической перспективе. В связи с изменением ситуации в Афганистане усилили свою деятельность и Иран, и Пакистан, в большей мере в экономической области, хотя все еще сохраняется их воздействие на отдельные военно-политические группировки ИРА. На современном этапе ключевыми вопросами пакистано-афганских отношений являются проблемы безопасности, транспорта, развития торгово-экономических отношений, вопросы урегулирования ситуации в общей пограничной зоне. В настоящее время создана пакистано-афганская комиссия на уровне министров, занимающаяся вопросами развития сотрудничества между ИРП и ИРА в области торгово-экономического взаимодействия, координации программ восстановления Афганистана. Пакистан снял с местных экспортеров таможенные пошлины более чем на 33 наименования товаров (стройматериалы, продукты питания, лекарственные препараты, одежда, предметы домашнего обихода и т. д.). Пакистан экспортирует в Афганистан бензин, GSM, удобрения и т. д. С 2002 г. действует соглашение о транзитных перевозках между государствами, налажено сотрудничество в банковском секторе. Но принципиальным раздражителем двусторонних отношений остается нерешенная «проблема линии Дюранда». Важной темой пакистано-афганских переговоров продолжает оставаться проблема реализации проекта строительства трансафганского газопровода (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия). В контексте обеспечения национальной безопасности Пакистан и Афганистан взаимодействуют в борьбе с распространением экстремизма, ликвидации террористических угроз, противодействию наркотрафику, незаконной торговлей оружием и контрабандой. Пакистан в рамках международных форумов демонстрирует готовность к выполнению роли посред-

ника в достижении согласия между афганскими властями и влиятельными этнополитическими силами в Афганистане. Пакистан выступает за включение всех этнических групп Афганистана в процесс переговоров, а также стремится привлечь к нему представителей афганских талибов. Пакистан считает, что исключение «умеренных талибов» (признающих Конституцию ИРА, сложивших оружие и инкорпорированных в экономическую жизнь страны) из политических структур Афганистана провоцирует их дальнейшую радикализацию, обостряет ситуацию в пограничных районах и побуждает их лидеров к активизации действий на пакистанской территории. Привлекая контингент международных антитеррористических сил в Афганистане для обеспечения безопасности пакистано-афганской границы, Пакистан создает определенный «защитный пояс» вдоль «линии Дюранда», а также он стремится достичь согласия с местными племенными лидерами, имеющими возможность контролировать ситуацию на границах с Афганистаном после начала вывода коалиционных сил из Афганистана в 2011 г. Этим можно объяснить и действия пакистанской армии, подразделения которой, освободив от талибов территорию Южного Вазиристана, не вошли в пограничный с Афганистаном Северный Вазиристан, где сконцентрированы экстремистские элементы. При этом неоднократно Пакистан подвергался жесткой критике со стороны США и обвинениям в укрывательстве террористических элементов на своей территории, особенно после ликвидации Усамы Бен Ладена на пакистанской территории.

Иран с самого начала восстановления «постталибовского» Афганистана де-факто занял одно из центральных мест в подъеме афганской экономики. При этом, если остальные зарубежные доноры – США, Евросоюз, Япония и другие страны участвовали, в основном, в восстановлении дорог, телекоммуникаций и связи, оказании гуманитарной помощи, то Иран направил средства в важнейшие для Афганистана области: сельское хозяйство и энергетику. Одним из важнейших направлений ирано-афганского сотрудничества стала помощь в восстановлении наземных путей сообщения. Интересы Ирана в Афганистане, прежде всего, связаны с укреплением влияния в западных провинциях страны, которые исторически относились к Персидской империи. В списке стран, инвестирующих в последние годы средства в экономику Афганистана, Иран прочно входит в первую пятерку. В настоящее время Иран является одним из ведущих торговых партнеров Афганистана, заметно потеснив соседний Пакистан⁷. Очевидно, что в перспективе Иран и Пакистан через экономическую составляющую могут иметь возможность влиять на внутри-, внешнеполитические процессы нового Афганистана.

Стабильность в Афганистане можно обеспечить только путем переговоров и нахождения компромиссов, а также содействием экономическому развитию страны. При разрешении сложной афганской проблемы недостаточно уделяется внимание на реально существующие сложные геополитические факторы, существенно влияющие на обстановку в стране. Как известно, афганцы не сформировались как единая гражданская нация, а политическая борьба в Афганистане неотделима от региональной, а также от межэтнических, межконфессиональных (сунниты и шииты) и внутриконфессиональных противоречий⁸. Межафганское перемирие создало бы благоприятные условия для развития торговых, экономических отношений между восточными и северными соседними странами Афганистана⁹. Нарастивая во-

[7] Савченко Д. Индия и Пакистан: собственный проект для Афганистана 30.03.2011 «Око планеты»; Замараева Н.А. Современная политика Пакистана на афганском направлении // Институт Ближнего Востока – <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1290074280>; Столповский О.А. указ раб., с. 124-125.

[8] Князев А.А. Американский тупик в Афганистане. ШОС и значение стран-наблюдателей: поиск новых парадигм. // Материалы междунар. конф. «ШОС как фактор интеграции Центральной Евразии: потенциал стран-наблюдателей и стран-соседей» – М., 2009. – С. 135.

[9] Вахидулла Сабоун. Афганистану нужен переговорный процесс // «Афганистан, ШОС, безопасность и геополитика Центральной Евразии» – Бишкек, 2008. – С. 217-219.

енное присутствие в Афганистане, внешние силы не добьются успеха, поскольку людские ресурсы Афганистана и зоны племен Пакистана неизмеримо больше¹⁰. Очевидно, нельзя игнорировать де-факто существующие геополитические реалии Афганистана, как отмечал в своем выступлении на нашем «круглом столе» господин Латиф Педром о геополитическом факторе Афганистана, то есть необходимо учитывать реально существующую децентрализацию Афганистана, когда централизованная власть Кабула достаточно слаба на периферии страны. Участники формата сотрудничества 7+5 могли бы способствовать созданию демократической, легитимной, устойчивой структуры государственного управления, учитывая географические размеры страны, разнообразие ее этнического состава, истории культуры, а также искусственно проведенных границ с превращением в прошлом Афганистана в некую буферную зону между сферами влияния великих держав XIX в. – России и Англии. Возможно, для эффективного управления необходимо создание автономий в рамках единого Афганистана, а самому Афганистану восстановить статус постоянного нейтрального государства. Но это длительный процесс, который требует определенного переходного этапа. Учитывая актуальность этой проблемы – необходимости придания Афганистану статуса нейтрального государства, – на нашем «круглом столе» уже неоднократно говорили об этом в своих выступлениях господин Ахмадулло Васток, Андрей Медведев, Латиф Пидром и др.

Государства Центральной Азии заинтересованы в создании сильного, независимого Афганистана. Ключевой проблемой региона все еще остается проблема мирного урегулирования афганского конфликта, а также восстановления геополитической целостности Центральной Азии. Если в 90-х гг. прошлого века модели интеграции охватывали государства в основном только постсоветского пространства региона, то теперь ощутимо все большее стремление к укреплению геополитической целостности Центральной Азии, и пример тому – ШОС, которая включает в качестве членов и наблюдателей все государства региона¹¹.

Афганистан проявляет интерес к деятельности ШОС и высказывает намерение стать членом этой организации. В этом контексте представляются интересными предложения российской «экспертной группы Ю. Крупнова» по созданию Афганского фонда ШОС по разработке и реализации Комплексного плана развития Афганистана¹². Кроме того, предлагается созвать в Кабуле под эгидой ООН Международную конференцию «Мир и процветание в Афганистане», которая должна, по мнению экспертов, принять план восстановления мира в Афганистане и последующего развития страны, решить, какой должна быть структура политической системы Афганистана, принять Комплексный план развития Афганистана, разработанный экспертами ШОС и Афганистана. Таким образом, только комплексное сотрудничество всех заинтересованных акторов (прежде всего приграничных к Афганистану государств и ведущих внешних акторов) в афганском урегулировании способно развязать «афганский узел» и обеспечить стабильность в регионе.

[10] Князев А.А. Указ раб., с. 133.

[11] Майтдинова Г.М. Модели интеграции государств Центральной Азии: за и против // Материалы междунар. конф. «Проекты сотрудничества и интеграции для Центральной Азии. Сравнительный анализ, возможности и перспективы» – Бишкек, 2007. – С. 124.

[12] Путь к миру и согласию в Афганистане определяется позицией, которую займет Россия. Проектно-аналитический доклад. – М., 2008.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ УЗБЕКИСТАНА В РАЗВИТИИ ТРАНСПОРТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В АФГАНИСТАНЕ¹

СТОЛПОВСКИЙ ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ

Независимый военный эксперт (Ташкент, Узбекистан)

Введение

Географическая замкнутость Центральной Азии внутри евразийского континента и удаленность региона от морских коммуникаций создавали и создают объективные трудности для роста национальной экономики Республики Узбекистан и ее полномасштабной интеграции в систему международных экономических связей. Поэтому все годы независимости одним из главных приоритетов стратегии социально-экономического развития Узбекистана было и остается формирование новых транспортных коридоров во всех географических направлениях с целью создания более надежных и коротких путей сообщений наряду с традиционно действующими коммуникациями.

В этой связи именно соседний Афганистан рассматривается как один из наиболее удобных плацдармов для разработки альтернативного транспортного коридора в южном направлении (т. н. трансафганский транспортный коридор), который открывает широкие перспективы по выходу Узбекистана к морским портам Ирана и Пакистана на побережье Индийского океана². Для Узбекистана маршрут через Афганистан к этим портам будет короче уже используемых маршрутов к портам Черного и Балтийского морей более чем в 2 и 3 раза соответственно, и почти в 5 раз короче маршрутов к портам Тихого океана. Кроме того, реализация проекта трансафганского транспортного коридора позволит республике расширить транзитный потенциал за счет использования транспортных коммуникаций, пересекающих узбекскую территорию, а также укрепить положение в качестве важнейшего регионального центра логистики.

Однако на сегодняшний день формирование нового транспортного коридора в южном направлении наталкивается на неурегулированность и высокую конфликтность Афганистана, что, соответственно, тормозит реализацию идеи диверсификации новых коммуникационных маршрутов. В результате, транзитные возможности южного соседа для Узбекистана остаются пока практически незадействованными.

Общий обзор военно-политической ситуации в Афганистане.

Анализ текущей ситуации свидетельствует о том, что, несмотря на предпринимаемые со стороны мирового сообщества усилия, военно-

[1] Материалы Международной конференции «Сценарии для Афганистана и трансформация региональной безопасности», Алматы, 9-10 июня, 2011 г.

[2] В апреле 2011 г. министры иностранных дел Узбекистана, Туркменистана, Ирана, Омана и Катара подписали в г. Ашхабаде пятистороннее соглашение о создании нового международного транспортного коридора, который соединит страны Центральной Азии с портами Персидского залива. По мнению экспертов, коридор позволит странам региона получить доступ к привлекательным рынкам Персидского залива, а также дифференцировать рынок нефтепродуктов в Центральной Азии. Инициатором нового транспортного маршрута в октябре 2010 г. выступил президент Узбекистана И. Каримов.

политическая обстановка в Афганистане продолжает оставаться крайне напряженной, и по многим параметрам тупиковой.

На сегодняшний день активные действия воинского контингента США, а также подразделений Международных сил по поддержанию безопасности (ISAF) и Афганской национальной армии (АНА) не привели к достижению поставленной цели – нанесению военного поражения оппозиционным кабульским властям группировкам. Движение «Талибан» и другие антиправительственные формирования сохраняют высокий боевой потенциал и не прекращают оказывать активного сопротивления. При этом отмечается расширение географии и интенсивности их действий. Если раньше нападения боевиков в основном происходили на юге и востоке Афганистана, то в настоящее время они происходят и в прошлом относительно спокойных северных и западных провинциях. Рост нестабильности на севере страны во многом обусловлен тем, что с началом функционирования в 2009 г. «северного» маршрута снабжения коалиционных войск талибы стремятся закрепить в Северном Афганистане, населенном преимущественно таджиками и узбеками, которых активно привлекают в свои ряды за счет целенаправленной финансовой помощи. В результате, на сегодняшний день около 20% военных формирований талибов в провинциях Кундуз, Баглан и Балх уже составляют таджики и узбеки.

Несмотря на то, что в ходе вооруженных столкновений с войсками международной коалиции противники нынешних кабульских властей несут потери, интенсивность их деятельности по-прежнему остается высокой. Особенно это касается увеличения числа террористических акций как против представителей афганских правительственных структур, так и военнослужащих стран НАТО. Данной тенденции во многом способствует сохраняющаяся социальная база поддержки талибов и их сторонников, которые выступают против присутствия в стране международного воинского контингента.

Повторяется ситуация, аналогичная периоду пребывания в Афганистане в 80-х гг. XX в. советских войск, когда реакцией на это стали рост недовольства и активное сопротивление военному вмешательству извне. Нахождение сейчас на афганской территории иностранных войск, даже если они подкреплены мандатом ООН и их цель – поддержание стабильности в Афганистане, является главным раздражающим фактором для афганского населения и всех сил, находящихся в оппозиции к нынешним властям в Кабуле.

Кроме того, рост негативного отношения к иностранным военным обуславливается гибелью гражданского населения в ходе проведения боевых операций. Продолжая делать основную ставку на воздушные удары, пусть даже и точечные, с использованием беспилотных летательных аппаратов, командование американских войск и сил НАТО пытается свести к минимуму военные потери на земле. Но такая тактика все равно приводит к значительным потерям среди мирных афганских граждан, что, естественно, еще больше провоцирует рост антизападных, а заодно и антиправительственных протестных настроений.

Еще одной явной ошибкой тактики действий международного воинского контингента в Афганистане, как признают многие эксперты, является разделение ИРА на так называемые зоны ответственности, что приводит к отсутствию необходимой скоординированности и выработки единого алгоритма действий между командованиями подразделений различных стран, представленных в коалиции. Так, отмечались неоднократные случаи, когда американское командование проводило войсковые и специальные операции в зонах ответственности своих союзников, которые при этом заранее не предупреждались о данных мероприятиях. Кроме того, что также немаловажно

но, отсутствуют координация и взаимодействие военных с гражданскими компонентами международных организаций, которые представлены в ИРА (ООН и ЕС). Это искусственно отрывает военную составляющую операции от гражданской и тем самым серьезно ослабляет эффект от всей операции по стабилизации обстановки в Афганистане.

Данные обстоятельства, как представляется, являются следствием наличия разногласий среди стран-участниц международной коалиции в отношении механизмов урегулирования афганского конфликта. Если США и их ближайший союзник Великобритания пока еще делают основной упор на силовые методы как приоритет своих действий (по крайней мере, до объявленного президентом Б. Обамой начала вывода американских войск из Афганистана в июле 2011 года), то европейские государства, в первую очередь Германия, стараются акцентироваться на стабилизирующей и гуманитарной составляющих, о чем, в частности, наглядно свидетельствует деятельность немецкого контингента в северных провинциях ИРА. Кроме того, европейцы выступают за постепенную передачу ответственности за обеспечение безопасности в Афганистане национальным силам безопасности – армии, полиции и специальным службам. А для этого силам ISAF необходимо максимально сосредоточить свои усилия не на боевых действиях с талибами, а на подготовке афганской армии, спецслужб и полиции, которые в конечном итоге должны будут взять на себя всю полноту ответственности за безопасность в стране.

Совершенно очевидно, что военного пути решения проблемы нет. И кабульское руководство, и командование международного воинского контингента осознают это. В последнее время идут интенсивные поиски альтернативных путей внутриафганского урегулирования. Один из них – попытка наладить диалог с движением «Талибан» и другими антиправительственными группировками и добиться компромисса с ними по поводу будущего развития Афганистана. Президент Х. Карзай давно уже обращается с призывами к талибам признать действующую конституцию страны, прекратить вооруженную борьбу и участвовать в политических процессах в Афганистане.

В 2010 г. в Кабуле состоялась джирга мира, основной целью которой была попытка ее участников выработать план по мирному урегулированию и разработать стратегию дальнейшего развития страны. Результатом работы Джирги явилось принятие декларации, которая определяет механизмы интеграции членов непримиримой вооруженной оппозиции в общественную жизнь, в частности путем трудоустройства и выдачи ссуд. Мероприятие такого уровня, безусловно, явилось знаковым в череде событий в Афганистане за последние годы³.

Тем не менее, непримиримая оппозиция, причем не малочисленная, продолжает делать ставку на силовые методы борьбы за власть в стране. Поэтому говорить о перспективах прекращения с их стороны боевых действий и нормализации ситуации в Афганистане пока представляется преждевременным. Складывается патовая ситуация. С одной стороны, для нанесения существенного ущерба боевому потенциалу движения «Талибан» с целью разгромить или склонить талибов к переговорному процессу с нынешними кабульскими властями подразделениям международной коалиции на ближайшую перспективу требуется сохранять активность вооруженной борьбы против них. Но при этом деятельность иностранных войск на территории Афганистана по-прежнему будет питательной средой для сохранения социальной базы противников нынешнего режима Х. Карзая.

[3] Аналогичные мероприятия организовывались и в прошлом, но они не продемонстрировали готовности оппозиции включиться в переговорный процесс.

С другой стороны, заявленная руководством НАТО постепенная передача полномочий властям ИРА (при нынешней расстановке афганских военно-политических сил) по обеспечению безопасности в стране при откровенной слабости афганских силовых структур (особенно армии и полиции) на современном этапе видится малопродуктивной акцией. Имеющаяся численность афганской армии и полиции не позволяет центральным властям Афганистана самостоятельно поддерживать порядок в стране. Вряд ли серьезно изменит ситуацию планируемое увеличение АНА. Серьезной проблемой остается техническое обеспечение армии, а также качество солдатского и офицерского корпуса.

В итоге, планируемое с лета 2011 г. начало вывода подразделений США и НАТО из ИРА не исключает такого варианта развития событий в Афганистане, где пока так и не созданы дееспособные армия и полиция, а также не решен вопрос об интеграции нынешних противников режима во власть, что страна может вернуться к состоянию, в котором она была до начала проведения в 2001 г. операции «Несокрушимая свобода».

Существенное влияние на развитие военно-политической обстановки в Афганистане оказывает также расстановка сил в афганском обществе, которая на современном этапе носит сложный и неоднозначный характер. Здесь перемешались национально-этнические и религиозные противоречия, личные амбиции различных афганских военно-политических деятелей и региональных авторитетов, подогреваемых в отдельности внешними силами.

События апреля 2011 г. в Афганистане, когда в ряде провинций, в том числе и северных, прокатилась волна массовых вооруженных выступлений, вызванных провокационной выходкой по сожжению экземпляра Корана евангелических пасторов из США, свидетельствуют о новых тенденциях в афганском обществе, которые будут в ближайшее время усиливаться, активно влияя на формирование новой афганской политической реальности. Речь идет о появлении движений «нового активного протеста», на которые официальный Кабул пока не сумел конструктивно и уверенно отреагировать.

Тем не менее, несмотря на неоднозначность оценок деятельности действующего президента ИРА, на сегодняшний день Х. Карзай, располагающий финансовыми и административными ресурсами, пытается продемонстрировать независимое от зарубежных союзников поведение, как во внутренней, так и внешней политике. Внутри Афганистана Х. Карзай стремится, в первую очередь, договориться с движением «Талибан» и другими оппозиционными силами (группировки Г. Хекматиара, Дж. Хаканни и др.) и интегрировать их во власть. Кроме того, за счет частичной «пуштунизации» северных провинций Афганистана (кадровые перестановки в силовых структурах в «таджикских» провинциях, переброска на север Афганистана дополнительных армейских и полицейских резервов, в основном состоящих из пуштунов) он стремится расширить зону своего влияния и снизить авторитет местных лидеров.

Во внешней политике афганский президент старается проводить курс на многовекторность, расширяя тем самым диапазон международных контактов ИРА. Наглядным тому подтверждением является достаточно тесное и плодотворное сотрудничество между Афганистаном и Ираном, стремление найти все больше точек соприкосновения с Россией. И внутренняя, и международная деятельность, безусловно, играют на повышение имиджа Х. Карзая как национального лидера. Хотя, при этом, его по-прежнему можно считать доверенным лицом Соединенных Штатов и его союзников, которым он нужен для реализации своих стратегических задач в Афганистане и в регионе в целом.

Таким образом, ситуация в Афганистане на сегодняшний день остается достаточно сложной. Анализ текущих событий и тенденций их развития свидетельствует о прямой взаимозависимости нынешнего положения дел с активным воздействием на внутриафганские процессы со стороны внешних сил, в первую очередь присутствием в Афганистане иностранного воинского контингента. Сложность обстановки в стране усугубляется и собственно внутривнутриполитическими противоречиями, включая этноконфессиональные, слабой дееспособностью органов власти ИРА в обеспечении безопасности в стране и социально-экономического развития. Все это обуславливает сохранение очага напряженности в непосредственной близости от Узбекистана.

При этом нерешенность вопроса урегулирования внутриафганского кризиса несет в себе угрозы и вызовы, в первую очередь, для граничащих с Афганистаном государств, продолжая оставаться главной причиной региональной нестабильности, а также сдерживающим фактором на пути более глубокой интеграции центральноазиатских государств, в т. ч. Узбекистана, в транспортные и экономические системы Южно-Азиатского региона.

Транзитный потенциал Афганистана, его возможности для диверсификации транспортных потоков Узбекистана

В силу географического расположения Афганистана его территория достаточно удобна для формирования транспортных коридоров из Центральной Азии в Южную Азию и на Средний Восток. Для центральноазиатских стран, и в частности Узбекистана, прокладка через территорию южного соседа современных автомагистралей и железных дорог означает, прежде всего, получение самого короткого выхода к океанским портам для реализации потенциала внешней торговли и интеграции в мировую хозяйственную систему. С учетом того, что основные маршруты, связывающие север Афганистана с внешним миром, в основном проходят через узбекскую территорию, для Узбекистана представляется немаловажной и серьезная заинтересованность в данных проектах других приграничных с Афганистаном стран и индустриально развитых государств. Для них новые коммуникационные системы открывают доступ к энергоресурсам региона Центральной Азии, другим его уникальным природным богатствам и перспективным рынкам сбыта своей продукции.

Основные транзитные проекты на стадии разработки, реализации и эксплуатации

Основные транзитные проекты через территорию Афганистана на сегодняшний день включают использование уже существующих автомобильных маршрутов, строительство и начало эксплуатации интермодальных маршрутов (железная дорога – автодорога), а также проектирование трубопроводов и систем передачи электроэнергии.

- *Использование автомобильного маршрута «Термез – Кабул – Кандагар – Кветта – Карачи»*

Это один из основных транспортных маршрутов, проходящих через территорию Афганистана, с возможностью выхода к морским портам Пакистана (Карачи, Гвадар). Протяженность его афганской части составляет около 1100 км, в том числе от Термеза до Кабула – 460 км. В 1990-е гг. в ходе боевых действий между противоборствующими афганскими группировками дорожное полотно на многих участках было повреждено, что значительно снизило пропускную способность данного маршрута. После начала оказания международной помощи Афганистану на автотрассе стали проводиться восстановительные работы, что позволило практически восстановить техни-

ческое состояние дороги и инфраструктурных объектов. В частности, только Узбекистаном в рамках реализации программы реконструкции Афганистана было сооружено и отремонтировано 11 мостов на участке Мазари-Шариф – Кабул. Тем не менее, сохраняющаяся в настоящее время в ИРА нестабильность не позволяет использовать данный маршрут не только в качестве транзитного, но и не обеспечивает безопасность перемещения грузов даже на отдельных его участках.

- *Использование автомобильного маршрута «Термез – Мазари-Шариф – Герат – Кандагар – Кветта – Карачи»*

Маршрут является альтернативным первому маршруту через территорию Афганистана с выходом на морские порты Пакистана. Протяженность его афганской части от г. Термеза до границы с Пакистаном составляет около 1700 км. В условиях сохраняющейся нестабильности в стране, а также с учетом того, что данный маршрут проходит через 9 афганских провинций, в том числе южные и юго-восточные районы, где активно действуют боевики антиправительственных сил, его использование для транзитных перевозок на сегодняшний день представляется маловероятным с точки зрения обеспечения безопасности. Тем более, за годы вооруженного противостояния полотно дороги на многих участках было повреждено, и пока еще целиком не восстановлено.

- *Строительство железнодорожной ветки по маршруту «Герат – Хаф» (Афганистан – Иран)*

Иран в числе первых начал реализацию проектов строительства железных дорог в ИРА. Первоочередной целью данного проекта стало под соединение западных районов Афганистана к иранской железнодорожной сети для ввоза в страну иранской продукции и обеспечения доступа афганским предпринимателям к региональным и мировым рынкам.

На основе соглашения, подписанного в начале 2006 г. в рамках международной конференции по Афганистану в Лондоне, в том же году началось строительство однопутной железнодорожной ветки от провинциального центра Герат (ИРА) до приграничного населенного пункта Хаф (провинция Хорасан-Резави, ИРИ). Генеральным подрядчиком проекта выступило министерство транспорта и путей сообщения ИРИ, а непосредственно строительные работы велись иранской компанией. Несмотря на то, что согласно условиям соглашения 60% стоимости проекта должен был оплатить Иран, а 40% – Афганистан, финансирование строительства практически полностью осуществлял Иран в рамках программы безвозмездной технической помощи.

Открытие железнодорожной ветки состоялось в начале 2009 г. Длина афганского участка составила 114 км, иранского – 77 км. Тем самым было произведено под соединение к участку иранской железной дороги «Хаф – Рошхар – Сангин – Турбете-Хейдари». Последний населенный пункт является узловым центром на магистральном железнодорожном маршруте «Мешхед – Бафк – Бендер-Аббас», который соединяет северные районы Ирана с побережьем Персидского залива. Железнодорожная ветка «Герат – Хаф» значительно упростит экспорт крупных партий афганских грузов через морские порты Ирана на побережье Персидского залива (Бендер-Аббас) и Каспийском море (Амирабад). Кроме того, Афганистан впервые получил возможность присоединиться через территорию Ирана и Турции к европейской сети железных дорог.

- *Планы по строительству железнодорожной магистрали по маршруту «Нижний Пяндж – Кундуз – Мазари-Шариф – Герат – Хаф» (Таджикистан – Афганистан – Иран)*

После начала строительства железнодорожной ветки «Герат – Хаф» о своей заинтересованности в скорейшем открытии железнодорожного маршрута из Таджикистана в Иран через афганскую территорию стало заявлять руководство Республики Таджикистан. Конкретная договоренность о строительстве железной дороги через территорию Афганистана была достигнута в ходе визита в Таджикистан в 2010 г. президента Ирана М. Ахмадинежада. Предполагаемая протяженность железной дороги составляет более 1200 км. Как представляется, из-за крайне сложного экономического положения Таджикистана основные расходы по проекту на себя возьмет иранская сторона.

- *Планы по строительству железнодорожной ветки по маршруту «Кушка – Турагунди – Герат – Хаф» (Туркменистан – Афганистан – Иран)*

С целью подсоединения к афгано-иранской железнодорожной ветки «Герат – Хаф» в 2008 г. власти Туркменистана заявили о желании продолжить железнодорожную ветку от Кушки через афганский приграничный населенный пункт Турагунди до Герата. Предполагаемая протяженность туркмено-афганской железнодорожной ветки составляет около 100 км. На сегодняшний день конкретных решений по данному проекту ни Ашгабатом, ни Кабулом пока не принято.

- *Планы по строительству железнодорожной ветки по маршруту «Чаман – Кандагар» (Пакистан – Афганистан)*

Еще в 2003 г. руководство Пакистана официально заявляло о планах по строительству железнодорожной ветки протяженностью 170 км от пакистанского приграничного населенного пункта Чаман до афганского города Кандагара – самого крупного населенного пункта на юге Афганистана. Данный железнодорожный путь рассматривался как один из этапов в создании трансафганского международного транспортного коридора между Пакистаном и странами Центральной Азии. Однако сохраняющаяся крайне нестабильная обстановка как в южных провинциях Афганистана, так и в самом Пакистане стала главным тормозом в осуществлении данного инфраструктурного проекта.

- *Планы по строительству трансафганского газопровода (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия)*

Проект строительства газопровода для поставки туркменского газа в Пакистан через территорию Афганистана появился еще в середине 1990-х гг. Тогда его активно лоббировали американская нефтяная компания UNICAL и саудовско-аравийская DELTA Oil Company. Однако из-за крайне нестабильной обстановки в Афганистане реализация проекта была отложена.

К рассмотрению проекта вернулись лишь после свержения правительства талибов и ввода в Афганистан сил международной коалиции. В 2002 г. главы Туркменистана, Афганистана и Пакистана подписали соглашение о строительстве газопровода. Для реализации проекта был создан Руководящий комитет (РК) в составе руководителей нефтегазовых ведомств этих стран и представителей Азиатского банка развития (АБР), который намерен был инвестировать строительство. В феврале 2006 г. к проекту подключилась Индия, а в конце 2009 г. о своей заинтересованности в участии прокладки трансафганского газопровода заявило руководство итальянского энергетического концерна ENI.

Согласно ТЭО проекта, подготовленного английской компанией Penspen, газопровод «Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия» должен пройти от месторождения «Давлетабад» на юго-востоке Туркменистана до населенного пункта Фазилка (Индия) на границе Пакистана и Индии. Его протяженность составит 1680 км, из которых 145 км – по территории Туркменистана, 735 км – Афганистана, 800 км – Пакистана. Трубопровод ди-

аметром 1420 мм с рабочим давлением 100 атмосфер рассчитан на пропускную способность 33 млрд. куб. метров газа в год. Предполагаемые затраты на его строительство составят около 3,3 млрд. долларов.

Ресурсной базой для поставок газа по трубопроводу считается крупнейшее месторождение «Давлетабад», расположенное в юго-восточной части Туркменистана, а также примыкающие к нему месторождения и высокоперспективные зоны газонакопления. Перспективные ресурсы газа Довлетабадской зоны оцениваются в 4,5 трлн. куб. метров. Участники международного Руководящего комитета считают их достаточными для поставок по данному газопроводу.

В настоящее время заинтересованные стороны не могут приступить к реализации данного проекта из-за нестабильности обстановки в Афганистане. Тем не менее, по мнению ряда экспертов, «трансафганский» трубопровод способен дать мощный импульс не только развитию торгово-экономических отношений, но и стать основой для создания десятков тысяч новых рабочих мест в Афганистане. Возникновение целой инфраструктуры по пути следования данного транснационального газопровода будет способствовать привлечению крупных инвестиций, что, в конечном итоге, может привести к стабилизации обстановки и экономическому росту в ИРА.

• *Планы по транзиту электроэнергии из Таджикистана в Пакистан через территорию Афганистана*

Планы поставок электроэнергии из Таджикистана в Пакистан начали обсуждаться еще в середине первого десятилетия наступившего века. Межправительственное соглашение о разработке проекта ЛЭП CASA-1000⁴ и дальнейшего развития Центрально-Азиатского и Южно-азиатского электроэнергетического рынка (CASAREM) было подписано в Исламабаде в 2008 г. Проект, в частности, предусматривал строительство региональной линии электропередачи, которая позволила бы экспортировать излишки электроэнергии в объеме 1 тыс. МВт в летнее время из Таджикистана и Кыргызстана в Афганистан и на северо-запад Пакистана. Протяженность ЛЭП только между Таджикистаном и Пакистаном через Афганистан составит 750 км. Проект CASA-1000 был одобрен Всемирным банком (ВБ) и Исламским банком развития (ИБР). Ориентировочная стоимость строительства ЛЭП и инфраструктурных объектов составляет 680 млн. долл. На сегодняшний день реализация данного проекта пока не начата.

Кроме того, в 2008 г. таджикскими специалистами был разработан проект строительства ЛЭП-220 «Сангтуда – Кундуз – Пули-Хумри». В соответствии с графиком, строительство ЛЭП должно быть завершено к концу 2010 г. На таджикской территории протяженность ЛЭП составляет 118 км, а на афганской – 156 км. После сдачи ЛЭП в эксплуатацию импорт таджикской электроэнергии в Афганистан должен составить 300 МВт (по крайней мере, так заявляют таджикские официальные представители). В перспективе ЛЭП планируется протянуть до Кабула и далее до границы Пакистана. Строительство финансирует Исламский банк развития.

Участие Узбекистана в проектах по формированию трансафганского транспортного коридора

После смены власти в Афганистане осенью 2001 г. и ввода войск международной коалиции на его территорию для Узбекистана в очередной раз актуализировался вопрос о формировании новых транзитных маршрутов через территорию соседнего государства.

[4] CASA – Central Asia-South Asia – 1000.

В 2003 г., в рамках официального визита президента Узбекистана в Тегеран, по инициативе узбекской стороны в целях диверсификации транзитных маршрутов и восстановления инфраструктуры Афганистана между Узбекистаном, Ираном и Афганистаном был подписан трехсторонний меморандум о целесообразности создания международного трансафганского транспортного коридора. Впоследствии данный вопрос неоднократно поднимался в ходе переговоров в различных форматах и составах участников, что свидетельствовало о повышенной заинтересованности к транзитным возможностям Афганистана.

В ноябре 2008 г. в Баку в ходе VII-й конференции государств-участников Программы АБР-ЦАРЭС (Центральноазиатское региональное экономическое сотрудничество) Узбекистан и Афганистан при посредничестве Азиатского банка развития подписали меморандум о взаимопонимании по расширению торгово-экономических связей через развитие инфраструктуры железных дорог в ИРА. В документе, в частности, отмечалась необходимость развития железнодорожного сообщения между Узбекистаном и Афганистаном за счет создания железнодорожного маршрута от границы Республики Узбекистан до Герата через Мазари-Шариф⁵.

Для исполнения принятых в документе резолюций в феврале 2009 г. в Ташкенте состоялось первое заседание совместной узбекско-афганской рабочей группы по вопросам проектирования и строительства планируемой железнодорожной линии с участием представителей Азиатского банка развития. В сентябре 2009 г. Совет директоров АБР принял решение о предоставлении правительству ИРА гранта для финансирования строительства железнодорожной ветки «Хайратон – Мазари-Шариф». Тогда же было одобрено предложение президента АБР о выборе ГАЖК «Узбекистон темир йуллари» и ОАО «Боштранслоиха» генеральным подрядчиком и генеральным проектировщиком, соответственно без проведения международного тендера⁶.

Плановые работы по строительству указанной железнодорожной ветки общей протяженностью 75 км начались в январе 2010 г.⁷ В рамках проекта также планировалась реконструкция 21-километрового участка «Термез – Хайратон», строительство двух станций и двух разъездов, грузового терминала в Мазари-Шарифе, а также поставка локомотивов. Строительные работы самого железнодорожного полотна были завершены в первой половине 2011 г., однако по ряду причин линия все еще не сдана в эксплуатацию, и по ней не открыто регулярное движение.

Международные эксперты оценивают строительство данной железнодорожной линии в качестве весомого практического вклада Узбекистана в восстановлении экономики Афганистана⁸. По их мнению, проект не только окажет серьезное влияние на развитие экономики ИРА, но и сыграет важную роль в реализации усилий по созданию трансафганского коридора, что позволит превратить в будущем эту страну в транзитное государство. При этом отмечается, что построив и введя в 2007 г. в строй 223-километровую железнодорожную ветку «Ташгузар – Байсун – Кумкурган» в обход территории Туркменистана, Узбекистан тем самым заранее подготовил свою железнодо-

[5] Идея строительства железнодорожной ветки от Хайратона до Мазари-Шарифа не нова. Презентация проекта строительства этой железнодорожной ветки, включенного в план США по восстановлению и модернизации транспортных магистралей Афганистана, прошла еще в августе 2004 г. во время визита в Ташкент министра иностранных дел Афганистана А. Абдулло. Тогда даже был подписан протокол о намерениях между американскими компаниями Weidinger Associates и Central Asian Partners и транспортным концерном «Узавтойул» о финансировании строительства железнодорожной ветки из Термеза через Хайратон в Мазари-Шариф.

[6] О сотрудничестве Узбекистана и АБР в строительстве железной дороги «Хайратон – Мазари-Шариф» / Сайт МИД Республики Узбекистан, 4 марта 2010 г.

[7] Финансирование проекта осуществлялось за счет гранта Азиатского банка развития в объеме 165 млн. долл. и собственных средств правительства Афганистана в размере около 5 млн. долларов.

[8] По расчетам, на первом этапе эксплуатации объем грузоперевозок по данной железной дороге может составить 7 млн. тонн ежегодно с последующим увеличением до 20 млн. тонн в год // Эргашев Б. Приоритетный Афганистан. У Узбекистана есть что предложить Кабулу / Экономическое обозрение (Узбекистан). – 2009. – 21 сентября. – <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1253477820>

рожную инфраструктуру для интеграции с будущей первой железной дорогой Афганистана.

* * *

Таким образом, географическое расположение Афганистана между Южной и Центральной Азией, – с одной стороны, и Ближним Востоком – с другой, обуславливает его высокий транзитный потенциал. Однако на сегодняшний день он используется не в полной мере. Транспортные проекты, в том числе и с участием Узбекистана, реализуются лишь в западных и северных провинциях ИРА, где местные власти стараются обеспечить стабильность обстановки и безопасность проведения работ. И чем раньше ситуация в стране нормализуется, тем быстрее ее территория будет задействована для формирования транзитных транспортных коридоров, в первую очередь трансафганского, что, несомненно, может стать одним из главных условий реабилитации Афганистана.

Заключение

Нестабильность в Афганистане на сегодняшний день является определяющим фактором, препятствующим реализации там крупных транспортных и инфраструктурных проектов, осуществление которых позволит Узбекистану получить альтернативные пути выхода как на региональный, так и на глобальный рынки.

В то же время, несмотря на активные усилия со стороны международного сообщества, в первую очередь США и их союзников по НАТО, по поиску оригинальных идей реформирования Афганистана с учетом его традиций, менталитета населения и прочих факторов, значительных сдвигов в урегулировании кризиса в стране пока не наблюдается. Наоборот, идет в основном, элементарное повторение ошибок тех, кто в свое время пытался «перекроить» это восточное государство под чуждые ему идеологические мерки, в том числе и с использованием военной силы (имеются в виду британские колониальные войны в Афганистане, советское военное присутствие).

В свою очередь, существенное повышение международного внимания к вопросам именно экономического восстановления и развития Афганистана, его интеграции в систему региональных связей позволят приблизиться к решению сложных проблем безопасности как в самой стране, так и на региональном и глобальном уровнях.

В этой связи, как представляется, реализация транспортных проектов на территории ИРА с целью создания трансафганского транспортного коридора значительно повысит транзитные возможности Афганистана и может выступить основным локомотивом постепенного восстановления одного из самых беднейших государств мира. При этом тот факт, что узбекская сторона, построив железнодорожную ветку «Хайратон – Мазари-Шариф», уже приступила к созданию трансафганского транспортного коридора, наряду с уже имеющимся многолетним позитивным опытом разностороннего взаимодействия с соседним государством, дает Узбекистану возможность занять важную роль в формировании действенного механизма по нормализации ситуации в Афганистане с вытекающими отсюда политическими и экономическими дивидендами для самой республики.

АФГАНСКАЯ ВОЙНА 1979-1989 ГГ. ГЛАЗАМИ ОЧЕВИДЦЕВ (ORALHISTORY): МЕТОДОЛОГИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

РАКИШЕВА БОТАГОЗ ИСЛЯМОВНА

Кандидат социологических наук, директор Института сравнительных социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан (Астана, Казахстан)

МАРЛЕН ЛАРИЮЭЛЬ

Профессор, Ph.D., исследователь EUCAM и научный сотрудник FRIDE, профессор Института по изучению стран Европы, России и Евразии и Школы международных отношений университета имени Вашингтона (Вашингтон, США)

УСПАНОВ МУРАТ МАЖИТОВИЧ

Эксперт-аналитик Института социально-политических исследований (Астана, Казахстан)

ШАЛОВА ГУЛЬДЕН

Магистр социологии, научный сотрудник Института социально-политических исследований (Астана, Казахстан)

Афганская война 1979-1989 гг. – название одного из этапов гражданской войны в Афганистане, ознаменованного присутствием на территории этой страны военного контингента советских войск. В данном конфликте принимали участие Вооруженные силы правительства ДРА, – с одной стороны, и вооруженная оппозиция (моджахеды) – с другой. Борьба велась за полный политический контроль над территорией Афганистана около 10 лет.

Для сохранения памяти об этих трагических днях ряд американских и казахстанских ученых и экспертов объединили свои усилия для работы над большим проектом «Афганская война 1979-1989 гг. глазами очевидцев (Oralhistory)».

Задача проекта – сбор информации об Афганской войне 1979-1989 гг. от непосредственных участников процесса – воинов-интернационалистов из стран Центральной Азии. Результатом проекта будет выпуск книги с интервью с бывшими воинами-интернационалистами. На сегодняшний день проведено более 20 интервью в Казахстане, снят документальный фильм. Фильм, основанный на рассказах участников этих событий, – первая часть проекта по изучению жизни ветеранов из центральноазиатских стран, участвовавших в советско-афганской войне. В первую очередь, документальный фильм, снятый по методике «устная история», адресован современной молодежи для знакомства с тяжелой военной судьбой их ровесников-солдат, которые были призваны 18-летними на ту войну.

Ранее было опубликовано довольно много работ о российских ветеранах, но очень мало о центрально-азиатских, у которых была своя собственная память о войне. Центральноазиатская культура, мусульманские традиции, лингвистическая близость счастливо афганского населения повлияли на

то, что у них сложилось свое понимание войны и сопротивление, которое довольно различно от понимания других советских граждан.

Этот проект базируется на идее, что устная история и изучение памяти являются новым исследовательским полем для Центральноазиатского региона, которое нужно развивать, если мы хотим понять мировоззрение всех акторов, которые участвовали в советском опыте. Может быть, это последние годы, когда еще возможно собрать информацию о СССР изнутри, опираясь на память самих бывших советских граждан.

Ниже приведены ряд легшими в основу документального фильма выдержки из интервью с воинами-интернационалистами.

Марденов Марат, 1958 г.р., командир противотанкового взвода, годы службы – 1981-1983 гг. (провинция Талукан, Афганистан):

«Я в Афганистан попал в 1981 г., в конце года, в провинцию Талукан. Служил я в пограничных войсках, потому что в 82-м году началась операция «Долина – 82» – это по вводу 14 пограничных войск для закрытия южных границ СССР. Я был в должности командира противотанкового взвода, хотя закончил Алма-Атинское пограничное училище, не по специальности артиллериста, а стал вынужденно. Из 500 человек, которые служили, я был один казах по национальности, а вообще с Казахстана нас было несколько человек. Поэтому попал. Был в составе Пяньжского Ордена Ленина Таджикского пограничного отряда в Талукане, самый первый. Мне повезло, я самым первым попал. И оттуда началась моя военная, именно чисто военная служба. Военные для войны предназначены, поэтому оттуда и началась служба».

Акматов Дайырбек, 1964 г.р., группа пограничных войск КГБ СССР, командир отделения, годы службы – 1982-1984 гг. (Джелалабад, Афганистан):

«Я, Акматов Дайырбек Апсатарович, родился в 1964 году, 11 апреля. В 1982 г. я попал в пограничные войска КГБ СССР на службу, пройдя «учебку» в Казахстане, я попал в Таджикскую ССР, в Горно-Бадахшанский Памир, Мургаб, то есть в войсковую часть, в пограничный отряд. Там 15 марта 1982 г. была сформирована десантная штурмовая маневренная группа, и в числе этой группы я попал в Афганистан. Там служил в провинции Джелалабад на точках Гульхана, Бандарпост и Батичелли, в трёх точках».

Хасенов Амангельды, 1943 г.р., спецназ «Каскад – 1», снайпер, годы службы – 1980-1981 гг. (провинция Газни, Афганистан):

«Мы зашли тайно, уже 30 лет прошло, можно говорить, а в то время мы очень много документов подписывали, что мы не имеем права разглашать это. У меня есть военный билет, там просто было написано – «выполняли интернациональный долг». В период 1980-1981 года находился в Демократической Республике Афганистан, с целью оказания интернациональной помощи. Вот и все. Нас собрали, в военкомат привезли, документы оформили, старшим меня назначили, нас было 5-6 человек. Давай, бери ребят – и в Алма-Ату самолетом. Приехали туда, офицеры назад вернулись, мы там остались комиссию проходить, 3-4 дня проходили комиссию и – тютю – улетели».

Хаджиев Юрий, 1962 г.р., медицинский санитарный батальон, медицинский санитарный брат, годы службы – 1981-1982 гг. (провинция Герат, Афганистан):

«В 1981г. в апреле месяце я был призван, а в мае уже был в Афганистане. Горную подготовку проходили здесь под Семипалатинском, 2 месяца. Прошли подготовку, а через месяц нас отправили уже туда на самолете, сначала не говорили, а потом все-таки сказали. Потом прилетели в Шинданд, нас там разделили и непосредственно моя часть была в Шинданде, и предписан я был к Шинданду. Командиром дивизии был Борис Громов, со мной вместе еще полковником начинал служить, а дальше потом мы уже на месте не сидели, ездили уже на боевые операции, в Кандагар, и дивизионные рейды были уже везде. Но на месте я не сидел, предписан я был к медсанбату, и мы выезжали постоянно, у нас отдельный батальон был из медиков: два хирурга и несколько солдат. Наша задача заключалась в основном вытаскивать и собирать раненых и погибших, потом уже отправляли их в госпиталь. У нас и самолет свой был, и в рейды с кандагарской дивизией выезжали, постоянно на выезде с нашей разведротой, в части я не сидел. Пробыл я там два года и два месяца, рассказать-то много что есть...вся жизнь пролетела там за два года».

Жумадилханов Аскар, 1959 г.р., начальник радиорелейной станции, годы службы – 1983-1984 гг. (Кабул, Афганистан):

«Приехали, окружили палатку, нас, и первое, что удивительно было, сухпаек нам раздали, открываем картонную коробку, а там полностью, весь набор, – Семипалатинский мясокомбинат: «завтрак туриста», тушенка. В горах под Кабулом, место называлось Теплый стан, как в Москве. Москвичи там, видать, первые обосновались, и Теплый стан назвали...все. Стояли в горах, ничего нет, значит, там стояла рота десантуры и, батальон, где-то 400 человек, был полностью спецсвязи – засекреченная аппаратура, радиорелейная связь. И вот началась служба. Чувствуешь, что уже обстановка другая. Как раз уже ноябрь. Зима. Автоматы рядом всегда, спишь не раздеваясь, в палатке буржуйка стоит в центре».

Боевые операции, в которых участвовали воины-интернационалисты:

Балкасымов Аслан, 1960 г.р., горно-егерский батальон, заместитель командира взвода, годы службы – 1979-1981 гг. (перевал Саланг, Афганистан):

«Там в день по 5 раз нападения совершались. Первая операция – это операция «Бану». Провинция Бану – это близ пакистанской границы. Потом есть такая Паркчуйская долина, знаменитая, такая знаменитая, кто в Афгане был, знает, Чарикарская долина, вот в этой Чарикарской долине, Паркчуйске, был 2 раза. В Паркчуйской очень тяжело было, потому что там кишлаки, а в кишлаках подземные ходы были. Очень сложно воевать там. И потом я участвовал в операции «Бамиан». Эта операция «Бамиан» – туркестанский треугольник. Я там видел как наши танки горели, как спички горели. Я когда пацаном был, кино смотрел, танки горели во время войны. Я постоянно думал, как это так – железо горит. Как это может быть? А здесь я своими глазами видел. Я там одного узбека вытаскивал, помог вытащить с горящего танка, даже имени его не знал. Через 30 лет узнал его имя, оказывается, – он Шухрат. Потому что здесь я встретил «туркестанскую операцию», его командира танка. Здесь в Астане встретил, оказывается, он этот эпизод помнит. И только тогда, через 30 лет, я узнал, как зовут этого узбека – Шухрат. Может, когда где-нибудь меня покажут, он меня узнает. Вот такой случай был».

Койлыбаев Марат, 1968 г.р., автомобильный батальон, годы службы – 1986-1989 гг. (провинция Хайратон, Афганистан):

«Ну, также мы возили боеприпасы, я вам до этого рассказывал. По дороге обстреливали. Где перевал Саланг, там много случаев было. На перевале я ездил иногда как техзамыкание – это когда ты последний едешь, где машина сломается, или колесо там кому надо будет поменять. Мы помогали, сзади оставались техзамыканием».

Балкасымов Аслан, 1960 г.р., горно-егерский батальон, заместитель командира взвода, годы службы – 1979-1981 гг. (перевал Саланг, Афганистан):

«У меня родной брат тоже служил в Афгане. Мы два брата там были – Руслан и Аслан. Он, оказывается, на перевале был, как раз перед Салангом, где я стоял. Три дня стоял, оказывается. Я ему до сих пор говорю: ты бы голову высунул: есть кто с Актюбинска? Не могли встретиться. Конечно, тогда 23-го февраля 80-го года, и в ноябре, там погибло где-то 18 человек, а вот мой брат ехал замыкающим. Замыкающим, значит, сзади, поэтому в живых остался. Я как раз с полка ехал, с той стороны вытаскивал погибших, а я не знал, что брат с этой стороны стоит».

Шалов Тукембай, 1960 г.р., 70-ая отдельная мотострелковая бригада, снайпер-пулеметчик, годы службы – 1979-1981 гг. (провинция Кандагар, Афганистан):

«Я снайпером был, пулеметчиком был в роте. Наша рота, третий взвод, постоянно одедали афганские формы, с афганцами вместе ходили в рейд, кишлаки прочёсывали. Ну, помогли нашей роте афганцы. А в основном азиаты одедали афганские формы. Естественно, командиры тоже азиаты, тоже были азиаты младшей команды. В этой операции я получил медаль «За отвагу».

Марденов Марат, 1958 г.р., командир противотанкового взвода, годы службы – 1981-1983 гг. (провинция Талукан, Афганистан):

«... Операции бывают разные... есть выходы боевые. Операция – это когда планируется командованием, вышестоящими. Самая большая операция – это «Долина-82», на который шел ввод войск пограничных, вдоль северных границ Афганистана, а прикрывали южные границы СССР, это самая крупная. Во всех исторических документах ввод в Талукан считается самым тяжелым, потому что это 1982 год, самая дальняя точка, 120 км по прямой границе в горных условиях. Мы вот туда входили, а потом уже остальное: встреча войск, встречи колонн, обеспечение танковых продвижений, доставка грузов афганцам. Я, например, хорошо помню, что доставлялись калоши, советские калоши. Афганцы их хорошо разбирали. Афганистан встречал, они дружелюбный, хороший народ. Это потом, когда мы начали по просьбе правительства, партии очищать, приводить, как говорится, к нормам власти, вот, мы тогда уже почувствовали силу народа».

Шалов Тукембай, 1960 г.р., 70-ая отдельная мотострелковая бригада, снайпер-пулеметчик, годы службы – 1979-1981 гг. (провинция Кандагар, Афганистан):

«Ну, потери, конечно... войны без потерь, конечно, не бывает. Постоянно ходили... день-два отдыхаем и идём на рядовые операции. Иногда на «прочёсе» узнаем: где-то операция идет, что проходит целый караван с Пакистана, и там «боеприпасы» какие-то, ну, постоянно в рейд ходили. Мы, помню, вот это в 80-м, летом было, мы готовились под Кандагаром, у нас там «зелёная

зона» называлась. Поэтому эту «зелёнку» надо было прочёсывать. Вечером готовились, и «повлекли» нас на следующий день. У нас сослуживец пацан, он был на полгода младше, призыва был 81-го, он должен был в ноябре уволиться (а я в 81-м в мае увольнялся), вот он погиб».

Ниже представлены выдержки из интервью медицинских работников, участвовавших в Афганской войне:

Ережепова Рауза, 1963 г.р., медицинский санитарный батальон, операционная медицинская сестра, годы службы – 1985-1988 гг. (город Баграм, Афганистан):

«Можно сказать, уже третий десяток разменяли со дня вывода войск, а все равно снится, особенно после встреч с родителями, ребятами, когда хорошишь родителей ребят, все вспоминаешь потом, ночами не спишь...».

Хаджиев Юрий, 1962 г.р., медицинский санитарный батальон, медицинский санитарный брат, годы службы – 1981-1982 гг. (провинция Герат, Афганистан):

«То, что с нашими пленными они делали, это чересчур, я даже не могу вам рассказать, это страшно. Если были бы Вы мужчиной, я бы рассказал. У нас был один офицер в Герате, и двое солдат, что с ними сделали... Потом в рейде БТР отстал, там 5 человек, и с этими ребятами... что сделали – словами нельзя выразить. Я всегда боялся в плен попасть, еще когда Брежнев у нас был, у нас замполит хорошо лекции такие проводил, политинформацию, что мы все были такие коммунисты, все умереть, только в плен не сдаться».

Отношения между солдатами срочной службы и офицерами ограниченного контингента советских войск в ИРА:

Балкасымов Аслан, 1960 г.р., горно-егерский батальон, заместитель командира взвода, годы службы – 1979-1981 гг. (перевал Саланг, Афганистан):

«Доверие было сильное. В то время идеология была очень сильной. Мы командиров уважали, потому что командиры с нами тоже обращались не как в мирное время. «Смирно, направо, налево» – такого не было. Они разговаривали с нами как с боевыми товарищами. Понимаете, у нас ситуация абсолютно другая, в мирное время так служат, а служба в Афгане абсолютно была разная. Мы уже боевые товарищи. С командиром отправляют на действия. Как во время Отечественной войны – Бауыржан Момышулы за Сталина, или Бауыржана Момышулы называли «бабкой». Точно также и у нас, у нас отношения такие же как в боевых действиях. Вот, например, я сегодня вечером хочу съездить в Павлодар, там у меня командир – Юрий Генрихович Киселев. Он был командиром роты, он, оказывается, в Павлодаре. Я хочу к нему съездить. Мы его сильно уважаем. С одной стороны, молодые были, шалости были, но он мой командир и боевой товарищ. Вот такие отношения».

Отношения между населением Афганистана и советскими военнослужащими:

Алимжанов Сатпек, 1960 г.р., командир отделения боевой машины десанта, заместитель командира взвода, годы службы – 1979-1980 гг. (провинция Кунар, Афганистан):

«Ну, когда мы в Кабуле стояли, вот... отношение кабульцев, наоборот, дружелюбное было. Ну, не знаешь, кто он – днём он, возможно друг, ночью – душман, но факт в том, что и дети подходили, и мы даже им свои береты давали. Когда охраняли аэропорт, солдаты стояли – тогда ещё, когда в Кунаре мы стояли, нам дали, как бы сказать, недельный отдых. Для чего? Должны были сделать нам прививки от холеры, чумы, тифа и от желтухи, и когда в Асанабаде стояли, там мирные жители подходили, менялись: вот у них чищенный грецкий орех – на тушенку, потом солдаты проводили соревнования по волейболу: их солдаты – наши солдаты, потом хотели провести по рукопашному бою».

Койлыбаев Марат, 1968 г.р., автомобильный батальон, годы службы – 1986-1989 гг. (провинция Хайратон, Афганистан):

«Как сказать, мирное население, народ-то один. Я бывал в гостях, в Кабуле когда стояли. 2-3 (дня) стоим, и там один местный пригласил нас в гости к себе. Когда мы сидели, их братья приехали. Получается, он сам один бизнесом занимается, второй брат – полицейский, третий в горах – душман. Одна семья. Меня не трогал. Я же говорил до этого, когда уборка идет, вроде мирно ходят, а когда уборка заканчивается – стрелять начинают».

Хасенов Амангельды, 1943 г.р., спецназ «Каскад – 1», снайпер, годы службы – 1980-1981 гг. (провинция Газни, Афганистан):

«Как тебе сказать, плохого отношения к советским войскам, неприязни не было. Мы – доброжелательные люди, мы помогали во всем, подсказывали. Они это чувствовали, мы никогда не бежали, никогда не били детей или там этих пленных. Мы этого не делали. У нас задание было, там такая-то группа была, где-то сделали большую разведку, те же самые наши ребята делали разведку. Там-то, в провинциях, разведка, группа из 100 человек, из 300 человек или из 30 человек, или 5000 человек, крупные. Вот, информацию такую давали, и соответственно мы им помогали готовить операцию. Там наши вертолеты, наши самолеты, там наши танки, все такое. Оружия всегда достаточно было».

Современные отношения бывших воинов-интернационалистов и Афганистана:

Бейсекеев Галы, 1962 г.р., воздушно-десантный полк, сапер, годы службы – 1981-1982 гг. (Кабул, Афганистан):

«Мне удалось уже побывать в Афганистане после того, как я срочную службу прошёл. В 2008 г. у нас была как бы экспедиция, поездка в Афганистан, именно на Паншжир. Болат Муханов, Кайрат Елубаев и я были в Афганистане в 2008 г. по поиску военнопленных и чтобы привезти останки наших советских солдат. Встречались с нашими бывшими советскими солдатами, которые сейчас живут на территории Афганистана, это Цикма Геннадий и Левенец. У них уже свои семьи, имеют детей».

Муханов Болат, 1966 г.р., взвод повышенной боевой способности пограничных войск, годы службы – 1984-1986 гг. (провинция Бадахшан, Афганистан):

«Российская Федерация, Комитет по делам воинов-интернационалистов, возглавляемый Русланом Султановичем Аушевым, ведут очень долгое время эту работу, у них есть определенная база данных. Мы к этому приступили буквально четыре года назад, создали свою группу, которая занимается непосредственно уроженцами КазССР, которые были призваны с террито-

рии Казахстана. На данный момент, по нашим данным, 21 человек. Некоторое количество людей, которых мы установили, что они живые, они находятся на данный момент на территории Афганистана.

Нам оказывают содействие бывшие моджахеды, они были полевыми командирами, с которыми мы тесно общаемся. В наших отношениях нет враждебности, мы друг другу помогаем. Они нас очень хорошо встречают, неоднократно они к нам приезжали в гости. У них с нами есть взаимопонимание. У нас нет каких-то старых обид, выяснения отношений. Они первоначально не понимали наших задач, теперь поняли, они помогают нам по сбору информации, месту расположения. Это тоже неспроста. Если человек живет двадцать лет в провинции и там есть влиятельный человек в этой сфере, в этой провинции, то нужно с ним разговаривать, договариваться».

Мы благодарим за помощь в работе «Союз инвалидов и ветеранов войны в Афганистане» г. Астаны и общественное объединение воинов-интернационалистов Афганской войны Актюбинской области. А также эксперта Азиза Арианфара, главу Центра Афганистана в Германии, экс-посла Афганистана в Казахстане.

Рабочая группа международного проекта «Афганская война 1979-1989 гг. глазами очевидцев (Oralhistory)» приглашает к сотрудничеству экспертов, исследователей, прежде всего из стран Центральной Азии, для совместной работы.

Біз «Ауызша тарих» айдарын жалғастыра отырып, Сіздердің назарларыңызға 1979-1989 жылдардағы Ауған соғысына қатысқан, жауынгер-интернационалист Жұмадилханов Асқар Әнісұлының әңгімесін ұсынамыз.

Сұхбат «1979-1989 жылдардағы ауған соғысын көзімен көргендер (Oral history)» жобасы шеңберінде жүргізілген болатын. Бұл жоба бірқатар американдық және қазақстандық ғалымдардың қатысуымен қайғылы оқиғаларды есте сақтау мақсатында жүргізілді.

Жоба нәтижелері бойынша Ауғаныстандағы әскери әрекеттерге қатысқан Орталық Азия елдерінен шыққан ардагерлердің өмірі туралы деректі фильм түсірілді. Сонымен бірге, жауынгер-интернационалистермен жүргізілген сұхбаттар жарияланатын кітапты шығару жоспарланып отыр.

ЖУМАДИЛХАНОВ АСҚАР АНИСОВИЧ, 53 года.

Про Афганистан, если честно, с годами понимаешь. Тогда еще не очень понимал, что это. Когда взрослеешь, понимаешь, что это страшная вещь была, а тогда как бы молодой, как молодой, относительно.

В каких годах Вы служили в армии?

В 1983-84 годах.

Это самое начало?

Это самый пик, самая крупная операция в Паншере была, сорокатысячная армия, Ахмад-Шахмаская, двигалась на Кабул тогда.

Это в 1984 году?

В 1984 году, февраль-май.

Представьтесь, пожалуйста.

Жұмадилханов Асқар Анисович, 1959 года рождения, родился в Жарминском районе, есть такой рудник Боко, золотоносные места там, Ақжал, рудник Боко. Вот там родился, потом в школу пошел в селе Георгиевка Жарминского района, поступил в институт, тогда он назывался Институт физической культуры и спорта г. Алматы. Окончил, в 1982 году поехал по направлению работать в Семипалатинский технологический институт мясной и молочной промышленности, он не принадлежал Министерству образования, а он принадлежал Министерству мясной и молочной продукции, такой богатый был институт. Вот там работал преподавателем на кафедре, и в мае месяце меня призвали в армию, потому что военной кафедры не было тогда в институте физкультуры. Вообще должен был сначала попасть в штаб округа тренером, но потом, так как я работал преподавателем, меня не могли найти, мы жили тогда в учебном корпусе – они не могли понять, приходят туда, там «Учебный корпус» написано, а там в одном крыле жили молодые специалисты. И они искали, искали меня, повестку отдали в институт, в институте тоже никто не обращал внимания, прошло время, был призыв, потом через отдел кадров вызвали меня. Интересно было, и, значит, вызывают меня вот так в штаб округа: «Мы Вас хотели взять туда, но теперь туда другого послали. Вы, наверное, теперь поедете в Самарканд. Я говорю: «Ну, в Самарканд, Господи, ну ради Бога, в Самарканд». Там, говорят, возможно, и спорт есть, и все такое, и там баловаться не время. Налысо не брили, я вот со своей прической, шевелюрой ехал. Значит, дают мне шесть человек, документы: «Вы – преподаватель, пожалуйста, доведите их до Самарканда». Вот, пожалуйста, ребят собрал, до Алма-Аты ехали, они не знали, что я в армию еду, они думали, что я человек, который отправляет их туда. Потом в Алма-Ате уже спросили, разузнали, разговорились, смеялись долго. Приехали в Самарканд утром в 6 часов, подошли в штаб, и я зашел туда. Там говорят: «Кто ты?» Говорю: «Вот приехали служить». Они удивились, говорят: «Иди в штаб». Не поняли тоже, я служить пришел или привез служить. Захожу в штаб: «Я Жұмадилханов», и так далее. Говорю: «Вот документы, мы приехали слу-

We continue working on our «Oral History» column and we offer you the story of Askar Zhumadilkhanov – the participant of the Afghan War in 1979-1989.

The interview was conducted in the framework of the «Eyewitness to Afghan War 1979-1989. Oral History» project. This project was carried out by a number of American and Kazakh scientists and aims at preserving the memory of these tragic days.

Following the project, a documentary film about the life of veterans from Central Asian countries involved in military operations in Afghanistan was shot. A book containing the interviews with the warriors-internationalists is also planned to be published.

жить». Одна женщина на меня посмотрела и говорит: «Первый раз вижу, чтобы человек пришел сам, сказал, что он пришел служить». Получается так, что мы сами приехали, обычно же привозят офицеры, и вот так вот армейская жизнь началась. Потом, значит, май, лето, и в октябре месяце, в середине октября, подняли по тревоге, ночью дали полностью абсолютно новое обмундирование – все с нуля, там ремень, носки, полотенце, мыло все, все, все. Все необходимое солдату. Построили, сказали: «Ребята, не едете, а лети-те в пункт назначения». Посадили в самолет, интересно было, выходит стюардесса и говорит: «Уважаемые пассажиры», – одни солдаты сидят – уважаемые, ну, офицеры там, еще понятно, уважаемые, – «Наш самолет совершает рейс Самарканд-Кабул». Уже там, в самолете, все переглянулись, честно говоря, никакого страха, что на войну едешь, не было. Почему не было, не знаю, может быть, молодость, романтика. Вот это желание все время острых ощущений, тогда вот было, тем более спортсмены, они близки всегда к такому. Прилетаем, ну, первое представление было – Кабул, какой-то город. Приезжаем, буквально вот летишь, а летим через сплошные горы, ни одной точки ровной. Вот, сплошные горы, гора на горе, прилетели, смотрим – Кабул, одни мазанки, дома глиняные, военный аэродром. Фильм «9-я рота» помните? Начало, если смотрели фильм, как самолет прилетает, точно так, прилетаешь, автоматы, пулеметы, самолеты. То есть война, видно, все с оружием. Когда уже вышли, нас сразу окружили офицеры, там уже «деды», они показывают, все, вешайтесь, все молодые, там замена и так далее, ну это чисто солдатские такие отношения, старослужащие какие-то. Приехали, окружили палатку, нас. Первое, что удивительно было, сухпак нам раздали, открываем картонную коробку, а там полностью все, весь набор – Семипалатинский мясокомбинат, завтрак туриста, тушенка. Там нас было четыре человека семипалатинских, с одним из них – Болатом Каушпаевым, мы на учебке были, и в один попали батальон ... Попали в батальон с ним в горах, под Кабулом, место называлось Теплый стан, как в Москве. Москвичи там, видать, первые обосновались и Теплый стан назвали. Стояли в горах, ничего нет, там стояла рота десантуры и, значит, где-то 400 человек в батальоне были полностью спецсвязи. Уже обстановка другая, то есть палатка, как раз уже ноябрь. Зима. Автоматы рядом всегда, спишь, не раздеваешься, потому что в палатке буржуйка стоит в центре, кто постарше, туда поближе к буржуйке, кровати ближе. Холод. В палатках вся зима. Ну, вообще, я вспоминаю все, говорят, что война – это самая тяжелая работа, то есть надо помыться, холодная вода... и здесь начинается проявление человеческих качеств, такие, знаешь, качества, на выживание, то есть выживешь сам за себя, грубо говоря. Накормишь, защитишь, значит, ты что-то в этой жизни можешь, в общем, на выживаемость. Тем более, когда стреляют. И вот служба началась, света нет, ничего нет в горах, одни скалы, сырость страшная, спишь в шинели, в шапке, и чтоб не замерзнуть, одеяло еще тех, кто идет на дежурство, их еще одеяло сверху закидываешь и лежишь. То есть страшный холод был, самое главное – негде согреться, костер не зажжешь, буржуйка только. А служба идет, рано утром подъем, потом развод, потом служба, охрана, выезды и так

Мы продолжаем рубрику «Устная история», предлагаем вашему вниманию рассказ воина-интернационалиста, участника Афганской войны 1979-1989 гг. – Жумадилханова Аскара Анисовича.

Интервью было взято в рамках проекта «Афганская война 1979-1989 гг. глазами очевидцев (Oral history)». Данный проект проводился рядом американских и казахстанских ученых с целью сохранения памяти об этих трагических днях.

По результатам проекта был снят документальный фильм о жизни ветеранов из центральноазиатских стран, участвовавших в военных действиях в Афганистане. Также планируется выпуск книги с интервью с воинами-интернационалистами.

далее, и так далее. В охранении стоишь, тоже боишься уснуть. Были случаи, забирали прямо с поста, и обстреливали посты, и ранения были, и взрывы были. Вот так вот началась служба, служили и, значит, первый такой самый тяжелый случай был – выехали на БТР-е с охраной, поехали под Кабул, там еще одна была точка военная, там делали оборудование для связи. То есть через Кабул дальше ехали туда. Ну, естественно, когда едешь, даже в Кабуле, даже выезжаешь просто на БТР, все с автоматами всегда, все может быть. У нас был, помню, с Ростова офицер, фамилию сейчас не помню, капитан, и ехали мы – я, Вова с Гомеля, потом был Нешто Сергей, до сих пор помню фамилию, молоденький, где-то 18 лет, ребенок ну прям, ребенок ребенком, а я-то после института попал. Вот он и еще один, два, три офицера, четверо сзади, БТР тоже. Едем все, и вдруг капитан говорит: «Смотри», едем прямо в горы, и уже там дорога, как говорится обычная, между горами. Он говорит: «Смотри, по-моему, духи бегут издалека, по-моему, они что-то тащат, надо перехватить, давай захват сделаем». Нас трое. Машина останавливается, мы видим, они перебегают, ну вот, заходим спереди, заходим, а я тогда занимался еще, и потянул ногу, и хромал, они, значит, выходят вперед, а я, потому что хромаю еще, вперед зайду, смотрю, высокая трава, густая, колючая и все такое, и смотрю то ли проволока, то ли что-то такое лежит, и только переступил через нее, и тут взрыв такой. Они как будто только разошлись, двое чуть-чуть вперед и только отошел я, ну, буквально где-то 4 метра от них... и тут взрыв, я не понял, оглушило, земля, смотрю, этот Сережа лежит без стопы, оказывается, там была линия, лежала заминированная линия, полоса, кто заминировал, что-то потом так и не поняли, и он наступил на противопехотную вот эту мину, она сразу подрывает. Оторвало стопу, он в шоке! А один из них, Валера, он, представляете, пробежал. Он говорит: когда бежал, смотрю, какие-то точки, я машинально пробежал. Расстояние было, наверное, метров 10. Я сразу побежал и говорю: «Серега, не вздумай двигаться, лежи». Он кричит, истерика. А здесь слышали взрыв, те афганцы-душманы убежали. И откуда ни возьмись, появились дети-афганцы. Вроде в горах ничего не было, дети прибежали, потом еще кто-то прибежал, видать, увидели это все. Что делать? Как его оттуда вытаскивать? Он лежит. Давай по радиации срочно... хорошо, проезжала штабная машина, и к удаче там оказался полковник-медик. Подполковник, по-моему. И они по радиации срочно вызвали кран, когда он приехал, его оттуда краном вытащили, там его перевязали, всю ногу. Госпитализировали его и отправили в Союз. Это вот было первое столкновение. А потом и обстрелы были, ранения были, убитые были. Вообще, в то время политика Советского Союза была такой, что все были патриотами в наивысшей степени. Все были настолько пропитаны вот этим воспитанием, что честность, правда, справедливость, «ни шагу назад», все отечественные фильмы демонстрировали героизм, начиная с Бауыржана Момышулы, заканчивая Талгатом Бигельдиновым. Настолько пропитаны были все, поэтому большинство даже не задумывались, т. е. просились в Афганистан. Потом уже с годами осознаешь, действительно, насколько это страшная потеря,

остаться инвалидом, и потерять сына, брата и т. д. А были же некоторые семьи, где мать воспитывала одного сына... Потом, раз – и теряешь его. До сих пор я слышу. Я, когда первый раз приехал, истерика была тяжелая. Чуть что, кто-то говорит про Афганистан, сразу нервные все, в драку кидались. Потому что всплывает сразу картина Афганистана, потери, тяжелый, скажем, военный труд, и так далее. И тяжело было реагировать. И потом после Афганистана, через лет пять, наверное, я когда работал в спорткомплексе, в бассейне, туда приходили медики. Среди них был медик-психолог. Он видит, что я иногда взрываюсь, и говорит: «Аскар, запомни, если ты не забудешь войну и не адаптируешься в повседневной жизни, ты можешь в жизни ничего не достигнуть, останешься на одном уровне. Просто будешь постоянно спорить, постоянно доказывать. И жизнь может тебя просто в другую сторону повернуть». Вот эти простые слова подействовали. Сразу взялся за ум, успокоился, пытался забыть. Первым людям, когда спрашивали про Афганистан, рассказываешь подробности и так далее, о тяжелых моментах, и тем более ассоциируя себя с человеком, который проверяет всегда какие-то слова, какие-то поступки, которые сбивают тебя с толку и не дают возможности трезво оценить, скажем, спокойно поговорить. Говоришь всегда на высоких тонах, разве что это тяжело было. То есть люди разные попадались. И вот тогда, как говорится, руки в кулак, потом первая поездка в Москву, защита диссертации, потом опять, и так далее, и так далее. И как бы знаешь, что те, кто спрашивает тебя, в принципе, они спрашивают ради простого интереса. Даже до сих пор есть коллеги, кандидаты наук, доценты, ну в смысле ученые, которые прямо мне говорят: «Я считаю, что Афганистан – это оккупация, и вообще вы – оккупанты, тем более ты, мусульманин, там воевал...». Представляете, реакция какая... Понимаешь, что ты выполнял свой воинский долг, и здесь такие люди. Ну, понятно, что разные мнения и, честно говоря, так даже не реагирую, не спорю, ни о чем не говорю. Поэтому вот так вот... пусть самое сложное было, наверное, в Афганистане, это осознание того, что ты находишься здесь, на войне, ради семьи, родственников, защищаешь южные рубежи и так далее, и так далее. Все прекрасно понимали, что действительно, там воюешь, естественно, смерть, и те, кто воюют, они же не военные, они же гражданские люди. Там погибали и женщины, и дети, и все смешалось. И когда я приехал, ну каждый человек пишет стихи, поет песни, и тогда, помню, сразу песню написал и слова такие: «Задувал афганец-ветер, пыль и зной. И Кабул со средневековой судьбой, два года скалы смотрели вслед тебе, в глаза. Теперь домой, теперь домой. Все смешалось в Афганистане, громкие слова, взрывы и радости...», – ну примерно, сейчас я уже не помню. То есть, действительно, в Афганистане все смешалось. Война, защита рубежей, мирные жители. Естественно, когда идет война, и в фильмах показывают, там не написано – «гражданский человек», «душман» он, или кто... и подростки были, и взрослые были, кого только не было там. То есть вот это смешение всех стереотипов, то, что ты там воюешь, там, скажем, с немцами, понятно, да вот – Отечественная война. А здесь духи. Может, он просто гражданский человек... Поэтому война на самом деле очень тяжелая. Я помню, тогда приезжал журналист Лещинский. Он снимал очень много документальных фильмов про Афганистан, и он приезжал к нам в часть. И я все время ждал, когда покажут вот реальные документальные фильмы. И действительно, если бы показали, наверное, тяжело было бы этот фильм смотреть, потому что сейчас уже Интернет работает. И я редко возвращаюсь к тем мыслям, и недавно случайно была тема, посвященная Афганистану, в университете, встреча с афганцами, Союза ветеранов Афганистана города Астаны, они часто приходят на мероприятия, часто проводят с Евразийским университетом, и вот тогда они говорят: «Аскар, посмотри какой-нибудь коротенький фильм про

Афганистан или песню». И я на сайт зашел, нашел видеоролик «Засада». И там как наши ребята попали в засаду и как их там прямо снимают, там расстреливали их, половина ребят сдаются в плен. А там в плен попал, уже все. Я посмотрел ролик, и опять же возвращаешься к тем годам, и это тяжелые воспоминания на самом деле... И как-то один раз было, ребята говорят: «Аскар Анисович, Вы в Афганистане служили, Вы людей убивали?». А я так задумался и говорю: «Ребята, вы поймите, война – это не какой-то там пейнтбол. На войне, если ты не выстрелишь, в тебя выстрелят, убьют. Здесь однозначно нужно быть готовым себя защитить. Воевать, проще говоря». Я говорю: «Это война. Вот и все, одним словом, коротким, война и все. Здесь уже до гуманизма далеко». Конечно, гуманизм... когда видишь мирное население, естественно, понимаешь, что мирные люди, они же там жили и, возможно, они тоже не знали, с какими мыслями я пришел. И они, естественно, защищали свою землю. Также очень такой важный момент, который мы должны понять. Сейчас, после Великой Отечественной войны, встречаются, скажем, те, кто воевал, – немцы и советские. И встречаются, рассказывают, какие-то встречи проходят. И вот недавно Елубаев Кайрат, бывший председатель Союза, они ездили в Афганистан, была статья в газете, чтобы возвратить тех, кто попал в плен. И значит, там оказалось двое украинцев, они уже веру приняли, женились, семьи, все, и когда им сказали: «Давайте мы все сделаем, и вы вернетесь». Они сказали: «Нет, не вернемся в Украину однозначно, если будет какая-то у нас мысль, то лучше в Казахстан». Почему, не знаю. Возможно, тоже информация доходит, что у нас политика государства такая, что толерантность, дружба народов, наций и т. д. Вообще, я думаю, что очень много таких моментов с точки зрения войны – поведение человека, дать оценку человеку четкую, ясную, чтобы понятно было, что это было в Афганистане. Потому что вот ходят ребята-афганцы, конечно, в большинстве случаев государство поддерживает, принимает и так далее. Но вот, как и в любом обществе, есть люди, которые говорят: вот, ты – оккупант, однозначно. То есть, если бы ты стоял на границе своих, своей Родины, тогда ты защищаешь, а если ты въезжаешь в какую-то страну и там что-то делаешь, и тем более в то время, в советское... поэтому это мнение всегда, как говорится, по сердцу бьет. И иногда говоришь, что ты афганец, иногда уже начинаешь понимать, что это действительно тяжело с точки зрения афганцев, самих афганцев. Поэтому сейчас вот, с годами, набрался жизненного опыта, понимаешь ценность уже такого возраста. И я представляю, если сейчас вдруг какая-то война... Ты столько труда вкладываешь в детей, потом это вот так вот все оборачивается, какими-то там политическими решениями, и тем более сейчас, а в то время, действительно, ребята просились – и героизм, и медали, все это, как говорится, естественно. В то время, носить медали – это было, и сейчас это престижно, конечно. Надеваешь медали, ты – афганец, тебя встречают, задают вопросы, но потом, с возрастом, понимаешь, что эта война какая-то, скажем так, с недосказанными словами. И вот эта неопределенность, и тем более вот Мажилис Парламента – уже какой год они говорят: «Вот афганцев, куда их? К участникам войны? Куда их пристроить?» С точки зрения закона, социального положения, социального статуса. И вот эта неопределенность, она тоже в душе, честно говоря, постоянно тербит... Ну и сейчас, вроде сказали, что к участникам войны в ближайшее время причислят нас. Вот тогда, наверное, просто для поколений, для истории, наверное, будет понятно и ясно однозначно, что ты – участник войны, не для того, чтобы сказать, что ты молодец и т. д., а просто для того, чтобы современная история имела четкие какие-то границы правого поля. Дело в том, что возраст уже, и много информации, и приходится иногда со студентами беседовать на эту тему, много встреч проводим, поэтому понимаешь всегда, и студенты по-

нимают, что это за война была, они уже другое поколение. Они прекрасно понимают, что мы поехали в другую страну, и там была война. Если бы тогда, мы, советские люди, понимали, что у нас Советский Союз – это огромная держава из 15-ти республик, и которая, естественно, помогала Африке, бедным странам, широкие жесты были, кубок защищали. Афганистан был такой страной, которая тоже готова была помочь бедным, и т. д. И политика была такая, а сейчас молодежь прекрасно понимает, у них другое воспитание, они прекрасно понимают: зачем туда ехать? Сейчас же сразу будут обсуждения, разговоры: зачем, за что, это не законно и т. д. Такого же тогда не было. Сейчас воспитание абсолютно другое. Поэтому, иногда жалко, что мы потеряли все самое хорошее от воспитания советского времени. Потому что сейчас молодежь, социальное поведение видно в общественных транспортах: если дети встают, уступают место старшим, то ты понимаешь, что в семье он получил воспитание; если сидит, громко разговаривает, грубит, - значит, всё, ребенок воспитание не получил, он воспитан на видеороликах, на фильмах, на компьютерах и т. д. То есть он просто оторван, тогда уже можно говорить, что это тревога. А если таких людей больше, это вообще... Ну, вот я только заметил, у нас в Евразийском университете хорошая молодежь, студенты жолды береди, салеми береди, здороваются, говорят о высоких понятиях, моральных качествах, видно, что воспитание в семье получили.

Аскар Анисович, Вы получается, полтора года там служили, да?

Да, полтора года.

А войска какие были?

У нас была «связь», городская.

А Вы, наверное, заметили, в основном призывали туда в большей части солдат из Центральной Азии?

Центральной Азии.

Больше всего, да?

Ну, вот мы служили, в нашей части было очень много со Средней Азии, как вы говорите. Таджики были, узбеки были. Вот в основном узбеки и таджики были. Но до нас, я говорил ранее, что это место называли «Теплый стан», знаю, что там москвичи были.

А почему им предпочтение отдавалось?

Средней Азии?

Да.

Ну, во-первых, таджики, язык у них такой же, одинаковый. Во-вторых, я думаю, что все политики, которые были участниками всего этого начала, начала этой войны, понимали, что эта война должна быть, скажем, так, ну изначально планировалась так, что это будет миротворческая война какая-то, как вот я говорю не с фашистами конкретно, а как будто они поедут туда, введут туда войска и потихоньку будут налаживать там отношения, воевать там, например, точно, как вот сейчас принято говорить. Там поймали, здесь поймали и т. д. А когда это приняло массовый характер, тем более народ там, меня поразило, - народ там находился до сих пор в феодальном строе. Я помню, был случай, с части всегда вывозят мусор со столовой, отходы. И всегда, когда вывозили, я один раз тоже ради интереса, за территорию части было сложно выходить, не сложно, а вообще запрещалось, так как военное положение. И вот, когда вывозили, я помню, мальчишка был рыжий-рыжий, афганец, и он прям руками разгребал все это, хлеб, все съедобное собирал, где-то видать в горах жил. То есть социальное положение афганцев очень тяжелое и низкое очень.

А вот местное население как относилось к нашим советским солдатам из Центральной Азии? Как-то выделяло, да? Отношение другое...

Да, было отношение другое. Не так как к славянской нации. Я думаю почему, во-первых, видно, если ты азиат и видно, что тот человек тоже, скажем, азиатской внешности, всегда первое впечатление человека, всегда как бы ищешь знакомое, что-то общее. И соответственно, реакция сразу такая. Если, например, мы видим на улице негра у нас совсем другая реакция, а если видим кого-то азиатской национальности, то уже совсем другое (смех). Точно так же и здесь, я думаю это обычное явление, поэтому относились... и там разного рода были, скажем, такие поступки, когда перебежали туда, на ту сторону, к афганцам.

Солдаты?

Да, уходили и т. д., тоже были такие случаи. Я не говорю, что это массово было, но единичные случаи были. Ну, естественно, таджики, он знает, он говорит как вот, если бы я увидел казаха в Афганистане, рука не поднялась бы выстрелить, сначала я бы диалоги с ним начал говорить, ты что тут делаешь и т. д. Точно так же и они, я думаю, поэтому. В этом плане, хотя было вообще положение такое, что как миротворцы, восстановить социальной строй, сделать социалистический строй. А получилось, все превратилось в кашу, война пошла. И здесь конечно в подсознании, вот кто азиатской национальности, они наверно думали, что что-то не так делают. Что все-таки это не война против фашистов, я говорил ранее.

А вот в официальной прессе потери наших солдат умалчивались, искажались, да?

Да. Тогда, когда мы приехали, я помню, мы приехали с Афганистана, всё там... интересно было, буквально, уже на дембеле, значит, за часть выехали, сели на военный самолет и через два с половиной часа уже в Ташкенте. Мирная жизнь, думаешь, Господи, там только буквально прилетел и раз... И что интересно было, прилетел и сразу словил себя на мысли, что идешь и вольно не вольно оглядываешься. Как вот в горах ходишь, там никого случайно нет... Или вот за угол идешь, например, угол, не идешь просто как мирный житель, а проходишь вот так вот раз, потом дальше пошел. Настолько это всё впиталось, поэтому такие осторожности. Я до сих пор, мне некоторые говорят, когда сажусь куда-нибудь, я начинаю вот так оглядываться. Мне говорят: ты что оглядываешься? Я пока не посмотрю, не изучу полностью аудиторию, где сижу я. Наверное, вот это осталось. Я не замечал за собой, потом ребята сказали.

А вот подготовка наших солдат соответствовала Афганистану? Ну, вот обмундированию, питанию, вооружению?

Кстати вот интересный вопрос да. Вооружение естественно, автомат Калашникова это конечно настоящее оружие, если какой-то бой, не подведет, если у тебя есть запасной ход, магазин, будешь биться до последнего, что дает преимущество тебе, а что насчет подготовки здесь однозначно сказать нельзя, готов не готов там и так далее. В войне очень важно, ну вот, скажем, подготовили тебя водить танк, водить транспортеры, а важнее кто туда идет. Вот отбор, там, Иванов, Ахметов и т. д., что из себя представляют, какая у них физическая подготовка, какие морально-волевые качества и т. д. То есть как личность определяет и т. д. ведь комсомолец тоже было социальное положение, как комсомолец, пионер, коммунист. В Великой Отечественной Войне, кто капитан отряда, конечно, коммунист, кто зам. по воспитательной части обязательно коммунист и т. д. то же самое и здесь. А что касается питания, интересно было, значит очень много было скумбрии, суп-пакет, потом значит картошка-порошок, масло, представление было такое – огромный склад и там все собирается, а потом когда в первые дни в Афганистане, еда – банка, как раньше было в советское время, повидло в огромной жестяной банке, обмазанной солидолом, вытираешь, а там написано: 1960 год, это и есть, ока-

зывается, закрома Родины, запасы 1960-61 годов и т. д. Ее открываешь и все, вот до сих пор сливочное не ем, вот настолько перекармлили.

А местной едой питались?

Ах да, местную еду кушали, там покупали фату, ездили, ну, естественно, это запрещалось. Ну все равно, там жвачки первые, конфеты, и многие «афганцы», знаете, привозили с собой из Афганистана рубашки, джинсы привозили каким-то образом, как-то договаривались и т. д. Мы получали тогда чеки, не деньги, а чеки межпосылторга, то есть эта та валюта, за которую можно было что-то покупать за границей, я так понимаю, на территории посольств каких-то стран. То же самое мы получали, помню, 18 чеков – сержантский состав. И вот ходили в магазин, и там впервые мы видели баночки, вот баночные напитки, в банках Coca-Cola, конфеты польские, что еще, жвачки, в общем, большинство все импортное стояло, магнитофоны японские и т. д., то есть точно также и дуканы, – дуken гої дейді қазақша, когда в Кабуле. Вот заходишь, дуken там стоит на маленькой такой площади. Там все есть, начиная от магнитофона, кончая шубами, в общем, как сейчас у нас барахолки, там примерно такая же ситуация. Тогда ведь, в советское время, у нас не было же этого.

Типа «Березки»...

Да, да, да. И вот питание, говорю, тоже интересное. Самое тяжелое это то, повторю еще раз, что война – самый тяжелый труд, потому что надо помыться, покормить себя, выспаться, и еще мечтал всегда попить чистую воду. Чистой воды не было, только техническая вода, туда бросали хлорку, потом бросали сгущенку и вот мы ее пили. Сейчас об этом уже можно говорить, раньше запрещалось, в батальоне мы все были вшивые, 100 процентов, то есть лежишь и знаешь, что мы все – 100 процентов, – что мы вшивые, бесполезно, ничего не могли сделать. И я не хвальнось, но я тогда еще перезанимался, молодой все-таки. Спорт, кстати, дал, наверное, все-таки многое, здоровье, чтобы выдержать все это. Во взводе, где я был, все переболели желтухой. Мы вот так сидим, и у всех глаза желтые. И едим, и все, вот общаешься, здороваешься, хотя мы знаем, что у него гепатит, что гепатит передается даже через руку. Я гепатитом единственный не заболел, а так брюшной тиф. Вот желтухой, так оно как-то еще... Все желтушники переболеют и все. Вот именно вот этот год, а потом уже когда мы заканчивали, в 84-м, уже построили модули, такие коробки деревянные, и уже когда уезжали, там жили. А до этого мы жили в палатках. Все в палатках, зимой и летом. И вот это все, смешение вот этого всего, настолько это тяжело было. Смотришь, вроде приезжают когда ребята, скажем, призыв, ну с учебки, – чистые, аккуратные все. Буквально неделя проходит, если человек не самостоятельный, он меняется на глазах. Он грязный, вообще, как их называют там: «маменькин сыночек» или «папенькин сыночек», точно такие же. Уже помыться не может – не успевает, грязный, воротнички грязные. Спит все время, и худой, и все, человек на глазах опускается. А есть – некоторые действительно понимают. Вот мне интересно, в основном, все это выдерживает деревенский парень, наверное, из-за того, что в селе все-таки, когда там малга қарайды, за коровой там еще за чем-то смотрит, дом, да, какие-то житейские навыки, они в армии помогают, что интересно.

Как Вы думаете, каков моральный дух там?

Очень высокий, во-первых, нужно сказать, что те, кто воевали, это были 18-22-летние ребята.

С нашей стороны?

Да, с нашей стороны. Представляете, если со мной будет драться, грубо говоря, 18-летний мальчишка. Мне там, скажем, 50, ему 18, то же самое это получилось, вот так вот. То есть молодые, да, молодые ребята воевали про-

тив мужиков в основной своей массе. А там настоящие были головорезы. Мы как-то раз проезжали по дороге, камень стоит. А на камне кровь қатып қалған, застывшая, ну, в смысле, высохшая кровь. Кто в плен попадал, подвели к реке за нос, вот как малды сояды ғой, так два пальца в нос, потому что в борьбе джиу-джитсу, когда, за нос поднимаешь, там уже невольно, самая больная точка, за нос берут, по горлу, все. То есть жестокость была страшная и, конечно, наша реакция была, что они жестокие. Но, с другой стороны, сейчас понимаешь, если бы на нашу территорию кто-то пришел и начал здесь наводить какой-то порядок, да какой бы не был, хороший или плохой, обязательно найдется категория людей, которые будут говорить: это моя земля. Грубо говоря, всех перережу, кто пересечет, потому что это моя земля. То есть жестокость, она есть везде. Если речь идет о войне, там такую мысль тоже говорил, что человек такое существо, которое адаптируется в любой социальной среде, скажем так. Если мирная жизнь, то это мирная жизнь. Если это война, то война. Если ты стреляешь, один раз убил, – то второй, третий раз, ты будешь убивать всех подряд. Потому что человек, если попадает в эту среду, он таким становится. Но есть, конечно, категория людей, которая не может этого делать. Если ты на войне, ты будешь стрелять до тех пор, пока кто-нибудь не скажет: не та война или нельзя стрелять. Потому что приказ на войне – это приказ, все. Ты должен выполнить, и без малейшего, скажем так, сожаления – правильно это сделал, неправильно, осознал. Потому что это уже совсем другое. Если ты не выстрелишь, значит, это все. Кто первый попал, тот первый.

А вот среди наших солдат были неуставные взаимоотношения?

Это армия, сейчас тоже можно говорить, я понимаю так, есть, наверное, два понятия неуставных отношений, это на самом деле неуставные отношения, прописанные в букве закона, а есть неуставные отношения, когда ты проверяешь охранение, и там сидит и спит он. Вот, помните, в «Девятой роте», командир бьет часового, провинившегося? И говорит: «Если бы ты уснул, ползвода перерезали бы!». И естественно, там начались бы физические разборки, потому что если б его убили, подкрались бы, и все, еще неизвестно сколько, или подорвали, взорвали бы. В общем, там могли бы быть последствия. Поэтому, что касается неуставных отношений, конечно, если это выходит за рамки, скажем, такого человеческого нормального понятия, что ты его наказал физически, а когда издевательства, моральное унижение и так далее, – извращенные какие-то поступки, то это, конечно, надо искоренять.

Но этого не было?

Но этого не было, да. Ну, естественно, я не могу сказать однозначно, было это или нет. Но, я думаю, что, конечно, всякое бывает, тем более война, но чтобы какого-то извращенного, что-то такого я никогда не слышал.

А вот Афганистан еще известен как основной производитель наркотиков.

Да.

Все оттуда идет большими партиями, большими потоками. Вот в то время эти наркотики были ли доступны для нашей страны?

Да, были доступны.

Были ли солдаты-наркоманы или просто балующиеся?

Я думаю, что... я не знаю... (смех)

Ну, может быть, как средство снятия стресса. Потому что постоянно в стрессовых ситуациях...

Вот я хочу сейчас сказать, все равно, наверное, сейчас уже можно говорить, ну, во-первых, бывают праздники, Новый год и так далее. Водки, естественно, нет. Я помню, ребята ставили брагу. Я не знал, что такое брага, в ог-

нетушитель наливали воду, чистили его, клали туда дрожжи, кидали туда конфеты, вот эти, которые мы покупали, там польские и так далее. И потом закрывали, и вот там играет же, и вот уже мутная как молоко вода, и соны ішетініміз (пили) на праздники. Что касается наркотиков, то там наркотики... в Афганистане антисанитария страшная! Там воды нет, чистой воды нет. Там вот эти ручьи, которые с гор бегут, они пока добегут, скажем, по всему этому пройдут, они там столько грязи, наверное, соберут. Вот, кстати, ребята, которые ездили за пленными, которых хотели забрать, они говорят: «Как было 20 лет тому назад, так и осталось». Грязь, антисанитария, – я их слова повторяю, все то же самое. Поэтому в отношении наркотиков я знаю, мне говорили офицеры, прапорщики там служили в частях срочной службы, они говорили, что афганцы курят ананшу и принимают героин и так далее, для того, чтобы не заболеть, чтобы дизентерии не было, они мне так говорили. Солдат-наркоманов я, честно скажу, не видел. Ну, я слышал, что где-то вот ребята приехали там, продолжают курить и так далее, и так далее. Но я знаю, что и в Чуйской долине растет трава. Слышал, что ребята собирают там, привозят и так далее. Но нам выдавали тогда курить, это было тогда, тогда все курили. Солдатам выдавали охотничьи сигареты без фильтра, а офицеры получали такую коробку «Ростов», такие жесткие коробки, и когда их приносили, я помню, ящик приносят и там охотничьи, самые дешевые они были, кстати. И смотрим, она, видать, где-то в сырости стояла, аж табак пророс (смех), табак вырос уже... Интересно вообще.

А вот в то время, когда наши ребята там служили, были ли факты, когда солдаты принимали ислам или становились более религиозными?

Да, были. Даже, помните, фильм был «Мусульманин», вот примерно так.

Ну, он попал в плен, поэтому принял их веру. А были ли случаи, когда солдаты во время службы становились религиозными, приверженцами ислама?

Да, я знаю, вернее, слышал, что один из ребят, беседуя с кем-то из афганцев, вот так вот, как бы встретился, видать, с той стороны человек имам болган шығар, скорее всего, служитель мечети, и вот каким-то образом, видать, контактировали, и этот парень славянской национальности, перешел потом в ислам. Мне говорили, что перешел туда, ушел то есть, его искали и так далее. А так, чтобы какое-то массовое, я такого не помню. Но вот эти двое украинцев, которые в плен попали, остались, они вот привезли фильм, нам показали. Пряма сакал жіберіп (отрастил бороду), одежда вся... это у них уже семья, жены, дети. И вот они по тому фильму, когда они разговаривают, видно, что они как... ну как будто всё! Видать, сознание поменялось абсолютно, они приняли веру, забыли все, как в фильме, точно так.

Они в плен попали?

В плен попали они, и там, видать, когда... Я вот примерно могу понять психологию человека, который попал в плен. Первое это, не знаю почему, может по фильму, если ты попал в плен, то всё. Либо надо вырваться, либо надо бежать, либо смиренно склонить голову, а если попадается человек, который видит тебя морально убитого, он начинает тебя обрабатывать и говорит: «Все, давай оставайся». И, естественно, с той стороны тогда была идеология показать, что война бесполезна, вот даже переходят, принимают веру, т. е. с их стороны была такая идеология, пропаганда была, что вот он приехал воевать и перешел на нашу сторону, т. е. бессмысленная война и так далее. Я так думаю. То есть такие моменты были.

Вы говорили, что наши воин-афганцы туда недавно съездили. Что они рассказывают?

Да, вот из Союза ветеранов Афганистана ребята ездили. Они поехали туда, встретились с людьми, привезли в посольство этих двух украинцев,

организовали встречу, сказали: «Давайте, вот в аэропорт. Вроде как был так примерно такой разговор, – давайте сейчас обговорим, здесь оформим всё и вас увезем в Союз». Это же тоже был бы резонанс, чтобы вернулись они. Но они, говорят, отказались, потому что тоже, видать, побаиваются.

Амнистия же есть.

Я так думаю, что скорее всего побаиваются, наверное. В молодом возрасте в 18, 20 лет попасть на войну и увидеть это, не каждый, наверное переживет... Сколько ребят, сколько... молодых ребят 18-20 лет... И это, конечно, жизненный урок, который, наверное, второй раз не повторится.

Как часто Вам приходилось участвовать в военных операциях?

А само нахождение там, там ведь такого не было, как вот воевать как в Великой отечественной войне. Там было так, например, там появилась где-то банда, всё выезжаем, там появились душманы – выезжаем. Я не скажу, что часто, где-то 3-4 раза, наверное, за всё время. А так, в охране постоянно, часто были обстрелы. Когда сорокатысячная армия к Кабулу подходила, была серьезная очень битва...

Последний вопрос. Вы, наверное, знаете, что Правительством принято решение об отправлении наших солдат в Афганистан, вот как Вы к этому относитесь?

4 человека говорят, да?

Ну, это да, на первом этапе.

На первом этапе. Ну, здесь, честно говоря, я не международник...

Просто сейчас воины-афганцы занимают принципиальную позицию... А каково Ваше мнение?

Я, честно говоря, побоюсь что-то сказать в этом плане. Почему? Потому что здесь идет политика государства, ну, конечно, нежелательно, потому что один уже урок есть ввода, скажем так. Как тоже пытались, сначала говорили, что войдет только один полк и так далее, и так далее. А когда уже ввязались, значит, сначала за одну группу, потом, чтобы эту группу защитить, еще людей, чуть-чуть еще. Я знаю, это большая политика, сложно говорить. Конечно, нежелательно. Лучше просто поехать в Афганистан, ну, я не знаю там, построить школу, отправить туда учителей, для того, чтобы гуманитарную помощь оказать, для того, чтобы Афганистан понял, что те казахстанцы, которые воевали, так сказать, оправдать, чтобы они сказали: «Да, они, казахстанцы, оказывается, совсем другие по ментальности, или политики, или по отношению к афганцам. Другой народ, который сейчас, например, строит школы, тренирует детей, учит детей, строят дороги, помогают восстанавливать жизнь в Кабуле самом». Я думаю, тогда было бы в два раза больше пользы, чем от каких-то военных действий.

Спасибо, Аскар Анисович.

Вам спасибо.

ТҮЙІНДЕМЕ SUMMARY РЕЗЮМЕ

АЗИС АРИАНФАР

Ауғаныстан бойынша ғылыми-зерттеу орталығының басшысы (Centre for Afghanistan Studies and Research), Қазақстандағы Ауғаныстанның экс-елшісі, Ауғаныстан Сыртқы істер министрлігі жанындағы Стратегиялық зерттеулер орталығының экс-директоры (Франкфурт, Германия)

«ЖАҢА ЖІБЕК ЖОЛЫ» ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬДЫ ЖОБАДАҒЫ АУҒАНЫСТАННЫҢ АНЫҚТАЛМАҒАН ОРНЫ

Ежелде және орта ғасырларда Ұлы жібек жолы Шығыс Азияны Орта теңізбен қосатын керуен трансконтинентальды бағыт болып табылатын. Бірақ, теңіз саудасының қарқындылығынан Жібек жолы сауда транспорттық артерия ретінде өз ерекшелігін жоғалтты.

Соңғы жылдары БАҚ-та Ұлы жібек жолын жаңғырту туралы сөз қозғалуда. Автор жаһандану үдерісі, Қытай мен Үндістанның әлемдік державаға айналуы, КСРО-ның құлдырауы салдарынан туындаған стратегиялық вакуумды толтыруға бағытталған Ақ үйдің жаңа стратегиясы – осы үрдістің басты себебі деп атап өтеді. Бүгінде, Шығыс пен Батысты қосатын ежелгі сауда жолын қайта жаңғырту талпыныстары байқалады.

Еуропа-Кавказ-Азия («TRACECA» – Transport Corridor Europe – Caucasus – Asia) халықаралық транспорттық коридор бағдарламасын кейде «Жаңа жібек жолы» бағдарламасы деп атайды. TRACECA – бұл Қытайдан Орталық, Орта және Кіші Азия арқылы Еуропаға бағдарды құрайтын Ұлы жібек жолының ортағасырлық шынайылықты қайта қалпына келтіру талпынысы.

Әлемдік экономика дамуының негізгі бағыттарына берілген божамдарға талдау ХХІ ғасырда басты қаржылық, сауда және ақпараттық ағындар АҚШ – Еуропа – Азия үшбұрышында шоғырланады деп көрсетеді. Осыған байланысты TRACECA мемлекет-қатысушыларының басты мақсаты – транспорттық-коммуникациялық желілерді дамыту арқылы өздерінің геосаяси және экономикалық мүмкіншіліктерін жүзеге асыру.

Сонымен, «Жаңа жібек жолы» жобасының басым бөлігі Ауғаныстанда шоғырланған. Осыдан американдық стратегияда Ауғаныстанға басты рөл беріледі. Сонымен бірге, Ауғаныстан «Үлкен Таяу Шығыс», «Үлкен Орталық Азия», «Үлкен Оңтүстік Азия» сияқты жобаларды байланыстыратын мемлекет-ядро рөлін атқарады.

AZIS ARIANFAR

Head of the Centre for Afghanistan Studies and Research, ex-Ambassador of Afghanistan to Kazakhstan, former Director of the Center for Strategic Studies under the Ministry of Foreign Affairs of Afghanistan (Germany, Frankfurt)

UNCERTAIN POSITION OF AFGHANISTAN IN "NEW SILK ROAD" TRANSCONTINENTAL PROJECT

In ancient times and in medieval period the Silk Road was a transcontinental caravan route connecting Asia to the Mediterranean. But due to intensive sea trade development, the Silk Road lost its relevance as a trading traffic artery.

Recently, the media is debating the revival of the Silk Road. The author believes that the motive for this should be sought in globalization, in emergence of China and India into the world powers, as well as in the White House's new strategy aimed at filling the strategic vacuum created as a result of the collapse of the Soviet Union.

To date, there are attempts to revive and revitalize the ancient trade route connecting the East and West.

The international transport corridor programme Europe-Caucasus-Asia (TRACECA - Transport Corridor Europe Caucasus - Asia) is sometimes called the "New Silk Road" program.

TRACECA is an attempt to revive the medieval realities of the Great Silk Road - the way from China to Europe via Middle Asia, Central Asia and Asia Minor.

The analysis of possible major trends of the global economy suggests that major financial, trade and information flows in XXI century will be concentrated in the U.S. - Europe - Asia triangle. In this regard, the most important task for the TRACECA member states is to implement its geopolitical and economic potential through the development of transport and communication networks.

Thus, a large part of the "New Silk Road" focuses on Afghanistan, that gains an important role in the U.S. strategy. In addition, Afghanistan is given a role of a nucleus country, binding such projects as "Great Middle East", "Great Central Asia", "Great South Asia" projects.

ВУЛЬФ ЛАПИНС

Саяси ғылымдарының кандидаты, Фридрих Эберт атындағы Қордың Орталық Азия бойынша Аймақтық өкілдігінің басшысы (Өзбекістан, Германия)

АУҒАНЫСТАНДАҒЫ СОҒЫСТЫҢ АЯҚТАЛАРЫ ДА КӨРІНБЕЙДІ

Ауғаныстан – бұл онсыз да осал аймақтық тұрақтылық қауіп төндіріп тұрған аудақсыз мемлекет. Автор мақалада Ауғаныстаннан әскерлерді тез шығару, теріс стратегия негізінде соғысты жүргізу, геосаясатты, геозекономиканы, лаңкестікке қарсылық, Ауғаныстанда АҚШ/НАТО әскерлерінің ұзақ уақыт бойы шоғырлануы, талибтермен келіссөздер жүргізу жолдарымен шиеленісті шешу мәселелерін қарастырады.

Автордың пікірінше, соғысты жүргізу интервенцияға ұшыраған елде саяси құрылымды қайта өңдеу мен қалыптастыру сияқты стратегиялық мақсатқа қол жеткізуге бағытталған. Сонымен бірге, талибтермен кездесу және кездәрастар мен пікірлерді анықтау ашық жүрекке жасалатын операцияға ұқсайды.

WULF LAPINS

Candidate of Political Science, Head of the Regional Office of the Friedrich Ebert Foundation for Central Asia (Uzbekistan, Germany)

AFGHAN WAR NOT EVEN CLOSE TO ENDING

Afghanistan - is an insolvent country posing a threat to the fragile regional stability. The author considered a rapid withdrawal of troops from Afghanistan, waging war based on an incorrect strategy, geopolitics, geo-economics, anti-terrorism, long-term military presence of the U.S. / NATO in Afghanistan, the resolution of the conflict through negotiations with the Taliban.

The author believes that the war focuses on strategic objective - the transformation and formation of political systems in countries affected by the intervention. As well as meeting and asking the Taliban positions and views remind of open heart surgery.

ЛАУМУЛИН М.Т.

Саяси ғылымдарының докторы, ҚР Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының бас ғылыми қызметкері (Алматы, Қазақстан)

АУҒАНЫСТАННЫҢ ДАМУ СЦЕНАРИЙ ЖӘНЕ МҮДДЕЛІ ЖАҚТАРДЫҢ ҰСТАНЫМДАРЫ

Ауғаныстан мәселесі Орталық Азия қауіпсіздігі және Қазақстанның ұлттық қауіпсіздігі үшін өзекті әрі басты болып табылады. Әскери-саяси, діни және нашарлық қауіптердің қайнар көзі болып табылатын бұл елге қатысты Батыстың стратегиясы мен жоспарларын білу және түсіну аса маңызды. Геосаяси контекстінде Ауғаныстандағы жағдай Оңтүстік Азия, Орта және Таяу Шығыс, ТМД, ҚХР-сын қамтыған анағұрлым кең аймақтың қауіпсіздігіне әсер етеді. Ауғаныстанның ішкі саяси жағдайы аса тұрақсыз болып табылады.

АҚШ-тың Ауғаныстандағы «жаңа стратегиясының» басты мағынасы – «қалу үшін кету». АҚШ Ауғаныстаннан толығымен кете алмайды (және өз исламистерімен күресте Пәкістанға қолдау көрсетуді тоқтата алмайды), себебі, ол өз қауіпсіздігін, сондай-ақ Орта және Таяу Шығыс аймағындағы көптеген одақтастары мен клиенттерінің қауіпсіздігін қауіпке әрі тәуекелге бермейді.

Негізінен, АҚШ-тың (және НАТО) әскерлері Ирактағыдай қарқынды темппен болмаса да, қысқаруы мүмкін. Көп жағдайда,

жаһандық деңгейде қарама-қайшы болып келетін негізгі ойыншылардың (АҚШ, Ресей, Қытай) мүдделері Ауғанстан мәселесі бойынша толығымен сәйкес келіп, қандай да болмасын жолмен тұрақтылықты қамтамасыз етуге негізделген.

Қазақстанның және Орталық Азия елдерінің мүдделері осы аймақта тұрақтылықты сақтау мақсатында Ауғанстанда НАТО әскерлерінің анағұрлым ұзақ уақыт болуына бағытталған. Бірақ, келешекте Батыс ерте ме, кеш пе, Ауғанстанның қайта құрылуында Орталық Азия мемлекеттерінің қатысуын кеңейту мәселесін күн тәртібіне қояды. Бұл аймақ елдерін күрделі саяси және экономикалық таңдау алдына қояды.

Сондай-ақ, Ауғанстандағы жағдайды түзетуге әкелетін кез келген сценарий (2011 жыл шеңберінде немесе одан тыс) әлемдік аренада қалыптасқан күштер балансын қайта құрудың маңызды үдерістерінің катализаторы болып, Ауғанстанға қатысты мүдделері бар барлық акторларға да әсерін тигізеді деп үлкен сенімділікпен болжам жасауға болады.

LAUMULIN M.T.

Doctor of Political Science, Chief Scientific Officer of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

SCENARIOS FOR AFGHANISTAN DEVELOPMENT AND POSITIONS OF PARTIES CONCERNED

The problem of Afghanistan is in many ways a key one to the security of Central Asia and Kazakhstan's national security. It is extremely important to understand the strategy and plans of the West against the country, which is a source of military, political, religious and drug threats. In geopolitical context, the situation in Afghanistan affects the security of a wider region, which includes South Asia, the Middle East, CIS and China.

The political situation in Afghanistan is extremely unstable.

The basic meaning of the U.S.' "new strategy" for Afghanistan is as follows: "leave to remain". The United States can not completely leave Afghanistan (and stop supporting Pakistan in the fight against its own Islamists), without risking to compromise their own safety and the safety of their many allies and clients, including Near and Middle East regions.

It is likely that the military presence of the U.S. (and NATO) will be reduced, although not as rapidly as it was in Iraq. It is important to note that the interests of the major world players (the U.S., Russia, China), in many respects contradicting at a global level, fully agree in Afghanistan and focus on ensuring security by all means.

The interests of the Republic of Kazakhstan and the Central Asian countries in Afghanistan are that the military presence of NATO forces in Afghanistan lasted long enough to stabilize the situation there. However, in the long term the West will raise sooner or later the issue of expanding the participation of Central Asian states in the reconstruction of Afghanistan. It will put the region in front of complex political and economic choice.

Finally, we can predict with certainty that any scenario (in 2011, or beyond), which will move the situation in Afghanistan off the ground, will serve as a catalyst for powerful techniques reformatting the settled balance of powers in the world and will affect all actors having interests in Afghanistan.

СЫРОЕЖКИН К.Л.

Саяси ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының бас ғылыми қызметкері (Алматы, Қазақстан)

«АУҒАН МӘСЕЛЕСІ»: АХУАЛЫ ЖӘНЕ КЕЛЕШЕГІ

2011 жылдың күзінде Ауғанстандағы АҚШ пен НАТО операциясының басталғанына 10 жыл толады. Қорытындысы кенілеге қонымды емес. Батыс коалициясының негізгі мақсаттарына қол жеткізілген жоқ. «Талибан» қозғалысы жойылып қана ғой, керісінше, өз қызметін жандырдыра түсті. Бұл батыстық коалиция әскерлер санының ұлғаюына жағдайында орын алып отырғанын атап өткен жөн. Бұл ауған мәселесін соғыспен шешу мүмкін емес деп есептейтіндердің ұстанымын одан сайын нығайтуды.

Ауғанстан әлемде тұтынылатын барлық героиннің 90%-дан астамын қамтамасыз ете отырып, опиумның басты өндірушісі және героинді негізгі жеткізушісі болып қала береді. Ауғанстандағы наркоиндустрия және наркотранзит құрылым туралы толық барлық ақпаратты, барлық наркобарандарды жекелей біле отырып, коалицияның Ауғанстанда он жыл бойы осы қызметке тосқауыл қою жөнінде ешқандай белсенді әрекеттер жасамау фактісі таң қалдырады.

Бірақтар сарапшылардың бағалауында, «Ауғанстандағы антитеррорлық операция жылдарынан бастап жергілікті наркоәрекетшілдер әлемдік бизнес жетекшілерінің

қызғанышын туғыздыра алатын толыққанды өндірістік, несиелі-қаржылық және банк инфрақұрылымын құрған. опиум мақтың және опиум шикізаты өнімін жинау, қоймаларға орталықтандырып жеткізу, морфий мен героинге қайта өндіру, реттелген бағыттар бойынша әрі қарай тұтынушыларға жеткізудің тиімді ойлап табылған кестесі болған». Бұл жағдай АҚШ-тың ауған наркобизнесін жоюға соншалықты мүдделі еместігінде және тікелей оған қатысуына күдік туғызды.

SYROEZHKN K.L.

Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Scientific Officer of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

AFGHAN PROBLEM: STATE AND PROSPECTS

The fall of 2011 will mark 10 years since the start of the U.S. and NATO operations in Afghanistan. The outcomes leave something to be desired. The main objectives of the Western coalition have not been achieved. The Taliban movement has not been destroyed, but, on the contrary, it has become more active. And it happens in a significant increase in the number of troops of the Western coalition. This only strengthens the position of those who believe that there is no military solution to the Afghan problem.

Afghanistan continues to be a major producer of opium and a major supplier of heroin to the world market, providing more than 90% of the heroin consumed in the world.

And there is an amazing fact – within its 10-year presence in Afghanistan the Coalition has not taken any actions to stop drug industry and drug-transit in this country, although it has full information about its structure and almost all "drug lords".

Some experts say that since the beginning of anti-terrorist operation in Afghanistan, local drug dealers have established a full-fledged production, credit-financial and bank infrastructure which could arouse envy among the world's business leaders. A well-adjusted scheme of poppy and opium harvest gathering, its centralized delivery to warehousing points, processing it into morphine and heroin, further delivery to consumers was created. This makes one suspect that the U.S. is not too interested in the elimination of Afghan drug trafficking, and even participate in it directly.

СЫРОЕЖКИН К.Л.

Саяси ғылымдарының докторы, профессор, ҚР Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының бас ғылыми қызметкері (Алматы, Қазақстан)

АЙМАҚТЫҚ ҚАУІПСІЗДІК ҚАУІПТЕРІ МЕН ҚАТЕРЛЕРІ, ҰЖЫМДЫҚ ҚАУІПСІЗДІК ЖҮЙЕСІН ҚАЛЫПТАСТЫРУ МҮМКІНШІЛІКТЕРІ МЕН КЕЛЕШЕГІ

Кез келген аймақта сияқты Орталық Азияда да аймақтық мәселелер көп. Олардың әр түрлі себептері бар. Бұл аймақтың ішкі жағдайына да, аймақта, жалпы әлемде орын алған геосаяси үдерістердің ықпалынан туындап отыр.

Бүгінде Араб елдеріндегі үдерістер Орталық Азияның саяси ахуалына да әсер етуі мүмкін деген тұжырым негізсіз емес. Бұл жерде мәселе араб елдеріндегі әлеуметтік-экономикалық және саяси үдерістердің орын алатындығына емес, БҰҰ-ың Қауіпсіздік Кеңесінің №1973-ші қарарын тәжірибеде жүзеге асыруға батылдық алған мемлекеттер тарапынан «ойын ережелерінің» өзгеруін байқаймыз.

Бүгінде аймақтық қауіпсіздікті қамтамасыз етудің қалыптасқан құрылымы 4 деңгейден тұрады. Бірінші деңгейді шартты түрде «кеңес берушілік» деп атауға болады. Екінші деңгейге ШЫҰ, «Бейбітшілік үшін әріптестік» НАТО бағдарламасы, сонымен бірге, ТМД шеңберінде әрекет ететін қауіпсіздікті қамтамасыз етуші құрылымдар жатады. Менің пікірімше, үшінші деңгейге тек бір ғана ұйым – Ұжымдық қауіпсіздік шарты ұйымы жатады. Қауіпсіздікті қамтамасыз етудің төртінші деңгейі – ішкі құрылымдар. Бұл ерекше талдауды қажет етеді, себебі, аймақтың әрбір мемлекеті үшін қауіпсіздіктің жалпы және ерекше қауіптерін анықтауды ғана емес, оларды алдын-алу және ауыздықтау механизмдерінің тиімділігін бағалауды талап етеді.

Аймақтық қауіпсіздіктің қауіптері осы ішкі сипаттағы мәселелерге байланысты. Нақтырақ айтсақ, адамдардың өз өмір сүру деңгейіне қанағаттанбауы дәстүрлі де, дәстүрлі емес қауіптердің қайнар көзі болып табылады. Осы фактор барлық сипаттағы экстремистерге бұқаралық қолдау үшін негіз болып отыр. Сол себепті, ең алдымен, барлық қатысушы-мемлекеттер үшін өзекті болып отырған экономикалық даму және экономикалық қауіпсіздікті қамтамасыз ету мәселелерін шешуден бастау қажет.

SYROEZHKIN K. L.

Doctor of Political Sciences, Professor, Chief Scientific Officer of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of Kazakhstan (Almaty, Kazakhstan)

THREATS AND CHALLENGES TO REGIONAL SECURITY, OPPORTUNITIES AND PROSPECTS FOR COLLECTIVE SECURITY SYSTEM

The regional problems in Central Asia, as in every region, are quite a lot. They are caused by different reasons – both of intrinsic property and the influence of geopolitical processes, which take place in the region and the world at large.

Anyway, when they talk about the possible impact of the processes that are taking place today in the Arab world and political situation in Central Asia, it has its own logic. To tell the truth, it does not mean an abstract transfer of socio-economic and political developments in the Arab countries to similar processes in the countries of the region, but the changes in rule, that we see on the part of states that have taken the liberty to put into practice the UN Security Council Resolution № 1973.

To date, the established regional security architecture has four levels.

The first level can be roughly defined as an "advisory" one.

The second level is represented by the SCO, the NATO Partnership for Peace, and security structures operating in the CIS. The third level, in my opinion, is represented by only one organization - the CSTO.

The fourth level of security is an internal one. And this is quite a special story, because it requires an analysis not only of the general and specific for each region of the state security challenges and threats, but also an evaluation of the effectiveness of the available mechanisms of their prevention and localization.

The main threats and challenges to regional security are linked namely to the problems of inner character. Moreover, to be precise, the source of both traditional and non-traditional threats and challenges is the dissatisfaction of people their lives. Namely this factor provides a basis for mass support for extremists of all stripes. Therefore, as a priority, we should start with the economic development problems and the factors jeopardizing the solution of these problems, i.e. ensuring economic security.

ТАИРОВ Р.А.

Заң ғылымдарының кандидаты, Әскери-стратегиялық зерттеулер орталығы Стратегиялық зерттеулер басқармасының басшысы (Астана, Қазақстан)

ҰЛТТЫҚ ҚАУІПСІЗДІКТІ ҚАМТАМАСЫЗ ЕТУ КОНТЕКСТІНДЕГІ АУҒАН ӘСКЕРІ

Қазіргі уақытта Ауғаныстаннан халықаралық коалиция әскерлерін шығару мәселесі саяси қайраткерлердің де, халықаралық қауымдастықтың да, сонымен бірге, бірқатар сапаршылардың да пікірталасын тудырып отыр. Таяу арада ауған әскері қандай болады, мемлекеттің ішкі және сыртқы қауіптеріне дербес түрде қарсы тұра ала ма?

Әлемнің кез келген мемлекетінде қарулы күштер егеменділік пен саяси тұрақтылықты сақтаудың кепілі болып табылатыны аксиома болып кетті. Ауғаныстан да тыс қалмады. Сол себепті, Ауғаныстанда және аймақта әскери-саяси жағдайды тұрақтандыруға деген халықаралық қауымдастықтың ортақ мүддесі Ауғаныстан Ислам Республикасының мемлекеттік егеменділігін қорғау атрибуты ретінде соғысқа даяр әрі дайын ұлттық әскерге тиесілі екенін түсінуге болады.

Соғысқа дайын, орталық билікке бейтарап қарулы күштерді құру егеменді Ауғаныстан үшін өмірлік маңызды мәселе әрі елді қалпына келтірудің өзектісі аспектісі болып табылады. Бұл міндетті шешу анағұрлым көп уақытты, қаражатты әрі жігерлікті талап етеді.

ТАИРОВ Р.А.

Candidate of Law Sciences, Head of the Strategic Research Center for Military and Strategic Studies (Astana, Kazakhstan)

AFGHAN ARMY IN NATIONAL SECURITY CONTEXT

At present time, the upcoming withdrawal of the international coalition troops from Afghanistan arouses a series of discussions with leaders, the international community and a number of experts. What will become the Afghan army in the nearest future? Will it be able to manage the internal and external threats to the state?

It has become axiomatic that the armed forces in any country are the guarantor of the sovereignty and political stability. And Afghanistan is not an exception. So it is quite understandable that

the general interest of the international community to stabilize the political and military situation in Afghanistan and the region is given, in general, and combat-ready battle-worthy army as a national security attributes of state sovereignty of the Islamic Republic of Afghanistan.

The creation of battle-worthy armed forces, which will be faithful to central government remains a vitally important issue of modern Afghanistan, one of the key aspects of reconstruction and state-building. And this requires considerable time, effort and money.

КАЙРАТ ТОХОНБАЙ

Шыңжан әлеуметтік ғылымдар академиясының Орталық Азия зерттеулер институты директорының орынбасары және кіші ғылыми қызметкері (Үрімші, Қытай)

ҚЫТАЙ-АУҒАНЫСТАН ГЕОСТРАТЕГИЯЛЫҚ ҚАРЫМ-ҚАТЫНАСТАРЫ

Қытай-ауған қарым-қатынасы біртіндеп қалыптасты, себебі, дипломатиялық қарым-қатынастар 1955 жылы орнатылған болатын. Кеңестік басып ену кезінде қытайлық үкімет ауған үкіметін мойындаған болатын. Ауғаныстан Қытайдың батысындағы маңызды көршілердің бірі, Ауғаныстан Қытайдың қауіпсіздігіне және стратегиялық мүдделері тікелей қатысы бар.

Автордың пікірінше, бүгінде Ауғаныстанға қатысты Қытай саясаты екі аспектен тұрады: бір жағынан, Қытайдың Ауғаныстанда әскери контингенті жоқ, екінші жағынан, Қытай өз саясатында экономикалық және әлеуметтік дамуға басымдық жасай отырып, ауған үкіметіне мемлекетті қайта қалпына келтіруге қолдау көрсетеді. Бірақ, бұл саясат әрі де енжар болып, жағдайға тікелей әсер етпейді. Тәжіктер, өзбектер және қырғыздар сияқты ауған этникалық топтары Қытайдың Шыңжанында да бар. Ортақ этникалық идентификация, діни наным-сенімдер, дәстүрлер және геосаяси жақындық және тарихи байланыстар диаспоралар үшін қытайлық-ауған шекарасының екі жағында да саяси, экономикалық, мәдени және діни өзара ықпал көрсете алады.

КАЙРАТ ТОХОНБАЙ

Заместитель директора и младший научный сотрудник Института исследований Центральной Азии, академии социальных наук Синьцзяня (Урумчи, Китай)

КИТАЙ-АФГАНИСТАН – ГЕО-СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Китайско-афганские отношения наладились постепенно, поскольку дипломатические отношения были установлены в 1955 году. Во время советского вторжения, китайское правительство признало афганское правительство. Афганистан является одним из важных соседей на западе Китая, и его политика в отношении Афганистана имеет прямое отношение к безопасности западного Китая и стратегическим интересам Китая в целом.

По мнению автора, политика Китая в отношении Афганистана в настоящее время состоит из двух аспектов: с одной стороны, в Афганистане отсутствует военный контингент Китая, а с другой стороны, Китай ставит акцент на экономическое и социальное развитие Афганистана, а также оказывает поддержку афганскому правительству в программах его реконструкции. Однако такая политика все еще является пассивной, не оказывая прямого влияния на ситуацию. Диаспоры афганских этнических групп, таких как таджики, узбеки и кыргызы, есть и в Синьцзяне Китая. Общая этническая идентичность, культура, религиозные верования, обычаи, исторические связи, оказывают взаимное политическое, экономическое, культурное и религиозное влияние на диаспоры по обе стороны китайско-афганской границы.

САРФРАЗ ХАН

Доктор, профессор, Пешавар университетінің Ресей, Қытай және Орталық Азия аймақтарын зерттеу орталығының директоры (Пешавар, Пәкістан)

ФЕДЕРАЛДЫ БАСҚАРУДАҒЫ ТАЙПАЛАР ТЕРРИТОРИЯСЫ МӘРТЕБЕСІНІҢ ЕРЕКШЕ ТАРИХЫ

Бұл мақала Тайпалар территориясын федералды басқару, оның адамдары, мәдениеті, саяси басқару жүйесі және ерекше конституциялық мәртебесі туралы баяндайды. Автордың

пікірінше, бұрынғы Британдық Үндістанның солтүстік-батыс аймағында (қазір Пәкістан) британдармен өздерінің осы аймақтағы және одан тыс империялық иеліктерін қорғау үшін «ерекше мәртебесі бар» Тайпалар территориясын федералды басқару құрылған.

Ерекше мәртебе салықта жеңілдіктер, артықшылықтар, тайпаға автономияны қамтамасыз ету қажет еді. Шын мәнінде, халықаралық одақтасардың мүдделерін орындауға бағытталған еді. Әлсіз дамыған тайпалардың өмірінде, адам құқықтарын қамтамасыз етуде маңызды орын алды. Ол заңсыз әрекеттерді (контрабанда тауарларын, есірткі, қару сату, шетел жауынгерлерін оқыту) тайпалық және діни дәстүрлер мен әдет-ғұрыптар үшін заңдастырған еді.

САРФРАЗ ХАН

Доктор, профессор, директор Центра исследований района, России, Китая и Центральной Азии, в Университете Пешавара (Пешавар, Пакистан)

ИСТОРИЯ ОСОБОГО СТАТУСА ТЕРРИТОРИИ ПЛЕМЕН ФЕДЕРАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Эта статья кратко знакомит с Территорией племен федерального управления (FATA), ее землей, людьми, культурой, системой политического управления и особым конституционным статусом. По мнению автора, на северо-западной окраине бывшей Британской Индии (ныне Пакистан), британцами была создана область с так называемым «особым статусом» – Территория племен федерального управления, с целью защиты своих имперских владений в этом районе и за его пределами.

По-видимому, особый статус предполагает предоставление льгот, привилегий и автономии племен. В действительности, в основном представляет интересы мощных внутренних организаций и еще более мощных международных союзников. Зона племен сыграла важную роль в поддержании слабобразвитых и лишенных основных прав человека племен. Она также санкционирует незаконную практику (торговля контрабандными товарами, наркотиками, оружием, поставка оружия, обучение и убежище иностранных боевиков), объявив ее законной во имя племенных / религиозных обычаев и традиций.

БОЙКО В.С.

Тарих ғылымдарының кандидаты, профессор, «Ресей және Шығыс» аймақтық зерттеулер орталығының директоры (Барнаул, Ресей)

XXI ҒАСЫРДЫҢ БІРІНШІ ОНЖЫЛДЫҒЫНДАҒЫ «РЕВОЛЮЦИЯДАН КЕЙІНГІ» АУҒАНЫСТАН ЖӘНЕ САРАПТАМАЛЫҚ ҚАУЫМДАСТЫҚ: АУҒАН МӘСЕЛЕСІНІҢ НЕГІЗГІ ҚОРЫТЫНДЫЛАРЫ ЖӘНЕ КЕЛЕШЕГІ»

2011 жыл – Ауғаныстанның жаңа тарихындағы өзіндік бір белес, бұл АҚШ бастамасымен халықаралық коалиция күштері он жыл бұрын исламис-талибтердің режимін жою бойынша «Мызғымас бостандық» операциясын бастағандықтан емес, сонымен бірге, Ауғаныстанның мемлекеттік-саяси тәуелсіздігін қалпына келтіруіне 100 жылдығына дәл осыншама уақыт қалды. 1921 жылы мемлекеттік төңкеріс нәтижесінде билік басына келген және үшінші ағылшын-ауған соғысы барысында егеменділікті қайтара алған осы елдің жетекшілері өз жеңісін Ұлыбритания және бірқатар көршілермен, оның ішінде Ресеймен мемлекетаралық келісімдермен бекітті.

Одан кейін Ауғаныстан бірнеше рет күрделі саяси күйзелістерден, яғни жаңа саяси төңкерістер, тіпті азаматтық соғыстарды басынан өткерді, бірақ, ел тағдырына және оның халқына сыртқы күштер анағұрлым күшті ықпал етті.

Осыған байланысты ғылыми-сараптамалық қауымдастықтың да көрқарасы мен рөлі, олардың бұқаралық және әскери және саяси шешімдерді қабылдайтын, өзі шиеленістің бір элементі болып табылатын топтар үшін берген бағалары үлкен қызығушылық туғызып отыр. Сараптамалық қауымдастық кейде сол топтың бір бөлігі бола отырып, әскери және басқа да операциялардың тікелей қатысушысы екенін мойындау қажет.

Кәсіби аугантанушылар мен қолданбалы бағыттағы сарапшылар алдында саясатты ғылыми-ақпараттық және кеңес берумен қамтамасыз етіп қана қоймай, ауған мәселесін оның дамуы, динамикасы, әрі қарай өрбуі тарапынан да ғылыми талдау қажеттілігі де бар. Бұл теоретикалық, әдістемелік және басқа да құралдарды толықтай пайдаланып, барлық жақтардың мүдделерін ескере отырып жүргізу ғана мүмкін.

Осы жағдай барлық мәртебелік және институционалдық сипатын ескере отырып, ғылыми сараптамалық қауымдастықты

(қазіргі заманғы Ауғаныстан және қоршаған ортасын зерттеуге бағытталған) зерттеудің дербес пәні әрі нысаны ретінде қарастыруға мүмкіндік береді.

БОЙКО В.С.

Candidate of Historical Sciences, Professor, Director of "Russia and the East" Center for Regional Studies (Barnaul, Russia)

"POST-REVOLUTIONARY" AFGHANISTAN AND EXPERT COMMUNITY IN FIRST DECADE OF XXI CENTURY: MAIN RESULTS AND PROSPECTS OF STUDYING AFGHAN PROBLEM

Year 2011 is a kind of milestone in the recent history of Afghanistan, and not just because that ten years ago the forces of the international coalition led by the U.S. launched "Operation Enduring Freedom" to eliminate the regime of militant Islamist Taliban. It is also the fact that just as much time remains before the centennial restoration of Afghanistan's government and political independence – in 1921 the new leaders of the country, came to power in a coup and managed to restore its sovereignty in the Third Anglo-Afghan War, secured their victory by signing a series of bilateral agreements with the United Kingdom and some neighbors, including Soviet Russia. Further, Afghanistan went through serious internal upheavals – new political upheaval and even civil war, but foreign forces continue to have a significant impact on the fate of the country and its people.

In this context, the position and the role of scientific and expert community arouses interest – its assessment, both for public and the community to take a direct political and military decisions – one of the elements of the conflict. In other words, it must be noted that the expert community is almost inevitably a part of it, i.e. it takes the position of the parties, and sometimes acts as a direct participant of the military and other operations. Meanwhile, a number of challenges face Afghanistan and professional Afghan experts, in addition to scientific information and consulting support of practical politics, there is also the problem of proper scientific analysis of the Afghan situation in terms of its origin, dynamics, and further development is possible only if the maximum allowance interests of all parties and the use of a maximum power of theoretical, methodological and other means.

This allows us to consider the scientific and expert community (in particular, the part that is oriented on modern Afghanistan and its surrounding), with all its attributes and institutions of the status, functional and other measures as completely separate subject and object of research.

КНЯЗЕВ А.А.

Тарих ғылымдарының докторы, профессор, Орталық Азия, Кавказ және Урал-Поволжье зерттеу орталығының аймақтық бағдарламалар координаторы, РФА Шығыстану институтының аға ғылыми қызметкері, Ресей географиялық қоғамының әрекет етуші мүшесі (Мәскеу, Ресей)

АУҒАНЫСТАН БӨЛІНІСІ «ҮЛКЕН ТАЯУ ШЫҒЫС» ЖОБАСЫНЫҢ БІР БӨЛІГІ РЕТІНДЕ: АЙМАҚТЫҚ ҚАУІПСІЗДІККЕ ӘСЕРІ

Автордың пікірінше, Ауғаныстанда және онымен іргелес аймақта орын алған жағдайды танымал «Үлкен Таяу Шығыс» жобасы тұрғысынан қарастырмауға еш негіз жоқ. «Араб көктемі» оқиғалары осы көзқарастың растығын дәлелдейді. Әлемдік тарих, әсіресе әлемнің негізгі аймақтарында өзінің табиғи сипатынан айырылды. Тарих жобалық сипатқа ие болды. Ауғаныстан да – бұл жоба. Бастапқыда танымал «Great Game» жобасында негізі салынған және қалыптасқан, ал 1990-2000 жылдардан бастап өз құрылымын өзгертіп, жаңа динамикаға ие болған, өзінің тарихы, дәстүрлері, жүзеге асыру заңдары бар ең ежелгі жобалардың бірі.

«Үлкен Пуштунстанды» құру танымал жоспары Ауғаныстан және іргелес елдер үшін «Үлкен Таяу Шығыс» жобасының маңызды құрамдас бөлігі болып табылады.

Ауғаныстандағы, Тәжікстандағы және Қырғызстандағы ахуалға жалпы талдау үш елдің бір шиеленістік аймаққа бірігуін болжауға мүмкіндік береді. Бұған Ауғаныстан мен Тәжікстан, Ауғаныстан мен Қырғызстан арасында мемлекеттік шекараны қорғау деңгейінің төмендігі дәлел болып отыр. Шиеленіс аймағының жақындағы міндетті түрде Өзбекстан мен Қазақстанға өз әсерін тигізеді. Оқиғалардың осылай дамуы шиеленіске Ресейдің, оның ішінде Ұжымдық қауіпсіздік шарты ұйымының тартылуына, барлық аймақта шиеленістің өрбуге және таралуына әкеледі. Оның жобалық емес, шынайы өлшемде «Үлкен Таяу Шығыстың» тұрақты қарулы қақтығысы жағдайына әкеліп соғады.

KNYZAEV A.A.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Coordinator of the regional programs of the Center for Central Asia, the Caucasus and Volga-Urals, a senior researcher at the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, member of the Russian Geographical Society (Moscow, Russia)

PARTITION OF AFGHANISTAN AS PART OF "GREATER MIDDLE EAST" PROJECT: PROJECTION ON REGIONAL SECURITY

According to the author, there is no reason to refuse to hear what is happening in Afghanistan and neighboring regions in light of famous "Greater Middle East" project. The events of the "Arab Spring" only underscore the legality of such an approach. World history, at least in the key regions of the world, finally lost its natural character. History has been designed. And Afghanistan is also a project - one of the oldest ones that has a history and tradition, and the rules of implementation incorporated and formatted originally within "Great Game"; since the turn of 1990-2000 they only changed structurally and acquired a new dynamism.

One of the main components of the "Greater Middle East Project" for Afghanistan and neighboring countries is a long-established plan to create a "Greater Pashtunistan."

The overall analysis of the situation in Afghanistan, Tajikistan and Kyrgyzstan allows to predict the likely consolidation of the three countries in a single conflict zone. This is only confirmed by the low level of protection of state borders between Afghanistan and Tajikistan, between Tajikistan and Kyrgyzstan. Undoubtedly, the proximity of the conflict zone necessarily has an impact on Uzbekistan and Kazakhstan. Such a development could result in participation of Russia in the conflict, particularly in the CSTO, which further leads to the growth and renewal of the conflict within the region. This, in turn, will make it no longer a project, but a very real dimension, often in a state of permanent "Greater Middle East" conflict.

KORGUN V.G.

Тарих ғылымдарының докторы, профессор, Ресей ғылымдар Академиясы Шығыстану институты Таяу және Орта Шығысты зерттеу орталығының Ауғанстан секторының меңгерушісі (Мәскеу, Ресей)

AUĞANYSTANNAŇ AŇŞ AŞKERLERİN ŞYFARU: MÄSELELERİ JÄNE ŞEŞİMĐERİ

Мақалада автор үкіметке қарсы күштерін, әскери базалардың келешек мәртебесін, АҚШ пен Ауғанстанның ұзақ мерзімді байланыстарын қарастырады.

Автордың пікірінше, АҚШ әскерінің Ауғанстаннан кетуі күрделі жағдайларда басталды. Жаппай жемқорлық, нашақорлық, ұйымдасқан қылмыс, жұмыссыздық – осының бәрі бүгінгі Ауғанстанның ажырамас бөлігі болып отыр.

Сонымен бірге, мақалада автор АҚШ-тың геостратегиялық, саяси, экономикалық мүдделерін қарастырады. Аймақта қалыптасқан жағдайды ескере отырып, АҚШ пен НАТО әскерлерін шығару бұл мәселелерін шешпейтінін, Ауғанстан мен олардың көршілеріне жаңа қауіптерін әкелетінін болжауға болады.

KORGUN V.G.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Center for the Study of Afghanistan and the Middle East Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

WITHDRAWAL OF U.S. FORCES FROM AFGHANISTAN: PROBLEMS AND SOLUTIONS

The author considers the anti-government forces, the future status of military bases, long-term contacts between the U.S. and Afghanistan.

According to the author, the U.S. military withdrawal from Afghanistan began in difficult circumstances. Massive corruption and drug trafficking, organized crime, unemployment - all this remains an integral part of today's Afghanistan.

And also in the article the author examines the geo-strategic, political and economic interests. Given the current situation in the region, it is believed that the withdrawal of the U.S. and NATO will not solve the problem and will only cause a series of new challenges to the security of Afghanistan and its neighbors.

ЛАЛЕТИН Ю.П.

Тарих ғылымдарының кандидаты, РФ Сыртқы істер министрлігінің Мәскеу халықаралық қатынастар мемлекеттік университетінің доценті, (Мәскеу, Ресей)

AUĞANYSTANDAҒЫ БАТЫСТЫҚ КОАЛИЦИЯ ҚАРСЫЛАСТАРЫ: ЭТНОСАЯСИ АСПЕКТ

Мақалада пуштундардың этнопсихологиялық ерекшеліктері, батырлық рухы, олардың ерлігі мен жауынгерлігі, ауғандардың қаруға табынушылығы мен намыстылығы қарастырылады. Қандай да болмасын тайпаның тұрғылықты мекен еткен жеріне ену, тіпті, бөтендердің жәй пайда болуының өзі жағымсыз реакция тудырады.

Автордың пікірінше, талибтердің, тайпаның қатардағы мүшелері мен хандарының мүдделері қабысады. Тайпалардың басым бөлігі үкіметке қолдау көрсетпейді. Бұл мақала осы жағдайда Ауғанстанға қосымша әскер жіберу емес, тіпті Ауған ұлттық әскер мен полициясын нығайту да емес, керісінше тайпалар мен олардың көсемдері арасында өзара әрекеттесуін дұрыстау тиімді екенін көрсетеді.

LALETIN YU.P.

Candidate of Historical sciences, Professor of the Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow, Russia)

WESTERN COALITION OPPONENTS IN AFGHANISTAN: ETHNO-POLITICAL DIMENSION

The article discusses the ethno-psychological peculiarities - proud Pashtun morale, their courage and militancy, the cult of weapons and honor of Afghans. Incurion into the zone of settlement of a tribe, or even the appearance of strangers there is a negative reaction. By the process of gaining power is conventionally divided into four stages.

The author believes that the interests of the Taliban are closed, the ordinary members of tribes and khans. More than half the tribes do not support the government. This article shows, in these circumstances, the most effective is not the direction of additional troops to Afghanistan and not so much to strengthen the Afghan National Army and police, how to establish a thin web of interactions with the tribes and their leaders.

ПЛАСТУН В.Н.

Тарих ғылымдарының докторы, Новосибирск мемлекеттік университетінің шығыстану кафедрасының профессоры (Новосибирск, Ресей)

ОРТАЛЫҚ АЗИЯ: АҚШ-ТЫҢ АУҒАНЫСТАНДА ҰЗАҚ МЕРЗІМДІ ҚАЛУ КЕЛЕШЕГІ

Ауғанстандағы АҚШ саясаты тым қымбатқа түсті, ал оның жемістері күмәнді деуге болады, себебі, оның ниеттері Құрама Штаттардың бюджетінің мүмкіншілігіне сәйкес келмейді. Мақалада автор БАҚ-да біртіндеп «исламдық» және «исламистік» деген сөздер жоғала бастады, яғни лаңкестікті нақтылы дінге байланыстырып қарастырудан бас тартқанын көрсетеді. Автордың пікірінше, ислам әлемін бақылау мүмкіншілігін иеленгендіктен АҚШ өз білгенінше «демократизацияның үшінші толқыны» және жаңа әлемдік тәртіпті құру барысын басқара алады. Автордың пікірінше, аймақта лаңкестік актілер ұлғайып келе жатқандықтан, АҚШ пен НАТО ұзақ мерзімді қалуына көну керек болады. Ал бұл өз алдына әскерлері жартылай шығарылып, тек әскери базалар қалғанына қарамастан, шиеленістің төмендеуіне емес, керісінше, өршуіне әкеліп соғады.

PLASTUN V.N.

Doctor of Historical Sciences, Professor of Oriental Studies of the Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

CENTRAL ASIA: PROSPECTS FOR LONG-TERM STAY IN AFGHANISTAN

The United States policy in IRA is too expensive, and its results seem questionable because the ideas are beyond the capacity of the budget for the United States. In this paper, they say that the notions "Islamic" or "Islamist" have almost disappeared from media, which is apparently supposed to mean rejection of the assessment of terrorism with reference to a specific religion.

"Having the ability to control the Islamic world, America will be able to manipulate its own pragmatic course of development of the "third wave of democratization" and the building of a new world order", the author writes. According to the author, the terrorist attacks in the region are gaining momentum that the region will have to put up with the continued presence of the U.S. and NATO. This, in turn, will contribute to the intensification of the situation, even if the troops are partially withdrawn from the country and only military bases function.

МАРЛЕН ЛАРИУЭЛЬ

Ph.D., EUCAM зерттеушісі және FRIDE ғылыми қызметкері, Еуропа, Ресей және Еуразия елдерін зерттеу институтының (ағылшынша – Institute for European, Russian and Eurasian Studies; IERES) және Вашингтон атындағы Халықаралық қатынастар мектебінің профессоры (Вашингтон, АҚШ)

АУҒАНЫСТАН КЕЛЕШЕГІНЕ ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ ҚАТЫСУЫ – ЕУРОПА НЕМЕН КӨМЕКТЕСЕ АЛАДЫ?

Автордың пікірінше, Ауғаныстандағы жағдай қауіпсіздіктің маңызды мәселесі, сол себепті, Еуроодақ және Орталық Азия елдері арасында ынтымақтастықты нығайту және белсенді пікірталастар үшін үлкен мүмкіндіктер ашады. Сонымен бірге, Еуроодақтың Орталық Азиямен қарым-қатынасы контекстінде Орталық Азияның аймақтың басқа елдерімен байланыстарын кеңейту қажет. Ауғаныстандағы қауіпсіздікті қолдау жөніндегі ұзақ мерзімді жоспарларға Орталық Азияны қатыстыруды ұлғайту керек. Мақалада автор Ауғаныстанмен ынтымақтастықты нығайтуға Орталық Азияны тарту тәсілдері қарастырылады. Автордың пікірінше, қауіпсіздікті қамтамасыз ету жөнінде Еуроодақтың күш-жігері Ауғаныстандағы жағдай тұрақтанған жағдайда осы елдердің ұлттық деңгейінде реформаларды жүргізумен қатар жүруі тиіс.

MARLENE LARUELLE

Ph.D., EUCAM Researcher, FRIDE Research Officer, Professor at the Institute for European, Russian and Eurasian Studies, IERES) and the School of International Relations, University of Washington (Washington, USA)

PARTICIPATION OF CENTRAL ASIA IN FUTURE OF AFGHANISTAN – HOW CAN EUROPE HELP?

The report states: "The situation in Afghanistan is a very important security issue representing a mutual interest, and this opens up opportunities for more active discussion and deepening cooperation between the EU and Central Asia" and, moreover, that "the EU-Central Asia relations should include the growing links with other Asian countries in the region". This is the need to involve Central Asia to the long-term plan to maintain security in Afghanistan. The paper discusses ways to involve the countries of Central Asia in a more constructive cooperation with Afghanistan and strengthening economic presence. The author believes the EU's efforts to ensure safety in case of an escalation of the situation in Afghanistan must be accompanied by work to promote reform at the national level in these countries.

МАЙТДИНОВА Г.М.

Тарих ғылымдарының докторы, Ресей-Тәжікстан Славян университеті халықаралық қатынастар тарихы мен теориясы кафедрасының профессоры (Душанбе, Тәжікстан)

АУҒАН МӘСЕЛЕСІН САЯСИ РЕТТЕУДЕГІ ШЕКАРАЛАС МЕМЛЕКЕТТЕРДІҢ РӨЛІ

Мақалада автор елдің геосаяси шынайылығын ескере отырып, ауған мәселесін бейбіт жолмен шешудегі жұмысты нығайту және саяси реттеудегі шекаралас мемлекеттердің рөлін қарастырады.

Автор Орталық Азияда орналасқан мемлекеттердің мүдделерін жүзеге асыру үшін шаралар қолданылуы қажет. Мақалада Ауғаныстанды дамытудың кешенді жоспарын құру және жүзеге асыру жөнінде ерекше ұсыныстар көрсетілген. Автордың пікірінше, елдің әрі қарай дамуы үшін Ауғаныстан саяси жүйесінің құрылымының қандай болатынын шешкен жөн, сонымен бірге, ауған мәселесін реттеуге барлық мүдделі акторлардың кешенді ынтымақтастығы «ауған түйінін» шешіп, аймақта тұрақтылық қамтамасыз етеді.

МАЙТДИНОВА Г.М.

Doctor of Historical Sciences, Professor of History and Theory of International Relations of the Russian-Tajik Slavonic University (Dushanbe, Tajikistan)

THE ROLE OF NEIGHBORING COUNTRIES IN POLITICAL SETTLEMENT OF AFGHAN PROBLEM

In this article the author examines the role of neighboring countries in a political settlement and the intensification of work for a peaceful settlement of the Afghan problem within the current geo-political realities of the country. The author points out the need to consider and take action to promote the interests of states in Central Asia. The article presents an interesting proposal to develop and implement a comprehensive plan for the development of Afghanistan. According to the author, all-round cooperation only of all parties concerned in Afghan problem regulation will allow untying the Afghan knot and ensuring stability in the region.

СТОЛПОВСКИЙ О.А.

Тәуелсіз әскери сарапшы (Ташкент, Өзбекстан)

АУҒАНЫСТАНДА ТРАНСПОРТТЫҚ КОММУНИКАЦИЯНЫ ДАМУҒА ӨЗБЕКСТАННЫҢ ҚАТЫСУ МӘСЕЛЕСІ ЖӘНЕ КЕЛЕШЕГІ

Мақалада Ауғаныстанда транспорттық коммуникацияны дамытуға Өзбекстанның қатысу мәселелері және келешегі қарастырылады. Еуразиялық континент ішінде Орталық Азияның географиялық шектелуі және теңіз коммуникациясынан алшақтығы Өзбекстан Республикасының ұлттық экономикасының дамуы үшін шынайы қиындықтар туғызады. Автордың пікірінше, Өзбекстан үшін осы теңіз порттарына деген Ауғаныстан арқылы Қара теңіз және Балтық теңіздеріне деген жол бағытын қысқартар еді. Трансауғандық транспорт коридорын құру мақсатында Ауғаныстан территориясында транспорттық жобаларды жүзеге асыру Ауғаныстанның транзиттік мүмкіншілігін ұлғайтып, әлемдегі ең кедей мемлекеттің біртіндеп қайта қалпына келуінің негізгі қозғаушы күші болар еді. Бұл мақала саяси және экономикалық дивидендтермен жағдайды қалпына келтіру жөнінде әрекет ететін механизмдерді қалыптастыруда республиканың маңызды рөлін иелену мүмкіншілігін көрсетеді.

STOLPOVSKII O.A.

Independent military expert (Tashkent, Uzbekistan)

PROBLEMS AND PROSPECTS OF UZBEKISTAN'S PARTICIPATION IN AFGHANISTAN TRANSPORT COMMUNICATIONS DEVELOPMENT

The article discusses the problems and prospects of Uzbekistan's participation in the development of transport communications in Afghanistan. Landlocked Central Asian countries within the Eurasian continent and the remoteness of the region from the sea lanes created and create real difficulties for the growth of the national economy of the Republic of Uzbekistan. According to the author, the route through Afghanistan to these ports will be shorter for Uzbekistan than those routes used towards the ports of the Black Sea and the Baltic Sea. The implementation of transport projects in the territory of Afghanistan aimed at creation of a trans-Afghan transport corridor will significantly raise Afghanistan's transit potential and can serve as an engine of gradual rehabilitation of one of the poorest countries of the world. This article shows the possibility of taking an important role by Afghanistan in shaping an effective mechanism for the normalization of political and economic dividends.

РАКИШЕВА Б.И.

Әлеуметтану ғылымдарының кандидаты, «ЦЕССИ-Қазақстан» Салыстырмалы әлеуметтік зерттеулер институтының директоры (Астана, Қазақстан)

МАРЛЕН ЛАРИУЭЛЬ

Ph.D., EUCAM зерттеушісі және FRIDE ғылыми қызметкері, Еуропа, Ресей және Еуразия елдерін зерттеу институтының және Вашингтон атындағы Халықаралық қатынастар мектебінің профессоры (Вашингтон, АҚШ)

УСПАНОВ М.М.

Әлеуметтік-саяси зерттеулер институтының сарапшы-аналитигі (Астана, Қазақстан)

ШАЛОВА Г.

Әлеуметтану магистрі, Әлеуметтік-саяси зерттеулер институтының ғылыми қызметкері (Астана, Қазақстан)

1979-1989 ЖЫЛДАРДАҒЫ АУҒАН СОҒЫСЫН КӨЗІМЕН КӨРГЕНДЕР (ORAL HISTORY): ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҒЫЛЫМИ ЗЕРТТЕУ ӘДІСНАМАСЫ

1979-1989 жылдардағы ауған соғысы – осы елдің территориясында кеңестік әскерлердің орналасуымен белгілі болған Ауғаныстандағы азаматтық соғыс кезеңдерінің бірінің атауы. Бұл шиеленісте, бір жағынан, Ауғаныстан үкіметінің Қарулы күштері, екінші жағынан – әскери оппозиция (моджахедтер) қатысты. Ауғаныстан территориясына саяси бақылау үшін күрес 10 жылға таяу созылды.

Осы қайғылы оқиғаларды есте сақтау үшін бірқатар американдық және қазақстандық ғалымдар мен сарапшылар «1979-1989 жылдардағы ауған соғысын көзімен көргендер [Oral history]» атты үлкен жобада жұмыс істеу үшін өз күш-жігерлерін біріктірді.

Жоба мақсаты – 1979-1989 жылдары Ауған соғысына тікелей қатысқан Орталық Азия елдерінен шыққан жауынгер-интернационалистерден осы соғыс туралы ақпарат жинау. Жауынгер-интернационалистермен сұхбаттары бар кітап жоба нәтижесі болады.

Бүгінде Қазақстанда 20 сұхбат жүргізілген. Сонымен бірге, кеңестік-ауған соғысына қатысқан Орталық Азия елдерінен шыққан ардагерлердің өмірін зерттеу жөніндегі жобаның бір бөлігі негізінде деректі фильм түсірілді. Фильм осы оқиға қатысушыларының сұхбаттарына сүйеніп жасалды. Бірінші кезекте, «ауызша тарих» әдістемесі бойынша түсірілген деректі фильм сол соғысқа 18 жаста шақырылған құрбылары-солдаттарының ауыр әскери тағдырымен таныстыру үшін қазіргі заманғы жастарға арналған.

Бұл жоба ауызша тарих және естеліктерді зерттеу Орталық Азия аймағы үшін жаңа зерттеу алаңы болып табылады, сол себепті, кеңестік іс-шараларға қатысқан барлық акторлардың дүниетанымын түсіну үшін оны дамыту қажет. Бұрынғы кеңестік азаматтардың естеліктеріне негізделіп, КСРО туралы ақпарат жинау үшін бұл соңғы жылдар болуы мүмкін.

Мақалада деректі фильм негізі болған жауынгер-интернационалистермен жүргізілген сұхбаттардан үзінділер келтірілген.

«1979-1989 жылдардағы ауған соғысын көзімен көргендер [Oral history]» халықаралық жобасының жұмыстыбы ең алдымен, Орталық Азия елдерінен сарапшыларды, зерттеушілерді бірлескен жұмыс үшін ынтымақтастыққа шақырады.

RAKISHEVA B. I.

Candidate of Social Sciences, Director of the Institute for Comparative Social Research CESSI-Kazakhstan (Astana, Kazakhstan)

MARLENE LARUELLE

Professor, Ph.D., a researcher and a fellow EUCAM FRIDE, professor at the Institute for the Study of European, Russian and Eurasian Studies and the School of International Relations, University of Washington (Washington, USA)

USPANOV M. M.

Expert-analyst of the Institute of Social and Political Studies (Astana, Kazakhstan)

SHALOVA G.

Master of Sociology, researcher at the Institute of Social and Political Studies (Astana, Kazakhstan)

EYEWITNESS TO AFGHAN WAR 1979-1989. ORAL HISTORY: METHODOLOGY OF INTERNATIONAL RESEARCH

Afghan War 1979-1989. - The name of one of the stages of the civil war in Afghanistan, which was marked by the presence on its territory of the military contingent of the Soviet troops. This conflict involved the armed forces of the government of Afghanistan - on the one hand and the armed opposition [Mujahedeen] - on the other. The fight was aimed at taking full political control over Afghanistan for about 10 years.

To preserve the memory of these tragic days a number of American and Kazakh scientists and experts have come together to work on a large "Eyewitness to Afghan War 1979-1989. Oral history" project.

The objective of the project is to gather information about the Afghan war in 1979-1989 from the direct participants – warrior-internationalists from Central Asia. The project will result in a release of a book with interviews with former soldiers-internationalists. More than 20 interviews have been conducted in Kazakhstan to date. In addition, a documentary film was shot which is the first part of the project on studying the lives of veterans from the Central Asian countries, who participated in the Soviet-Afghan war. The film is based on the stories of the participants in these events. First of all, a documentary film based on the method of "oral history", is addressed to the youth of today to discover the fate of their heavy military peer-soldiers, who were called to the war at the age of 18.

This project is based on the idea that oral history and the study of memory is a new research field for the Central Asian region, which must be developed if we want to understand the worldview of all the actors who participated in the Soviet experience. These may be the recent years for gathering data about the USSR based on the memories of the former Soviet Union residents.

The article is an excerpt from an interview with soldiers-internationalists, which underlay this documentary film.

The working group of the "Eyewitness to Afghan War 1979-1989. Oral History" project is looking for experts, researchers, primarily from Central Asian countries to work together.

АВТОРЛАР ҮШІН АҚПАРАТ

Мақаланы жазған кезінде келесі талаптарды ұстануыңызды сұраймыз:

1. Қазақ, орыс немесе ағылшын тілдеріндегі 10-12 беттік мәтін 14 кегілмен, бір интервалда «Times New Roman» қаріпімен теріліп, Word for Windows пішімінде сақталуға тиіс.
2. Мақаланы жазған кезде мына тұрғыдағы талаптарды ұстануды сұраймыз:
 - *Автордың аты-жөні*
 - *Жұмыс орны, лауазымы*
 - *Ғылыми дәрежесі, ғылыми атағы*
 - *Мақаланың аты (жол ортасында, нүктесіз жазылады)*
 - *Мақаланың мәтіні*
 - *Байланыс телефондары, факс, электрондық адрес.*
3. Пайдаланған әдебиеттерге сілтемені әр бетте тікбұрышты жақшада көрсетуін сұраймыз. Автор өз мақаласында қолданған дәйексөздер, сан немесе басқа да қолданған ақпараттарға сілтеме көрсетуі тиіс. Аббревиатуралар түсіндірілуін сұраймыз.
4. Мақала электронды түрде қабылданады.
5. Мақалаларға орыс және ағылшын тілдерінде түйіндемелер болуы қажет. Түйіндеменің көлемі 250-300 сөзден жазылады.
6. Редакцияның мақалаларды іріктеп алуға және авторға ескерте отырып редакторлық түзету енгізуге құқы бар.

Мақалалар журналдың электронды адресіне **ir@ispr.kz, ispr@ispr.kz** жіберіледі.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

При оформлении статьи просим соблюдать следующие правила:

1. Текст объемом 10-12 страниц на казахском, русском или английском языках набирается 14 кеглем, одинарным интервалом, шрифт «Times New Roman» и сохранен в формате Word for Windows.
2. При написании статьи просьба привести:
 - *Ф.И.О. автора;*
 - *Официальное место работы и должность;*
 - *Ученая степень, ученое звание;*
 - *Название статьи (прописными буквами в середине строки, без точки);*
 - *Текст статьи;*
 - *Номера контактных телефонов, факса, адрес электронной почты*
3. Сноски на литературные источники просим указывать в квадратных скобках постранично. Необходимо указать источники всех приводимых в статье цитат, цифр и иной информации. Аббревиатуры просьба пояснить.
4. Статьи предоставляются в электронной версии.
5. Необходимо наличие резюме статьи на русском и английском языках. Количество слов в резюме 250-300.
6. Редакция оставляет за собой право отбора статей и внесения редакторских правок с обязательным информированием об этом автора.

Статьи высылаются на электронный адрес редакции журнала: **ir@ispr.kz, ispr@ispr.kz**

INFORMATION FOR FUTURE AUTHORS

The articles should meet the following requirements:

1. A text of 10-12 pages in the Kazakh, Russian or English languages should be typed in point size 14, single-spaced, font «Times New Roman» and saved in the format of Word for Windows.
2. Writing an article please give:
 - *An author's full name;*
 - *Official work place and position;*
 - *Academic degree and title;*
 - *Title of an article (in capital letters in the middle of the line, without a point);*
 - *A text of the article;*
 - *Telephone number, fax and e-mail*
3. References to literary sources in a text should be put in square brackets by the page. It is necessary to name sources of all quotations, figures and other information cited in an article. Please explain abbreviations.
4. Articles should be represented in electronic version.
5. Articles should have an abstract in Russian and English limited by 250-300 words.
6. The publisher reserves the right to select and edit articles and would inform authors about corrections made.

Articles should be sent to the e-mail account of the magazine staff: **ir@ispr.kz, ispr@ispr.kz**

ҚҰРМЕТТІ ОҚЫРМАН!

Журналға жазылу жөнінде ақпаратты мына **www.ispr.kz** сайтынан немесе **+7 (7172) 457 003, 457 002** телефондары бойынша алуға болады.

DEAR READERS!

The subscription information can be found on the website: **www.ispr.kz** or by phone **+7 (7172) 457 003, 457 002**

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Информацию по подписке на журнал можно получить на сайте **www.ispr.kz** или по телефонам.: **+7 (7172) 457 003, 457 002**

«Ауғаныстан алауынан естелік» деректі фильмі «1979-1989 жылдардағы ауған соғысын көзімен көргендер (Oral history)» жобасы барысында түсірілді.

Жоба мақсаты - 1979-1989 жылдары Ауған соғысына тікелей қатысқан жауынгер-интернационалистерден осы соғыс туралы ақпарат жинау.

Фильм онжылдық соғыс барысында Ауғаныстанда әскери әрекетіне тікелей қатысқан Қазақстан жауынгер-интернационалистерімен жүргізілген сұхбатқа негізделген. Фильмде жауынгер-интернационалистердің жеке мұрағатынан, осы фильм авторларының қазіргі түсірген көріністері пайдаланылған.

Жобаның ғылыми кеңесшісі: Марлен Ларюэль
Жоба жетекшісі: Рақышева Ботагөз, Успанов Мұрат
Жоба координаторы-режиссер: Шалова Гүлден
Жұмыс тобы: Ахатова Дамира, Ахметжанова Найля, Мәжітова Айнұр, Архаева Алма, Емишева Гүлден, Жанбурчинова Дамиля, Руднева Евгения, Успанов Алпысбек

Фильмді дайындаған: Емишев Жігер

Сарапшы: Азиз Арианфар (Германиядағы Ауғаныстан орталығының басшысы, Қазақстандағы Ауғаныстанның экс-елшісі)

The documentary film "The Memory of Afghanistan Flame" was shot within the "Eyewitness to Afghan War 1979-1989. Oral History" project.

The objective of the project is to gather information about the Afghan war from its direct participants – warriors-internationalists.

The film is based on interviews taken from international soldiers from Kazakhstan, who took part in the hostilities in Afghanistan during the decade of the war. The film uses material from private archives of international soldiers, as well as contemporary authors shooting this film.

Scientific Advisor: Marlene Laruelle

Project managers: Botagoz Rakisheva, Murat Uspanov

Project Coordinator, Director: Gulden Shalova

Working Group: Damira Akhatova, Nailya Ahmetzhanova, Ainur Mazhitova, Alma Arkhaeva, Gulden Emisheva, Damiya Zhanburchinova, Evgeniya Rudneva, Alpysbek Uspanov

Montage by: Zhiger Emishev

Expert: Aziz Arianfar (Head of the Center for Afghanistan Studies in Germany, ex-Ambassador of Afghanistan to Kazakhstan)

Документальный фильм «Память из пламени Афганистана» снят в ходе Проекта «Афганская война 1979-1989 гг. глазами очевидцев (Oral history)».

Задача проекта – сбор информации об Афганской войне от непосредственных участников процесса – воинов-интернационалистов.

Фильм основан на интервью воинов-интернационалистов из Казахстана, принявших непосредственное участие в военных действиях в Афганистане в ходе десятилетней войны. В фильме использовались материалы из частных архивов воинов-интернационалистов, а также современные съемки авторов этого фильма.

Научный консультант проекта: Марлен Ларюэль

Руководители проекта: Ракишева Ботагөз, Успанов Мурат

Координатор проекта-режиссер: Шалова Гүлден

Рабочая группа: Ахатова Дамира, Ахметжанова Найля, Мажитова Айнур, Архаева Алма, Емишева Гүлден, Жанбурчинова Дамиля, Руднева Евгения, Успанов Алпысбек

Подготовка фильма: Емишев Жігер

Эксперт: Азиз Арианфар (Глава Центра Афганистана в Германии, экс-посол Афганистана в Казахстане)

Әлеуметтік-Саяси Зерттеулер Институты
Institute for Socio-Political Research
Институт Социально-Политических Исследований

www.ispr.kz

www.centralasiaprogram.org

INTERNATIONAL MEDIATION CENTER

International Mediation Center was established with the support of the Assembly of People of Kazakhstan at the Institute for Socio-Political Research.

Basic aim of the Centre is the development of mediation in the inter-ethnic relations in Kazakhstan.

Scientific consultants - International mediators:
Professor **Tatiana Dronzina** (Sofia, Bulgaria)
Professor **Antonio Lozano** (Granada, Spain)

PROJECTS OF THE CENTER:

International Summer School on «Mediation in inter-ethnic relations» (Bulgaria, Pomorie, 15-26 of July 2012).

It is carried out under the auspices of the Assembly of People of Kazakhstan, the National Assembly of the Republic of Bulgaria.

Organizers: Fund «Evropartnery 2007» (Bulgaria) and Institute for Socio-Political Research (Kazakhstan).

School lecturers: international experts – mediators from Kazakhstan, Bulgaria, Spain and Italy.

DISTANCE LEARNING COURSES

The training will be performed remotely by softer «Virtual room» and distance learning platform Moodle. Interactive methods will be used as an analysis of specific incidents, group discussions, presentations, audio and video analysis. The duration of one course is 30 hours (15 hours of lecturing and 15 hours of individual work with the participants). Lecturers: international experts – mediators from Bulgaria, Spain and Italy.

There are three learning courses:

1 course - "**Ethnic Conflicts**".

Lecturer – Professor Tatiana Dronzina, Sofia University (Sofia, Bulgaria);

2 course - "**Mediation as a tool for managing conflicts**".

Lecturer – Professor Antonio Lozano (Granada, Spain);

3 course - "**Religious Conflicts**".

Lecturer – Professor Kamen Velichkov (Sofia, Bulgaria)

For more information, please contact Shalova Gulden - Centre Coordinator, Master of Social Sciences (**gulden.shalova@ispr.kz, mob. +7 702 439 13 63**) and Kapalbaeva Asel - Project Coordinator (**assel.kapalbaeva@ispr.kz, mob.: +7 702 912 32 94**).

See **www.ispr.kz** for more information
Tel./Fax: +7 (7172) 457 002, 457 003

ИНСТИТУТ
СРАВНИТЕЛЬНЫХ
СОЦИАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ЦЕССИ-КАЗАХСТАН

Изучение общественного мнения и маркетинговые исследования в Казахстане и странах Центральной Азии

Ракишева Ботагоз Ислямовна –
директор Института сравнительных
социальных исследований ЦЕССИ-Казахстан,
кандидат социологических наук

Республика Казахстан
010000 г. Астана
пр. Абая 86 (30), офис 1
Тел/факс: +7 (7172) 32-78-52
e-mail: cessi_kazakhstan@cessi.kz
<http://www.cessi.kz>

Әлеуметтік-Саяси Зерттеулер Институты
Institute for Socio-Political Research
Институт Социально-Политических Исследований

ISSN 2224-0276

9 772224 027002

Institute for Socio-Political Research (ISPR-Kazakhstan)

ISPR is a dynamically developing research company which focuses on quality analysis of the socio-political processes in Kazakhstan and abroad. The main activities are based on fundamental scientific and applied studies, analytical and expert work.

ISPR Key Areas of Work

- Comprehensive analysis of interethnic and interconfessional situation
- International comparative studies
- Cross studies
- Integrated sociological research
- System analysis of political situation
- Electoral studies, exit-pool
- Rating of political leaders and parties
- Studying and creating image of politicians

The Institute for Socio-Political Research publishes a research magazine «INTERNATIONAL RESEARCH. Society. Politics. Economics». The magazine priority is to highlight current social issues. The magazine focuses on results of the research projects conducted in the CIS countries as well as all over the world.

Consulting support for the magazine is provided by famous and outstanding scientists and experts from Bulgaria, United Kingdom, Germany, India, Kazakhstan, China, Lithuania, Poland, Russia, U.S.A., Tajikistan, Turkey, Finland, South Korea, Japan – they are the members of the magazine Editorial Board.

Subscription index: 74270

Editor-in-Chief – Svetlana Kozhirova, Doctor of Political Sciences

Email: svetlana.kozhirova@ispr.kz

Contact information

010000

Astana, Kazakhstan

Tel./fax:

+7(7172) 457 002

457 003

Email:

bota.rakisheva@ispr.kz

Botagoz Rakisheva –

Program Director

Candidate of Sociological

Sciences

evgeniya.rudneva@ispr.kz

Yevgeniya Rudneva –

Deputy Editor-in-chief

Master of Sociology

www.ispr.kz

ispr@ispr.kz

ir@ispr.kz